

W $\frac{11}{66}$
7-8

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

NOTICE

GOVERNMENT

BY

9

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VII и VIII.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

РИЗНОВО

АНГЛИЯ

ИСТОРИ

ОТЪЗВАНЕ НА

ТОМА

2007041105

Цена за 10 томовъ 10 рубл. сер.

1881

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ИСТОРИЯ

РОССІИ СЪ 1725 Г. ДО НАСЪ

ТОМЪ VII
ПЕЧАТНО

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ЛЮДОВИГЪ ЛАВРОВЪ

2007041108

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ РЕВОЛЮЦІОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМЪ

1855

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

ГЛАВА I.

Государь Великій Князь Василій
Іоанновичъ.

Г. 1505—1509.

Тѣсное заключеніе и смерть Іоаннова внука, Дмитрія. Общій характеръ Василіева правленія. Посольство въ Тавриду. Царевичъ Казанскій принимаетъ Вѣру нашу и женится на сестрѣ Великаго Князя. Походъ на Казань. Дѣла Литовскія. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ. Миръ. Союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Освобожденіе Летифа. Неудовольствія нашего Посла въ Тавридѣ. Мирный договоръ съ Ливонією. Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности.

Василій пріямъ державу отца, но безъ г. 1505-
всякихъ священныхъ обрядовъ, которые 1509.
напомнили бы Россіянамъ о злополучномъ
Димитріи, пышно вѣнчанномъ и свержен- Смерть
номъ съ престола въ темницу ⁽¹⁾. Василій Димит-
рія.

не хотѣлъ быть великодушнымъ : ненавидя племянника, помня дни его счастья и своего униженія, онъ безжалостно осудилъ сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрылъ отъ людей, отъ свѣта солнечнаго въ тѣсной, мрачной палатѣ ⁽²⁾. Изнуряемый горестію, скукою празднаго уединенія, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, безъ отрады, безъ надежды въ лѣтахъ цвѣтущихъ, Димитрій преставился въ 1509 году, бывъ одною изъ умилительныхъ жертвъ лютѣйшей Политики, оплакиваемыхъ добрыми сердцами и находящихъ мстителя развѣ въ другомъ мірѣ ⁽³⁾. Смерть возвратила Димитрію права Царскія : Россія увидѣла его лежащаго на великолѣпномъ одрѣ, торжественно отпѣваемого въ новомъ храмѣ Св. Михаила и преданнаго землѣ подлѣ гроба родителей.

Завѣщаніе, писанное симъ Княземъ въ присутствіи Духовника и Боярина, Князя Хованскаго, свидѣтельствуется, что онъ и въ самой темницѣ имѣлъ казну, деньги, множество драгоценныхъ вещей, отчасти данныхъ ему Василіемъ, какъ бы въ замѣну престола и свободы, у него похищенныхъ. Исчисливъ все свое состояніе, жемчугъ, золото, серебро (вѣсомъ болѣе десяти пудъ), Димитрій не располагаетъ ничѣмъ, а желаетъ единственно, чтобы нѣкоторые изъ его земель были отданы монастырямъ, всѣ крѣпостные слуги освобождены, вольные прирѣчны, купленные имъ деревни возвращены безденежно прежнимъ владѣльцамъ, долговыя за-

писи уничтожены, и просить о томъ Великаго Князя безъ униженія и гордости, повинуюсь судьбѣ, но не забывая своихъ правъ (4).

Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи подобно отцу ревнителемъ Самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ Политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшилъ важныя дѣла въ Совѣтѣ Бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Іоанновыхъ; ихъ мнѣніемъ утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ Монархической власти (5), но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не страшась войны, и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастіемъ, болѣе опасною для враговъ хитростію (6); не унижилъ Россіи, даже возвеличилъ оную, и послѣ Іоанна еще казался достойнымъ Са-
державія.

Общій
харак-
теръ
Васи-
ліева
правле-
нія.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василій нетерпѣливо желалъ возобновить его: увѣдомилъ Хана о кончинѣ родителя и требовалъ отъ него новой *Шертной* или клятвенной грамоты. Менгли-Гирей прислалъ ее съ двумя своими Вельможами: Бояре Московскіе нашли, что она не такъ писана, какъ данная имъ Іоан-

Г. 1505.
Посоль-
ство въ
Таври-
ду.

ну, и предложили иную. Послы скрѣпили оную печатями, а Великій Князь отправилъ знатнаго Околыничаго, Константина Заболоцкаго, въ Тавриду, чтобы удостовѣриться въ искренней дружбѣ Хаана и взять съ него присягу (?).

Царевичъ
Казан-
скій
прини-
маетъ
вѣру
и
женит-
ся на
сестрѣ
Велика-
го Кня-
зя.

г. 1506.

Походъ
на Ка-
зань.

Измѣна Царя Казанскаго требовала ме-
сти. Въ сіе время братъ Алегамовъ, Царе-
вичъ Куйдакуръ, будучи нашимъ плѣнни-
комъ, изъявилъ желаніе принять Вѣру
Христіанскую. Опъ жилъ въ Ростовѣ, въ
домѣ Архіепископа: Государь велѣлъ ему
пріѣхать въ Москву; нашелъ въ немъ лю-
безныя свойства, умъ, доброе нравіе и рев-
ность къ познанію истиннаго Бога ⁽⁸⁾. Его
окрестили торжественно, на Москвѣ-рѣкѣ,
въ присутствіи всего Двора; назвали Пе-
тромъ и черезъ мѣсяць удостоили чести
быть зятемъ Государевымъ: Великій Князь
выдалъ за него сестру свою, Евдокію, и
симъ брачнымъ союзомъ какъ бы давъ се-
бѣ новое право располагать жребіемъ Ка-
зани, началъ готовиться къ войнѣ съ нею.
Димитрій, Васиіевъ братъ, предводитель-
ствовалъ ратію, судовою и конною, съ Вос-
водами Осодоромъ Бѣльскимъ, Шеиномъ,
Княземъ Александромъ Ростовскимъ, Па-
лецкимъ, Курбскимъ и другими ⁽⁹⁾. 22 Мая
пѣхота Россійская вышла на берегъ близъ
Казани. День былъ жаркой: утомленные
воины сразились съ непріятельскими тол-

нами передъ городомъ и тѣснили ихъ; но конница Татарская заѣхала имъ въ тылъ, отрѣзала отъ судовъ и сильнымъ ударомъ смѣшала Россіянъ. Множество пало, утонуло въ Цоганомъ озерѣ или отдалось въ плѣнъ; другіе открыли себѣ путь къ судамъ, и ждали конвой рати: она пришла; но Государь, свѣдавъ о первой неудачѣ и въ тотъ же день выславъ Князя Василія Холмскаго съ новыми полками къ Казани, не велѣлъ Дмитрію до ихъ прибытія тревожить города. Дмитрій ослухался, и посрамилъ себя еще болѣе. Время славной ярмонки Казанской приближалось: Магметъ-Аминь, величаясь побѣдою, и думая, что Россіяне уже далеко, 22 Іюня веселился съ Князьями своими на лугу Арскомъ, гдѣ стояло болѣе тысячи шатровъ; купцы иноземные раскладывали товары, народъ гулялъ, жены сидѣли подъ тѣнію наметовъ, дѣти играли. Вдругъ явился полки Московскіе: «они какъ съ небѣ упали на Казанцевъ,» говоритъ Лѣтописецъ: топтали ихъ, рѣзали, гнали въ городъ; бѣгущіе давили другъ друга и задыхались въ тѣспотѣ улицъ. Россіяне могли бы легко взять Казань приступомъ: она сдалась бы имъ чрезъ пять или шесть дней; но утомленные побѣдители хотѣли отдохнуть въ шатрахъ: увидѣли тамъ яства, напитки, множество вещей драгоцѣнныхъ, и забыли войну; начался пиръ и грабежъ: ночь прекратила оныя, утро возобновило. Бояре, чиновники пѣжились подъ Царскими наметами, любовались симъ зрѣлищемъ и хвалились, что

они ровно черезъ годъ отмстили Казанцамъ убіеніе нашихъ купцевъ; войны пили и шумѣли; стража дремала. Но Магметъ-Аминъ бодрствовалъ въ высокой стрѣльницѣ: смотрѣлъ на ликованіе безнечныхъ непріятелей, и готовилъ имъ месть за месть, внезапность за внезапность. 25 Іюня, скоро по восходѣ солнца, 20,000 конныхъ и 30,000 пѣшихъ ратниковъ высыпало изъ города и съ крикомъ устремилось на Россіянъ полусонныхъ, которыхъ было вдвое болѣе числомъ, но которые въ смятеніи бѣжали къ судамъ, какъ стадо овецъ, въ слѣдъ за Воеводами, безъ устройства, безъ оружія ⁽¹⁰⁾. Лугъ Арскій взмокъ отъ ихъ крови и покрылся трупами. Князь Курбскій, Палецкій, лишились жизни: Воевода Шениъ остался плѣнникомъ; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою битвою загладить свою оплошность и робость: никто не мыслилъ о томъ; въ безпамятствѣ ужаса кидались на суда, отрѣзывали якоря; спѣшили удалиться. Одна копейца Московская подъ начальствомъ Федора Мпхайловича Киселева и нашего служиваго Царевича Зедена, Нордоулатова сына ⁽¹¹⁾, оказала нѣкоторую смѣлость: шла сухимъ путемъ къ Мурому, и въ 40 верстахъ отъ Суры настиженная Казанцами, отразила ихъ мужественно. Въ войскѣ у Дмитрія находилось нѣсколько иноземцевъ съ огнестрѣльнымъ снарядомъ: только одинъ изъ нихъ привезъ свои пушки въ Москву. Товарищи его явились вмѣстѣ съ нимъ къ Государю, который,

принявъ другихъ милостиво , сказалъ ему гнѣвно : «Ты берегъ снарядъ , а не берегъ себя : знай же , что люди искусные миѣ «дороже пушекъ» ⁽¹²⁾! Васплій не наказалъ Воеводу изъ уваженія къ брату, главному Полководцу, слѣдственно и главному виновнику сего бѣдствія; но Дмитрій съ того времени уже не бывалъ никогда начальникомъ рати.

Такимъ образомъ и Васиіево государство , подобно Іоаннову, началось неудачнымъ походомъ на Казань. Честь и безопасность Россіи предписывали Великому Князю смирить Магметъ-Аминя : уже знаменитый нашъ Полководецъ, Даниилъ Щеня, готовился идти къ берегамъ Волги ⁽¹³⁾; но вѣроломный присяжникъ изъ-явилъ раскаяніе: или убѣжденный Менгли-Гиреемъ , или самъ предвидя худыя слѣдствія войны для слабой Казани, онъ писалъ къ Василю весьма учтиво , прося извиненія и мира. Государь требовалъ освобожденія Посла нашего, Михаила Иронкина, также всѣхъ захваченныхъ съ нимъ купцовъ и военнопленныхъ Россіянъ : Магметъ-Аминь исполнилъ его волю ; новою клятвенною грамотою обязался быть ему другомъ , и призналъ свою зависимость отъ Россіи, какъ было при Іоаннѣ ⁽¹⁴⁾.

Въ сношеніяхъ съ Литвою Васиій изъ-
являлъ на словахъ миролюбіе , стараясь

Дѣла
Литвы
скія.

вредить ей тайно и явно. Еще не зная о смерти Иоанновой, Король Александръ отправилъ Посла въ Москву съ обыкновенными жалобами на обиды Россіянкъ ⁽¹⁵⁾. Государь выслушалъ, обѣщалъ законное удовлетвореніе, привѣтствовалъ Посла, но не далъ ему руки, для того, что въ Литвѣ свирѣпствовали заразительныя болѣзни. Извѣстіе о новомъ Монархѣ въ Россіи обрадовало Короля. Всѣ знали твердость Иоаннову: неопытность и юность Василіева казалась благопріятными для нашихъ естественныхъ недоброжелателей. Александръ надѣялся заключить миръ, приславъ, въ Москву Вельможъ Глѣбова и Санѣгу; но въ отвѣтъ на ихъ предложеніе, возвратить Литвѣ всѣ наши завоеванія, Бояре Московскіе сказали, что Великій Князь владѣетъ только собственными землями и ничего уступить не можетъ ⁽¹⁶⁾. Глѣбовъ и Санѣга выѣхали съ неудовольствіемъ; а въ слѣдъ за ними Государь послалъ ⁽¹⁷⁾ объявить зятю о своемъ восшествіи на престолъ и вручить Еленѣ золотой крестъ съ мощами по духовной родителя. Василій призналъ жалобы Литовскихъ подданныхъ на Россіянкъ совершенно несправедливыми, и, къ досадѣ Короля, напомнилъ ему въ сильныхъ выраженіяхъ, чтобы онъ не беззаконилъ супруги въ разсужденіи ея Вѣры. — Однимъ словомъ, Александръ увидѣлъ, что въ Россіи другой Государь, но таже система войны и мира. Все осталось, какъ было. Съ обѣихъ сторонъ изъяснялась холодная учтивость. Король дозволилъ Греч-

ку Андрею Траханиоту ѣхать изъ Москвы въ Италію черезъ Литву (¹⁸), въ угодность Василю, который взаимно оказывалъ снисхожденіе въ случаяхъ маловажныхъ : такъ, на примѣръ, отдалъ Митрополиту Кіевскому, Іонъ, сына его, бывшаго у насъ плѣнникомъ (¹⁹).

Въ Августѣ 1506 года Король Александръ умеръ : Великій Князь немедленно послалъ чиновника Наумова съ утѣшительною грамотою ко вдовствующей Еленѣ ; но въ тайномъ наказѣ предписалъ ему объявить сестрѣ, что она можетъ прославить себя великимъ дѣломъ : пменно, соединеніемъ Литвы, Польши и Россіи, ежели убѣдитъ своихъ Пановъ избрать его въ Короли; что разновѣріе не есть истинное препятствіе; что онъ дастъ клятву покровительствовать Римскій Законъ, будетъ отцемъ народа и сдѣлаетъ ему болѣе добра, нежели Государь единовѣрный (²⁰). Наумовъ долженъ былъ сказать тоже Виленскому Епископу Войтеху, Пану Николаю Радзивилу и всѣмъ Думнымъ Вельможамъ. Мысль смѣлая и по тогдашнимъ обстоятельствамъ удивительная, внушенная не только властолюбіемъ Монарха-юноши, но и проницаніемъ необыкновеннымъ. Литва и Россія не могли дѣйствительно примириться иначе, какъ составивъ одну Державу: Василий безъ наставленія долговременныхъ опытовъ, безъ примѣра, умомъ своимъ постигъ сію важную для нихъ обѣихъ истину; и если бы его желаніе исполнилось, то Сѣверъ Европы имѣлъ бы другую Исторію. Василий хо-

тѣмъ отвратить бѣдствія двухъ народовъ, которые въ теченіе трехъ слѣдующихъ вѣковъ рѣзались между собою, споря о древнихъ и новыхъ границахъ. Сія кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелію одного изъ нихъ; повинаясь Государю общему, въ духѣ братства, они сдѣлались бы мирными властелинами полунощной Европы.

Но Елена отвѣтствовала, что братъ ея супруга, Сигизмундъ, уже объявленъ его преемникомъ въ Вильнѣ и въ Краковѣ. Самъ новый Король извѣстилъ о томъ Василія, предлагалъ ему вѣчный миръ съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ свободу Литовскимъ плѣнникамъ и тѣмъ мѣста, кои онъ завладѣли Россіяне уже послѣ шестилѣтняго перемирія. Сіе требованіе казалось умѣреннымъ; но Василій — досадуя, можетъ быть, что его намѣреніе царствовать въ Литвѣ не исполнилось — хотѣлъ удержать все, оставленное ему въ послѣдіе родителемъ ⁽²¹⁾, и жалуясь, что Литовцы преступаютъ договоръ 1503 года, тревожатъ набѣгами владѣнія Князей Стародубскаго и Рильскаго, жгутъ села Брянскія, отнимаютъ наши земли, послалъ Князя Холмскаго и Боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстиславля, не встрѣтивъ непріятеля въ полѣ ⁽²²⁾. Королевскіе Послы еще находились тогда въ Москвѣ: Сигизмундъ упрекалъ Василія, что онъ, говоря съ нимъ о мирѣ, начинаетъ войну. ⁽²³⁾.

Въ сіе время славный Константинъ Острожскій, измѣнивъ данной имъ Василю присягѣ, утвержденной ручательствомъ нашего Митрополита, бѣжалъ изъ Москвы въ Литву ⁽²⁴⁾. Любовь къ отечеству и ненависть къ Россіи заставляли его остыдить себя дѣломъ презрительнымъ: обмануть Государя, Митрополита, нарушить клятву, уставъ чести и совѣсти. Никакія побужденія не извиняютъ вѣроломства. — Сигизмундъ принялъ нашего измѣнника, Константина, съ милостію: Василій скоро отмстилъ Сигизмунду, объявивъ себя покровителемъ еще важнѣйшаго измѣнника Литовскаго.

Никто изъ Вельможъ не былъ въ Литвѣ столь знатенъ, силенъ, богатъ помѣстьями, щедръ къ служивкамъ и страшенъ для непріятелей, какъ Михаилъ Глинскій, коего родъ происходилъ отъ одного Князя Татарскаго, выѣхавшаго изъ Орды къ Витовту ⁽²⁵⁾. Воспитанный въ Германіи, Михаилъ заимствовалъ обычаи Нѣмецкіе, долго служилъ Албрехту Саксонскому, Императору Максимилиану въ Италіи; славился храбростію, умомъ, и возвратясь въ отечество, снискалъ милость Александрову, такъ, что сей Государь обходился съ нимъ какъ съ другомъ, повѣряя ему всѣ тайны сердечныя. Глинскій оправдывалъ сію любовь и довѣренность своими заслугами.

Когда сильное войско Менгли-Гирево быстрымъ нашествіемъ привело Литву въ трепетъ ; когда Александръ , лежащій на смертномъ одрѣ почти въ виду непріятеля , требовалъ усердной защиты отъ Вельможъ и народа : Глинскій сѣлъ на коня , собралъ воиновъ , и славнѣйшею побѣдою утѣшилъ Короля въ послѣднія минуты его жизни ⁽²⁶⁾. Завистники молчали ; но смерть Александра отверзла имъ уста : говорили , что онъ мыслилъ овладѣть престоломъ и не хотѣлъ присягать Сигизмунду. Всѣхъ болѣе ненавидѣлъ и злословилъ его Вельможа Забрзненскій. Михайло неотступно убѣждалъ новаго Короля быть судіею между ими. Сигизмундъ медлилъ , добротствуя непріятелямъ Глинскаго , который вышелъ наконецъ изъ терѣнія и сказалъ ему : «Государь ! мы оба, ты и я, будемъ раскаиваться ; но поздно.» Онъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Василиемъ , уѣхалъ въ свой городъ Туровъ ; призвалъ къ себѣ родственниковъ , друзей ; требовалъ полного удовлетворенія отъ Сигизмунда и назначилъ срокъ. Слухъ о томъ достигъ Москвы, гдѣ знали все, что въ Литвѣ происходило : Государь угадалъ тайную мысль Михайлову и послалъ къ нему умнаго Дьяка , предлагая всѣмъ тремъ Глинскимъ защиту Россіи, милость и жалованье ⁽²⁷⁾. Еще соблюдая пристойность, они ждали рѣшительнаго Королевскаго отвѣта : не получивъ его , торжественно объявили себя слугами Государя Московскаго , съ условіемъ, чтобы Василій оружіемъ укрѣплялъ за ними ихъ

города въ Литвѣ , помѣстные и тѣ , которые имѣли волею или неволею сдадутся. Съ обѣихъ сторонъ утвердили сей договоръ клятвою. Нылая злобою мести , Михаилъ нечаянно схватилъ врага своего, Вельможу Забрezenскаго, въ увеселительномъ его домѣ близъ Гродна : отсѣкъ ему голову ⁽²³⁾ ; умертвилъ многихъ другихъ Цановъ ; составилъ полкъ изъ Дворянъ, слугъ и наемниковъ ; взялъ Мозырь ; заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ и Господаремъ Молдавскимъ ⁽²⁹⁾, изъ коихъ первый обѣщалъ завоевать для него Кіевъ. Пишутъ , что Гляпскіе дѣйствительно имѣли намѣреніе возстановить древнее Великое Княженіе Кіевское и господствовать въ немъ независимо ; что многие изъ тамошнихъ Бояръ присягнули имъ въ вѣрности ; что Михаилъ думалъ жениться на вдовствующей супругѣ Симеона Олельковича, Анастасіи, и тѣмъ пріобрѣсти законное право на сіе Княжество, но что добродѣтельная Анастасія , гнушаясь его измѣною , не хотѣла о томъ слышать ⁽³⁰⁾.

Гляпскій ждалъ Московской рати. Воеводы наши , Князя Шемякинъ , Одоевскіе , Трубецкіе , Воротынскіе , пришли къ нему на Березицу , осадили Минскъ и разоряли все до самой Вильны ; другіе воевали Смоленскую область ⁽³¹⁾. Желая и надѣясь со-

Война
съ Сигизмундомъ,
Александромъ
и мнѣ
наследникомъ.

изъ Москвы и Новгорода къ Оршѣ : первые велъ знатный Бояринъ Яковъ Захарьевичъ , послѣдніе славный Князь Даніилъ Щеня. Глинскій, Шемякинъ , оставивъ Минскъ , явился близъ Друцка , обязали тамошнихъ Князей присягою вѣрности къ Государю Россійскому и соединились подъ Оршею съ Даніиломъ : громилъ пушками стѣны ея ; замыслили приступъ.

Никогда Литва не бывала въ опаснѣйшемъ положеніи : Россія возстала , Менгли-Гирей и Волохи готовились къ нападению ; внутри бунтъ и правленіе новое, коего все тайны, все способы были извѣстны Глинскому ; наемные Королевскіе войны, Нѣмцы, требовали жалованья, а расточительность Александра истощала казну ⁽³²⁾. Но Сигизмундъ имѣлъ твердость, благоразуміе и счастіе , которое въ дѣлахъ міра не рѣдко смѣется надъ вѣроятностями ума. Съ необыкновенною дѣятельностію собравъ, устроивъ войско, онъ приблизился къ Оршѣ, чтобы спасти сію важную крѣпость. Полководцы Василіевы изумились , сняли осаду и стали на восточномъ берегу Днѣпра. Дней шесть непріятель черезъ сію рѣку смотрѣли другъ на друга : Россіане ждали къ себѣ Литовцевъ , Литовцы Россіанъ ⁽³³⁾. Наконецъ Воеводы Московскіе пошли къ Кричеву , Мстиславлю ; разорили нѣсколько селъ и сѣвши назадъ, защитить собственные предѣлы : ибо Король, вступивъ въ Смоленскъ, отрядилъ войско къ Дорогобужу, къ Бѣлой и къ Торопцу. Василій , поручивъ Князьямъ Старо-

дубскому и Шемякину оберегать Украину, велѣлъ Боярину Якову Захарьевичу стоять въ Вязмѣ, а Данилу выгнать Литовскій отрядъ изъ Торонца, гдѣ жители, малодушно присягнувъ Сигизмунду, съ радостію встрѣтили нашего Воеводу, который донесъ Государю о бѣгствѣ непріятеля (34).

Хотя Василій по видимому не имѣлъ причины славиться успѣхами своихъ Полководцевъ, и важными для Россіи слѣдствіями измѣны Глинскихъ: однакожь казался доволенъ первыми, и съ великою милостію угостилъ Михаила, который пріѣхалъ въ Москву, и проваля въ дворцѣ, былъ одаренъ щедро, не только одеждами богатыми, доспѣхомъ, Азіатскими конями, но и Московскими селами съ двумя помѣстными городами, Ярославцемъ и Медынью. Братья Михаиловы оставались въ Мозырѣ, а люди, сокровища и знатнѣйшіе единомышленники, Князья Дмитрій Жижерскій, Иванъ Озерецкій, Андрей Лукомскій, въ Почепѣ. Михаилъ просилъ у Государя воиновъ для обереженія Турова и Мозыря: Василій далъ ему Воеводу, Князя Несвицкаго, съ Галицкими, Костромскими ратниками и съ Татарами (35).

Между тѣмъ Литовцы сожгли Бѣлую и взяли Дорогобужъ, обращенный въ нелѣль самими Россіянами (36). Константинъ Острожскій предводительствовалъ частію Сигизмундовой рати, обѣщая указать ей путь къ Москвѣ. Но Великій Князь не терялъ времени: самъ распорядилъ

полки и велѣлъ имъ съ двухъ сторонъ , Холмскому изъ Можайска, Боярину Якову Захарьевичу изъ Вязьмы , идти къ Дорогобужу , гдѣ начальствовалъ Воевода Королевскій , Станиславъ Кишка : сей гордый Паки , имѣвъ нѣкоторыя выгоды въ легкихъ сшибкахъ съ отрядами Россійскими , уже думалъ , что наше войско не существуетъ , и что бѣдные остатки его не дерзнутъ показаться изъ лѣсовъ : увидѣлъ полки Холмскаго и бѣжалъ въ Смоленскъ. — Такимъ образомъ непріятели выгнали другъ друга изъ своихъ предѣловъ , не бывъ ни побѣдителями , ни побѣжденными ; но Король имѣлъ болѣе славы , среди опасностей новаго правленія и внутренней измѣны отразивъ вѣншиаго , сильнаго врага , столь ужаснаго для его двухъ предшественниковъ.

Не ослабляясь легкомысленною гордостію , боясь Менгли-Гирея и желая успокоить свою Державу, благоразумный Сигизмундъ снова предложилъ миръ Василю , который не отринулъ его. Глинскій хвалился многочисленностію друзей и единомышленниковъ въ Литвѣ ; но , къ счастію всѣхъ Правленій , измѣнники рѣдко торжествуютъ : сила беззаконная или первымъ составіемъ неровергаетъ законный уставъ Государства , или ежечасно слабѣетъ отъ нераздѣльнаго съ нею страха , отъ естественнаго угрызенія совѣсти , если не главныхъ дѣйствующихъ лицъ , то по крайней мѣрѣ ихъ помощниковъ. Тщетно Глинскіе старались возмутить Кіевскую и Вольн-

скую область : народъ равнодушно ждалъ пропешествій ; Бояре отчасти желали успѣховъ Михаилу , но не хотѣли бунтомъ подвергнуть себя казни ; весьма не многіе присоединились къ нему , и войско его состояло едва изъ двухъ или трехъ тысячъ всадниковъ ; начальники городовъ были вѣрны Королю. Счастію Іоаннова оружія въ войнѣ Литовской способствовалъ Менгли-Гирей : Василій еще не видалъ въ немъ дѣятельнаго усердія къ пользамъ Россіи , и не смотря на союзную грамоту , утвержденную въ Москвѣ словомъ и печатію Хавскихъ Пословъ , разбѣйники Крымскіе безпокоили нашу Украйну , такъ , что Великій Князь долженъ былъ защитить оную войскомъ ⁽³⁷⁾. Надежда , возбудить Ногаевъ къ сильному впаденію въ Литву , не исполнилась : слуга Василювъ , Князь Теміръ , ѣздивъ къ Мурзамъ , Асану и другимъ , сыновьямъ Ямгурчя и Мусы , съ предложеніемъ , чтобы они , содѣйствуя намъ , отместили Королю вѣроломное заключеніе Хаана Шигъ-Ахмета , связаннаго съ ними родствомъ и дружбою : Теміръ долженъ былъ вести ихъ къ берегамъ Дона и Днѣпра ; но не могъ успѣть въ своемъ порученіи ⁽³⁸⁾. Сіи обстоятельства , моленіе вдовствующей Королевы Елены , рѣшительность Сигизмунда и сомнительный успѣхъ войны склонили Василя къ искреннему миролюбію. Король прислалъ изъ Смоленска въ Москву Станислава , Воеводу Полоцкаго , Маршалка Сапѣгу и Войтеху , Намѣстника Перемышальскаго , которые , слѣдуя обыкновенію ,

сначала требовали всего , а наконецъ удо-
Миръ. вольствовались не многимъ : хотѣли Чер-
нигова, Любеча, Дорогобужа, Тороица, но
согласились взять единственно пять или
шесть волостей Смоленскихъ , отнятыхъ у
Литвы уже въ государстваніе Васи́ліево.
Написали договоръ такъ называемаго вѣч-
наго мира. Васи́лій и Сигизмундъ, именуясь
братьями и сватами , обязались жить въ
любви, доброжелательствовать и помогать
другъ другу на всякаго непріятеля , кромѣ
Менгли-Гирея и такихъ случаевъ , гдѣ бу-
детъ *не возможно* исполнить сего условія
(которое , слѣдственно , обращалось въ ни-
что). Король утверждалъ за Россією все
пріобрѣтенія Іоанновы, а за слугами Госу-
даря Россійскаго, Князьями Шемякинѣмъ,
Стародубскими , Трубецкими , Одоевскими,
Воротынскими , Черемныхьскими , Ново-
сильскими, Бѣлевскими, Мосальскими, все
ихъ отчины и города. За то Васи́лій обѣ-
щалъ *не вступаться* въ Кіевъ , въ Смо-
ленскъ , ни въ другія Литовскія владѣнія.
Далѣе сказано въ договорѣ , что Великій
Князь Рязанскій , Іоаннъ Іоанновичъ , съ
своею землею принадлежитъ къ Государ-
ству Московскому ; что ссоры между Ли-
товскими и Россійскими подданными долж-
ны быть разбираемы судьями общими, при-
сяжными , коихъ рѣшенія исполняются во
всей силѣ ; что Посламъ и куницамъ обѣихъ

Державъ вездѣ путь чистъ и свободенъ: ѣздить, торгуютъ, какъ имъ угодно; накопецъ, что Литовскіе и наши плѣнники освобождаются немедленно. О Глинскихъ не упоминается въ сей грамотѣ; но судьба ихъ была рѣшена: Василій призналъ Мозырь и Туровъ, города Михайловы, собственностію Королевскою, обѣщая впредь уже не принимать къ себѣ никого изъ Литовскихъ Князей съ землями и помѣстьями (39). Онъ удовольствовался единственно словомъ Короля, что Глинскіе могутъ свободно выѣхать изъ Литвы въ Россію.

Послы Сигизмундовы были десять разъ у Государя и дважды обѣдали. Размѣнялись договорными грамотами. Сеймъ Литовскій одобрилъ все условія. Король цѣловалъ крестъ въ присутствіи нашихъ Пословъ, въ Вильнѣ (40). Россіяне и Литовцы были довольны миромъ; но Глинскіе изъявляли негодованіе, и Сигизмундъ увѣдомилъ Великаго Князя, что Михаилъ не хочетъ ѣхать въ Москву, думая бѣжать въ степи съ вооруженными людьми своими и метить равно обоимъ Государствамъ; но что войско Королевское уже идетъ смирить сего мятежника. Василій просилъ Короля не тревожить Глинскихъ и дать имъ свободный путь въ Россію. Пролывая слезы, они выѣхали къ намъ изъ отечества со всеми ближними. Литва жалѣла, а болѣе опасалась ихъ: Россія не любила: Великій Князь ласкалъ и честилъ, думая, что сіи измѣнники еще могутъ быть ему полезны.

Едва ли имѣя надежду и самое желаніе долго остаться въ мирѣ съ Литвою , Василій петерѣ-ливо ждалъ вѣстей изъ Тавриды , чтобы удосто-вѣриться въ важномъ для насъ союзѣ Менгли-Гиреевомъ. Можетъ быть , сей Царь и не уча-ствовалъ въ набѣгѣ Крымскихъ разбойниковъ на Московскіе предѣлы , но усердіе его къ Россіи явно охладѣло : державъ Заболоцкаго долѣе го-да , онъ прислалъ гонца въ Москву съ требова-ніемъ , чтобы его пасынокъ , сверженный Царь Казанскій , Абдыль-Летифъ , былъ отпущенъ въ Тавриду. Великій Князь не сдѣлалъ сего , одна-кожь возвратилъ Летифу свободу и милость , доз-волилъ быть во дворцѣ , обѣщалъ Коширу въ по-мѣстье ⁽⁴¹⁾. Вѣроятно , что слухъ о мирныхъ пе-реговорахъ Сигизмунда съ Василіемъ рѣшилъ наконецъ Менгли-Гирея утвердить дружбу съ на-ми : по крайней мѣрѣ онъ немедленно отпустилъ тогда Заболоцкаго и прислалъ трехъ Вельможъ своихъ въ Москву съ Шертною золотою грамо-тою ⁽⁴²⁾ : далъ клятву за себя , за дѣтей и вну-чатъ , жить въ братствѣ съ Великимъ Княземъ , вмѣстѣ воевать и мириться , съ Литвою и съ Та-тарами ; унимать , казнить своихъ разбойниковъ , покровительствовать нашихъ купцовъ и путеше-ственниковъ ; однимъ словомъ , исполнять всѣ обязанности тѣсной , взаимной дружбы , какъ было въ Иоанново время.

Государь приказалъ встрѣтить Пословъ съ ве-ликою честію , звать во дворецъ къ обѣду , и *класть на нихъ руки* въ знакъ благоволенія. Они

представили ему 16 грамотъ отъ Хаана, писанныхъ весьма ласково. Менгли-Гирей убѣждалъ Василія послать судовую рать съ пушками для усмиренія Астрахаи, обѣщавъ всѣми силами дѣйствовать противъ Сягизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называлъ любезнымъ сыномъ; просилъ ловчихъ птицъ, соболей, рыбныхъ зубовъ, дать и серебряной чары *съ два ведра* ⁽⁴³⁾; требовалъ какой-то дани, платимой ему Князьями Одоевскими ⁽⁴⁴⁾; а всего болѣе желалъ, чтобы Государь позволилъ Абдыль-Летифу ѣхать въ Тавриду для свиданія съ матерью. Сіе послѣднее казалось Василію столь важнымъ, что онъ собралъ Думу Боярскую и хотѣлъ знать ея мнѣніе ⁽⁴⁵⁾. Приговорили не отпускать Летифа. Государь велѣлъ ему самому явиться въ Думу и говорилъ такъ: «Царь Абдыль-Летифъ! ты вѣдаешь, что отецъ мой ли-
«шилъ тебя свободы за вину не малую. Въ
«угодность нашему брату, Менгли-Гирею,
«забывъ твое преступленіе, я милостиво
«дарю тебѣ вольность и городъ. Выслушай
«условія.» Они состояли въ томъ, чтобы
Летифъ клятвенно обязался вѣрно служить
Россіи, не выѣзжать самовольно изъ ея
предѣловъ, не имѣть сношенія съ Литвою,
ни съ другими нашими врагами, и чтобы
Менгли-Гиреевы Послы утвердили сей до-
говоръ собственною ихъ присягою. Ле-

Осво-
божде-
ніе Ле-
тифа.

тифъ вишня , благодарилъ , считалъ себя недостойнымъ видѣть лице Государево ; клялся не угнетать Христіанъ , не ругаться надъ святынею , доносить Великому Князю о всякихъ злодѣйскихъ умыслахъ противъ него или Государства. Въсто Коширы , прежде обѣщанной , ему дали Юрьевъ. Достоинно замѣчанія , что и самъ Великій Князь присягнулъ въ доброжелательствѣ къ Летифу , такъ же , какъ и въ вѣрности къ Менгли-Гирею , исполняя требованіе Пословъ Крымскихъ и совѣтъ Бояръ. Намѣстникъ Перевицкій, Морозовъ , былъ отправленъ въ Тавриду изъяснить благодарность за дружбу Хана , увѣрить его въ нашей , извѣстить о заключенномъ съ Литвою мирѣ , и сказать на-единѣ , что долгое молчаніе Менгли-Гиреево беспокоило Государя ; что носился даже слухъ о присоединеніи Ханскихъ сыновей къ Сигизмундовой рати ⁽⁴⁶⁾ ; что сіе обстоятельство ускорило для насъ миръ , но что Великій Князь остается другомъ Менгли-Гирея , и не боится новой , справедливой войны съ ихъ общимъ , естественнымъ недругомъ ; что вамъ нельзя послать людей съ огнестрѣльнымъ снарядомъ къ Астрахани , ибо нѣтъ судовъ въ готовности ; что Россія , утомленной войнами , хотя мирной съ Литвою , но угрожаемой Ливонскими Нѣмцами , нужно отдохновеніе ; что самъ Іоаннъ никогда не посылалъ туда войска ⁽⁴⁷⁾ , и проч. Уже ветхій лѣтами и здорověемъ , Менгли-Гирей не могъ жить долго ;

Василій приказалъ Морозову тайно ви- г. 1509.
дѣться съ Ханскимъ старшимъ сыномъ ,
Магметъ-Гиреемъ ; обязать его клятвою въ
дружбѣ къ Россіи и присягнуть ему въ на-
шей импемъ Государя.

Сей Посолъ имѣлъ непріятность въ Та-
вридѣ отъ своевольства и корыстолюбія
Ханскихъ Вельможъ. Государь пменно ве-
лѣлъ Морозову наблюдать свое достоин-
ство и не терпѣть ни малѣйшаго для насъ
униженія въ обрядахъ Посольскихъ : пбо
Крымскіе Мурзы любили величаться пе-
редъ Россіянами , воспоминаая старину. «Я
«сошелъ съ коня близъ дворца» , пишетъ
Морозовъ къ Великому Князю : «у воротъ
«сидѣли Князья Ханскіе, и всѣ, какъ долж-
«но , привѣтствовали Посла твоего , кромѣ
«Мурзы Кудояра , дерзнувшаго называть ме-
«ня холопомъ. Толмачъ не смѣлъ переве-
«сти сихъ грубыхъ словъ ; а Мурза въ бѣ-
«шенствѣ хотѣлъ зарѣзать его , и силою
«выхватилъ шубу изъ рукъ моего Подьяча-
«го, который несъ дары. Въ дверяхъ Ясау-
«лы преградили мнѣ путь, бросивъ на зем-
«лю жезлы свои, и требовали пошлины : я
«ступилъ на жезлы и вошелъ къ Царю.
«Онъ и Царевичи встрѣтили меня ласково ;
«пили изъ чаши и подали мнѣ остатокъ. Я
«также поднесъ чашу имъ и всѣмъ Князь-
«ямъ , но обошелъ Кудояра и сказалъ Ха-
«ну : Царь , вольный человекъ ! сей Мурза

Неудо-
вольст-
вія на-
шего
посла
въ Тав-
ридѣ.

«невѣстливъ : суди насъ . . . Называюсь хо-
«лопомъ твоимъ и Государя моего , но не
«Кудояровымъ. Говорю съ нимъ предъ тобою
«сѣ очи на очи : какъ онъ дерзнулъ грубить
«Послу и силою брать , что мы несли къ
«тебѣ? Менгли-Гирей , выслушавъ , изви-
«пясь Мурзу; по отпустивъ меня , бранилъ
«его и выгналъ.» Морозовъ не согласился
вручить Хану своего посольскаго наказа,
ни описи присланныхъ съ нимъ даровъ,
отвѣтствуя гордо Вельможамъ Царскимъ :
«Рѣчи Великаго Князя вписаны у меня
«только въ сердцѣ , а дары его вамъ до-
«ставлены : болѣе ничего не требуйте.»
Одинъ изъ сыновей Ханскихъ , жалуюсь на
скупость Василюву , грозилъ Морозову цѣ-
нями. «Цѣней твоихъ не опасаясь,» ска-
залъ Посолъ : «боюсь единственно Бога,
«Великаго Князя и Царя , вольнаго человѣ-
«ка . . . . Если оскорбите меня , то Госу-
«дарь уже никогда не будетъ присылать къ
«вамъ людей знатныхъ» (48). — Однакожь,
не смотря на слабость отягченнаго дѣлами
Менгли-Гирея , коему сыновья и Вельможи
худо повиновались , нашъ союзъ съ Таври-
дою остался до времени въ своей силѣ.

Мир-
ный до-
говоръ
съ Ливоніею.

Россія заключила тогда мирный дого-
воръ и съ Ливоніею. Въ 1506 году вторич-
но былъ у насъ Посолъ Императорскій,
Гартигеръ , съ дружественнымъ письмомъ
отъ Максимилиана , который снова просилъ

Великаго Князя освободить Ливонскихъ плѣнниковъ. Василій сказалъ, что вольность ихъ зависитъ отъ мира. Наконецъ Магистръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерптскій и все Рыцарство прислали чиновниковъ въ Москву. Слѣдуя правилу отца, Государь не хотѣлъ самъ договариваться съ ними : они поѣхали въ Новгородъ, гдѣ Намѣстники, Даниилъ Щеня, Григорій Федоровичъ Давыдовъ и Князь Иванъ Михайловичъ Оболенскій, дали имъ мирную грамоту отъ 25 Марта 1509 года впредь на 14 лѣтъ. Освободили плѣнныхъ ; возобновили старыя, взаимныя условія о торговлѣ и безопасности путешественниковъ въ обѣихъ земляхъ. Важнѣе всего было то, что Нѣмцы отреклись отъ союза съ Королемъ Польскимъ. Государь не забылъ и нашихъ церквей въ Ливоніи : Магистръ обязался блюсти ихъ. Въ то же время Императоръ, ходатайствуя за Ганзу, писалъ къ Великому Князю, что она издревле къ обоюдной пользѣ купечествовада въ Россіи, и желаетъ возстановить свою Контору въ Новѣгородѣ, ежели возвратятъ Любчанамъ товары, несправедливо отнятые Іоанномъ, единственно по наущенію злыхъ людей. Василій отвѣтствовалъ Максимилиану : «Пусть «Любчане и союзные съ ними 72 города шлютъ «должное челобитье къ моимъ Новгородскимъ «и Пековскимъ Намѣстникамъ : изъ дружбы къ «тебѣ велю торговать съ Нѣмцами, какъ было «прежде; но имѣніе отняли у нихъ за вину : его

«не лѣзя возвратить : о чемъ писалъ къ тебѣ и мой родитель» (49).

Дѣла
Пско-
ва.

Утвердивъ спокойствіе Россіи, Василій рѣшилъ судьбу древняго , знаменитаго Пскова. Какое-то особенное снисхожденіе Іоанново позволило сей Республикѣ пережить Новгородскую , еще имѣть видъ народнаго правленія и хвалиться тѣнію свободы : могла ли уцѣлѣть она въ системѣ общаго Самодержавія? Примѣръ Новгорода ужасалъ Псковитянъ ; но , лаская себя свойственною людямъ надеждою , они такъ разсуждали : «Іоаннъ пощадилъ насъ : можетъ пощадить и Василій. Мы спаслись «при отцѣ благоговѣніемъ къ его верховной волѣ : не оскорбимъ и сына. Гордость «есть безуміе для слабости. Не постоямъ «за многое, чтобы спасти главное : то есть, «свободное бытіе гражданское, или по край-
ней мѣрѣ долѣе наслаждаться онымъ.»
Сии мысли были основаніемъ ихъ Политики. Когда Намѣстники Великокняжескіе дѣйствовали беззаконно, Псковитяне жаловались Государю , молили неотступно , но смиренно. Ненавидя Князя Ярославъ , они снова приняли его къ себѣ Намѣстникомъ (50) : ибо такъ хотѣлъ Іоаннъ , который , можетъ быть , единственно отлагалъ до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную съ государственнымъ уставомъ Россіи : войны, опасности виѣшнія,

а наконецъ, можетъ быть, и старость помѣшала ему исполнить сіе намѣреніе. Юный Василій естественнымъ образомъ довершилъ дѣло отца: искалъ, и легко нашелъ предлогъ. Хотя Псковитяне вообще изъявляли болѣе умѣренности, нежели пылкіе Новгородцы: однакожь, подобно всѣмъ Республикамъ, имѣли внутренніе раздоры, обыкновенное дѣйствіе страстей человѣческихъ. Еще въ Іоанново время былъ у нихъ мятежъ, въ коемъ одинъ Посадникъ лишился жизни; а другіе чиновники бѣжали въ Москву. Тогда же земледѣльцы не хотѣли платить дани гражданамъ: Вѣче самовластно наказало первыхъ, отыскавъ древнюю уставную грамоту въ доказательство, что они всегда считались данниками и работниками послѣднихъ. Іоаннъ обвинилъ самовольство Вѣча: Псковитяне едва смягчили его гнѣвъ моленіемъ и дарами ⁽⁵¹⁾. При Василіи управлялъ ими въ санѣ Намѣстника Князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, не любимый народомъ: питая несогласія между Старшими и Младшими гражданами, онъ жаловался на ихъ строптивость и въ особенности на главныхъ чиновниковъ, которые будто бы вмѣшивались въ его права и суды ⁽⁵²⁾. Сего было довольно для Василія.

Осенью въ 1509 году онъ поѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ, съ зятемъ, Царевичемъ Петромъ, Царемъ Летифомъ, съ Коломенскимъ Епископомъ Митрофаномъ, съ знатнѣйшими Боярами, Воеводами, Дѣтьми Бояр-

скими ⁽⁵³⁾. Цѣль путешествія знали развѣ одни Вельможи Думые. Вездѣ народъ съ радостію встрѣчалъ юпаго Монарха: онъ ѣхалъ медленно, и съ величіемъ. Унылый Новгородъ оживился присутвіемъ Двора и войска отборнаго; а Псковитяне отправили къ Великому Князю многочисленное Посольство, семьдесятъ знатнѣйшихъ чиновниковъ и Бояръ, съ усерднымъ привѣтствіемъ и съ даромъ ста-пятидесяти рублей. Главный изъ нихъ, Посадникъ Юрій, сказалъ ему: «Отчина твоя, Псковъ, бьетъ тебѣ челомъ «и благодарить, что ты, Царь всея Руси, *держ* «*жишь насъ съ старинъ* и милостиво обороняешь «отъ всѣхъ иноплеменниковъ. Такъ дѣлалъ и великій твой родитель: за что мы готовы вѣрно «служить тебѣ, какъ служили Іоанну и вашимъ «предкамъ. Но будь правосудецъ: твой Намѣстникъ утѣсняетъ *добровольныхъ* людей, Псковитянъ. Государь! защити насъ» ⁽⁵⁴⁾. Онъ милостиво принялъ даръ; выслушалъ жалобы; обѣщавъ управу. Послы возвратились и сказали Вѣчу слова Государевы; *но мысли сердечныя*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *извѣстны единому Богу* ⁽⁵⁵⁾. Василий велѣлъ Окольничему своему, Князю Петру Шуйскому-Великому, съ Дьякомъ Долматовымъ ѣхать во Псковъ и на мѣстѣ узнать истину. Они донесли, что граждане винятъ Намѣстника, а Намѣстникъ гражданъ; что ихъ примирить не возможно, и что одна власть Государева должна рѣшить сію тяжбу. Новые Послы Псковскіе молили Великаго Князя смѣнить Обо-

лейскаго : Василій отвѣтствовалъ, что не пристойно смѣнить его какъ виновнаго безъ суда; что онъ приказываетъ ему быть въ Новгородъ вмѣстѣ со всѣми Псковитянами, которые считаютъ себя обиженными, и самъ разберетъ ихъ жалобы ⁽⁵⁶⁾.

Здѣсь Лѣтописецъ Псковскій укоряетъ своихъ Правителей въ неосторожности: они письменно дали знать по всѣмъ волостямъ, чтобы недовольные Намѣстникомъ ѣхали судиться къ Великому Князю. Сыскалось ихъ множество; не мало и такихъ, которые поѣхали жаловаться Государю другъ на друга, и между ими были знатные люди, первые чиновники ⁽⁵⁷⁾. Сіе обстоятельство предвѣщало Пскову судьбу Новгорода, гдѣ внутреннія несогласія и ссоры заставили гражданъ искать Великокняжескаго правосудія и служили Іоанну однимъ изъ способовъ къ уничтоженію ихъ вольности. Василій именно требовалъ къ себѣ Посадниковъ, для очной ставки съ Княземъ Оболенскимъ, велѣвъ написать къ Вѣчу, что если они не явится, то *вся земля будетъ виновата* ⁽⁵⁸⁾. Псковитяне содрогнулись: въ первый разъ представилась имъ мысль, что для нихъ готовится ударъ. Никто не смѣлъ ослушаться: девять Посадниковъ и купеческіе Старосты всѣхъ рядовъ отправились въ Новгородъ. Василій приказалъ имъ г. 1540. ждать суда и назначилъ срокомъ 6 Генваря.

Въ сей день, то есть, въ праздникъ Крещенія, Великій Князь, окруженный Боярами и Воеводами, слушалъ обѣдню въ церкви Софійской и ходилъ за крестами на рѣку Волховъ, гдѣ Епископъ Коломенскій, Митрофанъ, святилъ воду: ибо Новгородъ не имѣлъ тогда Архіепископа ⁽⁵⁹⁾. Тамъ Вельможи Московскіе объявили Псковитянамъ, чтобы всѣ они шли въ Архіерейскій домъ къ Государю: чиновниковъ, Бояръ, купцевъ ввели въ палату; Младшихъ гражданъ остановили на дворѣ. Они готовились къ суду съ Намѣстникомъ; но тяжба ихъ была уже тайно рѣшена Василиемъ ⁽⁶⁰⁾. Думные Великокняжескіе Бояре вышли къ нимъ и сказали: «вы поиманы Богомъ и Государемъ Василиемъ Іоанновичемъ.» Знатныхъ Псковитянъ заключили въ Архіепископскомъ домѣ, а Младшихъ гражданъ, переписавъ, отдали Новгородскимъ Боярскимъ Дѣтямъ подъ стражу.

Одинъ купецъ Псковскій ѣхалъ тогда въ Новгородъ: узнавъ дорогою о семъ происшествіи, онъ бросилъ свой товаръ и спѣшилъ извѣстять согражданъ, что ихъ Посадники и всѣ именитые люди въ темницѣ. Ужасъ объялъ Псковитянъ. «Отъ трепета и печали (говоритъ Лѣтописецъ) «засохли наши гортани, уста пересыхали. Мы «видали бѣдствія, изву и Нѣмцевъ передъ своими стѣнами; но никогда не бывали въ такомъ «отчаяніи» ⁽⁶¹⁾. Собралось Вѣче. Народъ думалъ, что ему дѣлать? *ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городъ?* «Но война,

«разсуждали они, будетъ для насъ беззаконіемъ
«и конечною гибелію. Успѣхъ невозможенъ, ко-
«гда слабость идетъ на силу. И всѣхъ насъ не
«много: что же сдѣлаемъ теперь безъ Посадни-
«ковъ и лучшихъ людей, которые сидятъ въ
«Новѣгородѣ?» Рѣшился послать гонца къ Ве-
«ликому Князю съ такими словами: «Бьемъ тебѣ
«челомъ отъ мала до велика, да жалуешь свою
«древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде
«и нынѣ были отъ тебя, Государя, неотступны
«и ни въ чемъ не противились. Богъ и ты во-
«ленъ въ своей отчинѣ.»

Видя смиреніе Псковитянъ, Государь велѣлъ
снова привести всѣхъ задержанныхъ чиновни-
ковъ въ Архіепископскую палату и выслалъ къ
нимъ Бояръ, Князя Александра Ростовскаго,
Григорія Федоровича, Конюшаго Ивана Андре-
евича Челяднина, Околыничаго Князя Петра Шуй-
скаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дья-
ковъ Мисюря-Мунехина и Луку Семенова, кото-
рые сказали: «Васплій, Божією милостію Царь
«и Государь всея Руси, такъ вѣщаетъ Пскову:
«Предки наши, отецъ мой и мы сами доселѣ бе-
«регли васъ милостиво, ибо вы держали имя
«наше честно и грозно, а Намѣстниковъ слуша-
«лись; нынѣ же дерзаете быть строптивыми,
«оскорбляете Намѣстника, вступаетесь въ его
«суды и пощлины. Еще свѣдали мы, что ваши
«Посадники и судьи земскіе не даютъ истиной
«управы, тѣснятъ, обижаютъ народъ. И такъ
«вы заслужили великую опалу. Но хотимъ те-

«перъ изъявить милость, если исполните нашу
«волю : уничтожьте Вѣче и примете къ себѣ Го-
«сударевыхъ Намѣстниковъ во Исковъ и во всѣ
«пригороды. Въ такомъ случаѣ сами пріѣдемъ
«къ вамъ помолиться Святой Троицѣ и даемъ
«слово не касаться вашей собственности. Но
«если отвергнете сію милость, то *будемъ дѣлать*
«*свое дѣло* съ Божіею помощію, и кровь Хри-
«стіанская взыщется на мятежникахъ, которые
«презираютъ Государево жалованье и не творятъ
«его воли.» Исковитяне благодарили, и въ при-
сутствіи Великокняжескихъ Бояръ цѣловали
крестъ, съ клятвою служить вѣрно Монарху
Россіи, его дѣтямъ, наследникамъ, до конца
міра ⁽⁶²⁾. Василій, пригласивъ ихъ къ себѣ на
обѣдъ, сказалъ имъ, что вмѣсто рати шлетъ во
Исковъ Дьяка своего, Третьяка Долматова, и
что они сами могутъ писать къ согражданамъ.
Знатный купецъ, Оппеимъ Манушинъ, поѣхалъ
съ грамотою отъ чиновниковъ, Бояръ и всѣхъ
бывшихъ въ Новгородѣ Исковитянъ къ ихъ
народу. Они писали : «Предъ лицомъ Государя
«мы единомысленно дали ему *крѣпкое слово*
«*своими душами* за себя и за васъ, братья, испол-
«нить его приказаніе. Не сдѣлайте насъ преступ-
«никами. Буде же вздумаете противиться, то
«знайте, что Великій Князь въ гнѣвѣ и въ яро-
«сти устремитъ на васъ многочисленное воин-
«ство : мы погибнемъ, и вы погибнете въ кро-
«вопролитіи. Рѣшитесь немедленно : послѣдній
«срокъ есть 16 Генваря. Здравствуйте» ⁽⁶³⁾.

Долматовъ явился въ собраніи гражданъ Псковскихъ, сказалъ имъ поклонъ отъ Великаго Князя, и требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ*, исполнили *дѣло* Государевы: отмѣнили Вѣче, сняли колоколъ онаго, и во всѣ города свои приняли Великокняжескихъ Намѣстниковъ. Посолъ заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что или самъ Государь будетъ у нихъ, добрыхъ подданныхъ, мирнымъ гостемъ, или пришлетъ къ нимъ войнство смирить мятежниковъ. Сказавъ, Долматовъ сѣлъ на ступени Вѣча и долго ждалъ отвѣта: ибо граждане не могли говорить отъ слезъ и рыданій; наконецъ просили его дать имъ время на размышленіе до слѣдующаго утра. — Сей день и сія ночь были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словамъ лѣтописи, не плакали тогда отъ горести. На улицахъ, въ домахъ раздавалось стenanіе: всѣ обнимали другъ друга какъ въ послѣдній часъ жизни ⁽⁶⁴⁾. Столь велика любовь гражданъ къ древнимъ уставамъ свободы! Уже давно Псковитяне зависѣли отъ Государя Московскаго въ дѣлахъ виѣшней Политики и признавали въ немъ судію верховнаго; но Государь дотолѣ уважалъ ихъ законы, и Намѣстники его судили согласно съ оными; власть законодательная принадлежала Вѣчу, и многія тяжбы рѣшались народными чиновниками, особенно въ пригородахъ ⁽⁶⁵⁾: одно избраніе сихъ чиновниковъ уже льстило народу. Василій уничтоженіемъ Вѣча искоренялъ все старое древо

самобытнаго гражданства Псковскаго, хотя и поврежденное, однакожь еще не мертвое, еще лиственное и плодосное.

Народъ болѣе сѣтовалъ, нежели совѣтовался: необходимость уступить являлась всякому съ доказательствами неопровержимыми. Слышны были рѣчи смѣлыя, но безъ дерзости. Послѣднія торжественныя минуты издыхающей свободы благопріятствуютъ великодушію; но разсудокъ уже обуздываетъ сердце. На разсвѣтѣ ударили въ Вѣчевый колоколъ: сей звукъ представилъ граждамъ мысль о погребеніи. Они собрались. Идали Дьяка Московскаго. Долматовъ пріѣхалъ. Ему сказали: «Господинъ Посолъ! Лѣтописцы наши свидѣлствуютъ, что «добровольные Псковитяне всегда присягали Великимъ Князьямъ въ вѣрности: клялися непре- «ложно имѣть ихъ своими Государями, не соединяться съ Литвою и съ Нѣмцами; а въ случаѣ измѣны подвергали себя гнѣву Божию, «гладу, огню, потопу и нашествію иноплемени- «ковъ. Но сей крестный обѣтъ былъ взаимнымъ: «Великіе Князья присягали не лишать насъ «древней свободы; клятва таже, таже и казнь «преступнику. Нынѣ волею Богъ и Государь въ «своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, въ насъ и въ «нашемъ колоколѣ! Но крайней мѣрѣ мы не хо- «тимъ измѣнить крестному цѣлованію, не хо- «тимъ поднять руки на Великаго Князя. Если «угодно ему помолиться Живоначальной Троицѣ «и видѣть свою отчину, да ѣдетъ во Псковъ;

«мы будемъ ему рады, благодаря его, что
«онъ не погубилъ насъ до конца» (66)! —
Генваря 13 граждане сняли Вѣчевый коло-
коль у Святой Троицы, и смотря на него,
долго плакали о своей старинѣ и волѣ.

Ковецъ
вольво-
с т и
Псков-
ской.

Долматовъ въ ту же ночь поѣхалъ къ
Государю съ спмъ древнимъ колоколомъ и
съ допесеніемъ, что Псковитяне уже не
имѣютъ Вѣча. То же объявили ему и По-
слы ихъ (67). Опъ немедленно отправилъ
къ нимъ Боярѣ съ воинскою дружиною,
обязать присягою граждацъ и сельскихъ
жителей; велѣлъ очистить для себя дворъ
Памѣстниковъ, а для Вельможъ своихъ,
Дьяковъ и многочисленныхъ тѣлохраните-
лей такъ называемый городъ Средній, от-
куда надлежало перевести всѣхъ жителей
въ Большой городъ, и 20 Генваря выѣхалъ
туда самъ съ братомъ, зятемъ, Царемъ
Летифомъ, Епископомъ Коломенскимъ,
Княземъ Даніиломъ Щенею, Бояриномъ
Давыдовымъ и Михайломъ Глинскимъ.
Псковитяне шли къ нему на встрѣчу: имъ
приказано было остановиться въ двухъ
верстахъ отъ города. Увидѣвъ Государя,
всѣ они пали ницъ. Великій Князь спро-
силъ у нихъ о здравіи. «Лишь бы ты, Го-
сударь, здравствовалъ!» отвѣтствовали
Старѣйшины. Народъ безмолвствовалъ.
Епископъ Коломенскій опередилъ Велика-
го Князя, чтобы вмѣстѣ съ Духовенствомъ

Исковскимъ встрѣтить его предъ стѣною Довмонтовою. Василій сошелъ съ коня, и за крестами вступилъ въ церковь Св. Троицы, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, возгласилъ ему многолѣтіе, и благословляя Великаго Князя, громко произнесъ: «слава Всевышнему, Который далъ тебѣ Исковъ безъ войны» (68)! Тутъ граждане, бывшіе въ церкви, горько заплакали и сказали: «Государь! мы не чужіе; мы искони служили твоимъ предкамъ.» Въ сей день, Января 24, Василій обѣдалъ съ Епископомъ Коломенскимъ, съ Архимандритомъ Симоновскимъ Варлаамомъ, съ Боярами и Воеводами; а въ Воскресенье, Января 27, приказалъ собраться Исковитянамъ на дворъ своемъ. Къ нимъ вышелъ Околицкій, Князь Петръ Шуйскій: держа въ рукѣ списокъ, онъ перекликалъ всѣхъ чиновниковъ, Бояръ, Старостъ, купцевъ, людей Житыхъ, и велѣлъ имъ идти въ большую Судебную избу, куда Государь, сидя съ Думными Вельможами въ Передней избѣ, прислалъ Князя Александра Ростовскаго, Кошюшаго Челдипина, Шуйскаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дьяковъ Долматова, Мисюря и другихъ. Они говорили такъ: «Знатные Исковитяне! Великій Князь, Божіею милостію Царь и Государь всея Руси, объявляетъ вамъ свое жалованье; не хочетъ вступаться въ вашу собственность: пользуйтесь ею, нынѣ и всегда. Но здѣсь не можете остаться: ибо вы утѣсняли народъ, и многіе, обиженные вами, требовали Госуда-

«рева правосудія. Возьмите женъ и дѣтей; идите въ землю Московскую, и тамъ благоденствуйте «милостию Великаго Князя.» Ихъ всѣхъ, изумленныхъ горестію, отдали на руки Дѣтямъ Боярскимъ; и въ ту же ночь увезли въ Москву 300 семействъ, въ числѣ коихъ находились и жены бывшихъ подъ стражею въ Новѣгородѣ Псковитянъ. Они могли взять съ собою только малую часть своего достоянія, но жалѣли единственно отчизны. — Другихъ Среднихъ и Младшихъ гражданъ отпустилъ въ дома, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ *развода*; но ужасъ господствовалъ и плачь не умолкалъ во Псковѣ. Многие, не вѣря обѣщанію и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родинѣ ⁽⁶⁹⁾.

Государь велѣлъ быть Намѣстниками во Псковѣ Боярину Григорію Федоровичу Давыдову ⁽⁷⁰⁾ и Конюшему Челаднину, а Дьяку Мисюрю вѣдать дѣла Приказныя, Андрею Волосатому Ямскія; опредѣлилъ Воеводъ, Тіуновъ и Старостъ въ пригороды; установилъ новый чеканъ для монеты и торговую пошлину, дотолѣ неизвѣстную въ землѣ Псковской, гдѣ кушцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздалъ деревни сосланныхъ Псковитянъ Московскимъ Боярамъ; вывелъ всѣхъ гражданъ изъ Застѣнья или Средняго города, гдѣ находилось 1500 дворовъ; указалъ тамъ жить однимъ Государевымъ чиновникамъ, Боярскимъ Дѣтямъ и Москвитянамъ, а купеческія лавки перенести изъ Довмоя-

товой стѣны въ Большой городъ; выбралъ мѣсто для своего дворца и заложилъ Церковь Святой Ксении, ибо въ день ея памяти уничтожилась вольность Пскова (⁷¹); наконецъ, все устроивъ въ теченіе мѣсяца, оставивъ Намѣстникамъ тысячу Боярскихъ Дѣтей и 500 Новгородскихъ нищальниковъ, съ торжествомъ поѣхалъ въ Москву, куда отравили за нимъ и Вѣчевый колоколъ. Въ замѣну убылыхъ гражданъ, триста семействъ купеческихъ изъ десяти Низовыхъ городовъ были переселены во Псковъ (⁷²).

«Такъ» — говоритъ Лѣтописецъ Ольгиной родины — «исчезла слава Пскова, ильненнаго «не иноувѣриыми, но своими братьями Христіанами. О градъ, иѣкогда великій! ты сѣтуешь «въ опустѣніи. Прилетѣлъ на тебя орелъ многокрылый съ когтями львиными, вырвалъ «изъ иѣдръ твоихъ три кедра Ливанскіе: похитилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ «торжища, или заметалъ дрязгомъ (⁷³); увлекъ «нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, «гдѣ не бывали ни отцы ихъ, ни дѣды, ни пра-«дѣды!»

Болѣе шести вѣковъ Псковъ, основанный Славянами-Кривичами, имѣлъ свои гражданскіе уставы, любилъ оныя, не зналъ и не хотѣлъ знать лучшихъ; былъ вторымъ Новымгородомъ, называясь его меньшимъ братомъ, ибо въ началѣ составлялъ съ нимъ одну Державу и до конца одну Епархію (⁷⁴); подобно ему бѣдный въ дарахъ Природы, дѣятельною торговлею спи-

скалъ богатство а долговременною связію съ
 Нѣмцами художества и вѣжливостъ; уступая
 ему въ древней славѣ побѣдъ и завоеваній отдаленныхъ, долѣе его хранилъ духъ воинскій,
 питаемый частыми бранями съ Ливонскимъ Орденомъ. Какъ въ семействахъ, такъ и въ гражданскихъ обществахъ видимъ иногда послѣдственныя добродѣтели: Исковъ отличался благоразуміемъ, справедливостію, вѣрностію; неизмѣнялъ Россіи, угадывалъ судьбу ея, держался Великихъ Князей, желалъ отвратить гибель Новгородской вольности, тѣсно связанной съ его собственною; прощалъ сему завистливому народу обиду и досаду; будучи остороженъ, являлъ и смѣлую отважность великодушія, на примѣръ въ защитѣ Александра Тверскаго, гонимаго Ханомъ и Государемъ Московскимъ ⁽⁷⁵⁾; сдѣлался жертвою непремѣннаго Рока, уступилъ необходимости, но съ какимъ-то благороднымъ смиреніемъ, достойнымъ людей свободныхъ, и не оказавъ ни дерзости, ни робости своихъ Новгородскихъ братьевъ. — Сіи двѣ народныя Державы сходствовали во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ и законахъ; но Исковитинѣ имѣли особенную степень гражданскую, такъ называемыхъ *Дѣтей Посадничьихъ*, ставя ихъ выше кнзей и Житейскихъ людей ⁷⁶; слѣдовательно изъявляли еще болѣе уваженія къ сану Посадниковъ, давъ ихъ роду послѣдственную знатность.

Великій Князь хотѣлъ сдѣлать удовольствіе Исковитянамъ, и выбрать изъ нихъ 12 Ста-

рость , чтобы они вмѣстѣ съ Московскими Намѣстниками и Тіунами судили въ ихъ бывшихъ двѣнадцати пригородахъ по изданной имъ тогда Уставной грамотѣ (77). Но сіи Старосты не могли обуздывать хищности сановниковъ Великокняжескихъ , которые именемъ новыхъ законовъ отягчали налогами гражданъ и земледѣльцевъ , не внимали справедливымъ жалобамъ и казнили за оныя , такъ , что несчастные жители толпами бѣжали въ чужія земли , оставляя женъ и дѣтей. Пригороды опустѣли. Иностранцы , купцы , ремесленники , имѣвшіе дома во Псковѣ , не хотѣли быть ни жертвою , ни свидѣтелями насилія , и всѣ выѣхали оттуда. — «Мы «одни остались ,» прибавляетъ Лѣтописецъ : «смотрѣли на землю : она не разступалась ; «смотрѣли на небо : не лзя было летѣть «вверхъ безъ крыльевъ.» Узнавъ о корыстолюбіи Намѣстниковъ , Государь смѣнилъ ихъ , и прислалъ достойнѣйшихъ , Князей Петра Шуйскаго и Симеона Курбскаго , мужей правосудныхъ , челоѣколюбивыхъ : они успокоили гражданъ и народъ ; бѣглецы возвратились. Псковитяне не преставали жалѣть о своихъ древнихъ уставахъ , но престаи жаловаться. Съ сего времени они , какъ и всѣ другіе Россіяне , должны были посылать войско на службу Государеву (78).

Такъ Василій употребилъ первые четыре года своего правленія , страхомъ оружія , безъ

побѣдъ , по не безъ славы умиривъ Россію, доказавъ *наслѣдственное могущество* ея Государей для непріятеля внѣшняго , и непремѣнную волю ихъ быть внутри Самодержавными.

ГЛАВА II.

Продолженіе государстванія Василіева.

Г. 1510 — 1521.

Взаимныя досады Василіевы и Сигизмундовы. Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву. Пріѣздъ Царицы Пурсатанъ въ Москву. Раскаяніе Магметъ-Аминя. Разрывъ съ Менгли-Гиреемъ. Набѣги Крымцевъ. Война съ Литвою. Союзъ съ Императоромъ Максимилианомъ. Мирный договоръ съ Ганзою. Посольство Турецкое. Визитъ Смоленска. Измѣна Глинскаго. Битва Оршинская. Измѣна Енископа Смоленскаго. Приступъ Острожскаго къ Смоленску. Набѣгъ Крымцевъ. Вторичное Посольство къ Султану. Смерть Менгли Гирея. Посольство отъ новаго Хаана, Магметъ-Гирея, и наше къ нему. Годизанъ и Посольство Царя Казанскаго. Визитъ Крымцевъ. Союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Нѣмецкимъ Орденомъ. Посольство Императора Максимилиана. Послы Литовскіе. Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ. Переговоры о мирѣ. Посольство къ Максимилиану. Новые Послы отъ Императора. Смерть Лепска. Возобновленіе союза съ Крымомъ. Смерть Магметъ-Аминя Шигъ-Алей Царемъ въ Казани. Крымцы опустошаютъ Литву. Посольство къ Султану. Сношенія съ Магистромъ и съ Папою. Магистръ въ войнѣ съ Польшею. Походъ Воеводъ на Литву. Слабость Нѣм. Ордена. Посольство къ Султану. Бунтъ въ Казани. Панаденіе Магметъ-Гирея на Россію. Хабзръ Симеонъ. Судъ Воеводъ. Станъ подъ Коломною. Посолъ Солтмановъ. Посольство Литовское и перемиріе. Бовенъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи. Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ.

г 150 Не долго Россія и Литва могли наслаждаться миромъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ

по заключеніи онаго возобновились взаимныя досады, упрёки; обвиняли другъ друга въ неисполненіи договора, подозрѣвали въ непріятельскихъ замыслахъ; между тѣмъ хотѣли удалить войну. Сигизмундъ жаловался, что мы освободили не всѣхъ плѣнниковъ, и что Намѣстники Московскіе не даютъ управы его подданнымъ, у коихъ Россіяне, вопреки миру, отнимаютъ земли. Василій доказывалъ, что и наши плѣнники не всѣ возвратились изъ Литвы; что Король, отпустивъ Московскихъ купцовъ, удержалъ ихъ товары; что сами Литовцы дѣлаютъ неспосныя обиды Россіянамъ. Нѣсколько разъ предлагали съ обѣихъ сторонъ выслать общихъ судей на границу; соглашались, назначали время: но тѣ или другіе не являлись къ сроку. Безиректвенно отпустивъ Глицкихъ, Сигизмундъ раскаялся, заключилъ ихъ друзей въ темницу ⁽⁷⁹⁾, и вздумалъ требовать, чтобы Великій Князь выдалъ ему самого Михаила съ братьями. Государь отвѣтствовалъ, что Глицкіе перешли въ его службу, когда Россія воевала съ Литвою, и что онъ никому не выдаетъ своихъ подданныхъ. Сношенія продолжались около трехъ лѣтъ ⁽⁸⁰⁾; гонцы и Послы ѣздили съ изъясненіемъ г. 1541-1542. неудовольствій, однакожь безъ угрозъ, до самаго того времени, какъ вдовствующая Королева Елена увѣдомила брата, что Си-

гизмундъ, вмѣсто благодарности за ся ревность къ пользамъ Государства его оказываетъ ей нелюбовь и даже презрѣніе; что Литовскіе Папы дерзаютъ быть паглыми съ нею; что она думала ѣхать изъ Вильны въ свою мастьность, въ Бряславль, но Воеводы Николай Радзивилъ и Григорій Остиковъ схватили ее въ часть обѣдни; сказавъ: *ты хочешь бѣжать въ Москву*, вывели за рукава изъ церкви, посадили въ сани, отвезли въ Троки и держатъ въ неволѣ, удаливъ всѣхъ ея слугъ. Ветревоженный симъ извѣстіемъ, Василій спрашивалъ у Короля, чѣмъ Елена заслужила такое поруганіе? и требовалъ, чтобы ей возвратили свободу, казну, людей, со всѣми знаками должнаго уваженія ⁽⁸¹⁾. Не знаемъ отвѣта. Другое происшествіе сего времени умножило досады Великаго Князя на Сигизмунда.

Намъ
рѣше
брата
Васи
ліева,
Симео
на, бѣ
жить въ
Литву.

Меньшій сынъ Іоанновъ, Симеонъ Калужскій, отличаясь пылкимъ правомъ и легкомысліемъ, съ неудовольствіемъ видѣлъ себя подданнымъ старшаго брата, жаловался на его самовластіе, на стѣсненіе древняго права Князей Удѣльныхъ, и внимая совѣтамъ нѣкоторыхъ мятежныхъ Бояръ своихъ, вздумалъ искать Сигизмундова покровительства, измѣнить Россіи, бѣжать въ Литву ⁽⁸²⁾. Государь узналъ о томъ, призывалъ и хотѣлъ заключить Си-

меона. Раскаяніе юнаго Князя, моленіе братьевъ, Митрополита и всѣхъ Епископовъ смягчили гнѣвъ Василія: онъ далъ Симеону другихъ, надежныхъ Бояръ, и велѣлъ ему быть впродъ благоразумнѣе; но съ горестію видѣлъ, что Сигизмундъ можетъ имѣть тайныхъ друзей въ самомъ семействѣ Великокняжескомъ. Сіе расположеніе не благопріятствовало миру: успѣхъ Литовскихъ козней въ Тавридѣ довершилъ необходимость войны.

Въ 1510 году жена Менгли-Гиреева, Нурсалтанъ, пріѣхала въ Москву съ Царевичемъ Саипомъ и съ тремя Послами, кото-
рые увѣряли Василія въ истинной къ нему дружбѣ Хана (83). Цѣлю сего путешествія было свиданіе Царицы съ ея сыновьями, Летифомъ и Магметъ-Аминомъ. Великій Князь угощалъ ее какъ свою знаменитую пріятельницу, и чрезъ мѣсяць отпустилъ въ Казань, гдѣ она жила около года, стараясь утвердить сына въ некрещенъ къ намъ доброжелательствѣ, такъ, что Магметъ-Аминъ повыми грамотами обязался быть совершенно преданнымъ Россіи, и еще недовольный клятвенными обѣтами вѣрности, желалъ во всемъ открыться Государю: для чего былъ посланъ къ нему Бояринъ Иваѣ Андреевичъ Челадниѣ, ко-
му онъ чистосердечно исповѣдалъ тайну прежней измѣны Казанской, обстоятельства

Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву.

Раскаяніе Магметъ-Амина.

и вину ея, не пожалѣвъ и своей жены-преступницы ⁽⁸⁴⁾. Однимъ словомъ , Великій Князь не могъ сомнѣваться въ его искренности. Царица Нурсалтанъ по возвращеніи изъ Казани жила опять мѣсяцевъ шесть въ Москвѣ , ласкаемая , честимая при Дворѣ , и вмѣстѣ съ нашимъ Посломъ , Окольнымъ Тучковымъ , отправилась въ Тавриду , исполненная благодарности къ Василю , который имѣлъ все причины вѣрить дружбѣ Менгли-Гиреевой , но обманулся.

Р а з-
р ы н ь
с ь Х а-
н о м ъ
М е н-
г л и Г и-
р е е в ѣ .

Сей Ханъ престарѣлый , ослабѣвъ духомъ , уже зависѣлъ отъ своихъ легкомысленныхъ сыновей , которые хотѣли иной системы въ Политикѣ , или , лучше сказать , никакой не имѣли , слѣдуя единственно приманкамъ грабежа и корыстолюбія. Вельможи льстили Царевичамъ , ждали смерти Царя и хватали какъ можно болѣе золота. Такими обстоятельствами воспользовался Сигизмундъ , и сдѣлалъ , чего ни Казимиръ , ни Александръ никогда не могли сдѣлать : лишилъ насъ важнаго , долготѣнаго Менгли-Гиреева союза , вопреки умной женѣ Ханской , ревностной въ пріязни къ Великому Князю. Литва обязалась давать ежегодно Менгли-Гирею 15,000 червонцевъ ⁽⁸⁵⁾ , съ условіемъ , чтобы онъ , измѣнивъ своимъ клятвамъ , безъ всякаго неудовольствія на Россію , объявилъ ей войну , то есть , жегъ и грабилъ въ ея предѣлахъ. Сей тайный

договоръ исполнился немедленно: въ Маѣ 1512 года сыновья Хановы, Ахмать и Бурнашъ-Гирей, со многочисленными шайками ворвались въ области Бѣлевскія, Одоевскія: злодѣйствовали какъ разбойники и бѣжали, узнавъ, что Князь Данилъ Щеняевиѣчь ихъ встрѣтитъ въ полѣ ⁽⁸⁶⁾. Хотя Государь совсѣмъ не ожидалъ впаденія Крымцевъ, однакожь не имѣлъ нужды въ долгихъ приготовленіяхъ: со времени его отца Россія уже никогда не была безоружною; никогда всѣ полки не распускались, сѣмаясь только одни съ другими въ дѣйствительной службѣ ⁽⁸⁷⁾. За Даниломъ Щеняевиѣчемъ выступили и многіе иныя Воеводы къ границамъ. Ахмать-Гирей думалъ въ Іюль мѣсяцъ опустошить Рязанскую землю; но Князь Александръ Ростовскій стоялъ на берегахъ Оостра, Князь Булгакъ и Конюшій Челядинъ на Упѣ: Ахмать удалился. Болѣе смѣлости оказалъ сынъ Ханскій, Бурнашъ-Гирей: онъ приступилъ къ самой Рязанской столицѣ и взялъ нѣкоторыя вышнія укрѣпленія: города не взял. Воеводы Московскіе гнали Крымцевъ степями до Тихой Сосны ⁽⁸⁸⁾.

Великій Князь зналъ истиннаго виновника сей войны, и желая усовѣститъ Менгли-Гирея, представлялъ ему ⁽⁸⁹⁾, что старая дружба, утвержденная священными клятвами и взаимною государственною

Набѣги
Крым-
цевъ.

пользою, лучше новой, основанной на подкупѣ, требующей вѣроломства и весьма ненадежной; что мы помнимъ услуги, а Литовцы помнятъ долговременную вражду сего Хаана; что первое, возбуждая признательность, укрѣпляетъ связь дружества, а второе готовить месть, которая если не вынѣ, то завтра обнаружится. Менгли-Гирей, извиняя себя, отвѣчалъ, что Царевичи безъ его повелѣнія и вѣдома воевали Россію. Сіе могло быть справедливо ⁽⁹⁰⁾: тѣмъ не менѣе постоянный, счастливый для насъ союзы, дѣло Иоанновой мудрости, рушился навѣки, и Крымъ способствовалъ возрожденію нашего величія, обратился для Россіи въ скопище губителей.

Война
съ Лит-
вою.

Скоро свѣдалъ Василій, что Король готовить полки и неотступно убѣждаетъ Менгли-Гирея дѣйствовать противъ насъ всѣми силами, желая вмѣстѣ съ нимъ начать войну лѣтомъ ⁽⁹¹⁾. Въ Думѣ Велико-княжеской рѣшено было предупредить сей замыселъ: Государь послалъ къ Сигизмунду *складную грамоту*, написалъ въ ней имя Королевское безъ всякаго титула, нечислилъ въ знаки его непримиримой вражды, оскорбленіе Королевы Елены, нарушение договора, стараніе возбудить Менгли-Гирея ко впаденію въ Россію, и заключилъ сими словами: «взявъ себѣ Господа въ помощь, иду на тебя и хочу

«стоять, какъ будетъ угодно Богу: а крестное цѣлованіе слагаю» (92). Тогда находились въ Москвѣ Послы Ливонскіе, которые, бывъ свидѣтелями нашего вооруженія, извѣстили своего Магистра, Плеттенберга, что никогда Россія не имѣла многочисленнѣйшаго войска и сильнѣйшаго огнестрѣльнаго снаряда; что Великій Князь, нѣмая гнѣвомъ на Короля, сказалъ: «доколѣ конь мой будетъ ходить и мечь рубить, не дамъ покоя Литвѣ» (93). Самъ Василій предводительствовалъ ратію и выѣхалъ изъ столицы 19 Декабря съ братьями Юріемъ и Димитріемъ, съ зятемъ Царевичемъ Петромъ и съ Михаиломъ Глинскимъ (94). Главными Воеводами были г. 1513. Князья Данилъ Щеня и Рѣпня. Приступили къ Смоленску. Тутъ гонецъ Королевскій подалъ Василю письмо отъ Сигизмунда, который требовалъ, чтобы онъ немедленно прекратилъ воинскія дѣйствія и вышелъ изъ Литвы, если не хочетъ испытать его мести. Великій Князь не отвѣтствовалъ, а гонца задержалъ. Назначили быть приступу ночью, отъ рѣки Днѣпра. Для ободренія людей выкатили нѣсколько бочекъ крѣпкаго меду: пилъ, кто и сколько хотѣлъ. Сіе средство оказалось весьма неудачнымъ. Шумъ и крикъ пьяныхъ возвѣстилъ городу нѣчто чрезвычайное: тамъ удвоили осторожность. Они бросились смѣ-

до на укрѣпленія; но хмѣль не устоялъ противъ ужасовъ смерти. Встрѣченныя ядрами и мечами, Россіяне бѣжали ⁽⁹⁵⁾, и Великій Князь чрезъ два мѣсяца возвратился въ Москву, не взявъ Смоленска, разоривъ только села и плѣнивъ ихъ жителей.

Въ сіе время скончалась въ Вильнѣ вдовствующая Королева Елена, умная и добродѣтельная, бывъ жертвою горести, а не яда, какъ подозрѣвали въ Москвѣ отъ ненависти къ Литовцамъ ⁽⁹⁶⁾: ибо Сигизмундъ имѣлъ въ ней важный залогъ для благопріятнаго съ нами мира, коего онъ желалъ, или еще не готовый къ войнѣ, или не довѣряя союзу Менгли-Гирея, и не имѣя надежды одинъ управиться съ Россією. Онъ тогда же просилъ *опасныхъ грамотъ* въ Москвѣ для его Пословъ: Вельможи Литовскіе писали къ нашимъ Боярамъ, чтобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе ⁽⁹⁷⁾. Письмо отъ гонца взяли въ Набережной Палатѣ, дали ему *опасную грамоту*, и Бояре отвѣтствовали Панамамъ, что Великій Князь сдѣлалъ то единственно изъ уваженія къ ихъ предстательству. Срокъ назначенный въ грамотѣ миновалъ: Сигизмундъ извѣстилъ Василія, что виною сего замедленія были Послы Римскіе, которые ѣдутъ въ Москву отъ Папы, и что вмѣстѣ съ ними будутъ и Литовскіе. Онъ просилъ новаго *опаса*, и получилъ его.

Однакожь , не теряя времени , Государь ^{1 июня 44.} вторично выступилъ изъ Москвы съ полками , отправивъ напередъ къ Смоленску знатную часть рати съ Бояриномъ Княземъ Рѣшнею и съ Околыничимъ Сабуровымъ ⁽⁹⁸⁾. Намѣстникъ Смоленскій , Панъ Юрій Сологубъ , имѣя не мало войска , встрѣтилъ ихъ въ полѣ: битва рѣшилась въ нашу пользу ; онъ заключился въ городъ. Привели многихъ плѣнниковъ къ Василию въ Боровскъ , и Воеводы обложили Смоленскъ. Государь прибылъ къ нимъ въ станъ 25 Сентября. Началась осада; но худое искусство въ дѣйствіи огнестрѣльнаго снаряда и положеніе города , укрѣпленнаго высокими стѣнами , а еще болѣе стремнинами , холмами , дѣлало ее безуспѣшною. Что мы днемъ разрушали , то Литовцы ночью воздвигали снова. Тщетно Великій Князь писалъ къ осажденнымъ , или милостиво или съ угрозами , требуя , чтобы они сдались. Минувало шесть недѣль. Войско наше успѣлось приходомъ Новгородскаго и Псковскаго ⁽⁹⁹⁾. Можно было упорствомъ и терпѣніемъ изнурить граждашъ ; но глубокая осень , дожди , грязь , принудили Великаго Князя отступить. Россіане хвалились единственно опустошеніемъ землѣ непріятельской вокругъ Смоленска и Полоцка , куда ходилъ изъ Вели-

кихъ Лукъ Князь Василій Шуйскій , также со многочисленными полками.

Союзъ
съ Им-
перато-
ромъ.

Дѣйствуя мечемъ, Государь дѣйствовалъ и Политикою. Еще въ 1508 году — свѣдавъ отъ Михаила Глинскаго , что Венгерскій Король , Владиславъ , боленъ , и что Максимиліанъ опять замышляетъ овладѣть сею Державою — Великій Князь писалъ къ Императору о войнѣ Россіи съ Литвою , напоминалъ ему союзъ его съ Іоанномъ и предлагалъ возобновить оный. Михаилъ взялся тайно переслать Василіеву г. 1514. грамоту въ Вѣну (¹⁰⁰). Дѣла Италіи и другія обстоятельства были виною того , что Максимиліанъ долго не отвѣтствовалъ. Наконецъ въ Февралѣ 1514 года пріѣхалъ въ Москву Императорскій Посолъ , Совѣтникъ Георгій Шниценъ-Намеръ , который именемъ Государя своего заключилъ договоръ съ Россією , чтобы общими силами и въ одно время наступить на Сигизмунда : Василію отнять у него Кіевъ и всѣ наши древніе города , а Максимиліану Прусскія области , захваченныя Королемъ. Обязались ни въ случаѣ успѣха , ни въ противномъ , какъ въ государствованіе Сигизмунда , такъ и послѣ , не разрывать сего союза , вѣчнаго , непремѣннаго ; условились также въ свободѣ и безопасности для путешественниковъ , Пословъ и купцевъ въ обѣихъ земляхъ. Максимиліанъ и Василій

именуютъ другъ друга братьями , Великими Государями и Царями. Русскую договорную грамоту перевели въ Москвѣ на языкъ Нѣмецкій , и вмѣсто слова Царь поставили Kayser. Въ Мартѣ Шницеръ—Намеръ отправился назадъ въ Германію съ Великокняжескимъ чиновникомъ , Грекомъ Дмитріемъ Ласкиревымъ , и съ Дьякомъ Елеазаромъ Суковымъ , предъ которыми Максимиліанъ 4 Августа утвердилъ договоръ клятвою , собственноручною подписью и золотою печатію ⁽¹⁰¹⁾. Нѣмецкій подлинникъ сей любопытной грамоты , уцѣлѣвъ въ нашемъ Архивѣ , служилъ Петру Великому законнымъ свидѣтельствомъ , что самые предки его назывались Императорами , и что Австрійскій Дворъ призналъ ихъ въ семъ достоинствѣ. — Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ новые Послы Максиміліановы , Докторъ Яковъ Ослеръ и Морицъ Бургштеллеръ , вручили Великому Князю хартію союза , были приняты съ отмѣнною ласкою , и не только въ Москвѣ , но и во всѣхъ городахъ пышно угощаемы Намѣстниками : ихъ звали на обѣды , Дѣти Боярскіе встрѣчали у лѣспыцы , знатные сановники на нижнемъ крыльцѣ , Намѣстники у дверей въ сѣняхъ ; сажали въ первое мѣсто ; хозяинъ , вставъ , подавалъ имъ двѣ чаши , пить здоровье Государей—братьевъ , соблюдая однакожь , чтобы гости начинали съ Россійскаго ⁽¹⁰²⁾. Однимъ словомъ , никакимъ инымъ Посламъ не оказывалось болѣе чести , и безполезнѣе : ибо

Максимиліанъ , опутанный дѣлами Южной и Западной Европы , скоро перемѣнилъ систему : выдалъ свою внуку , Марію , дочь Филиппа Кастильскаго , за племянника Сигизмундова , наследника Владиславова , а юнаго Фердинанда , Филиппова сына , женилъ на дочери Короля Венгерскаго , и только именемъ остался союзникъ Россіи.

М и р-
ный до-
говоръ
съ Ган-
зою.

Въ сіе время Новгородскіе Намѣстники , Князь Василій Шуйскій и Морозовъ , заключили также достопамятное мирное условіе съ семидесятью городами Нѣмецкими , или съ Ганзою , на десять лѣтъ . Чтобы возобновить свою древнюю торговлю въ Новѣгородѣ , она рѣшилась забыть претерпѣнное кунцами ея въ Россіи бѣдствіе : обязалась не имѣть дружбы съ Сигизмундомъ , ни съ его друзьями , и во всемъ доброхотствовать Василю , который велѣлъ отдать Нѣмцамъ дворы , мѣста и церкви ихъ въ Новѣгородѣ ; позволилъ имъ торговать солью , серебромъ , оловомъ , мѣдью , свинцомъ , сѣрою , медомъ , сельдами и всякими ремесленными произведеніями , обнадеживъ , что въ случаѣ войны съ Ливонією или съ Швецією Ганзейскіе кунцы могутъ быть у насъ совершенно покойны . Уставили , чтобы Россіянь судить въ Германіи какъ Нѣмцевъ , а Нѣмцевъ въ Новѣгородѣ какъ Россіянь по однимъ законамъ ; не наказывать первыхъ

безъ вѣдома Намѣстниковъ Великокняжескихъ, а вторыхъ безъ вѣдома Ганзы ; никого не лишать вольности безъ суда ; разбойника, злодѣя казнить смертію : только не метить его невиннымъ единоземцамъ ⁽¹⁰³⁾. Великій Князь желалъ , исправляя ошибку Іоаннову , возстановить сію важную для насъ торговлю ; но двадцати-лѣтній разрывъ и перемѣна въ политическомъ состояніи Новгорода ослабили ея дѣятельность, уменьшили богатство и пользу обоюдную. Рижскій Бургомистръ , Нейштетъ , около 1570 года будучи въ Новѣгородѣ , видѣлъ тамъ развалины древней каменной Нѣмецкой божницы Св. Петра и маленькій деревянный домикъ съ подваломъ , гдѣ еще складывались нѣкоторые товары Ганзейскіе ⁽¹⁰⁴⁾.

Уже Іоаннъ , какъ мы видѣли , искалъ пріязни Баязета, но единственно для безопасности нашихъ купцовъ въ Азовѣ и Кафѣ , еще не думая , чтобы Россія могла имѣть выгоды отъ союза съ Константино-
 полемъ въ дѣлахъ вѣшней Политики : Ва-
 силій хотѣлъ въ семъ отношеніи узнать
 мысли Султана, и свѣдавъ, что несчастный
 Баязетъ сверженъ честолюбивымъ, жесто-
 кимъ сыномъ , отправилъ къ Селиму Дво-
 рянина Алексѣева съ ласковымъ поздравле-
 ніемъ. «Отцы наши» — писалъ Государь —
 «жили въ братской любви : да будетъ она и

Посоль-
ство Ту-
рецовъ.

«между сыновьями.» Послу, какъ обыкновенно, велѣно было не унижать себя, не кланяться Султану до земли, сложить только передъ нимъ руки; вручить ему дары, письмо, но не спрашивать объ его здравіи, если Селимъ не спроситъ о Василіевомъ. Алексеѣвъ, принятый въ Константинополь весьма благосклонно, выѣхалъ оттуда съ Посломъ Султановымъ, Княземъ Мангунскимъ, Θεодоритомъ Камаломъ, знакомцемъ нашего именитаго чиновника, Траханиота, и, какъ вѣроятно, Грекомъ ⁽¹⁰⁸⁾. Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ Августа до Мая); терпѣли недостатокъ, голодъ въ степяхъ Воронежскихъ; лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди посланные къ нимъ отъ Великаго Князя. Сей первый Турецкій Посолъ въ Москвѣ возбуждалъ любопытство ея жителей, которые съ удовольствіемъ видѣли, что грозные завоеватели Византіи ищутъ нашей дружбы. Его встрѣтили пышно: Великій Князь сидѣлъ въ Малой Набережной Палатѣ; вокругъ Болре въ *саженныхъ* шубахъ; у дверей стояли *Княжата* и *Дѣти Болрекіе* въ *саженныхъ терликахъ*. Представленный Государю Княземъ Шуйскимъ, Посолъ отдалъ ему Султанскую грамоту, писанную на языкѣ Арабскомъ, а другую на Сербскомъ; цѣловалъ у Василія руку; объявилъ желаніе Селимова быть съ нимъ въ вѣчной любви, имѣть однихъ друзей и непріятелей; обѣдалъ во дворцѣ, въ Средней Златой Палатѣ ⁽¹⁰⁸⁾. Великій

Князь желалъ заключить съ Селимомъ договоръ письменный ; но Камалъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то приказанія. «По крайней мѣрѣ — говорили Бояре — Государь «долженъ знать, кто друзья и непріатели «Султану, чтобы, согласно съ его предло- «женіемъ, быть имъ также другомъ и не- «пріателемъ.» Посолъ не смѣлъ входить въ объясненія столь важныя ⁽¹⁰⁷⁾. — Селимъ убѣждалъ Великаго Князя изъ дружбы къ нему отпустить Летифа въ Тавриду, но получилъ отказъ.

Во время переговоровъ съ нимъ чинovníкомъ Султанскимъ наше войско выступало изъ Москвы. Великій Князь пылалъ ревностію загладить неудачу двухъ походовъ къ Смоленску, думая менѣе о собственной рат- <sup>Взятіе
Смоленска.</sup> ной славѣ, чѣмъ о вредѣ государственномъ, который могъ быть ихъ слѣдствіемъ : Литовцы уже переставали бояться нашихъ многочисленныхъ ополченій, и думали, что завоеванія Россіянъ были единственно счастіемъ Іоанновымъ ; надлежало увѣрить и непріятелей и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, страхомъ уменьшить силу первыхъ, бодростію увеличить нашу. Поощряя Василія къ неустойчивости къ войнѣ, Михаилъ Глинскій ручался за успѣхъ новаго приступа къ Смоленску, съ условіемъ, какъ нишутъ, чтобы Великій Князь отдалъ ему сей городъ въ Удѣлъ наследствен-

ный ⁽¹⁰⁸⁾. По крайней мѣрѣ Глицскій оказалъ тогда Государю важную услугу, цѣлавъ въ Богеміи и въ Германіи многихъ людей искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, которые пріѣхали въ Москву черезъ Ливонію ⁽¹⁰⁹⁾.

Самъ предводительствуя войскомъ, Великій Князь выѣхалъ изъ столицы 8 Іюня съ двумя братьями, Юріемъ и Симеономъ; третьему, Дмитрію, велѣлъ быть въ Серпуховѣ; четвертаго, Андрея, оставилъ въ Москвѣ съ Царевичемъ Петромъ. 220 Бояръ и Придворныхъ Дѣтей Боярскихъ находилось въ Государевой дружинѣ ⁽¹¹⁰⁾. Въ Тулѣ, на Угрѣ стояли полки запасные. Государь осадилъ Смоленскъ, и 29 Іюля начали стрѣлять по городу изъ-за Дѣбира, большими и маленькими ядрами, *окованными свинцомъ*. Иѣтъ ни сѣть хвалить искусство главнаго Московскаго пушкаря, именемъ Стефана: отъ ужаснаго дѣйствія его орудій колебались стѣны и люди падали толпами; а пушки Литовскія, разрываясь, били своихъ ⁽¹¹¹⁾. Весь городъ покрылся густыми облаками дыма; многія зданія пылали; жители въ безпамятствѣ воили, и простирая руки къ осаждающимъ, требовали милосердія. Въ тысячу голосовъ кричали со стѣны: «Государь Великій Князь! уйми мечь свой! Мы тебѣ повинемся.» Пальба затихла. Смоленскій Епископъ, Варсонофій, вышелъ на мостъ, объявляя, что Воевода, Юрій Сологубъ, готовъ начать переговоры въ слѣдующій день. Великій Князь не далъ ни малѣйшаго срока и приказалъ снова громить крѣ-

ность. Епископъ возвратился со слезами. Вопль народный усилился. Съ одной стороны смерть и пламя, съ другой убѣжденія многихъ преданныхъ Россіи людей дѣйствовали такъ сильно, что граждане не хотѣли слышать о дальнѣйшемъ сопротивленіи, вины Сигизмунда въ нерадивости. Воевода Юрій именемъ Королевскимъ обѣщалъ имъ скорое вспоможеніе: ему не вѣрили, и Духовенство, Князья, Бояре, мѣщане Смоленскіе послали сказать Государю, что они не входятъ съ нимъ ни въ какіе договоры, моля его единственно о томъ, чтобы онъ мирно взялъ ихъ подъ Россійскую Державу и допустилъ видѣть лице свое. Вдругъ прекратились всѣ дѣйствія непріятельскія. Епископъ, Архимадриты, Священники съ иконами и съ крестами, — Намѣстникъ, Вельможи, чиновники Смоленскіе явились въ станъ Россійскомъ, проливали слезы, говорили Великому Князю: «Государь! довольно «стекло крови Христіанской; земля наша, твоя «отчина, пустьъ: пріими градъ съ *тихостию*.» Епископъ благословилъ Василя, который велѣлъ ему, Юрію Сологубу и знатнѣйшимъ людямъ идти въ Великокняжескій шатеръ, гдѣ они, давъ клятву въ вѣрности къ Россіи, обѣдали съ Государемъ и должны были остаться до утра; а другихъ отпустили назадъ въ городъ. Стража Московская смѣнила Королевскую у всѣхъ воротъ крѣпости. Геройъ Іоанновъ, старецъ Князь Даніилъ Щеня, на разсвѣтъ вступилъ въ бѣгу съ полками коными: переписавъ жителей, обя-

залъ ихъ присягою служить , доброхотствовать Государю Россійскому , не думать о Королѣ , забыть Литву.

Августа 1 Епископъ Варсонофій торжественно святилъ воду на Дѣвирѣ и съ крестами пошелъ въ городъ ; за Духовенствомъ Великій Князь, Воеводы и все воинство въ стройномъ чинѣ. Бояре Смоленскіе, народъ, жены, дѣти встрѣтили Василія въ предмѣстіи *съ очами свѣтлыми*. Епископъ окропилъ святою водою Государя и народъ. Въ храмъ Богоматери отиѣли молебенъ. Протодіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе побѣдителю. Благословивъ Великаго Князя животворящимъ крестомъ, Епископъ сказалъ ему : «Божією милостію радуйся и здравствуй, православиный Царь всея Русіи , на своей отчинѣ и *«дѣдинѣ»* града Смоленска !» Тутъ братья Государевы , Бояре , Воеводы , чиновники и все жители Смоленскіе , поздравивъ его , начали цѣловаться другъ съ другомъ ; плакали въ восхищеніи сердець , называясь родными , друзьями , единовѣрными. Окруженный воинскими сановниками , Василій сквозь толпы ликующаго народа прибылъ во дворецъ древнихъ Князей Мономахова племени и сѣлъ на ихъ тронѣ , среди Бояръ и Воеводъ ; призывалъ знатнѣйшихъ гражданъ , объявилъ имъ милость , далъ грамоту льготную и Намѣстника , Князя Шуйскаго ; утвердилъ права собственности , личную безопасность, свободу, уставы Витовтовы, Александровы и Сигизмундовы ⁽¹¹²⁾ ; всѣхъ угостилъ обѣ-

домъ ; жаловалъ соболями, бархатами, камками, златыми деньгами. Оставивъ Варсонофія на Святительскомъ престолѣ, онъ дозволилъ бывшему Градоначальнику Сологубу ѣхать въ Литву, также и всѣмъ Королевскимъ воинамъ, выдавъ на каждого человѣка по рублю ; а тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно записались къ намъ въ службу, по два рубля и по сукну Лунскому ; не отнялъ земель ни у Дворянъ, ни у церквей ; не вывелъ никого изъ Смоленска, ни Цана, ни гражданина ⁽¹¹³⁾ ; служивымъ людямъ назначилъ жалованье. Счастливый въ душѣ Государь изъявлялъ только любовь, снисхожденіе къ новымъ подданнымъ, радуясь, что совершилъ намѣреніе великаго отца своего и къ завоеваніямъ его прибавилъ столь блестящее. Взятіе Смоленска, говоритъ Лѣтописецъ, казалось свѣтлымъ праздникомъ для всей Россіи. Отнять чуждое лестно одному славолюбію Государя; но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лѣтъ находился Смоленскъ подъ властію Литвы. Уже обычаи измѣнились; но имя Русское еще трогало сердце жителей, и любовь къ древнему отечеству, вмѣстѣ съ братскимъ духомъ Единовѣрія, облегчили для Великаго Князя сіе важное завоеваніе, приписанное Сигизмундомъ измѣнѣ, кознямъ Михаила Глинскаго, подкупу, обману ⁽¹¹⁴⁾. Сологубу отсѣкли въ Литвѣ голову ⁽¹¹⁵⁾ : онъ конечно не былъ измѣнникомъ, отвергнувъ все милостивыя предложенія Василіевы, не захотѣвъ ни за какое богатство,

ни за какіе чины остаться въ Россіи. Въ дѣлахъ государственныхъ несчастіе бываетъ преступленіемъ. Но Михаилъ дѣйствительно могъ имѣть тайныя связи въ Смоленскѣ: по крайней мѣрѣ онъ думалъ, что ему, изъ благодарности за его услуги, отдадутъ сей знаменитый городъ во владѣніе. Великій Князь не сдѣлалъ того, и смѣялся, какъ увѣряютъ, надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую ⁽¹¹⁶⁾.

Государь немедленно отрядилъ Воеводъ Московскихъ и Смоленскихъ ко Мстиславлю, гдѣ княжилъ тогда одинъ изъ потомковъ Гедимінова сына, Евнутія, Михаилъ: не имѣя силъ противиться, онъ выѣхалъ на встрѣчу къ нашему войску, присягнулъ Россіи, былъ у Великаго Князя, и милостиво имъ одаренный, возвратился въ свою отчину. Граждане Кричева и Дубровны сами собою намъ поддалися ⁽¹¹⁷⁾. Довольный сими пріобрѣтеніями, Василій не желалъ иныхъ: учредилъ Правительство въ Смоленскѣ, оставилъ тамъ часть войска, другую послалъ къ Борисову, къ Минску, и самъ возвратился въ Дорогобужъ ⁽¹¹⁸⁾. Михаилъ Глинскій стоялъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ близъ Орши. Никто не зналъ объ его злыхъ умыслахъ. Потерявъ надежду видѣть себя Владѣтельнымъ Княземъ Смоленскимъ, досадуя на Василія и жалѣя о Литвѣ,

Пѣвѣна
Глин-
скаго.

онъ тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъявлялъ раскаяніе, обѣщалъ загладить прошедшее. Личная, справедливая ненависть къ измѣннику уступила явной пользѣ государственной: Король увѣрилъ Глинскаго въ милости. Утвердили договоръ клятвами; согласились, чтобы войско Литовское шло, какъ можно скорѣе, къ Дибпру: ибо Михаилъ отвѣтствовалъ Королю за побѣду. Уже сіе войско находилось близъ Орши: Глинскій, узнавъ о томъ, ночью сѣлъ на коня и бѣжалъ изъ Россійскаго стана; но отбѣжалъ не далеко. Одинъ изъ его слугъ извѣстилъ Воеводу нашего, Князя Булгакова-Голлицу, о бѣгствѣ измѣнника: Воевода въ ту же минуту съ легкою дружиною поскакалъ за нимъ къ обгону, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій бѣжалъ впереди; за нимъ, въ верстѣ, толпа вооруженныхъ слугъ: ихъ и господа схватили и представили въ Дорогобужѣ Великому Князю. Глинскій не могъ заираться: у него вынули изъ кармапа Сигизмундовы письма (¹¹⁹). Готовясь къ смерти, онъ говорилъ смѣло о своихъ услугахъ и неблагодарности Василіевой. Государь приказалъ отвезти его скованнаго въ Москву; а Воеводамъ нашимъ, Князю Булгакову, Боярину Челяднину и многимъ другимъ идти на встрѣчу къ непріятельской рати. Константинъ Острожскій предводительствовалъ ею. Пишутъ, что нашихъ было 80,000, Литовцевъ же только 35,000, (¹²⁰). Сошлись на берегахъ Дибпра, и нѣсколько дней стояли тихо, Россіице

Битва
Оршин-
ская.
8 Сеп-
тября

на лѣвомъ , Литовцы на правомъ. Чтобы усыпить Московскихъ Воеводъ , Константинъ предлагалъ имъ разойтись безъ битвы ⁽¹²¹⁾ , и тайно наводилъ мостъ въ пятнадцать верстахъ отъ ихъ стана. Узнавъ, что половина непріятелей уже на сей сторонѣ рѣки , гордый Бояринъ Челяднинъ сказалъ : «мнѣ мало половины ; жду ихъ всѣхъ , и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними» ⁽¹²²⁾. Конница , пѣхота Литовская перешли , устроились , заняли выгодное мѣсто : началась кровопролитная битва. Увѣряютъ , что главные Воеводы Московскіе , Князь Булгаковъ-Голиця и Бояринъ Челяднинъ , отъ зависти не хотѣли помогать другъ другу ; что движенія нашего войска не имѣли связи , ни общей цѣли ; что въ самомъ пылу сраженія Челяднинъ выдалъ Булгакова и бѣжалъ ⁽¹²³⁾. По другимъ извѣстіямъ , Князь Константинъ употребилъ хитрость : отступилъ притворно , навелъ Россіяниъ на пушки , и въ то же время зашелъ имъ въ тылъ ⁽¹²⁴⁾. Всѣ говорятъ согласно , что Литовцы никогда не одерживали такой знаменитой побѣды надъ Россіянами : гнали , рѣзали , топили ихъ въ Дѣбирѣ и въ Кронвиѣ ; тѣлами усѣяли поля между Оршею и Дубровною ; плѣнили Булгакова , Челяднина и шесть иныхъ Воеводъ , тридцать семь Князей , болѣе 1500 Дворянъ и чиновниковъ ⁽¹²⁵⁾ ; взяли обозъ ,

знамена, снарядъ огнестрѣльный; однимъ словомъ, въ полвой мѣрѣ отметили намъ за Ведрошскую битву. Мы лишились тридцати тысячъ воиновъ: ночь и лѣса спасли остальныхъ. На другой день Константинъ торжествовалъ побѣду надъ своими единовѣрными братьями и Русскимъ языкомъ славилъ Бога за истребленіе Россіянъ ⁽¹²⁶⁾; пышно угостилъ знатныхъ плѣнниковъ и немедленно отправилъ къ Сигизмунду, который велѣлъ Челяднина и Булгакова оковать цѣпями: слѣдственно наказалъ ихъ за то, что они услужили ему своимъ неразуміемъ. Сіи несчастные Воеводы долго томились въ неволѣ, презираемые Лптвою и какъ бы забвенные отечествомъ ⁽¹²⁷⁾. — Сигизмундъ, будучи въ себя отъ радости, сиѣшилъ извѣстить всю Европу о славѣ Лптовскаго оружія; дарилъ Государей и Папу нашими плѣнниками ⁽¹²⁸⁾; мыслилъ, что отниметъ у Россіи не только Смоленскъ, но и всѣ ея прѣжнія завоеванія ⁽¹²⁹⁾; что Василій не можетъ собрать новыхъ сильныхъ полковъ, и что ему остается только бѣжать во глубину Московскихъ лѣсовъ. Король ошибся: сія блестящая побѣда не имѣла никакихъ важныхъ слѣдствій.

Съ первою вѣстію о нашемъ несчастіи прискакали въ Смоленскъ нѣкоторые раненные въ битвѣ чиновники Великокняжескіе. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Многіе тамошніе Бояре думали, подобно Сигизмунду, что Россія уже пала: совѣтовались между собою, съ Епископомъ

Изиди
Еписко-
па Смо-
ленска-
го.

П р и-
ступъ
О с т-
рожа-
го въ
С м о-
ленску.

Варсонофіемъ, и рѣшился измѣнить Госу-
дарю. Епископъ тайно послалъ къ Королю
своего племянника, ⁽¹³⁰⁾ съ увѣреніемъ,
что если онъ немедленно пришлетъ войско,
то Смоленскъ будетъ его. Но другіе вѣр-
ные Бояре донесли о семъ умыслѣ Намѣст-
нику, Князю Василю Шуйскому, который,
едва успѣвъ взять измѣнниковъ и самого
Епископа подъ стражу, увидѣлъ знамена
Литовскія: самъ Константинъ съ шестью
тысячами отборныхъ воиновъ явился предъ
городскими стѣнами. Тутъ Шуйскій изу-
милъ его и жителей зрѣлищемъ ужаснымъ:
велѣлъ на стѣнѣ, въ глазахъ Литвы, повѣ-
сить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ Святи-
теля, надѣвъ на нихъ собольи шубы, бар-
хаты, камки, а другимъ привязавъ къ шеѣ
серебряные ковши или чарки, пожалова-
ныя имъ отъ Великаго Князя ⁽¹³¹⁾. Кон-
стантинъ воспылалъ гнѣвомъ: приступилъ
къ Смоленску; но измѣнниковъ уже не бы-
ло: граждане и воины бились мужественно
съ Литвою. Константинъ ушелъ: Россіане
захватили не мало плѣнниковъ и часть
обоза. Недостойнаго Пастыря, Варсонофія,
отвезли въ Дорогобужъ къ Великому Кня-
зю, который, изъявивъ удовольствіе Шуй-
скому, и давъ всѣ нужныя повелѣнія для
безопасности Смоленска, возвратился въ
Москву ⁽¹³²⁾. — Литовцы заняли только

Дубровну, Мстиславль и Кричевъ, гдѣ жители снова присягнули Сигизмунду.

Король желалъ отдохновенія и распустилъ войско; но сынъ Менгли-Гиреевъ, Магметъ, узнавъ о побѣдѣ его, хотѣлъ воспользоваться-ею, чтобы опустошить южныя владѣнія Россійскія, съ помощію новаго измѣнника нашего, Воеводы Евстафія Дашковича. Мы упоминали о семъ Литовскомъ бѣглецѣ, коего милостиво принялъ Іоаннъ ⁽¹³³⁾, и который, служивъ нѣсколько лѣтъ Василю, ушелъ къ Сигизмунду въ слѣдъ за Константиномъ Острожскимъ. Получивъ отъ Короля во владѣніе Капевъ и Черкасы, имѣя воинскія достоинства, смѣлость, мужество, Дашковичъ прославился въ Исторіи Диѣровскихъ Козаковъ, заслуживъ имя ихъ Ромула ⁽¹³⁴⁾: образовалъ, устроилъ сіе легкое, дѣятельное, неутомимое ополченіе, коему удивлялась Европа; избралъ Вождей, ввелъ строгую подчиненность, далъ каждому воину мечъ и ружье; наблюдалъ всѣ движенія Крымцевъ и преграждалъ имъ путь въ Литву. Дашковичъ г. 1513. зналъ Россію и казался для насъ тѣмъ опаснѣе: вмѣстѣ съ Кіевскимъ Воеводою, Андреемъ Немировичемъ, онъ присоединился къ толпамъ Магметъ-Гиреевымъ, думая взять Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, гдѣ не было ни Князей, ни Московской рати: Шемякинъ и Князь Василій

Набѣлъ
Крым-
цевъ.

Стародубскій находились тогда у Государя (135). Непріатели, сверхъ многочисленной конницы, имѣли тяжелый снарядъ огнестрѣльный. Но Воеводы Сѣверскіе отстояли города : ибо Магметъ-Гирей боялся тратить людей на приступахъ ; не слушался Литовскихъ предводителей , и заключилъ свой походъ бѣгствомъ.

Вторич-
ное по-
сылъ-
ство къ
Султану.
87.

Тѣмъ не менѣе Василій съ огорченіемъ видѣлъ , что измѣна Менгли-Гиреева въ пользу Литвы уменьшаетъ силы Россіи. Онъ искалъ новаго средства обратить Хана къ прежней системѣ. Посолъ Турецкій еще былъ въ Москвѣ : Государь отпустилъ его въ Константинополь съ своимъ ближнимъ Дворяниномъ, Васильемъ Коробовымъ, написавъ съ нимъ въ отвѣтной грамотѣ къ Султану о вѣроломствѣ Менгли-Гирея , и прося , чтобы Селимъ запретилъ Хану дружитья съ Литвою (136). Коробову надлежало стараться о заключеніи рѣшительнаго союза между Россією и Портою Оттоманскою , съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ , особенно противъ Литвы и Тавриды , ежели Менгли-Гирей не отступитъ отъ Сигизмунда. — Но Коробовъ не успѣлъ въ главномъ дѣлѣ : Селимъ писалъ къ Государю, что пришлетъ въ Москву новаго Посла и не сдержалъ слова , будучи занятъ войною Персидскою. Уставили единственно правила свободной

торговли въ Азовѣ и въ Кафѣ для нашихъ купцевъ.

Въ сіе время не стало Менгли-Гирея ⁽¹³⁷⁾: Россія могла бы справедливо оплакивать его кончину, если бы онъ былъ для Василія тоже, что для Іоанна. Сей достопамятный въ Исторіи Ханъ пережилъ самого себя, бывъ въ послѣдніе годы только тѣнію Царя, и Великій Князь могъ ждать болѣе успѣха въ дѣлахъ съ его послѣдникомъ, старшимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ. Къ несчастію, новый Ханъ не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Ашкору, любилъ пить до чрезмѣрности, рабѣнствовалъ женамъ, не зналъ добродѣтелей государственныхъ, зналъ одну прелесть корысти, былъ истиннымъ Атаманомъ разбойниковъ. Сначала онъ изъявлялъ желаніе иріобрѣсти дружбу Россіи, и съ честью отпустилъ Великокняжескаго Посла, Тучкова; но скоро, взявъ дары отъ Сигизмунда, прислалъ въ Москву Вельможу своего. Дувана, съ наглыми и смѣшными требованіями: писалъ, что взятіе Смоленска нарушаетъ договоръ Василіевъ съ Менгли-Гиреемъ, который будто бы пожаловалъ Смоленское Княженіе Сигизмунду; что Василій долженъ возвратитъ оное, также и Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Путивль, вмѣстѣ съ другими городами, будто бы данными Ханомъ, отцемъ его,

Смерть
Менгли-
Гирея.

Посоль-
ство
отъ но-
вого
Хана
Маг-
метъ-
Гирея
ваше
къ не-
му.

Іоанну въ знакъ милости (¹³⁸). Магметъ-Гирей требовалъ еще освобожденія всѣхъ Крымскихъ плѣнниковъ, дани съ Одоева, многихъ вещей драгоцѣнныхъ, денегъ; а въ случаѣ отказа грозилъ местию. Великій Князь не могъ образумить безсмысленнаго варвара; но могъ надѣяться на доброту нѣкоторыхъ Вельможъ Крымскихъ, въ особенности на втораго Менгли-Гиреева сына, Ахмата Хромаго, объявленнаго *Калгою Орды* или первымъ чиновникомъ по Хану: для того вооружился терпѣніемъ, чествалъ Посла, и въ удовольствіе Магметъ-Гирею освободилъ Лепфа: ибо сей бывший Царь Казанскій опять сидѣлъ тогда подъ стражею за непріятельскія дѣйствія Крымцевъ (¹³⁹). Ему снова позволено было ѣздить во дворецъ и на охоту; но Великій Князь не согласился отпустить его къ матери, которая желала отправиться съ нимъ въ Мекку. — Бояринъ Мамоновъ повезъ отвѣтныя грамоты и дары Хану, весьма умѣренные (¹⁴⁰). Онъ долженъ былъ сказать Магметъ-Гирею, что желанія его требованія суть плодъ Сигизмундова коварства: что Государь не только намѣренъ вѣчно владѣть Смоленскимъ Княженіемъ, но хочетъ отнять у Короля и всѣ пріе древніе города наши; что Менгли-Гирей утвердилъ свое могущество дружбою Россіи, а не Литвы, и что мы готовы возобновить союзъ,

г 4313.
4316.

ежели Ханъ съ искреннею любовію обратится къ Великому Князю и престанетъ намъ злодѣйствовать : ибо въ то самое время, когда его Посоль въѣзжалъ изъ Москвы, Крымцы нападали на Мещеру и толпились въ окрестностяхъ Азова, угрожая предѣламъ Рязанскимъ. — Главнымъ порученіемъ Мамонова было преклонить къ намъ Вельможъ Ханскихъ.

Два обстоятельства помогли сначала его успѣху : Магметъ-Гирей тщетно ждалъ новыхъ даровъ отъ Сигизмунда и свѣдалъ, что Султанъ имѣетъ особенное уваженіе къ Великому Князю ⁽¹⁴¹⁾. Хотя Мамоновъ нѣсколько разъ былъ оскорбляемъ наглостію Царедворцевъ ⁽¹⁴²⁾ ; хотя Магметъ-Гирей жаловался на скупость Василіеву : однакожь изъявилъ желаніе отстать отъ Короля и вызвался даже, въ залогъ союза, прислать одного изъ сыновей на житье въ Россію, ежели Великій Князь пошлетъ сильную рать водою на Астрахань. Уже написали и грамоту договорную, которую надлежало утвердить присягою въ день Менгли-Гиреева помяновенія ; но Сигизмундъ успѣлъ во время доставить 30,000 червонцевъ Хану ⁽¹⁴³⁾ : грамоту забыли, Посла Московскаго не слушали, и сынъ Магметъ-Гиреевъ, Царевичъ Богатырь, устремился на Россію съ голодными толпами : ибо отъ чрезвычайныхъ жаровъ сего лѣта поля и луга изсохли въ Тавридѣ. Опустошивъ села Мещерскія и Рязанскія, Богатырь ушелъ ; а Ханъ въ отвѣтъ на жалобы Великаго Князя просилъ его извинить молодость Царевича

ча, который будто бы самовольно тревожилъ Россійскія владѣнія. Еще мирныя сношенія не прерывались: мѣсто умершаго въ Тавридѣ Мамонова заступилъ Боярскій сынъ Шадринъ, умный, дѣятельный (¹⁴⁴). Весьма усердно помогалъ ему братъ Ханскій, Калга Ахматъ, ненавистникъ Литвы и другъ Россіи, гдѣ онъ на всякой случай готовилъ себѣ вѣрное убѣжище. «Мы живемъ въ худыя времена», говорилъ Ахматъ Послу Московскому: «отецъ нашъ повелѣвалъ «всѣми, дѣтьми и Князьями. Теперь братъ мой «Царь, сынъ его Царь, и Князья Цари» (¹⁴⁵). Истину сего доказывалъ Калга собственными поступками: господствуя въ Очаковѣ, нападалъ на Литовскіе предѣлы, вопреки дружбѣ Сигизмундовой съ Магметъ-Гиреемъ, и писалъ къ Василію: «не думая ни о чемъ иномъ, возьми для «меня Кіевъ: и помогу тебѣ завоевать Вильну, «Троки и всю Литву» (¹⁴⁶). Другіе Князья, также доброхотствуя намъ, враждовали Королю; увѣряли, что и Ханъ измѣнитъ ему, если Великій Князь будетъ только щедрѣе; а Магметъ-Гирею сказывали, что Россія намѣрена помогать его злодѣямъ, Ногаямъ и Астраханцамъ, если онъ не предпочтетъ ей союза Литовскому. Сія Вельможи и безстыдное корыстолюбіе самаго Хана произвели наконецъ то, что онъ, взявъ одною рукою Сигизмундово золото, занесъ другую съ мечемъ на его землю, не для услуги намъ, но единственно для добычи, пославъ 40,000 всадниковъ разорять южныя Королевскія владѣнія (¹⁴⁷).

Сей варваръ не боялся мести за свое вѣроломство, понимая, что Россія и Литва все простятъ ему, въ надеждѣ вредить черезъ него другъ другу. Между тѣмъ открылось новое важное обстоятельство, которое убѣждало его искать Василіевой пріязни.

Царь Казанскій, Магметъ-Аминь, занемогъ жестокою болѣзнію: отъ головы до ногъ, по словамъ Лѣтописца, онъ кипѣлъ гноемъ и червями; призывалъ цѣлителей, волхвовъ, и не имѣлъ облегченія; заражалъ воздухъ смрадомъ гніющаго своего тѣла, и думалъ, что сія казнь послана ему Небомъ за вѣроломное убіеніе столь многихъ Россіянъ и за неблагодарность къ Великому Князю Іоанну. «Русской Богъ караетъ меня,» говорилъ онъ ближнимъ: «Іоаннъ «былъ мнѣ отцемъ, а я, слушаясь коварной «жены, отплатилъ зломъ благодѣтелю. Те- «перь гибну: къ чему мнѣ серебро и золото, «престолъ и вѣнецъ, одръ многоцѣнный и «жены красныя? Оставляю ихъ другимъ.» Чтобы умереть спокойнѣе, Магметъ-Аминь желалъ удостовѣрить Василія въ своей искренности: прислалъ ему 300 коней украшенныхъ золотыми сѣдлами и червленными коврами, Царскій доспѣхъ, щитъ и шатеръ, подарокъ Владѣтеля Персидскаго, столь богатый и хитро вытканый, что Нѣмецкіе купцы разсматривали его въ Москвѣ съ удивленіемъ (148). Послы Казанскіе мо-

Бо-
лѣзнь в
посоль-
ствѣ
Царя
Казан-
скаго.

дали Великаго Князя объявить Летифа ихъ Владѣтелемъ въ случаѣ Магметъ-Аминевой смерти, обязываясь вѣчно зависѣть отъ Государя Московскаго и принимать Царей единственно отъ его руки (¹⁴⁹). Написали грамоту: Окольникій Тучковъ ѣздилъ съ нею въ Казань, гдѣ Царь, Вельможи и народъ утвердили сей договоръ клятвами. Василій, въ доказательство своего благоволенія къ Магметъ-Аминю, пожаловалъ Летифу городъ Коширу.

Ханъ Крымскій принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Казани, опасаясь, чтобы тамошніе Князья послѣ Магметъ-Аминя не взяли къ себѣ на престолъ кого нибудь изъ Астраханскихъ, ненавистныхъ ему Царевичей. Для сего онъ послалъ знатнаго человека въ Москву, дружески писалъ къ Великому Князю, хвалился разореніемъ Литвы, обѣщалъ немедленно дать свободу Московскимъ плѣнникамъ и заключить союзъ съ нами, если Государь возведетъ Летифа на Казанское Царство, отниметъ городокъ Мецкерскій, бывшее Нордоулатово помѣстье, у своего служиваго Царевича Астраханскаго Шигъ-Алея, уступить оное которому нибудь изъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ и рѣшится воевать Астрахань. Долго Василій отвергалъ сіе послѣднее условіе: наконецъ г. 437. и на то согласился (¹⁵⁰). Казалось, что всѣ препятствія исчезли. Въ Москву ждали по-

выхъ Пословъ Ханскихъ съ договорною грамотою : они не ѣхали, и Великій Князь узналъ, что Сигизмундъ, подобно ему неутомимый въ исканіи Магметъ - Гиреевой дружбы, умѣлъ опять задобрить Хана богатыми дарами. 20,000 Крымцевъ съ огнемъ и мечемъ печально явились въ Россіи и дошли до самой Тулы, гдѣ встрѣтили ихъ Московскіе Воеводы, Князья Одоевскій и Воротынский. Хитрниковъ наказали : спасаясь бѣгствомъ, они тонули въ рѣкахъ и въ болотахъ ; гибли отъ руки нашихъ воиновъ и земледѣльцевъ, которые засѣли въ лѣсахъ и не давали имъ ни пути ни пощады, такъ, что весьма не многіе возвратились домой, нагіе и босые. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Князь Шемякинъ выгналъ Крымцевъ изъ области Путивльской и побилъ ихъ за Сулою ⁽¹⁵¹⁾.

Впаде-
ніе
Крым-
цевъ.

Не имѣвъ успѣха въ сношеніяхъ съ Ханомъ, Василій пріобрѣлъ въ сіе время двухъ знаменитыхъ, искреннихъ друзей въ Европѣ. Еще въ 1513 году Посолъ Короля Датскаго, Іоанна, находился въ Москвѣ, или по дѣламъ Шведскимъ, или для того, чтобы склонить насъ къ соединенію Греческой Церкви съ Римскою, какъ самъ Король писалъ къ Императору Максимилиану и Людовику XII ⁽¹⁵²⁾. Сынъ Іоанновъ, Христіанъ II, памятный въ Исторіи ужасною свирѣпостію и прозваніемъ Черока Сѣвернаго,

Союзъ
съ Ко-
ролемъ
Дат-
скимъ.

въ 1517 году утвердилъ пріязнь съ Россією торжественнымъ договоромъ воевать общими силами — *гдѣ и когда будетъ возможно* — Швецію и Польшу ⁽¹⁵³⁾, хотя Намѣстники Великокняжескіе въ 1510 году заключили съ первою шестидесятилѣтнее перемиріе ⁽¹⁵⁴⁾. Посолъ нашъ, Дворянинъ Микулинъ, былъ въ Копенгагенѣ: Христіановъ, Давидъ Герольтъ, въ Москвѣ. Великій Князь позволилъ Датскимъ купцамъ имѣть церковь въ Новѣгородѣ и свободно торговать въ Россіи. — Усиленно домогался властвовать надъ всею древнею Скандинавіею, Христіанъ не могъ содѣйствовать намъ противъ Сигизмунда; а Василій, занятый Литовскою войною, оставался единственно доброжелателемъ Христіана въ его бореніи съ Шведскимъ Правителемъ Стуромъ. Однакожь тѣсная связь между сими двумя Государями устрашала ихъ враговъ: Сигизмундъ долженъ былъ опасаться Даніи, а Швеція Россіи ⁽¹⁵⁵⁾.

Союзъ
съ Нѣ-
мец-
кимъ
Орде-
номъ.

Вторымъ союзникомъ нашимъ былъ Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена, Албрехтъ Бранденбургскій. Пламенный духъ сего воинственнаго братства, освященнаго Вѣрою и добродѣтелію, памятнаго великодушіемъ и славою первыхъ его основателей, угасъ въ странахъ Сѣвера ⁽¹⁵⁶⁾: богатство не замѣняетъ доблести, и Рыцари-Владѣтели, нѣкогда сильные презрѣніемъ

жизни, въ избыткѣ ся пріятностей увидѣли свою слабость. Покорители язычниковъ были покорены собратіями-Христіанами. Казимиръ и наследникъ его уже взяли многіе Орденскіе города, именуя Великаго Магистра своимъ присяжникомъ. Рыцарство тосковало въ униженіи: хотѣло возвратить свою древнюю славу, независимость и владѣнія; молило Папу, Германію, Императора о защитѣ, и наконецъ обратилось къ Россіи, весьма естественно: ибо мы одни ревностно желали ослабить Сигизмунда. Хотя Нѣмецкій Орденъ, вступаясь за Ливонію, часто оглашалъ насъ въ Европѣ злодѣями, невѣрными, еретиками; но сіи укоризны были преданы забвенію, и крестоносцые витязи Іерусалимскіе дружественно простерли руку къ Великому Князю (157). Албрехтъ прислалъ въ Москву Орденскаго чиновника, Дидриха Шонберга, принятаго со всѣми знаками уваженія. Въ такое время, когда Дворъ говѣлъ и обыкновенно не занимался дѣлами, на первой недѣлѣ Великаго поста, Шонбергъ имѣлъ переговоры съ Боярами, въ Субботу обѣдалъ у Государя, въ Воскресенье вмѣстѣ съ нимъ слушалъ Литургію въ храмѣ Успенія. Заключение наступательный союзъ противъ Короля (158). Магистръ требовалъ ежемѣсячно *ше-
стидесяти тысячъ золотыхъ Рейнскихъ* на содержаніе десяти тысячъ пѣхотныхъ и двухъ тысячъ конныхъ воиновъ: Государь обѣщалъ, если Нѣмцы возьмутъ Данцигъ, Торнъ, Маріенвердеръ, Эльбингъ, и пойдутъ на Краковъ; одна-

кожъ не хотѣлъ включить въ договоръ , чтобы Россіи не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ Прусскихъ и нашихъ древнихъ городовъ, сказавъ Шонбергу : «отъ васъ надобно «требовать обязательства , ибо вы еще не воюете ; а мы уже давно въ полѣ , и дѣлаемъ , что «можемъ» (159). Условились хранить договоръ въ тайнѣ, чтобы Король не успѣлъ изготovitъся къ оборонѣ. Шонбергъ, получивъ въ даръ бархатную шубу, 40 соболей и 2,000 бѣлокъ, отправился въ Кенигсбергъ , съ Дворяниномъ Загряскимъ (160). Размѣнялись клятвенными грамотами. Магистру хотѣлось, чтобы Великій Князь немедленно доставилъ 625 пудъ серебра въ Кенигсбергъ, гдѣ наши собственные чиновники могли бы обратить оное въ деньги и выдавать ихъ, въ случаѣ надобности, Нѣмецкимъ ратникамъ (161). Для сего новый Посолъ Орденскій , Мельхіоръ Робенштейнъ, былъ въ Москвѣ. Василій отвѣтствовалъ , что серебро готово , но что Нѣмцы должны прежде начать войну. — Магистръ Ливонскій, старецъ Плеттенбергъ, не участвовалъ въ семъ союзѣ : закоренѣлая ненависть къ Россіянамъ склоняла его , даже вопреки пользамъ Нѣмецкаго Ордена , доброжелательствовать Королю. Въ теченіе войны Литовской онъ съ досадою извѣщалъ Прусскаго Магистра о нашихъ выгодахъ , съ удовольствіемъ о неудачахъ (162), хотя и не могъ надѣяться на благодарность Короля , бывъ принужденъ отказаться отъ его дружбы въ угодность Великому Князю (163) : по-

ложеиіе весьма опасное для слабой Державы! . . . . .

Отпуская Загряскаго въ Кенигсбергъ , Государь велѣлъ ему развѣдать тамъ о дѣлахъ Императора Максимиліана съ Королемъ Французскимъ, съ Венеціею ; узнать, будетъ ли отъ него Посольство въ Москву, и въ какихъ сношеніяхъ онъ находится съ Сигизмундомъ ⁽¹⁶⁴⁾? Уже Василій не имѣлъ надежды на помощь Императора въ сей войнѣ, слышавъ о свиданіи его съ Королемъ Венгерскимъ и Польскимъ въ Вѣнѣ , о брачныхъ союзахъ ихъ семейства ; напротивъ того желалъ , чтобы Максимиліанъ объявилъ себя посредникомъ между Литвою и Россіею. Обѣ Державы хотѣли отдохновенія ; но первая еще болѣе. Великій Князь молчалъ, а Сигизмундъ просилъ Императора доставить миръ Литвѣ. Для сего Посолъ Вѣнскаго Двора , Баронъ Герберштейнъ , мужъ ученый и разумный , прибылъ въ Москву ⁽¹⁶⁵⁾. Представленный Государю , онъ съ жаромъ , искусствомъ и краенорѣчіемъ описалъ бѣдствіе междоусобія въ Европѣ Христіанской и торжество злочестивыхъ Султановъ , которые , пользуясь ея несогласіемъ, берутъ земли и Царства. «Начто» — сказано въ сей достопамятной рѣчи Посольской — «начто Монархи державствуютъ? ко благу Вѣры и для «спокойствія подданныхъ. Такъ всегда мы-

Посоль-
ство
Импе-
ратора
Макс-
имліа-
на.

«слылъ Императоръ, и воевалъ не ради суетной
«славы, не ради пріобрѣтеній чуждаго, но для
«наказанія сварливыхъ, презирая опасность лич-
«ную, самъ впереди, и съ меньшимъ числомъ по-
«бѣждая, ибо Господь за добродѣтель. Уже Мак-
«симліанъ благоденствуетъ въ тишинѣ. Мана и
«вся Италія съ нимъ въ союзѣ. Королевства Ис-
«панскія, Неаполь, Сицилія и всѣ другія, чи-
«словъ *двадцать шесть*, и всѣ православныя,
«признають въ его внука, Карла, своего наслед-
«ственного, законнаго Монарха. Король Порту-
«галіи ему родственникъ, Король Англіи издав-
«на другъ сердечный, Датскій и Венгерскій сы-
«новья и братья, ибо женаты на внукахъ Макси-
«миліановыхъ; а Польскій имѣетъ къ Государю
«моему неограниченную довѣренность. Не буду
«говорить предъ тобою о твоємъ Величествѣ:
«вѣдаешь истинную, взаимную любовь, которая
«васъ соединяетъ. Оставались только Король
«Французскій и Венеція внѣ общаго Европей-
«скаго братства: ибо всегда хотѣли особенныхъ
«выгодъ своихъ, не занимаясь благомъ Христі-
«анства; но и тѣ уже изъявили миролюбіе: уже,
«какъ слышу, и договоръ подписанъ. Теперь да
«обозрѣть человѣкъ вселенную, отъ Востока до
«Запада, отъ Юга до Сѣвера: кто изъ Вѣще-
«носцевъ православныхъ не связанъ съ Импера-
«торомъ или родствомъ или дружбою? Всѣ — и
«всѣ въ мирѣ, кромѣ Литвы и Россіи. Максими-
«ліанъ послалъ меня къ тебѣ, въ надеждѣ, что
«ты, Государь знаменитый, въ честь и въ славу

«Божію утѣшишь Христіанство и собственную
«землю : ибо миромъ цвѣтутъ Державы, войною
«изнижаются ; побѣда измѣняетъ — и кто въ
«ней увѣренъ ? — Доселѣ вѣщалъ Императоръ :
«прибавлю и мое слово. Будучи въ Вильнѣ , я
«говорилъ съ Посломъ Турецкимъ : онъ доказы-
«валъ , что Султанъ завоевалъ Дамаскъ , Іеру-
«салимъ и все Царство Египетское. Въ петицѣ
«сего увѣрялъ меня также одинъ благородный
«путешественникъ, который самъ былъ въ тѣхъ
«мѣстахъ. Государь ! мы и прежде опасались
«Султанскаго могущества : не должны ли нынѣ
«еще болѣе опасаться ?» — Ученый Посолъ го-
«ворилъ о Филиппѣ и Александрѣ Македон-
«скихъ : славилъ миролюбіе отца , осуждалъ
«сына, ненасытнаго въ кровопролитіи ⁽¹⁶⁶⁾, и
«проч.

Василій имѣлъ бы право укорять Импера-
тора нарушеніемъ договора съ Россією ; но
зная , что такіе упреки бесполезны , и что
Политика легко все извиняетъ, онъ за доброе
намѣреніе изъявилъ ему благодарность и свою
готовность къ миру. Облываясь быть посред-
никомъ совершенно безпристрастнымъ и даже
объявить войну Литвѣ , если Король не согла-
сится на предложенія умѣренныя , честныя ,
справедливыя , Максиміліанъ хотѣлъ , чтобы
наши Уполномоченные съѣхались для того съ
Литовскими въ Даніи или на границѣ , или въ
Ригѣ : Великій Князь сказалъ , что переговоры
должны быть въ Москвѣ , какъ всегда бывало,

Послы
Литов-
скіе.

а не иначе, и далъ *опасную грамоту* для Королевскихъ Пословъ, назвавъ себя въ ней *Смоленскимъ* (167). Они пріѣхали: Янъ Щитъ, Намѣстникъ Могилевскій, и Богушъ, Государственный Секретарь, съ семидесятью Дворянами; но ихъ не выпустили въ Москву: велѣли имъ жить въ Дорогомиловѣ: ибо Великій Князь узналъ, что войско Сигизмундово вступило въ наши предѣлы, и что самъ Король находился въ Полоцкѣ съ запасною ратію.

Сіе нападеніе было местию. За нѣсколь-ко времени предъ тѣмъ Воевода Псковскій, Андрей Сабуровъ, безъ вѣдома Государева ходилъ съ тремя тысячами воиновъ на Литву: шелъ мирно, не дѣлалъ никакой обиды жителямъ и сталъ у Рославля, объявивъ гражданамъ, что бѣжитъ отъ Великаго Князя къ Королю. Они повѣрили и выслали ему, какъ другу, съѣстные припасы; но Сабуровъ нечаянно, въ торговый день, взялъ Рославль, обогатился добычею и вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, изъ коихъ освободилъ только 18 купцевъ Нѣмецкихъ (168). Чтобы наказать Псковитянъ, Герой Сигизмундовъ, Константинъ Острожскій, хотѣлъ завоевать Опочку, гдѣ былъ Намѣстникомъ Василій Михайловчъ Салтыковъ, достойный жить въ Исторіи: ибо онъ рѣдкимъ мужествомъ удивилъ своихъ и непріятелей. Литовцы

Прис-
тупъ
Остр-
рож-
скаго
къ Оп-
чкѣ.

вмѣстѣ съ наемниками Богемскими и Нѣмецкими двѣ педѣли громили пушками сію ничтожную крѣпость : стѣны падали ; по Салтыковъ, воины его и граждане не слабѣли въ бодрой защитѣ , отразили приступъ , убили множество людей и Воеводу Сокола, отнявъ у него знамя. Между тѣмъ Воеводы Московскіе спѣшили къ Опочкѣ : изъ Великихъ Лукъ Князь Александръ Ростовскій , изъ Вязьмы Василій Шуйскій. Впереди были Князь Феодоръ Оболенскій Теленевъ и храбрый мужъ Иванъ Лятцкій съ дѣтьми Болрскими : они близъ Константинова стана въ трехъ мѣстахъ разбили на голову 14 тысячъ непріятелей и новую рать , посланную Сигизмундомъ къ Острожескому ; плѣнили Воеводу , взяли обозъ и пушки (169). Паша главная сила шла прямо на Константина : онъ не захотѣлъ ждать ее , снялъ осаду , удаллся скорыми шагами и не могъ снасти тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій , которыя остались трофеями Салтыкова. Россіане загладили стыдъ Оршинской битвы , возложивъ на Константина знаменіе бѣглеца, по выраженію одного Лѣтовисца.

6 Октяб-
бря.

Октяб-
ря 18.

Узнавъ о сей побѣдѣ , Великій Князь дозволилъ Посламъ Сигизмундовымъ торжественно въѣхать въ Москву и принялъ ихъ съ удовольствіемъ. «Король» — сказалъ онъ — «предлагаетъ миръ и насту-

Октяб-
ря 25.

Пере-
говоры
о мирѣ.

«пасть войною. Теперь мы съ нимъ упра-
«вились : можемъ выслушать мирныя сло-
«ва его.» Переговоры начались весьма
неумѣренными требованіями съ обѣихъ
сторонъ. Мы хотѣли , чтобы Сигизмундъ
отдалъ намъ Кіевъ , Витебскъ , Полоцкъ
и другія области Россійскія , вмѣстѣ съ
сокровищами и съ Удѣломъ покойной Ко-
ролевы Елены , казнивъ всѣхъ паглыхъ
Пановъ , оскорбителей ея чести ; а Ли-
товцы хотѣли имѣть не только Смоленскъ,
Вязму , Дорогобужъ , Путивль , всю зем-
лю Сѣверскую , но и половину Новагоро-
да, Искова, Твери (¹⁷⁰). «Вотъ рѣчи *высо-*
«кія,» сказалъ Баронъ Герберштейнъ: «па-
«добно искать середины, или я заѣхалъ въ
«Москву бесполезно.» Паны Щитъ и Бо-
гушъ объявили наконецъ , что Сигиз-
мундъ согласится возобновить договоръ,
заключенный между Великимъ Княземъ
Іоанномъ и Королемъ Александромъ въ
1494 году. Посолъ Максимиліановъ убѣж-
далъ Василія уступить хотя одинъ Смо-
ленскъ , ставя ему въ примѣръ умѣрен-
ность славнаго Царя Иирра (¹⁷¹) , Макси-
миліана , отдавшаго Венеціанской Респу-
бликѣ Верону , и самого Великаго Князя
Іоанна , не хотѣвшаго отнять Казани у
древнихъ ея Царей. Бояре Московскіе,
умолчавъ о Ииррѣ , отвѣтствовали , что
Императоръ могъ быть великодушенъ про-

тивъ Венеціи, но что великодушіе не есть законъ; что Казань была и есть въ нашемъ подданствѣ; что Великій Князь не имѣетъ обычая уступать свои отчины, данныя ему Богомъ и побѣдою. Увѣряя въ своемъ безпристрастіи, Герберштейнъ явно держалъ сторону Литовскихъ Пословъ; оправдывалъ Сигизмунда; говорилъ, что Василій не долженъ вѣрить бѣглецамъ и плѣнникамъ, которые приписываютъ разбоя Магметъ-Гирея Сигизмундовымъ наущеніямъ; что мысль Государева, послѣдовать Удѣлу Елены, противна всѣмъ уставамъ; что оскорбители Королевы могутъ быть наказаны, если мы умѣримъ свои требованія, и проч. Въ сихъ любопытныхъ прѣвійхъ видны искусство и тонкость разума Герберштейнова, грубость Литовскихъ Пословъ и спокойная непреклонность Васи́ліева: языкъ Бояръ его учтивъ, благороденъ и доказываетъ образованность ума. Спорили много и долго: Смоленскъ былъ главнымъ препятствіемъ мира. Царь Щитъ сказалъ: «мы ѣдемъ: Небо казнитъ виновника кровопролитія.» *He насъ*, отвѣтствовали Бояре. Государь, отпуская Пословъ, всталъ съ мѣста; велѣлъ кланяться Сигизмунду, и въ знакъ ласки далъ имъ руку. Все кончилось. Тогда Баронъ Герберштейнъ вручилъ Великому Князю особенную грамоту Максимилианову о Михаилѣ Глинскомъ: Императоръ писалъ, что Михаилъ могъ быть виновенъ, но

уже довольно наказанъ за то неволю ; что сей мужъ имѣеть знаменитыя достоинства , воспитанъ при Дворѣ Вѣнскомъ , служилъ вѣрно ему и Курфирсту Саксонскому ; что Василій сдѣластъ Максимилиану великое удовольствіе , если отпуститъ Глинскаго въ Испанію , къ его внуку Карлу. Государь не согласился , отвѣтствуя , что сей измѣнникъ положилъ бы свою голову на плахѣ , если бы не изъявилъ желанія принять нашу Вѣру ; что отецъ и мать его были Греческаго Закона ; что Михаилъ , въ Италіи легкомысленно приставъ къ Римскому , одумался , хочетъ умереть Христіаниномъ Восточной Церкви и порученъ Митрополиту для наставленія.

Посольство къ
Максим-
и Іоан-
ну.

Такимъ образомъ Посольство Максимилианово не имѣло никакого успѣха ; однакожь Герберштейнъ выѣхалъ изъ Москвы съ надеждою , что если не миръ , то хотя перемиріе останется возможнымъ между воюющими Державами. Великій Князь послалъ въ Вѣну Дьяка Владиміра Племянникова объяснить Императору нашу справедливость и требовать его обѣщаннаго содѣйствія въ войнѣ противъ Сигизмунда (172). Сей Дьякъ не могъ похвалиться учтивостію Максимилиана , который велѣлъ ему говорить рѣчь сидя , въ *комнатѣ* ; посадилъ и нашего толмача Исто-

му; при имени Великаго Князя снималъ шляпу; угощалъ ихъ пышно и ѣздилъ съ ними на охоту; предлагалъ имъ лучшихъ соколовъ въ даръ, и твердилъ, что не имѣетъ ничего завѣтнаго для своего брата, Великаго Князя. Но сія ласка происходила единственно отъ желанія прекратить войну Литовскую: ибо Максимиліанъ дѣйствительно замышлялъ тогда воздвигнуть всѣхъ Европейскихъ Государей на Султана, и видя слабость Короли, боялся, чтобы Россія не подавила его. «Цѣлость Литвы» — писалъ онъ къ Великому Магистру Нѣмецкому — «необходима для блага всей Европы: величіе Россіи «опасно» (173). — Новые Послы Максимиліановы, Совѣтникъ Францискъ да-Колло и Антовій де-Конти, прибыли въ Москву съ Племинниковымъ (174), чтобы вторично ходатайствовать за Сигизмунда, или, какъ они говорили, за Христіанство; съ избыткомъ краснорѣчія представили картину Оттоманскихъ завоеваній въ трехъ частяхъ міра, отъ Восточнаго Орентальскаго до восточныхъ Египетскихъ, Кавказа и Венеціи; описали жалостное рабство Греческой Церкви, матери нашего Христіанства; униженіе святыни, гроба Спасителя, Назарета, Вифлеема и Синая подъ властію Магометанъ; изъясняли, что Порта въ сосѣдствѣ съ

Новые
послы
отъ Им-
перато-
ра.

нами чрезъ Тавриду и можетъ скоро наложить тяжкую свою руку на Россію; изобразили свирѣпость, хитрость, счастіе Селпа, упоеннаго кровію отца и трехъ братьевъ, возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ тука сердець Христіанскихъ и даващаго себѣ имя Владыки міра ⁽¹⁷⁵⁾; убѣждали Василія, какъ знаменитѣйшаго Царя Вѣрныхъ, идти за хоругвию Іисуса; наконецъ молили его объявить искренно, желаетъ ли или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы не плодить рѣчей бесполезно? Великій Князь хотѣлъ его, но не хотѣлъ возвратить Смоленска. Послы начали говорить о перемиріи на пять лѣтъ. Онъ соглашался, но съ условіемъ освободить всѣхъ плѣнниковъ: чего не прицалъ Сигизмундъ, имѣя ихъ гораздо болѣе, нежели мы. Наконецъ Василій, въ угодность Императору, далъ слово не воевать Литвы въ теченіе 1519 года, если Король также не будетъ беспокоить Россіи, и если Максимиліанъ обяжется послѣ того вмѣстѣ съ Россіею наступить войною на Сигизмунда ⁽¹⁷⁶⁾. Съ симъ предложеніемъ отправился въ Австрію Великокняжескій Дьякъ Борисовъ. Но Максимиліанъ скончался. Василій жалѣлъ объ немъ какъ о своемъ знаменитомъ пріятелѣ, а Сигизмундъ оплакалъ его какъ усерднаго покровителя, въ такое время, когда новые враги возстали на Литву и Польшу.

Абдыль-Летифъ, названный преемникомъ Ца-

ря Магметъ-Аминя, умеръ въ Москвѣ (177), Смерть
Летифа.
къ огорченію Великаго Князя : ибо Летифъ
служилъ ему орудіемъ Политики или заломъ въ отношеніи къ Тавридѣ и Казани.
Но сіе происшествіе имѣло сначала благопріятныя для насъ слѣдствія. Желая завоевать Астрахань, Магметъ-Гирей не менѣе желалъ подчинить себѣ и Казань : содѣйствіе Россіи, нужное и для перваго, было еще необходимо для успѣха въ послѣднемъ намѣреніи. И такъ, услышавъ о смерти Летифа, зная близость Магметъ-Аминевой и назначивъ Казанскій престолъ брату своему, Саипъ-Гирею, Ханъ обратился къ дружбѣ Великаго Князя. Хотя многіе Вельможи и Царевичи усиленно противились сему расположенію ; хотя Калга, Ахматъ-Гирей, нашъ ревностный пріятель, были однимъ изъ нихъ злодѣйски убиты : но доброжелатели Россіи, въ числѣ коихъ находился Князь Аипакъ, главцый любимецъ Ханскій, превозмогли, и Магметъ-Гирей извѣстилъ Василія, что онъ немедленно пришлетъ въ Москву сего Аипака съ клятвенною грамотою; что Крымцы уже воюють Литву ; что мы ихъ усердною помощію истребимъ всѣхъ враговъ, если сами окажемъ услугу Хану : возьмемъ для него Астрахань или Кіевъ (178). Не упуская времени, Государь послалъ въ Тавриду Князя Юрья Пронскаго, а съ нимъ Дворя-

Возоб-
новле-
ніе со-
юза съ
К р м-
номъ.

г. 4519. нина Илью Челищсва, весьма угоднаго Царю. Они встрѣтили Аппака, который дѣйствительно привезъ въ Москву Шертную грамоту Ханскую, написанную слово въ слово по данному отъ насъ образцу, въ томъ смыслѣ, чтобы Великому Князю и Магметъ-Гирею соединить оружіе противъ Литвы и наслѣдниковъ Ахматовыхъ. Въ описаніи сего Посольства замѣтимъ нѣкоторыя любопытныя черты. Аппакъ явился въ чалмѣ и не хотѣлъ снимать ее предъ Василиемъ. «Что значить такая новость?» спросили наши Бояре: «ты Князь, одна-«кожь не Азейскаго рода, не *Мольнинъ* (¹⁷⁹), «и никогда не бывалъ въ Меккѣ.» Аппакъ изъяснилъ, что Магметъ-Гирей дозволилъ ему ѣхать къ Магометову гробу, и въ знакъ сего украсилъ его голову знаменіемъ правовѣрія. Посолъ и чиновники Московскіе преклоняли колѣна, говоря другъ другу именемъ своихъ Государей (¹⁸⁰). Онъ *здоровался* съ Великимъ Княземъ и сталъ на колѣна, чтобы отдать Ханскія письма. Союзъ утвердился присягою. Хартія Шертная лежала на столѣ подъ крестомъ: Василий сказалъ: «Аппакъ! на сей грамотѣ клянуся моему брату, Магметъ-Гирею, друж-«жить его друзьямъ, враждовать непріате-«лямъ. Тутъ не упоминается объ Астраха-«ни; но даю слово вмѣстѣ съ нимъ объ-«явить ей войну.» Государь поцѣловалъ

крестъ, взявъ письменное обязательство съ Аппака въ вѣрности Магметъ-Гирея.

Между тѣмъ судьба Казани рѣшилась не такъ, какъ думалъ Ханъ. Магметъ-Аминъ въ ужасныхъ мукахъ закрылъ глаза на-
 вѣки: исполняя волю его и свой торжест-
 венный обѣтъ, Уланы и Вельможи Казан-
 скіе требовали новаго Царя отъ руки Васи-
 лія (¹⁸¹), давно знавшаго мысль Хана Крым-
 скаго, по таившаго свою. Настало время
 или угодить Магметъ-Гирею, или сдѣлать
 величайшую досаду. Василій не колебался:
 какъ ни желалъ союза Тавриды, но еще
 болѣе опасался усилить ея Хана, который
 въ надменности властолюбія замышлялъ,
 подчиненіемъ себѣ Астрахани и Казани,
 возстановить Царство Батыево, столь ужас-
 ное въ памяти Россіянъ. Одинъ безумный
 варваръ могъ въ такомъ случаѣ ждать ихъ
 услугъ и содѣйствій: не брату, а злодѣю
 Магметъ-Гирееву Василій готовилъ пре-
 столь въ Казани, и послалъ туда Тверскаго
 Дворецкаго, Михайла Юрьева, объявить
 жителямъ, что дастъ имъ въ Цари юнаго
 Шигъ-Алея, внука Ахматова, который не-
 реѣхалъ къ Иоанну съ отцемъ своимъ,
 Шигъ-Авдсаромъ, изъ Астрахани, и, къ
 неудовольствію Магметъ-Гирея, владѣлъ у
 насъ городкомъ Мещерскимъ. Вельможи и
 народъ, изъявивъ благодарность, прислали
 въ Москву знатныхъ людей за Шигъ-

Смерть
Маг-
метъ-
Аминъ.

Шигъ-
Алей
Царемъ
въ Ки-
зани.

Алеемъ. Димитрій Бѣльскій отпразднелъ съ ними и съ новымъ Царемъ въ Казань, возвелъ его на престолъ, взялъ съ народа клятву въ вѣрности къ Государю Московскому. Всѣ были довольны, и Шигъ-Алей, воспитанный въ Россіи, искренно преданный Великому Князю, какъ единственному своему покровителю, не имѣлъ иной мысли, кромѣ той, чтобы служить ему усердно въ качествѣ прислужника.

Сіе дѣлалось во время бытности Аннака въ Москвѣ, и хотя не помѣшало заключенію союза съ Тавридою, однакожь произвело объясненія. Посолъ съ удивленіемъ спросилъ, для чего Василій, другъ его Царя, отдалъ Казань внуку ненавистнаго Ахмата? «Развѣ нѣтъ у насъ Царевичей?» сказалъ онъ: «развѣ кровь Ординская лучше Менгли-Гиреевой? Впрочемъ я говорю только отъ своего имени, угадывая мысли Хана» (182). Василій увѣрялъ, что онъ думалъ возвести брата или сына Магметъ-Гиреева на сіе Царство, но что Казанскіе Вельможи непременно требовали Шигъ-Алея, и если бы воля ихъ не исполнилась, то они взяли бы себѣ Царя изъ Ногаевъ или Астраханъ, слѣдственно опаснаго непріятели Россіи. Аннакъ замолчалъ, и скоро пришла въ Москву желанная вѣсть, что Ханъ уже дѣйствуетъ какъ нашъ ревностный союзникъ; что сынъ его, Калга

Крым.
ры опу-
стоша.
Ю т ѣ
Литву.

Богатырь, совсѣмъ печально вступивъ въ Литву съ тридцатью тысячами, огнемъ и мечемъ опустошилъ Сигизмундовы владѣнія едва не до самаго Кракова, на голову разбилъ Гетмана, Константина Острожскаго, илѣнилъ 60,000 жителей, умертвилъ еще болѣе и возвратился съ торжествомъ счастливаго разбойника, покрытый кровію и иеломъ ⁽¹⁸³⁾. Доказавъ такимъ образомъ Королю, что минимй союзъ варваровъ бываетъ хуже явной вражды (ибо производитъ оплошность) Магметъ-Гирей готовился доказать сію истину и Великому Князю; но еще около двухъ лѣтъ представлялъ лице нашего друга. Аппакъ выѣхалъ изъ Москвы весьма довольный милостію Государя, и новый Посоль Россійскій, Бояринъ Федоръ Клементьевъ, заступилъ въ Тавридѣ мѣсто Князя Пронскаго ⁽¹⁸⁴⁾. Зналъ, сколь Магметъ-Гирей боится Султана, Василій отправилъ въ Царьградъ Дворянина Голохвастова съ письмомъ къ Селиму, изъявляя сожалѣніе, что онъ долго не шлетъ къ намъ втораго, обѣщаннаго имъ Посольства для заключенія союза, который могъ бы обуздывать Хана, ужасая Литву съ Польшею ⁽¹⁸⁵⁾. Голохвастовъ имѣлъ еще Посольство къ Султану. гайное порученіе видѣться въ Константинополѣ съ Гемметомъ Царевичемъ, сыномъ убитаго въ Тавридѣ Калги Ахмата. Носился слухъ, что Султанъ мыслить дать

ему Крымское Ханство (¹⁸⁶) ; а какъ отецъ его любилъ Россію , то Великій Князь надѣялся и на дружбу сына. Голохвастовъ долженъ былъ предложить Геммету покровительство Васиіево, вѣрное убѣжище въ Москвѣ , Удѣлъ и жалованье. Гемметъ, непримиримый врагъ своего дяди, Магметъ-Гирея, могъ и въ изгнаніи быть намъ полезенъ, имѣя связи и друзей въ Тавридѣ: тѣмъ болѣе надлежало искать въ немъ пріязни, если милость Султанская готовила для него Ханство. — Посолъ нашъ возвратился благополучно. Гемметъ не сдѣлался Ханомъ, не пріѣхалъ и въ Россію; но Селимъ, написавъ къ Васиію ласковый отвѣтъ , въ доказательство истинной къ нему дружбы велѣлъ своимъ Пашамъ тревожить Королевскія владѣнія (¹⁸⁷) ; подтвердилъ также условія свободной торговли между обѣими Державами (¹⁸⁸).

Изумленный нападеніемъ Магметъ-Гирея, Сигизмундъ узналъ, что и присяжники его Албрехтъ, Магистръ Нѣмецкаго Ордена, въ слѣдствіе заключеннаго имъ договора съ Россіею готовится къ войнѣ. Долго сей нескрепный союзъ не имѣлъ своего дѣйствія отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ Паша, Леонъ X, убѣждалъ Магистра не только остаться въ мирѣ съ Королемъ, но и быть посредникомъ между имъ и Россіею, предлагая ему главное Воеводство въ Христіан-

Срещеніи съ
Магистромъ
Нѣмецкимъ въ
Пашу.

скомъ всенародномъ ополченіи, коему надлежало собраться подъ знаменами Вѣры, чтобы смирить гордость Султана. Сей Папа, славный въ Исторіи любовію къ Искусствамъ и Наукамъ гораздо болѣе, нежели Пастырскою ревностію и государственнымъ благоразуміемъ, представилъ чрезъ Магистра и Великому Князю, что Константинополь есть законное наследіе Россійскаго Монарха, сына Греческой Царевны; что здравая Политика велитъ намъ примириться съ Литвою, ибо *время воюетъ* сію Державу, и Сигизмундъ не имѣетъ наследниковъ; что смерть его разрушитъ связь между Литвою и Польшею, которыя безъ сомнѣнія выберутъ тогда разныхъ Владѣтелей и несогласіемъ ослабѣютъ; что все благопріятствуетъ величію Россіи, и мы станемъ на первой степени Державъ Европейскихъ, если, соединясь съ ними противъ Оттомановъ, соединимся и Вѣрою; что Церковь Греческая не имѣетъ Главы; что древняя сестра ея, Церковь Римская, возвыситъ нашего Митрополита въ санъ Патріарха, утвердитъ грамотою всѣ *добрые* наши обычаи, безъ малѣйшей перемѣны и новостей; что онъ (Папа) желаетъ украсить главу непобѣдиимаго Царя Русскаго вѣищемъ Царя Христіанскаго, безъ всякаго мірскаго возмездія или прибытка, единственно во славу Божію ⁽¹⁸⁹⁾. Василій, какъ пишутъ, негодовалъ на Леона за то, что онъ торжественно праздновалъ въ Римѣ побѣду Сигизмундову въ 1514 году, объявивъ насъ еретиками ⁽¹⁹⁰⁾; однакожь сей благоразумный

Государь отвѣтствовалъ Магистру, что ему весьма пріятно видѣть доброе къ намъ расположеніе Папы и быть съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ по государственнымъ дѣламъ Европы; но что касается до Вѣры, то Россія была, есть и будетъ Греческаго Исповѣданія во всей чистотѣ и неприкосновенности, онаго ⁽¹⁹¹⁾. Повѣренный Леоновъ въ Краковѣ и въ Кенигсбергѣ, Монахъ Николай Шонбергъ, желалъ ѣхать и въ Москву: Великій Князь обѣщалъ принять его милостиво, и дозволилъ Папѣ имѣть черезъ Россію сообщеніе съ Царемъ Персидскимъ ⁽¹⁹²⁾. Второю виною Албрехтовой медленности были недостатки въ деньгахъ: онъ требовалъ ста тысячъ гривенъ серебра отъ Великаго Князя, чтобы нанять воиновъ въ Германію; но Великій Князь, опасаясь истощить казну свою бесполезно, отвѣтствовалъ: «возьми прежде Данцигъ и вступи въ Сигизмундову землю;» а Магистръ говорилъ: «не могу ничего сдѣлать безъ денегъ.» По желанію Албрехта Василій написалъ дружественныя грамоты къ Королю Французскому и Нѣмецкимъ Избирателямъ или Курфирстамъ, убѣждая ихъ вступить за Орденъ, утѣсняемый Польшею, и совѣтовалъ Князьямъ Германіи избрать такого Императора, который могъ бы сильною рукою защитить Христіанство отъ невѣрныхъ и ревностию Максимилиана покровительствовать славное Рыцарство Нѣмецкое ⁽¹⁹³⁾. Послы Магистровы были честимы въ Москвѣ, наши въ Кенигсбергѣ: Албрехтъ самъ ходилъ

къ нимъ для переговоровъ , сажалъ ихъ за
обѣдомъ на свое мѣсто, не хотѣтъ слушать
поклоновъ отъ Великаго Князя, называя себя
недостойнымъ такой высокой чести; прика-
зывалъ къ нему *поклоны до земли*; училъ Нѣм-
цевъ языку Русскому ⁽¹⁹¹⁾; говорилъ съ ув-
леченіемъ о благодареніяхъ, ожидаемыхъ имъ
отъ Россіи для Ордена знаменитаго, хотя и
несчастливаго въ угнетеніи ; объявилъ Госу-
дарю всѣхъ своихъ тайныхъ союзниковъ, и
въ числѣ ихъ Короля Датскаго, Архіеписко-
па Майнца, Кельнскаго, Герцоговъ Сак-
сонскаго, Баварскаго, Брауншвейгскаго и
другихъ ; увѣрялъ, что Папа Леонъ будетъ
за насъ, если Сигизмундъ отвергнетъ миръ
справедливый; въ порывѣ ревности даже не
совѣтовалъ Василию мириться , чтобы Лит-
ва, находясь тогда въ обстоятельствахъ за-
труднительныхъ, не имѣла времени отдох-
нуть ⁽¹⁹⁵⁾. Великій Князь не сомнѣвался въ
усердіи Магистра, но сомнѣвался въ его си-
лахъ ; наконецъ послалъ ему серебра на
14,000 червонцевъ для содержанія тысячи
наемныхъ ратниковъ ⁽¹⁹⁶⁾, къ удивленію Ма-
гистра Ливонскаго, Плеттенберга, который
смѣялся надъ легковѣріемъ Албрехта, гово-
ря : «я живу въ сосѣдствѣ съ Россіянами и
«знаю ихъ обычай; сулятъ много, а не даютъ
«ничего» ⁽¹⁹⁷⁾. Узнавъ же, что серебро при-
везли изъ Москвы въ Ригу , онъ преклонилъ
съ мѣста, сплеснулъ руками и сказалъ: «чу-

Магистръ
въ вой-
нѣ съ
Поль-
шею.

«до! Богъ явни помогаетъ Велѣкому Магистру!» Слыша, что Албрехтъ дѣйствительно вызываетъ къ себѣ 10,000 ратниковъ изъ Германіи и всѣми силами ополчается на Короля; свѣдавъ, что война уже открылась между ими (въ концѣ 1519 года), Великій Князь еще отправилъ знатную сумму денегъ въ Пруссію (¹⁹⁸), желая Ордену счастья, славы и побѣды.

Потомъ
наши
Воеводы
на Лит-
ву.

Между тѣмъ Россія и сама бодро дѣйствовала оружіемъ. Московская дружина, Новгородцы и Псковитяне осаждали въ 1518 году Полоцкъ; но голодъ принудилъ ихъ отступить: не малое число Дѣтей Боярскихъ, гонимыхъ Литовскимъ Паномъ Волинцемъ, утонуло въ Двинѣ. Въ Августѣ 1519 года Воеводы наши, Князь Василій Шуйскій изъ Смоленска, Горбатый изъ Пскова, Курбскій изъ Стародуба ходили до самой Вильны и далѣе, опустошая, какъ обыкновенно, всю землю; разбили нѣсколько отрядовъ и шли прямо на большую Литовскую рать, которая стояла въ Кревѣ, но удалилась за Лоскъ, въ мѣста тѣсныя и непроходимыя (¹⁹⁹). Россіяне удовольствовались добычею и плѣномъ, несмѣтнымъ, какъ говорить Лѣтописецъ. Другіе Воеводы Московскіе, Василій Годуновъ, Князь Елецкій, Засѣкинъ съ сильною Татарскою конницею приступили къ Витебску и Полоцку, выжгли предместья, взяли въѣш-

нія укрѣпленія , убили множество людей ⁽²⁰⁰⁾. Третья рать подъ начальствомъ Осодора Царевича, крещеннаго племянника Алегамова, также громилъ Литву ⁽²⁰¹⁾. Польза сихъ нападений состояла единственно въ разореніи непріятельской земли : Магистръ совѣтовалъ намъ предпріять важнѣйшее : сперва завоевать Самогитію , открытую , беззащитную и богатую хлѣбомъ ; а послѣ итти въ Мазовію , гдѣ онъ хотѣлъ соединиться съ Россійскимъ войскомъ, чтобы ударить на Короля въ сердцѣ его владѣній , въ самое то время , когда наемные Нѣмецкіе полки , идущіе къ Вислѣ , устремятся на него съ другой стороны ⁽²⁰²⁾.

Положеніе Сигизмундово казалось весьма бѣдственнымъ. Не только война , но и язва опустошала его Державу ⁽²⁰³⁾. Лучшее Королевское войско состояло изъ Нѣмцевъ и Богемскихъ Славянъ : они, послѣ неудачнаго приступа къ Опочкѣ , съ досадою ушли во свои и говорили столь обидныя для Сигизмунда рѣчи, что славноземцы ихъ уже не хотѣли служить ему ⁽²⁰⁴⁾. Лавры славнаго Гетмана , Константина , увяли. Города Литовскіе стояли среди усѣянныхъ пепломъ степей , гдѣ скитались толпами бѣдные жители деревень , сожженныхъ Крымцами или Россіянами. Но счастье вторично спасло Сигизмунда ⁽²⁰⁵⁾. Онъ не терялъ бодрости ; искалъ мира, не отказываясь отъ прежнихъ требованій , и заключилъ въ Москвѣ , чрезъ Пана Демюшевича , только перемиріе на шесть мѣ-

г. 1520. сяцевъ (²⁰⁶): дѣйствовали въ Тавридѣ убѣж-
деніями и подкупомъ; укрѣплялъ границу
противъ насъ, и всеѣми силами наступилъ
на Магистра, слабѣйшаго, однакожь весьма
опаснаго врага, который имѣлъ тайныя
связи въ Нѣмецкихъ городѣхъ Польши,
зналъ ея способы, важныя мѣстныя об-
стоятельства, и могъ давать гибельныя для
нее совѣты Великому Князю. Албрехтъ
предводительствовалъ не тысячами, а сот-
нями, ожидая серебра изъ Москвы и воп-
новъ изъ Германіи; сражаясь мужественно,
уступалъ многочисленности непріятелей и
едва защитилъ Кенигсбергъ, откуда Посолъ
нашъ долженъ былъ для безопасности вы-
ѣхать въ Мемель (²⁰⁷). Наемники Ордена,
13,000 Нѣмцевъ, дѣйствительно явились на
берегахъ Вислы, осадили Данцигъ, но раз-
сѣялись, не имѣя съѣстныхъ запасовъ, ни
вѣстей отъ Магистра. Воеводы Королевскіе
взяли Маріенвердеръ, Голландъ, и застави-
ли Албрехта просить мира (²⁰⁸).

С л о-
б о с т ь
Нѣмец-
к о г о
Ордена.

Но главнымъ Сигизмундовымъ счастіемъ
была измѣна Казанская съ ея зловреднымъ
для насъ послѣдствіями. Если Ханъ Крым-
скій, сѣдовавъ о воцареніи Шигъ-Алея, не
вдругъ съ огнемъ и мечемъ устремился на
Россію: то сіе пропеходило отъ боязни до-
садить Султану, коего отмѣнная благо-
склонность къ Великому Князю была ему
извѣстна. Селимъ, гроза Азіи, Африки и

Злоба
М а г-
и с т ь
Гирей
на Ва-
силья.

Европы, умеръ : немедленно отпавился г. 1521. въ Константинополѣ Посолъ Московскій, Посольство въ Султана. Третьякъ Губинъ, привѣтствовать его сына, Героя Солимана, на тронѣ Оттоманскомъ ⁽²⁰⁹⁾, и новый Султанъ велѣлъ объявить Магметъ-Гирею, чтобы онъ никогда не смѣлъ безпокоить Россіи ⁽²¹⁰⁾. Тщетно Ханъ старался уничтожить сію дружбу, основанную на взаимныхъ выгодахъ торговли, и внушалъ Солиману, что Великій Князь ссылается съ злодѣями Порты, даетъ Царю Персидскому огнестрѣльный снарядъ и пушечныхъ художниковъ, искореняетъ Вѣру Магометанскую въ Казани, разоряетъ мечети, ставитъ церкви Христіанскія ⁽²¹¹⁾. Мы имѣли усердныхъ доброжелателей въ Пашахъ Азовскомъ и Кафпискомъ : утверждаемый ими въ пріязни къ намъ, Султанъ не вѣрилъ клеветамъ Магметъ-Гирея, который языкомъ разбойника сказалъ ему наконецъ : «чѣмъ же «буду сытъ и одѣтъ, если запретишь мнѣ «воевать Московскаго Князя» ⁽²¹²⁾? Готовясь покорить Венгрію, Солиманъ желалъ, чтобы Крымцы опустошали земля ся союзника, Сигизмунда ; но Ханъ уже возобновилъ дружбу съ Литвою. Еще называясь *братомъ* Магметъ-Гиреевымъ, Великій Князь вдругъ услышалъ о бунтѣ Казанцевъ ⁽²¹³⁾. Года три Шигъ-Алей царствовалъ спокойно и тихо, ревностно исполняя

Быть
въ Ка-
зань.

обязанность нашего присяжника, угождая во всемъ Великому Князю, оказывая совершенную довѣренность къ Россіянамъ и холодность къ Вельможамъ Казанскимъ : слѣдственно не могъ быть любимъ подданными , которые только боялись , а не любили насъ , и съ неудовольствіемъ видѣли въ немъ слугу Московскаго. Самая наружность Алеева казалась имъ противоположною, изображая склонность къ низкимъ , чувственнымъ наслажденіямъ , несогласнымъ съ доблестію и мужествомъ : онъ имѣлъ необыкновенно толстое, отвислое брюхо, едва замѣтную бороду и лице женское ⁽²¹⁴⁾. Его добродушіе называли слабостію : тѣмъ болѣе жаловались, когда онъ, подвигнутый усердіемъ къ Россіи , наказывалъ злыхъ совѣтниковъ, предлагавшихъ ему отступить отъ Великаго Князя по примѣру Магметъ-Аминя ⁽²¹⁵⁾. Такое общее расположеніе умовъ въ Казани благопріятствовало пронкамъ Магметъ-Гирея, который обѣщалъ ея Князьямъ полную независимость, если они возмутъ къ себѣ въ Цари брата его Саина и соединятся съ Тавридою для возстановленія древней славы Чингисова потомства. Усиѣхъ сихъ тайныхъ сношеній открылся весною въ 1521 году: Саинъ-Гирей съ полками явился предъ стѣнами Казанскими, безъ сопротивленія вступилъ въ городъ и былъ признанъ Царемъ: Алей,

Воеводу Московскаго Карпова и Посла Великокняжескаго, Василія Юрьева, взяли подъ стражу, всѣхъ нашихъ купцевъ ограбили, заключили въ темницы, однакожь не умертвили ни одного человека: ибо новый Царь хотѣлъ показать умѣренность; объявилъ себя покровителемъ сверженнаго Шигъ-Алея, уважая въ немъ кровь Тохтамышеву; далъ ему волю ѣхать съ своею женою въ Москву, коней и проводника; освободилъ и Воеводу Карпова ⁽²¹⁶⁾. Немедленно оставивъ Казань, Алей встрѣтился въ степяхъ съ нашими рыболовами, которые лѣтомъ обыкновенно жили на берегахъ Волги, у Дѣвичьихъ горъ ⁽²¹⁷⁾, и тогда бѣжали въ Россію, испуганные возмущеніемъ Казанцевъ: онъ вмѣстѣ съ ними питался запасомъ сушеной рыбы, травою, кореньями; терпѣлъ голодъ, и едва могъ достигнуть Россійскихъ предѣловъ, откуда путешествіе его до столицы было уже какъ бы торжественнымъ: всѣ чиновники Великокняжескіе ждали Царя-изгнанника съ привѣтствіями и съ брашномъ, а народъ съ изъявленіемъ усердія и любви. Всѣ Думные Болре выѣхали къ нему изъ Москвы на встрѣчу. Самъ Государь на лѣтницѣ дворца обнялся съ нимъ дружески. Оба плакали. «Хвала Всевышнему!» сказалъ Василій: «ты живъ: сего довольно» ⁽²¹⁸⁾. Онъ благодарилъ Алея именемъ отчества за вѣрность; утѣшалъ, осыпалъ дарами; обѣщалъ ему и себѣ управу: но еще не успѣлъ предпріять мести, когда туча варваровъ напала на Россію.

Попавше-
не Маг-
метъ -
Гирей и
Казань -
цевъ на
Росцію.

Исхитивъ Казань изъ нашихъ рукъ, Магметъ-Гирей не терялъ времени въ бездѣйствіи : хотѣлъ укрѣпить ее за своимъ бра- томъ и для того сильнымъ ударомъ потрясти Василюеву Державу; вооружилъ не только всѣхъ Крымцевъ, но поднялъ и Ногаевъ; соединился съ Атаманомъ Козаковъ Литовскихъ, Евстафіемъ Дашковичемъ, и двинулся такъ скоро къ Московскимъ предѣламъ, что Государь едва успѣлъ выслать рать на берега Оки, дабы удержать его стремленіе. Главнымъ Воеводою былъ юный Князь Дмитрій Бѣльскій; съ нимъ находился и меньшій братъ Государевъ, Андрей: они въ безразсудной надменности не совѣтовались съ мужами опытными, или не слушались ихъ совѣтовъ; стали не тамъ, гдѣ надлежало; перепустили Хана чрезъ Оку, сразились не во-время, безъ устройства, и мзодоушно бѣжали. Воеводы Князь Владиміръ Курбскій, Шереметевъ, двое Замятинскихъ, положили свои головы въ несчастной битвѣ. Князя Осодора Оболенскаго-Донату взяли въ плѣнъ. Великій Князь ужаснулся, и еще гораздо болѣе, свѣдавъ, что другой непріятель, Саинъ-Гирей Казанскій, отъ береговъ Волги также идетъ къ нашей столицѣ ⁽²¹⁹⁾. Сии два Царя соединились подъ Коломною, опустошая всѣ мѣста, убивая, плѣняя людей тысячами, оскверняя святыню храмовъ, злодѣйствуя,

какъ бывало въ старицу при Батыѣ или Тохтамышѣ. Татары сожгли монастырь Св. Николая на Угрѣшѣ и любимое село Василіево, Островъ, а въ Воробьевѣ пили медъ изъ Великокняжескихъ погребовъ, смотря на Москву. Государь удалился въ Волокъ собирать полки, ввѣривъ оборону столицы зятю, Царевичу Петру, и Боярамъ ⁽²²⁰⁾. Все трепетало. Хапъ 29 Іюля, среди облаковъ дыма, подъ заревомъ пылающихъ деревень, стоялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, куда стекались жители окрестностей съ ихъ семействами и драгоценнѣйшимъ имѣніемъ. Улицы заперлись обозами. Пришельцы и граждане, жены, дѣти, старцы, искали спасенія въ Кремлѣ, тѣснились въ воротахъ, давили другъ друга. Митрополитъ Варлаамъ (преемникъ Симоновъ) усердно молился съ народомъ: Градоначальники распорядили защиту, всего болѣе надѣясь на искусство Цѣмечкаго пушкаря, Никласа. Снарядъ огнестрѣльный могъ дѣйствительно спасти крѣпость; но былъ недостатокъ въ порохѣ. Открылось и другое бѣдствіе: ужасная тѣснота въ Кремлѣ грозила неминуемою заразою. Предвидя худыя слѣдствія, слабые начальники вздумали — такъ повѣствуетъ одинъ чужеземный, современный Историкъ ⁽²²¹⁾ — обезоружить Хана Магметъ-Гирея богатыми дарами: отпразднили къ нему Посольство и бочки съ крѣпкимъ медомъ. Опасаясь и нашего войска и неприступныхъ для него Московскихъ укрѣпленій, Хапъ согласился не тре-

вожить столицы и мирно идти во-свояси, если Великій Князь, по уставу древнихъ временъ, обяжется грамотою платить ему дань. Едва ли самъ варваръ Магметъ-Гирей считалъ такое обязательство дѣйствительнымъ: вѣроятно же, что онъ хотѣлъ единственно унижить Василю и засвидѣтельствовать свою побѣду столь обиднымъ для Россіи договоромъ. Вѣроятно и то, что Бояре Московскіе не дерзнули бы дать сей грамоты безъ вѣдома Государева: Василію же, какъ видно, боялся временнаго стыда менѣе, нежели бѣдствія Москвы, и предпочелъ ся мирное избавленіе славнымъ опасностямъ кровопролитной, не вѣрной битвы. Написали хартію, скрѣпили Великокняжескою печатью, вручили Хану, который немедленно отступилъ къ Рязани, гдѣ станъ его имѣлъ видъ Азіатскаго торжища: разбойники сдѣлались купцами, звали къ себѣ жителей, увѣряли ихъ въ безопасности, продавали имъ свою добычу и плѣнниковъ, изъ коихъ многіе даже безъ выкупа уходили въ городъ. Сіе было хитростію. Атаманъ Литовскій, Еустафій Дашковичъ, совѣтовалъ Магметъ-Гирею обманомъ взять крѣпость: къ счастью, въ ней бодрствовалъ Околыничій, Хабаръ Симскій, сынъ Іоаннова Воеводы, Василю Образца, мужъ опытный, благоразумный, спаситель Нижняго Новгорода ⁽²²²⁾. Ханъ, желая усыпить его, послалъ

къ нему Московскую грамоту, въ удостовѣреніе, что война кончилась, и что Великій Князь призналъ себя данникомъ Крыма; а между тѣмъ непріятельскія толпы шли къ крѣпости, будто бы для отысканія своихъ бѣглецовъ. Симскій, исполняя уставъ чести, выдалъ имъ всѣхъ плѣнниковъ, укрывавшихся въ городѣ, и заплатилъ 100 рублей за освобожденіе Князя Θεодора Оболенскаго; но число Литовцевъ и Татаръ непременно умножалось подъ стѣнами, до самаго того времени, какъ Рязанскій искусный пушкаръ, Нѣмецъ Іорданъ, однимъ выстрѣломъ положилъ ихъ множество на мѣстѣ: остальные въ ужасѣ разсѣялись. Коварный Ханъ притворился изумленнымъ: жаловался на сіе непріятельское дѣйствіе; требовалъ головы Іордановой, страдалъ местию, но спѣшилъ удалиться, ибо свѣдалъ о впаденіи Астраханцевъ въ его собственные предѣлы ⁽²²³⁾. Торжество Симскаго было совершенно: онъ спасъ не только Рязань, но и честь Великокняжескую: постыдная хартія Московская осталась въ его рукахъ. Ему дали послѣ санъ Боярина, и — что еще важнѣе — внесли описаніе столь знаменитой услуги въ Книги Розрядныя и въ Родословныя на память вѣкамъ ⁽²²¹⁾.

Хабарь
Сим-
скій
спаса-
етъ Рязань и
честь
Велико-
го Кня-
зя.

Сіе нашествіе варваровъ было самымъ несчастливѣйшимъ случаемъ Василіева государствованія. Предалъ огню селенія, отъ

Нижняго Новгорода и Воронежа до береговъ Москвы-рѣки, они илѣнили несмѣтное число жителей ⁽²²³⁾, многихъ знатныхъ женъ и дѣвицъ, бросая грудныхъ младенцевъ на землю; продавали невольниковъ толпами въ Кафъ, въ Астрахани; слабыхъ, престарѣлыхъ морили голодомъ: дѣти Крымцевъ учились надъ ними искусству извѣтъ, убивать людей. Одна Москва славилась своею, по мнѣнію народа, сверхъестественное спасеніе: рассказывали о явленіяхъ и чудесахъ ⁽²²⁶⁾; установили особенный крестный ходъ въ монастырь Срѣтенія, гдѣ мы донынѣ три раза въ годъ благодаримъ Небо за избавленіе сей древней столицы отъ Тамерланова, Ахматова и Магметъ-Гиреева нападенія ⁽²²⁷⁾. Великій Князь, возвратясь, изъявлялъ признательность Нѣмецкимъ чиновникамъ огнестрѣльнаго снаряда, Никласу и Йордану ⁽²²⁸⁾; но велѣлъ судить Воеводъ, которые пустили Хана въ сердце Россіи. Всѣ упрекали Бѣльскаго безразсудностію и малодушіемъ; а Бѣльскій слагалъ вину на брата Государева, Андрея, который, первый показавъ тылъ непріятелю, увлекъ другихъ за собою. Василій, щадя брата, наказалъ только одного Воеводу. Князя Ивана Воротынскаго, мужа весьма опытнаго въ ратномъ дѣлѣ и дотогѣ всегда храбраго. Вина его, кажется, состояла въ томъ, что онъ, будучи

Судъ
Вое-
водъ.

оскорбленъ надменностію Бѣльскаго, съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ ошибки сего юнаго Полководца, жертвовалъ самолюбію отечествомъ и не сдѣлалъ всего возможнаго для блага Россіи: преступленіе важное и тѣмъ менѣе извинительное, чѣмъ труднѣе уличить виновнаго! Лишенный своего помѣстья и сана, Князь Воротынскій долгое время сидѣлъ въ заключеніи: былъ послѣ освобожденъ, ѣздитъ ко Двору, но не могъ выѣхать изъ столицы ⁽²²⁹⁾.

Скоро пришло въ Москву извѣстіе о новомъ грозномъ для насъ замыслѣ Хава: онъ велѣлъ объявить на трехъ торгахъ, въ Перекопѣ, въ Крымѣ, въ Кафѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобы его Улань, Мурзы, воины не слагали съ себя оружія, не разсѣдывали коней и готовились вторично идти на Россію ⁽²³⁰⁾. Татары не любили воевать въ зимнее время, безъ подножнаго корма: весною полки наши заняли берега Оки, куда прибылъ и самъ Великій Князь. Никогда Россія не имѣла лучшей конницы и столь многочисленной пѣхоты. Главный станъ, близъ Коломны, удостоился обширной крѣпости, подъ защитою огнестрѣльнаго снаряда, котораго мы прежде не употребляли въ полѣ ⁽²³¹⁾. Сказываютъ, что Государь, любясь прекраснымъ войскомъ и станомъ, послалъ вѣстника къ Магметъ-Гирею съ такими слова-

г. 1322.
Станъ
подъ
Колом-
ною.

ми: «Вѣроломно нарушивъ миръ и союзъ, «ты въ видѣ разбойника, душегубца, заживающаго, напалъ печально на мою землю. Имѣешь ли бодрость воинскую? иди «теперь: предлагаю тебѣ честную битву въ «полѣ.» Ханъ отвѣтствовалъ, что ему извѣстны пути въ Россію и время удобное для войны; что онъ не спрашиваетъ у непріятелей, гдѣ и когда сражаться ⁽²³²⁾. Дѣло проходило: Магметъ-Гирей не являлся. Въ Августѣ Государь возвратился въ Москву, гдѣ Солимановъ Посолъ, Князь Мангупскій, Скиндеръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ его, пріѣхавъ изъ Константинополя вмѣстѣ съ Третьякомъ-Губнинымъ ⁽²³³⁾.

Посолъ
Солимановъ.

Послу оказали великую честь: Государь всталъ съ мѣста, чтобы спросить у него о здравіи Султана; далъ ему руку и велѣлъ сѣсть *подъ себя* ⁽²³⁴⁾. Не лзя было писать ласковѣ, какъ Солиманъ писалъ къ Василію, своему *вѣрному пріятелю и доброму сосѣду*, увѣряя, что желаетъ быть съ нимъ *въ крѣпкой дружбѣ и въ братствѣ*; но Скиндеръ говорилъ единственно о дѣлахъ торговыхъ, и купивъ нѣсколько драгоценныхъ мѣховъ, уѣхалъ ⁽²³⁵⁾. — Не теряя надежды пріобрѣсти дѣятельный союзъ Оттоманской Имперіи, Василію еще посылалъ въ Константинополь ближняго Дворянина, Ивана Морозова, съ дружественными грамотами; однакожь не велѣлъ ему

объявлять условіи, на коихъ мы желали заключить письменный договоръ съ Портою: ибо Великому Князю, по обыкновенной гордости новаго Россійскаго Двора, хотѣлось, чтобы Султанъ прислалъ для того собственнаго Вельможу въ Москву ⁽²³⁶⁾. Сей опытъ былъ послѣднимъ съ нашей стороны: Солиманъ довольствовался учтивостями, не думая, кажется, чтобы Россія могла искренно содѣйствовать Оттоманамъ въ покореніи Христіанскихъ Державъ, и еще менѣе думая быть орудіемъ нашей особенной Политики; стѣняя Венгрію, завоевавъ Родосъ, готовясь устремиться на Мальту, онъ требовалъ отъ насъ мира, товаровъ, и ничего болѣе.

Если бы Сигизмундъ въ одно время съ Магметъ-Гиреемъ и съ Казанскимъ Царемъ напалъ на Россію, то Великій Князь увидѣлъ бы себя въ крайности, и поздно бы узналъ, сколь судьба Государствъ бываетъ непостоянна, вопреки хитрымъ соображеніямъ ума человѣческаго. Но, къ счастью нашему, Король не имѣлъ сильнаго войска, боялся ужаснаго Солимана, зналъ вѣроломство Хана Крымскаго, и радуясь претерпѣнному нами отъ него бѣдствію, надѣялся только, что оно склонитъ Василія къ миролюбію. Государь въ самомъ дѣлѣ желалъ прекратить войну съ Литвою для скорѣйшаго обузданія Тавриды и Казани. Пользуясь обстоятельствами, Сигизмундъ хотѣлъ договариваться о мирѣ не въ Москвѣ, какъ обыкновенно бывало,

Посоль-
ство
Литов-
ское и
переми-
рие.

а въ Вильнѣ или въ Краковѣ: Великій Князь отвергнулъ сіе предложеніе, и знатный Королевскій чиновникъ, Петръ Станиславовичъ, съ Секретаремъ Иваномъ Горностаемъ пріѣхали въ Москву, когда еще Воеводы наши стояли у Коломны, готовые идти на Татаръ или на Литву (²³⁷). Не могли согласиться въ условіяхъ вѣчнаго мира: долго спорили о перемиріи; наконецъ заключили его на пять лѣтъ отъ 25 Декабря 1522 года. Смоленскъ остался нашимъ; границею служили Днѣпръ, Ивака и Мери (²³⁸). Уставили вольность торговли; поручили Намѣстникамъ Украинскимъ рѣшить тяжбы между жителями обоихъ Государствъ: но плѣнникамъ не дали свободы, къ прискорбію Василя, который долженъ былъ отказаться отъ сего требованія. Околицій Морозовъ и Дворецкій Бутурлинъ ѣздили въ Краковъ съ перемирною грамотою. Литовскій Историкъ съ удивленіемъ говоритъ о пышности сихъ Вельможъ, сказывая, что подъ ними было пять сотъ копей (²³⁹). Два раза Сигизмундъ звалъ ихъ обѣдать, и два раза они уходили изъ дворца, чтобы не сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ Папскими, Цесарскими и Венгерскими Повѣренными въ дѣлахъ: ибо сіе казалось для нихъ не совмѣстнымъ съ честію Великокняжескаго Посольства. Король утвердилъ грамоту

присягою, облегчивъ судьбу нашихъ плѣнниковъ.

Такъ кончилась сія десятилѣтняя война Литовская, славная для Сигизмунда громкою побѣдою Оршинскою, а для насъ полезная важнымъ пріобрѣтеніемъ Смоленска, для обояхъ же Государствъ равно опустошительная, если отнесемъ къ ней гибельное вѣщество Магметъ-Гирсево. Достопамятнымъ слѣдствіемъ ея было уничтоженіе Нѣмецкаго Ордена, къ прискорбію Василія, который лишился въ немъ хотя и слабаго, но ревностнаго союзника. Уступивъ силѣ, жалуюсь на скупость Великаго Князя, можетъ быть невольную по нашимъ умѣреннымъ доходамъ, и на худое усердіе своего народа, Магистръ искалъ мира и пожертвовалъ ему бытіемъ Рыцарства, славнаго въ лѣтописяхъ. Сигизмундъ призналъ Албрехта наследственнымъ Владѣтелемъ Орденскихъ городовъ, съ условіемъ, чтобы они вѣчно зависѣли отъ Государей Польскихъ, и далъ Пруссіи гербъ Чернаго Орла, съ изображеніемъ буквы S, начальной Сигизмундова имени ⁽²¹⁰⁾. Хотя съ переменною обстоятельствомъ сіе знаменитое Палестинское братство отжило вѣкъ свой и казалось уже несоотвѣтственнымъ новому государственному порядку въ Европѣ: однакожь гибель учрежденія столь памятнаго своею великодушною цѣлію, за-

Конецъ
Нѣмец-
каго
Ордена
въ
Прус-
сіи.

Новое
переиме-
ние съ
Ливон-
скаго
Орденъ.

конами суровой добродѣтели и геройствомъ
первыхъ основателей, произвела всеобщее
сожалѣніе. — Орденъ Ливонскій, бывъ
около трехъ вѣковъ сопряженъ съ Нѣмец-
кимъ, остался въ печальномъ уединеніи,
среди грозныхъ опасностей и между двумя
сильными Державами, Россією и Польшею,
въ ненадежной, но въ полной свободѣ,
какъ старецъ при дверяхъ гроба. Ливон-
скіе Рыцари давали Великому Магистру
Нѣмецкому деньги и людей для войны: за
что онъ торжественно объявлялъ ихъ неза-
висимыми навѣки (241). Судьба также гото-
вила имъ конецъ; но Штеттенбергъ еще
жилъ, и какъ бы въ награду за свое вели-
кодушіе долженствовалъ спокойно умереть
Главою свободнаго братства. Въ 1521 году
онъ возобновилъ мирный договоръ съ Рос-
сією на десять лѣтъ (242).

Г Л А В А III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ВАСИ- ЛІЕВА.

Г. 1521 — 1534.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина. Ханъ Крымскій взялъ Астрахань. Злодѣйства въ Казани. Бѣдствіе Крыма. Ханъ Саидетъ-Гирей. Походы на Казань. Постриженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сношенія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Густавомъ Вазою. Посольства Солимановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рать на Казань. Новый Царь въ Казани. Заточеніе Шигъ-Алея. Рожденіе Царя Іоанна Василіевича. Посольства Астраханскія, Молдавскія, Ногайское, Пидѣйское. Набѣгъ Крымцевъ. Болѣзь и кончина Великаго Князя. Характеръ Василіевъ. Строгость и милость. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Великаго Князя. Образъ жизни Василія, охота, Дворъ, обѣды, титуль. Пноземцы въ Москвѣ. Законы. Строепія. Церковныя дѣланія. Разныя бѣдствія. Великіе современники Василіевы. Расколъ Лютеровъ.

Распространивъ Литовскою войною пре-
дѣлы Государства, Василій въ то же время
довершилъ великое дѣло Единовластія вну-
три онаго. Еще Рязань была особеннымъ

г. 1517-
1523.

Княженіемъ, хотя треть городовъ ея, часть умершаго Князя Θεодора, принадлежала къ Московскому и Василій уже импеловался *Рязанскииъ* (²⁴³). Еще Князя Сѣверскій и Стародубскій или Черниговскій, называясь слугами Государя Россійскаго, имѣли права Владѣтелей. Василій, исполнитель Иоанновыхъ намѣреній, ждалъ только справедливаго повода къ необходимому уничтоженію сихъ остатковъ Удѣльной Системы.

Присоедине-
ніе Рязанскіхъ
къ Москвѣ.

Вдова, Княгиня Агриппина, нѣсколько лѣтъ господствовала въ Рязани именемъ своего малолѣтнаго сына, Иоанна (²⁴⁴): Василій оставлялъ въ покоѣ слабую жену и младенца, ибо первая во всемъ повиновалась ему какъ верховному Государю; но сынъ ея, достигнувъ юношескаго возраста, захотѣлъ вдругъ свергнуть съ себя опеку и матери и Великаго Князя Московскаго: то есть, властвовать пезависимо, какъ его предки, старѣйшіе въ родѣ Ярославъ I (²⁴⁵). Пишутъ, что онъ торжественно объявилъ сіе Василію, вступилъ въ тѣсную связь съ Ханомъ Крымскимъ и мыслилъ жениться на дочери Магметъ-Гиреевой (²⁴⁶). Государь велѣлъ ему быть къ себѣ въ Москву: Князь Иоаннъ долго не ѣхалъ; наконецъ, обманутый совѣтомъ знатнѣйшаго Боярина своего, Симеона Крубина, явился предъ Василіемъ, который, увидивъ его въ неблагодарности, въ измѣнѣ, въ дружбѣ съ

злодѣями Россіи, отдалъ подъ стражу, взялъ всю Рязань, а вдовствующую Княгиню Агриппину сослалъ въ монастырь. Сіе случилось въ 1517 году ⁽²⁴⁷⁾. Когда Магметъ-Гирей шелъ къ Москвѣ, Князь Іоаннъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ оттуда въ Литву, гдѣ и кончилъ жизнь въ неизвѣстности ⁽²⁴⁸⁾. — Такимъ образомъ, около четырехъ столѣтій бывъ отдѣльнымъ, независимымъ княженіемъ ⁽²⁴⁹⁾, Рязань въ слѣдъ за Муромомъ и за Черниговымъ присоединилась къ сѣвернымъ владѣніямъ Мономахова потомства, которыя составили Россійское Единодержавіе. Она считалась тогда лучшею и богатѣйшею изъ всѣхъ областей Государства Московскаго, будучи путемъ нашей важной торговли съ Азовомъ и Кафою, изобилуя медомъ, птицами, звѣрями, рыбою, особенно хлѣбомъ, такъ, что нивы ея, по выраженію Писателей XVI вѣка, казались густымъ лѣсомъ. Жители славились воинскимъ духомъ; ихъ упрекали высокоуміемъ и суровостію. Чтобы мирно господствовать надъ ними, Великій Князь многихъ перевелъ въ другія области ⁽²⁵⁰⁾.

Князь Василій Шемякинъ Сѣверскій отличался доблестію воинскою, былъ ужасомъ Крыма, ненавистникомъ Литвы и вѣрнымъ стражемъ южной Россіи: за что

Звѣсто-
ваніе К.
Шемя-
кина.

Великій Князь оказывалъ ему милость и далъ городъ Путивль ⁽²⁵¹⁾; но опасался и не любилъ его, во первыхъ помя ужасный характеръ дѣда Василюва, Дмитрія, а во вторыхъ зная безнокойный духъ внука, смѣлаго, надменнаго своимъ достоинствомъ: для того неусынно наблюдалъ за нимъ и съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ непримиримую, взаимную злобу Князей Сѣверскихъ, Шемякина и Василя Симеоновича Стародубскаго, женатаго на свояченицѣ Государевой. Послѣдній доносилъ, что первый ссылается съ Королемъ Сигизмундомъ и мыслить измѣнить Россіи; а Шемякинъ требовалъ суда и писалъ къ Великому Князю: «Прикажи мнѣ, *холопу* своему, быть въ Москвѣ, да оправдаюсь *сизуесто*, и да умолкнетъ навѣки клеветникъ мой. Еще отецъ его, Симеонъ, злословилъ меня: сынъ хвалится безстыдствомъ и говоритъ: *уморю Шемякина, или си изъ заслужу епѣвъ Государевъ*. Изслѣдуй *дѣло*: если я виновенъ, то голова моя *спредъ Богомъ и предъ тобою*» ⁽²⁵²⁾. Въ Августѣ 1517 года онъ пріѣхалъ въ Москву; на другой день, въ праздникъ Успенія, обѣдалъ съ Государемъ у Митрополита, совершенно оправдался и хотѣлъ, чтобы ему выдали *живыхъ* доносителей. Ихъ было двое: одинъ слуга Князя Пронскаго, другой Стародубскаго, которые будто

бы въ Новгородѣ Сѣверскомъ и въ Литвѣ узнали о мнимой измѣнѣ Шемякина. Государь велѣлъ выдать перваго доносителя: втораго же объявилъ невиннымъ. Шемякинъ съ честію и съ новымъ жалованьемъ возвратился въ область Сѣверскую, гдѣ властвовалъ спокойно еще пять лѣтъ, переживъ своего злодѣя, Стародубскаго ⁽²⁵³⁾. Но въ 1523 году возобновились подозрѣнія: писемно обнадеженный Государемъ и Митрополитомъ въ личной безопасности, Шемякинъ вторично явился на судъ въ столицу, былъ облаканъ, а чрезъ нѣсколько дней заключенъ въ темницу, какъ уличенный въ тайной связи и перепискѣ съ Литвою. Сомнѣвались въ истинѣ сего обвиненія; рассказывали, что одинъ умный шутъ въ Москвѣ ходилъ тогда изъ улицы въ улицу съ метлою и кричалъ: *время очистить Государство отъ послѣдняго сора*, то есть, избавить оное отъ послѣдняго Князя Удѣльнаго ⁽²⁵⁴⁾. Народъ смѣялся, разгадывая остроумную притчу. Другіе осуждали Государя и въ особенноти Митрополита, который обманулъ Шемякина своимъ ручательствомъ ⁽²⁵⁵⁾. Не за-долго до сего времени Варлаамъ, благочестивый, твердый и не льстецъ Великому Князю ни въ какихъ случаяхъ противныхъ совѣсти, долженъ былъ оставить Митрополию: на мѣсто его избрали Данила, Пугмена Іосифовскаго, молодаго, тридцати-лѣтняго человѣка, свѣжаго, румянаго лицомъ, тучнаго тѣломъ и тонкаго умомъ ⁽²⁵⁶⁾. Думая о политическихъ выгодахъ болѣе, нежели

о Христіанскихъ добродѣтеляхъ. Данилъ оправдывалъ заключеніе Шемякина и говорилъ , что Богъ избавилъ Великаго Князя отъ внутренняго, домашняго врага ⁽²⁵⁷⁾. Не такъ мыслилъ Игуменъ Троицкій , Порфирій , мужъ воспитанный въ пустынь и въ простыхъ обычаяхъ : онъ торжественно и смѣло ходатайствовалъ за *гонимаго* Князя , незаконно отягченнаго цѣнями ; прогнѣвалъ Государя , и сложивъ съ себя одежду Игуменскую , удалился въ лѣсную пустыню на Бѣлоозеро ⁽²⁵⁸⁾. — Шемякинъ умеръ въ темницѣ. Отъ супруги его, привезенной въ Москву, отлучили всѣхъ Боярынь , которыя составляли ея пышный Дворъ ⁽²⁵⁹⁾. — Симвъ навсегда пресѣклась Удѣлы въ Россіи, хотя не безъ насилія, не безъ личныхъ жертвъ и несправедливостей, но безъ народнаго кровопролитія. Въ самыхъ благихъ , общепользныхъ дѣяніяхъ государственныхъ видимъ примѣсъ страстей человѣческихъ , какъ бы для того , чтобы Исторія не представляла намъ идеалъ , будучи Исторією людей или несовершенства.

Обратимся къ дѣламъ вышнимъ. Въмѣсто того , чтобы наказать Магметъ-Гирея за опустошеніе Россіи , Великій Князь желалъ какъ можно скорѣе съ нимъ примириться. Походъ на Тавриду казался опаснымъ и безполезнымъ : даль, степи, пустыни изпурили бы войско, и самый счастливый успѣхъ доставилъ бы намъ только скудную добычу : въ слѣдующее лѣто Крымцы могли бы снова явиться въ нашихъ пре-

дѣлахъ. Политика Великокняжеская ограничивалась Литвою: тамъ видѣли мы прочныя, естественныя, языкомъ и Вѣрою утверждаемыя пріобрѣтенія, нужныя для могущества Россіи; все другое относилось единственно къ сей цѣли. Посолъ Василіевъ, Наумовъ, еще оставался въ Тавридѣ и предлагалъ Хану миръ; а Магметъ-Гирей, готовя мечь Астрахани, также хотѣлъ возобновить дружбу съ нами и прислалъ своихъ Пословъ въ Москву: самъ же выступилъ со многочисленнымъ войскомъ къ устью Волги.

Въ Астрахани господствовалъ тогда Усеинъ, сынъ умершаго Царя Чевбека (260): онъ искалъ покровительства Россіи, но не успѣлъ защитить себя отъ нашествія Магметъ-Гирея, который вмѣстѣ съ Ногайскимъ Княземъ Мамаемъ осадилъ Астрахань, изгналъ Усеина, и завоевавъ сей важный торговый городъ, исполнилъ такимъ образомъ свое давнишнее властолюбивое намѣреніе совокупить три Батыевы Царства — Казань, Астрахань и Тавриду — въ единую Державу, которая могла бы и далѣе расшириться на Востокъ покореніемъ Ногаевъ, Шибанскихъ или Тюменскихъ и Хивинскихъ Моголовъ, примкнуть отъ моря Каспійскаго къ Персіи, къ Сибири, и новыми тучами варваровъ угрожать образованному Западу. Василій предвидѣлъ сію

Ханъ
Крым-
скій
взялъ
Астра-
хань.

опасность: для того, стараясь удержать Казань въ зависимости отъ Россіи, не хотѣлъ помогать Магметъ-Гирею на Астрахань, и договариваясь съ нимъ о мирѣ, заключилъ тѣсный союзъ съ ея Царемъ, косяго Послы свѣдали въ Москвѣ о бѣдствіи ихъ отечества. Но безпокойство Великаго Князя было непродолжительно: варваръ можетъ имѣть властолюбіе, смѣлость и счастье; только не умѣетъ пользоваться успѣхами: легко пріобрѣтая, легко и теряетъ. Магметъ-Гиреево величіе исчезло какъ сновидѣніе.

г. 1523.
Злодѣй-
ство въ
Казани.

Вѣд-
ствіа
Крима

Услышавъ о завоеваніи Астрахани, Саинъ-Гирей, Царь Казанскій, вздумалъ праздновать опое кровопролитіемъ: уже не боясь Россіи, и въ безумной гордости считая всякую дальнѣйшую умѣренность малодушіемъ, онъ велѣлъ умертвить всѣхъ Московскихъ купцевъ и Посла Государева, Василья Юрьева ⁽²⁶¹⁾. Вѣсть о семъ ужасномъ злодѣйствѣ достигла Москвы въ одно время съ другою, весьма для насъ благопріятною: о внезапной гибели Магметъ-Гирей и бѣдствіяхъ Тавриды. Между тѣмъ, какъ онъ, торжествуя побѣду, веселился и пировалъ въ богатой Астрахани, сподвижникъ его, Князь Ногайскій, Мамай, готовилъ ему сѣть, по внушеніямъ брата своего Агиша. «Что ты дѣлаешь?» говорилъ Агишъ: «служишь оружіемъ сильному, вла-

«столюбивому сосѣду, который мыслить пора-
«ботить всѣхъ насъ, одного за другимъ. Опом-
«нись, или будетъ поздно.» Мамай согласился
съ братомъ, условился въ мѣрахъ, и началъ до-
казывать Хану, что ихъ войско слабѣетъ духомъ
и тѣломъ въ городѣ; что надобно стоять въ
полѣ, гдѣ Татаринъ дышетъ свободно и пылаетъ
мужествомъ. Магметъ—Гирей, принявъ совѣтъ,
вышелъ изъ города; но въ станѣ велъ роскош-
ную, безснечную жизнь, не воображая никакихъ
опасностей: воины ходили безъ оружія. Вдругъ
Агишъ и Мамай съ толпами Ногайскими окру-
жаютъ Царскій шатеръ, въ коемъ Магметъ—Ги-
рей спокойно обѣдалъ съ юнымъ сыномъ Бога-
тырь—Солтаномъ: убиваютъ ихъ и многихъ
Вельможъ; нападаютъ на станъ, рѣжутъ изум-
ленныхъ Крымцевъ, гонятъ бѣгущихъ, топятъ
въ Дону ⁽²⁶²⁾. Только двое изъ сыновей Хан-
скихъ, Казы—Гирей и Бибей, съ пятидесятью
Князьями прибѣжали въ Тавриду: въ слѣдъ за
ними винулись и Ногаи въ ея беззащитные
Улусы, захватили стада, выжгли селенія, пла-
вали въ крови женъ и младенцевъ, которые
укрывались въ лѣсахъ или въ ущелинахъ горъ.
Вельможи Крымскіе собрали наконецъ тысячъ
двѣнадцать воиновъ и сразились съ Ногаями; по-
разбитые на голову, едва спаслися бѣгствомъ
въ Перекопъ, охраняемую Султанскими Яныча-
рами. Въ то же время Атаманъ Днѣпровскихъ
Козаковъ, Евстафій Дашковичъ, бывъ дотолѣ
союзникомъ Крымскимъ, сжегъ укрѣпленія Оча-

кова, и все истребилъ, что могъ, въ Тавридѣ.

Ханъ
Сайдеть-
Гирей.

Московскій Бояринъ Колычовъ, посланный еще къ Магметъ-Гирею, находясь въ Перекопи, былъ свидѣтелемъ сихъ происшествій. Когда Ногаи и Дашковичъ удалились, сынъ Ханскій, Казы-Гирей, назвалъ себя Царемъ Тавриды; но долженъ былъ уступить престолъ дядѣ, Сайдеть-Гирею, который, съ Султанскимъ указомъ и съ Янычарами пріѣхавъ изъ Константинополя, удавилъ племянника въ Кафѣ, торжественно воцарился и снѣвши предложить Василю свою дружбу, хваляся могуществомъ и величіемъ. «Отецъ твой — написалъ онъ къ Государю — безопасно «стоялъ за хребтомъ моего отца, и его «саблею сѣкъ головы непріятелямъ. Да «будетъ любовь и между нами. Имѣю рать «сильную: Великій Султанъ мнѣ покровитель, Царь Астраханскій Усейнъ другъ, «Казанскій Саинъ-Гирей братъ, Ногаи, «Черкасы и Тюмень подданные, Король «Сигизмундъ холодъ, Волохи нутники мои «и стапники. Исполняя волю Султанову, «хочу жить съ тобою въ тѣсномъ братствѣ. «Не тревожь моего единокровнаго въ Казани. Минувшее забудемъ. Литвѣ не дамъ покоя,» и проч. Новый Ханъ требовалъ отъ Василя шестидесяти тысячъ алтынь, увѣряя, что истинные братья ни-

когда не отказываютъ другъ другу въ такихъ бездѣлицахъ. Хотя въ Москвѣ знали, что Крымъ находится въ самомъ ужасномъ опустошеніи; что Сайдеть-Гирей не могъ тогда имѣть ни двѣнадцати тысячъ неправыхъ воиновъ: однакожь Великій Князь старался воспользоваться добрымъ расположеніемъ Хана и заключить съ нимъ союзъ, чтобы по крайней мѣрѣ не опасаться Набѣговъ Крымскихъ; только не далъ ему денегъ, и въ разсужденіи Царя Казанскаго отвѣтствовалъ: «Государи воюють, «но Пословъ и купцевъ не убиваютъ: нѣтъ «и не будетъ мира съ злодѣемъ» (265).

Между тѣмъ, какъ шли переговоры съ Походъ на Казань. Тавридою объ условіяхъ союза, войско наше дѣйствовало противъ Казани. Самъ Государь ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, откуда послалъ Царя Шягъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовою, а Князя Бориса Горбатаго съ конною ратію. Они не только воевали непріятельскую землю, убивая, плѣняя людей на берегахъ Волги, но сдѣлали и нѣчто важнѣйшее: основали городъ при устьѣ Суры, назвавъ его именемъ Василія, и стѣнами предѣлы Казанскаго Царства, сею твердынею защитили Россію: валъ, острогъ и деревянныя стѣны были достаточны для приведенія варваровъ въ ужасъ. Алея и Шуйскій возвратились осенью. Не трудно было предвидѣть,

что Россіи не возобновятъ нападеніе въ благопріятнѣйшее время: Саипъ — Гирей искалъ опоры, и рѣшился объявить себя подданнымъ Великаго Солimana, съ условіемъ, чтобы онъ спасъ его отъ мести Василюевой. Могъ ли дѣйствительно Глава Мусульмановъ не вступиться въ такомъ случаѣ за единовѣрнаго? Однакожь сіе заступленіе, весьма легкое и какъ бы мимоходомъ, оказалось безполезнымъ: Князь Манкурскій, Скиндеръ, находясь тогда въ Москвѣ единственно по дѣламъ купеческимъ, именемъ Султана объявилъ нашимъ Боярамъ, что Казань есть Турецкая область; но удовольствовался отвѣтомъ, что Казань была, есть и будетъ подвластна Россійскому Государю; что Саипъ—Гирей мятежникъ и не имѣетъ права дарить ея Султана (264).

г. 1524. Весною полки гораздо многочисленнѣйшіе выступили къ Казани, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завоевать оную. Въ судовой рати главными начальниками были Шигъ-Алей, Князья Иванъ Бѣльскій и Горбатый, Захарыиъ, Симеонъ Курбскій, Иванъ Лятцкій; а въ конной Бояринъ Хабаръ Симскій. Число воиновъ, какъ увѣряютъ, простиралось до 150 тысячъ (265). Слухъ о семъ необыкновенномъ ополченіи столь устранилъ Саипъ-Гирея, что онъ немедленно бѣжалъ въ Тавриду, оставя въ

Казани юнаго , тринадцати-лѣтняго племянника, Сафа-Гирея , внука Менгли-Гиреева (²⁶⁶) , и сказавъ жителямъ , что ѣдетъ искать помощи Султановой , которая одна можетъ спасти ихъ. Гнушавшася его малодушіемъ , ненавидя и боясь Россіянъ , они называли Сафа-Гирея Царемъ , клялися умереть за него и приготовились къ оборонѣ , вмѣстѣ съ Черемисами и Чувашиами. 7 Юля судовая рать Московская явилась предъ Гостинымъ островомъ , выше Казани ; войско расположилось на берегу , и 20 дней провело въ бездѣйствіи , ожидая Хабары Симскаго съ конницею. Непріятель также стоялъ въ полѣ ; тревожилъ Россіянъ частными , маловажными нападеніями ; изъявлялъ смѣлость. Презирая отрока Сафа-Гирея , Алей писалъ къ нему , чтобы онъ мирно удалился въ свое отечество и не былъ виновникомъ кровопролитія. Сафа-Гирей отвѣтствовалъ : « чья побѣда , того и Царство : сразимся. » Въ сіе время загорѣлась Казанская деревянная крѣпость (²⁶⁷) : Воеводы Московскіе не двинулись съ мѣста , дали жителямъ спокойно гасить огонь и строить новую стѣну ; 28 Юля перенесли станъ на луговую сторону Волги , къ берегамъ Казанки , и опять ничего не дѣлали ; а непріятель жегъ нивы въ окрестностяхъ , и занявъ все дороги , наблюдалъ , чтобы мы не имѣли никакихъ подводъ. Истративъ свои запасы , войско уже терпѣло недостатокъ — и вдругъ разнесся слухъ , что конница наша совершенно истреблена непріятелемъ. Ужасъ объялъ Воеводъ. Не знали , что

предпринять: боялись идти назадъ и медленно плыть Волгою вверхъ; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухимъ путемъ чрезъ отдаленную Вятку. Оказалось, что дикіе Черемисы разбили только одинъ конный отрядъ Московскій; что мужественный Хабаръ въ двадцати верстахъ отъ Казани, на берегу Свіяги, одержалъ славную побѣду надъ ними, Чувашиами и Казанцами, хотѣвшими не допустить его до соединенія съ Алексѣемъ: множество взялъ въ плѣнъ, утопилъ въ рѣкѣ, и съ строеями прибылъ въ станъ главной рати ⁽²⁶⁸⁾.

Не столь счастливъ былъ Князь Иванъ Палецкій, который изъ Нижняго Новгорода шелъ на судахъ къ Казани съ хлѣбомъ и съ тяжелымъ снарядамъ огнестрѣльнымъ. Тамъ, гдѣ Волга, усеѣянная островами, стѣсняется между ими, Черемисы запрудили рѣку камнемъ и деревьями. Сія преграда изумила Россіянъ. Суда, увлекаемые стремленіемъ воды, разбивались одно объ другое или объ камни, а съ высокаго берега сыпались на нихъ стрѣлы и катились бревна, пускаемые Черемисами. Погибло нѣсколько тысячъ людей, убитыхъ или утопшихъ ⁽²⁶⁹⁾; и Князь Палецкій, оставивъ въ рѣкѣ большую часть военныхъ снарядовъ, съ немногими судами достигъ нашего стана. Сіе бѣдствіе, какъ думаютъ, произвело извѣстную старинную поговорку: *съ одну сторону Черемиса, а съ другой берегися* ⁽²⁷⁰⁾. «Волга» — пишетъ Казанскій Историкъ — «сдѣлалась тогда для варваровъ златоструйнымъ

«Тигромъ: кромѣ пушекъ и ядеръ, они пу-
«дами извлекали изъ ея глубины серебро и
«драгоцѣнное оружіе Москвитинъ.»

Хотя Россіане обступили наконецъ крѣ- Авгу-
ста 45
пость и могли бы взять ее, тѣмъ вѣроят-
нѣе, что въ самый первый день осады
убивъ лучшаго непріятельскаго пушкаря,
видѣли замѣшательство Казанцевъ и худое
дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда; хотя
Нѣмецкіе и Литовскіе воины, наемники
Государевы, требовали приступа: но Вое-
воды, опасаясь неудачи и голода, предпочли
миръ: ибо Казанцы, уstraшенные побѣдою
Симскаго, послали къ нимъ дары, обѣ-
щаясь немедленно отпратить Посольство къ
Великому Князю, умолю его загла-
вить свою вину. Малодушные или, по мнѣ-
нію нѣкоторыхъ, ослѣвленные золотомъ
начальники прекратили войну, сняли осаду
и вышли изъ земли Казанской безъ славы
и съ болѣзнію, отъ коей умерло множество
людей, такъ, что едва ли половина рати
осталась въ живыхъ. Главный Воевода,
Князь Иванъ Бѣльскій, лишился милости
Государевой; но Митрополитъ неходатай-
ствовалъ ему прощеніе ⁽²⁷¹⁾.

Послы Казанскіе дѣйствительно пріѣ-
хали къ Государю; молили его, чтобы онъ
утвердилъ Сафа-Гирея въ достоинствѣ Ца-
ря, и въ такомъ случаѣ обязывались, какъ
и прежде, усерствовать Россіи ⁽²⁷²⁾. Василій

требовалъ доказательствъ и залога въ вѣрности сего народа , постоянного единственно въ обманахъ и злодѣйствѣ: впрочемъ желалъ обойтиса безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Бояринъ, Князь Пенковъ , былъ въ Казани для переговоровъ. Между тѣмъ Государь безъ оружія нанесъ ей ударъ весьма чувствительный , запретивъ нашимъ купцамъ ѣздить на ея лѣтнюю ярмонку и назначивъ для ихъ торговли съ Азією мѣсто въ Нижегородской области , на берегу Волги , гдѣ нынѣ Макарьевъ: отъ чего сія славная ярмонка упала: пбо Астраханскіе, Персидскіе, Арменскіе купцы всего болѣе искали тамъ нашихъ мѣховъ, и сами Казанцы лишились вещей необходимыхъ, на примѣръ соли , которую они получали изъ Россіи ⁽²⁷³⁾. Но какъ трудно перемѣнять старыя обыкновенія въ путяхъ купечества, то мы, сдѣлавъ зло другимъ, увидѣли и собственный вредъ: не скоро можно было пріучить людей къ новому, дикому , ненаселенному мѣсту , гдѣ нѣкогда существовалъ уединенный монастырь, заведенный Св. Макаріемъ Унженскимъ и разрушенный Татарами при Василіи Темномъ ⁽²⁷⁴⁾. Цѣна Азіатскихъ ремесленныхъ произведеній у насъ возвысилась; открылся недостатокъ въ нужномъ, особенно въ соленой рыбѣ , покупаемой въ Казани. Однимъ словомъ , досадивъ Казанскому народу, Великій Князь досадилъ и своему , который не могъ предвидѣть, что сіе юное торжище будетъ со временемъ нашею славною Макарьевскою ярмонкою , едва ли не богатѣйшею въ

свѣтъ. Жаловались, что Государь ищетъ себѣ непріятелей, равно какъ осуждали его и за основаніе города въ землѣ Казанской, хотя дальновиднѣйшіе изъ самыхъ современниковъ знали, что дѣло идетъ не объ истинномъ дружествѣ съ нею, но о вѣрнѣйшемъ ей, для насъ необходимомъ покореніи, и хвалили за то Великаго Князя ⁽²⁷⁵⁾. — Слѣдствіемъ переговоровъ между нами и Казанью было пятилѣтнее, мирное бездѣйствіе съ обѣихъ сторонъ.

Тогда Великій Князь, свободный отъ дѣлъ военныхъ, занимался важнымъ дѣломъ семейственнымъ, тѣсно связаннымъ съ государственною пользою. Онъ былъ уже двадцать лѣтъ супругомъ, не имѣя дѣтей, слѣдственно и надежды имѣть ихъ. Отецъ съ удовольствіемъ видѣлъ наследника въ сынѣ: таковъ уставъ Природы; но братья не столь близки къ сердцу, и Василіевы не оказывали ни великихъ свойствъ душевныхъ, ни искренней привязанности къ старѣйшему, болѣе опасаясь его какъ Государя, нежели любя какъ единокровнаго. Современный Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Великій Князь, идучи однажды на *позлащенной колесницѣ*, въ городъ, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо, заплакалъ и сказалъ: «птицы счастливыѣ меня: у нихъ есть дѣти!» Послѣ онъ также со слезами говорилъ Боярамъ: «кто будетъ

Г. 1525.
Постра-
женіе
Вели-
коі
Князя-
ви.

«моимъ и Русскаго Царства наслѣдникомъ? «братья ли, которые не умѣютъ править и своими «Удѣлами?» Бояре отвѣтствовали: «Государь! «неплодную смоковницу посѣкаютъ: на ея мѣ-
«стѣ садятъ иную въ вертоградѣ» (276). Не толь-
ко придворные угодники, но и ревностные друзья
отечества могли совѣтовать Василю, чтобы онъ
развелся съ Соломошією, обвиняемою въ неплот-
дѣи, и новымъ супружествомъ даровалъ наслѣд-
ника престолу. Слѣдуя ихъ мнѣнію, и желая
быть отцемъ, Государь рѣшился на дѣло жесто-
кое въ смыслѣ правдивости: немилосердно
отвергнуть отъ своего ложа невинную, добродѣ-
тельную супругу, которая двадцать лѣтъ жила
единственно для его счастія; предать ее въ жер-
тву горести, стыду, отчаянію; нарушить святой
уставъ любви и благодарности. Если Митропо-
литъ Даніилъ, снисходительный, уклончивый,
внимательный къ міру болѣе, нежели къ Духу,
согласно съ Великокняжескимъ Спиклитомъ при-
зналъ намѣреніе Василюево законнымъ или еще
похвальнымъ: то нашлись и Духовные и міряне,
которые смѣло сказали Государю, что оно про-
тивно совѣсти и Церкви. Въ числѣ ихъ былъ
пустынный Шнокъ Вассіанъ, сынъ Князя Ли-
товскаго, Ивана Юрьевича Патрикеева, и самъ
пѣкогда знатѣйшій Бояринъ, вмѣстѣ съ отцемъ
въ 1499 году неволею постриженный въ Монахи
за усердіе къ юному Великому Князю, несчаст-
ному Дмитрію (277). Сей мужъ уподоблялся,
какъ пишутъ, древнему Святому Антонію: его

заклучили въ Волоко-ламекомъ монастырѣ, коего Инокѣ любилѣ угождать мірской власти; а престарѣлаго Воеводу, Князя Симеона Курбскаго, завоевателя земли Югорской, строгаго постника и Христіанина, удалили отъ Двора: ибо онъ также ревностно вступался за права Соломоніи (278). Самые престолюдины — одни по естественной жалости, другіе по Номоканону — осуждали Василія (279). Чгобы обмануть законъ и совѣсть, предложили Соломоніи добровольно отказаться отъ міра: она не хотѣла. Тогда употребили насиліе: вывели ее изъ дворца, постригли въ Рождественскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, увезли въ Суздаль, и тамъ, въ женской Обители, заключили. Увѣряютъ, что несчастная противилась совершенно беззаконнаго обряда, и что сановникъ Великокняжескій, Ивацъ Шыгона, угрожалъ ей не только словами, но и побоями, дѣйствуя именемъ Государя; что она залилась слезами, и надѣвая ризу Инокшии, торжественно сказала: «Богъ видитъ, и отмститъ моему гонителю» (280). — Не умолчимъ здѣсь о преданіи любопытномъ, хотя и не достовѣрномъ: носился слухъ, что Соломонія, къ ужасу и бесполезному раскаянію Великаго Князя, оказалась послѣ беременною, родила сына, дала ему имя Георгія, тайно воспитывала его и не хотѣла никому показать, говоря: «въ свое время онъ явится въ могущество и славѣ.» Многіе считали то за истину; другіе за сказку,

вымышленную друзьями сей несчастной, добродѣтельной Княгини ⁽²⁸¹⁾.

г. 4326.
Новый
бракъ
Велика-
го Кня-
зя.

Разрѣшивъ узы своего брака, Василій по уставу Церковному не могъ вторично быть суиругомъ: чья жена съ согласія мужа постригается, тотъ долженъ самъ отказаться отъ свѣта. Но Митрополитъ далъ благословеніе, и Государь чрезъ два мѣсяца женился на Княжнѣ Еленѣ, дочери Василя Глинскаго, къ изумленію нашихъ Бояръ, которые не думали, чтобы родъ чужеземныхъ измѣнниковъ удостоился такой чести. Можетъ быть, не одна красота невесты рѣшила выборъ; можетъ быть, Елена, воспитанная въ знатномъ Владѣтельномъ Домѣ и въ обычаяхъ Нѣмецкихъ, кои славилъ ся дядя, Михаилъ, имѣла болѣе пріятности въ умѣ, нежели тогдашнія юныя Россіянки, паучаемыя единственно цѣломудрію и кроткимъ, смиреннымъ добродѣтелямъ ихъ пола. Нѣкоторые думали, что Великій Князь изъ уваженія къ достоинствамъ Михаила Глинскаго женился на его племянницѣ, дабы оставить въ немъ надежнаго совѣтника и путеводителя своимъ дѣтямъ ⁽²⁸²⁾. Сіе мепѣ вѣроятно: ибо Михаилъ послѣ того еще болѣе года сидѣлъ въ темницѣ, освобожденный наконецъ ревностнымъ ходатайствомъ Елены ⁽²⁸³⁾. — Свадьба была великолѣпна. Праздновали три дни. Дворъ блисталъ не-

обыкновенною пышностію ⁽²⁸⁴⁾. Любя юную супругу, Василій желалъ ей нравиться не только ласковымъ обхожденіемъ съ нею, но и видомъ молодости, которая отъ него удалялась: обрилъ себѣ бороду и пекся о своей пріятной наружности ⁽²⁸⁵⁾.

Въ теченіе пяти лѣтъ Россія имѣла единственно мирныя сношенія съ иными Державами. Еще при жизни Леона X одинъ Генуэзскій путешественникъ, называемый Капитаномъ Павломъ, съ дружелюбнымъ письмомъ отъ сего Папы и Имперскаго Магистра Альбрехта былъ въ Москвѣ, имѣя важное намѣреніе проложить купеческую дорогу въ Индостанъ черезъ Россію посредствомъ рѣкъ Инда, Окса или Гигона, моря Каспійскаго и Волги. Прежде счастливаго открытія Васка де-Гамы товары Индійскіе шли въ Европу или Персидскимъ Заливомъ, Евфратомъ, Чернымъ моремъ, или Заливомъ Аравійскимъ, Индомъ и моремъ Средиземнымъ; но Португальцы, въ началѣ XVI вѣка овладѣвъ берегами Индіи, захвативъ всю ея торговлю и давъ ей удобнѣйшій путь Оксаномъ, мимо Африки, употребляли свою выгоду во зло, и столь возвысили цѣну пріятныхъ зелій, что Европа справедливо жаловалась на безумное корыстолюбіе Лиссабонскихъ купцовъ. Говорили даже, что ароматы Индійскіе въ дальнемъ плаваніи теряютъ запахъ

Спошова
вѣ съ
Ря-
момъ.

и силу. Движимый ревностію отнять у Португаліи исключительное право сей торговли, Генуэзскій путешественникъ убѣдительно представлялъ нашимъ Боярамъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ можемъ обогатиться ею; что казна Государева наполнится золотомъ отъ кунеческихъ пошлинъ; что Россііане, любя употреблять пряныя зелья, будутъ имѣть оныя въ изобиліи и дешево; что ему надобно только узнать теченіе рѣкъ впадающихъ въ Волгу, и что онъ проситъ Великаго Князя отпустить его водою въ Астрахань. Но Государь, какъ пишутъ, не хотѣлъ открыть иноземцу путей нашей торговли съ Востокомъ ⁽²⁸⁶⁾. Павелъ возвратился въ Италію по смерти Леона X, вручилъ отвѣтную Василюеву грамоту Папѣ Адріану и въ 1525 году вторично пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ отъ новаго Папы, Климента VII, уже не по торговымъ дѣламъ, но въ видѣ Посла, дабы склонить Великаго Князя къ войнѣ съ Турками и къ соединенію Церквей: за что Климентъ, подобно Леону, предлагалъ ему достоинство Короля ⁽²⁸⁷⁾. Сей опытъ, какъ и всѣ прежніе, не имѣлъ успѣха: Василюй, довольный именемъ Великаго Князя и Царя, не думалъ о Королевскомъ, не хотѣлъ искать новыхъ враговъ и помнить худыя сѣдствія Флорентійскаго Собора; однакожь принялъ съ уваженіемъ и Посла и грамоту, чествовалъ его два мѣсяца въ Москвѣ и вмѣстѣ съ нимъ отпраздновалъ въ Италію *гонца* своего, Дмитрія Герасимова ⁽²⁸⁸⁾, о комъ славный Историкъ того вѣка, Павелъ Іовій,

говорить съ похвалою, сказывая, что онъ учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ Латинскій, былъ употребляемъ Великимъ Княземъ въ Посольствахъ Шведскомъ, Датскомъ, Прусскомъ, Вѣнскомъ; имѣлъ многія свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріятность въ обхожденіи. Папа велѣлъ отвести ему богато украшенныя комнаты въ замкѣ Св. Ангела. Отдохнувъ нѣсколько дней, Димитрій въ великолѣпной Русской одеждѣ представился Клименту, поднесъ дары и письмо Государево, наполненное единственно учтивостями. Великій Князь изъявлялъ желаніе быть въ дружбѣ съ Папою, утверждать опую взаимными Посольствами, видѣть торжество Христіанства и гибель невѣрныхъ, прибавляя, что онъ издавна караетъ ихъ въ честь Божію. Ждали, что Димитрій объявитъ на словахъ какія нибудь тайныя порученія Государевы: онъ занемогъ въ Римѣ и долго находился въ опасности; наконецъ выздоровѣлъ, осмотрѣлъ всѣ достопамятности древней столицы міра, новыя зданія, церкви; хвалилъ пышное служеніе Папы, восхищался музыкою, присутствовалъ въ Кардинальскомъ Совѣтѣ, бесѣдовалъ съ учеными мужами, и въ особенности съ Павломъ Ювіемъ; рассказывалъ имъ много любопытнаго о своемъ отечествѣ; но, къ неудовольствію Папы, объявлялъ, что не имѣетъ никакихъ повелѣній отъ Василія для переговоровъ о дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ. — Димитрій возвратился въ Москву (въ Іюль 1526 года) съ новымъ

Посломъ Климентовымъ , Іоанномъ Францискомъ , Епископомъ Скаренскимъ , коему надлежало доставить миръ Христіанству , то есть , Литвѣ (239). Явился и другой , еще знаменитѣйшій посредникъ въ семъ дѣлѣ.

Кончина Максимилианова прервала сообщеніе нашего Двора съ Имперією , Хитрый, властолюбивый юноша , Карлъ V , заступивъ мѣсто дѣда на ея престолѣ , не имѣлъ времени мыслить о Сѣверѣ , повелевая Испанією , Австрією , Нидерландами , и споря о господствѣ надъ всею юго-западною Европою съ прямодушнымъ Героемъ , Францискомъ I. Долго ждавъ , чтобы Карлъ вспомнилъ о Россіи , Великій Князь рѣшился самъ отправить къ нему гонца съ привѣтствіемъ . За симъ возобновились торжественныя Посольства съ обѣихъ сторонъ . Австрійскій Государственный Совѣтникъ Антоній прибылъ въ Москву съ дружественными грамотами , а Князь Иванъ Ярославскій-Засѣкинъ ѣздилъ съ такими же отъ Василія къ Императору въ Мадридъ (290) , въ то самое время , когда несчастный Францискъ I находился тамъ плѣнникомъ , и когда Европа не безъ ужаса видѣла быстрые успѣхи Карлова властолюбія , угрожавшаго ей всемірною Монархією или зависимостію всѣхъ Державъ отъ единой сильнѣйшей , какой не бывало послѣ Карла Великаго въ теченіе семи вѣковъ . Только

Россія, хотя уже съ любопытствомъ наблюдающая государственныя движенія въ Европѣ, но еще далѣе враждебной Литвы не зрящая для себя прямыхъ опасностей, оставалась вдали спокойною, и даже могла желать, чтобы Карлъ исполнилъ намѣреніе дѣла присоединеніемъ Венгріи и Богеміи ко владѣніямъ Австрійскаго Дома (какъ и случилось): ибо сіи двѣ вопиющія Державы, управляемыя Сигизмундовымъ племянникомъ, Людовикомъ, служили опорой Литвѣ и Польшѣ. Не имѣя никакого совмѣстительства съ Императоромъ и справедливо угадывая, что оно есть или будетъ между имъ и Королемъ Польскимъ, Великій Князь предложилъ Карлу склонить Сигизмунда къ твердому миру съ Россією, или благоразумными убѣжденіями или страхомъ оружія, по торжественному Максимилианову обѣщанію (291). Въ удовольствіе Василія Императоръ, отпустивъ Князя Засѣкина изъ Мадрита, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Графа Леонарда Нугарольскаго, а братъ его, Эрцгерцогъ Австрійскій Фердинандъ, Барона Герберштейна въ Польшу, чтобы объясниться съ Королемъ въ разсужденіи мирныхъ условій и вѣхать въ Москву для окончанія сего дѣла. Но Сигизмундъ, уже опасаясь замысловъ Императора на Венгрію, худо вѣрилъ его доброжелательству и сказалъ Посланцу, что онъ не просилъ ихъ Государей быть миротворцами и можетъ самъ унять Россію, примолвивъ съ досадою: «какая дружба у «Князя Московскаго съ Императоромъ? что она:

«ближніе сосѣды или родственники?» Одна-
кожь послалъ къ Василию Воеводу своего,
Петра Кашку, и Маршалка Богуща, кото-
рые въ слѣдъ за Графомъ Леонардомъ и
Герберштейномъ пріѣхали въ нашу столи-
цу. Великій Князь былъ въ Можайскѣ,
увеселяясь звѣриною ловлею: тамъ и нача-
лись переговоры. Король возобновилъ ста-
рыя требованія на все отнятое у Литвы
Іоанномъ, называя и Новгородъ и Псковъ
своимъ достояніемъ; а мы хотѣли Кіева, Полоц-
ка, Витебска. Посредники, Епископъ Ска-
ренскій, Леонардъ и Герберштейнъ, совѣ-
туя обѣимъ сторонамъ быть умѣреннѣе,
предложили Василию уступить Королю хотя
половину Смоленска: Бояре объявили сіе
невозможнымъ; отвергнули и перемиріе на
двадцать лѣтъ, желаемое Сигизмундомъ;
согласились единственно продолжать оное
до 1533 года, и то изъ особеннаго уваженія
къ Императору и Папѣ, какъ изъяснился
Великій Князь, жалуясь на худое располо-
женіе Короля къ истинному миру и нежѣ-
ность его требованій. Споры о нашихъ
границахъ съ Литвою остались безъ изслѣ-
дованія, а плѣнники въ заточеніи. Посламъ
Сигизмундовымъ была и личная досада:
за столомъ Великокиевскимъ давали имъ
мѣсто ниже Римскаго, Императорскаго и
самаго Фердинандова Посла. Утверждая
перемирную грамоту, Василій говорилъ

Пере-
миріе
съ Лит-
вою.

рѣчь о своей прїѣзди къ Папѣ , Карлу , Эрцгерцогу ; о любви къ тишинѣ , справедливости , и проч. На стѣнѣ висѣлъ золотый крестъ : Думный Бояринъ , снявъ его , обтеръ бѣлымъ платомъ. Двѣ въ обѣихъ рукахъ держалъ хартіи договорныя. Великій Князь всталъ съ мѣста ; указывая на грамоту , сказалъ : «исполню съ Божіею помощію» ; взглянулъ съ умиленіемъ на крестъ , и тихо читая молитву , приложился къ оному. Тоже сдѣлали и Литовскіе чиновники. Въ заключеніе обряда пили вино изъ большаго кубка. Государь снова увѣрилъ Пословъ въ своемъ дружествѣ къ Клименту и къ Максимилиановымъ наследникамъ ; обратился къ Панами Литовскимъ , кивнулъ головою , велѣлъ имъ кланяться Сигизмунду и желалъ счастливаго пути ⁽²⁹²⁾. Они все вмѣстѣ выѣхали изъ Можайска , а за ними наши Послы : Трусовъ и Лодыгинъ въ Римъ , Ляпунъ и Волосатый къ Императору и къ Эрцгерцогу , Окольничій Лятцкій къ Сигизмунду ⁽²⁹³⁾. — Хотѣ Король утвердить договоръ и клятвенно обязался быть нашимъ мирнымъ сосѣдомъ , но взаимныя жалобы не могли прекратиться до самой кончины Василіевой : ибо Литовцы и Россіане пограничныя вѣли , такъ сказать , явную , всегдашнюю войну между собою , отнимая земли другъ у друга. Тщетно судьи съ обѣихъ сторонъ выѣзжали на рубежъ : то Литовскіе не могли дожидаться нашихъ , то наши Литовскихъ. Къ неудовольствію Сигизмунда , Василій принялъ къ себѣ Князя Оседора Михай-

ловпча Мстиславскаго , выдалъ за него дочь сестры своей , Анастасію ⁽²⁹⁴⁾ , свосился съ Господаремъ Молдавскимъ , непріятелемъ Литвы , и задержалъ (въ 1528 году) бывшихъ у насъ Королевскихъ Пословъ , свѣдавъ , что въ Минскѣ остановили Молдавскаго на пути его въ Россію. Король не хотѣлъ именовать Василія Великимъ Государемъ , а мы не хотѣли называть Короля Россійскимъ и Прусскимъ. По крайней мѣрѣ плѣнниковъ нашихъ и Литовскихъ , въ силу перемирія , продолженнаго еще на годъ , выпустили изъ темницъ и не обременяли цѣпями какъ злодѣевъ ⁽²⁹⁵⁾.

Друж-
ство съ
Густа-
вомъ
Вазою.

Въ слѣдствіе одной изъ достопамятнѣйшихъ государственныхъ перемѣнъ въ мірѣ , Швеція , послѣ долговременнаго неустойчиваго , угнетенія , безначалія , какъ бы обновленная въ своихъ жизненныхъ силахъ , образовалась , возставала тогда подъ Эгидою великаго мужа , Густава Вазы , который изъ рудокопца восшелъ на тронъ , озарилъ его славою , утвердилъ мудростію ; возвеличилъ Государство , ободрилъ народъ , былъ честію вѣка , Монарховъ и людей. Освободивъ Королевство свое отъ ига Датчанъ , не думая о суетной воинской славѣ , думая только о мирномъ благоденствіи Шведовъ , Густавъ искалъ дружбы Василія и подтвердилъ заключенное съ Россіею перемиріе на 60 лѣтъ. Совѣтники

его, Кануть Эриксоу и Біорнъ Классонъ, прїѣзжали для того въ Новгородъ къ Намѣстнику, Князю Ивану Ивановичу Оболенскому, и Дворецкому Сабурову, а Эрикъ Флемингъ въ Москву (²⁹⁶). Уже Христіанъ, ненавидимый и Шведамъ и Датчанамъ, считался изгнанникомъ по Европѣ: преемникъ сего Нерона, Король Фридерикъ, менѣе властолюбивый, призналъ независимость Швеціи, и Василій, слыша о великихъ дѣлахъ Густава, тѣмъ охотнѣе согласился жить съ нимъ въ мирномъ сосѣдствѣ: дозволилъ Шведскимъ купцамъ имѣть свой особенный дворъ въ Новгородѣ и торговать во всей Россіи; обѣщалъ совершенную безопасность Финскимъ земледѣльцамъ, которые боялись селиться близъ нашей границы, и велѣлъ, въ угодность Королю, заточить въ Москвѣ славнаго Датскаго Адмирала Норби. Сей воинъ мужественный, но свирѣпый, по изгнаніи Христіана завладѣлъ-было Готландіею. сдѣлался морскимъ разбойникомъ, не щадилъ никого, бралъ всѣ корабли безъ исключенія, и въ особенности злодѣйствовалъ Швеціи; наконецъ, разбитый ея флотомъ, бѣжалъ въ Россію, чтобы возбудить насъ противъ Густава (²⁹⁷). Великій Князь объявилъ Норби мятежникомъ и наказалъ его, въ удостовѣреніе, что хочетъ мира и тишины на Сѣверѣ.

Посоль-
ства
Султана-
новъ.

Утративъ надежду имѣть союзника въ Султанѣ, Василій милостиво угощалъ его Посланника, Скиндера, который еще три раза былъ въ Москвѣ, по торговымъ дѣламъ, и тамъ внезапно умеръ съ пменемъ корыстолюбиваго и злаго клеветника: ибо онъ, несправедливо жалуюсь на скупость и худый пріемъ Великаго Князя, хвалился, что убѣдитъ Сулимана воевать съ нами; но умный Султанъ не могъ быть орудіемъ подлаго Грека, и не думая умножать числа своихъ непріятелей, оставался другомъ Россіи, хотя и бесполезнымъ, и въ концѣ 1530 года писалъ къ Василію послѣднее ласковое письмо съ Туркомъ Ахматомъ, коему надлежало купить въ Москвѣ нѣсколько крестовъ и мѣховъ собольихъ⁽²⁹⁸⁾.

Въ сіе время одни Крымскіе хищники тревожили Россію, не смотря на успія Великаго Князя быть въ мирѣ съ Ханомъ и на союзныя грамоты, послѣ многихъ переговоровъ утвержденныя взаимною клятвою. Сайдетъ-Гирей, ненавидимый народомъ и Князьями за его любовь къ Турецкимъ обычаямъ, муть кровь знатнѣйшихъ людей и не могъ держаться на своемъ ужасномъ тронѣ, бывъ два раза изгнанъ племянникомъ, сыномъ Магметъ-Гирея, Исламомъ; примирился съ нимъ, далъ ему санъ Калги, грабилъ Литву и требовалъ денегъ отъ Василія, который, видя ненадежность Ханской

власти, сдѣлаясь тѣмъ умѣреннѣе въ дѣлахъ. Послы Сайдеть-Гиреевы находились въ Москвѣ, когда донесли Государю, что Царевичъ Исламъ идетъ на Россію. Войско наше заняло берегъ Оки, стояло долго, не видало непріятеля и разошлось осенью по городамъ: вдругъ запылали села Рязанскія: Исламъ стремился къ Коломнѣ и Москвѣ. Но Воеводы, Князь Одолевскій и Мстиславскій, оставались на Угрь; не пустили разбойниковъ за Оку и съ великимъ урономъ прогнали, въ числѣ многихъ плѣнныхъ захвативъ перваго Исламова любимца, Янглыча Мурзу ⁽²⁹⁹⁾. Государь былъ въ Коломнѣ: раздраженный вѣроломствомъ Хана, онъ велѣлъ утопить Крымскихъ Пословъ ⁽³⁰⁰⁾. И съ варварами не должно быть варваромъ. Самъ Великій Князь устыдился такого дѣла и приказалъ объявить Хану, что Послы убиты Московскою чернью. Ни мало не удивленный ихъ казнью, столь несогласною съ Народнымъ Правомъ, Сайдеть-Гирей винилъ только своего племянника, будто бы самовольно дерзнувшаго напасть на Россію; снова клялся въ истинномъ дружествѣ къ Василію, и нагло ограбивъ его Посла, не мѣшалъ Крымцамъ злодѣйствовать въ областяхъ Бѣлевскихъ и Тульскихъ. Наконецъ, сверженный съ престола Князьями и народомъ, бѣжалъ къ Султану. Но Россія ни-

Г. 1527.
Набѣгъ
Крм.
цевъ.

чего не выиграла сею перемѣною: сперва Исламъ, властвовавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тавридѣ, а послѣ Саинъ, бывшій Царь Казанскій, утвержденный Султаномъ въ достоинствѣ Хана, угрожали намъ войною и пламенемъ, хотя оба, говимые Сайдетъ-Гиреемъ, прежде некали милости въ Великомъ Князѣ, названомъ отцу Ислама и брату Саинъ-Гирея: они непрестанно хотѣли богатыхъ даровъ ⁽³⁰¹⁾.

Къ счастью, Казань умиралась на время. Юный Сафа-Гирей, ненавистникъ Россіи, исполняя желаніе народа, требовалъ рѣшительнаго мира отъ Великаго Князя, вышелъ передъ нимъ, обѣщавъ быть его вѣрнымъ присяжникомъ. Посолъ Московскій, Андрей Пилемовъ, взявъ съ Царя, Вельможъ и гражданъ клятвенную въ томъ грамоту; а Василій отпавилъ къ нимъ свою съ Княземъ Иваномъ Палецкимъ. Но сей знатный чиновникъ узнавъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, что Сафа-Гирей перемѣнилъ мысли, умѣлъ злобыми внушеніями возбудить Казанцевъ противъ Россіи, согласилъ ихъ предложить ей новыя условія мира, и даже съ грубостію обезчестилъ Посла Великокняжескаго. Палецкій возвратился въ Москву, и Государь прибѣгнулъ къ оружію.

Страшное многочисленностію войско въ судахъ и берегомъ выступило весною изъ

Нижняго къ Казани подъ начальствомъ Г. 1530.
Рать на
Казань.
Князей Ивана Федоровича Бѣльскаго , Ми-
хаила Глинскаго , Горбатаго , Кубенскаго ,
Оболенскихъ и другихъ. Сафа-Гирей , оду-
шевленный злобою , сдѣлалъ все , что могъ
для сильной обороны : призывалъ свирѣ-
ныхъ , дикихъ Черемисовъ и 30,000 Но-
гаевъ изъ Улусовъ тестя его Мамаю ; укрѣ-
пилъ предмѣстія острогомъ съ глубокими
рвами , отъ Булака Арскимъ полемъ до Ка-
занки ; примкнувъ новую стѣну съ двухъ
сторонъ къ городу , осыпалъ ее землею и
каменьями . Конные полки Московскіе ,
отразивъ пять или шесть нападеній смѣ-
лаго непріятеля , соединились съ пѣхотою , 10 Ю-
ля.
которая вышла изъ судовъ на луговой сто-
ронѣ Волги . Начались ежедневныя , крово-
пролитныя битвы . Казанцы , ободряемые
Царемъ , не боялись смерти ; но , изъясняя
удивительную храбрость днемъ , не умѣли
быть осторожными ночью : прекращая бит-
ву , обыкновенно пировали и спали глубо-
кимъ сномъ до утра . Молодые воины пол-
ку Князя Оболенскаго , смотря издали при
лпомѣ свѣтѣ луны на острогъ , видѣли
тамъ одну спящую стражу ; вздумали отли-
чить себя великимъ дѣломъ : тихо подпол-
зли къ стѣнѣ , натерли дерево смолою ,
сѣрою ; зажгли и спѣшили извѣстить о
томъ нашихъ Воеводъ . Въ одно время запы-
лалъ острогъ , и Россіяне при звукѣ трубъ

16 Ю- войскихъ , съ грознымъ воплемъ , устрѣ-
 11. мались на приступъ, конные и пѣшіе, одѣ-
 тые и полунагіе; сквозь дымъ и пламя вор-
 вались въ укрѣпленіе; рѣзали, давили изум-
 ленныхъ Татаръ; взяли предмѣстіе; опу-
 стошили все огнемъ и мечемъ; кромѣ сго-
 рѣвшихъ, убили, какъ пишутъ, 60,000 вой-
 новъ и гражданъ, а въ числѣ ихъ цславпаго
 богатыря Казанскаго , Аталыка , ужаснаго
 видомъ и силою руки, омоченной кровію мно-
 гихъ Россіянъ ⁽³⁰²⁾. Сафа-Гирей ушелъ въ
 городокъ Арскій: за нимъ гнался Князь
 Иванъ Телепневъ-Оболенскій съ легкимъ
 отрядомъ; а другіе Воеводы стояли на
 мѣстѣ , и такъ оплошно , что толпы Чере-
 мнскія взяли нашъ обозъ, семьдесятъ пу-
 шекъ, запасъ ядеръ и пороху, убивъ Князя
 Федора Оболенскаго-Лонату , Дорогобуж-
 скаго и многихъ чиновниковъ. Тогда Рос-
 сіяне приступили къ городу и могли бы
 овладѣть крѣпостію, гдѣ не было ни 12,000
 воиновъ; но Бѣльскій , уже и прежде по-
 дозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ ⁽³⁰³⁾,
 согласился на мѣръ: принявъ , какъ пи-
 шутъ , серебро отъ жителей , съ клятвою,
 что они немедленно отправятъ Пословъ къ
 Василю и не будутъ избирать себѣ Царей
 безъ его воли , сей главный Воевода отсту-
 пилъ , къ досадѣ всѣхъ товарищей; хва-
 лился именемъ великодушнаго побѣдителя
 и спѣшилъ въ Москву, ожидая новыхъ ми-

лостей отъ Государя, своего дяди по матери ⁽³⁰⁴⁾. Оливъ Лѣтописецъ увѣряетъ, что Василій, съ лицомъ грознымъ встрѣтивъ племянника, объявлять ему смерть и только изъ уваженія къ ревностному ходатайству Митрополита смягчилъ сей приговоръ: окованный цѣпями, Бѣльскій сидѣлъ нѣсколько времени въ темницѣ, въ наказаніе за кровь, которую надлежало еще пролить для необходимаго покоренія Казани, два раза упущенной цмъ изъ нашихъ рукъ. Но сего извѣстія нѣтъ въ другихъ Лѣтописцахъ, и Бѣльскій чрезъ три года снова начальствовалъ въ ратяхъ ⁽³⁰⁵⁾.

Послы Казанскіе, знатные Князья Тагай, Тевекель, Ибрагимъ, пріѣхали и смиренно молили Государя, чтобы онъ простилъ народъ и Царя; увѣрjali, что онытъ снятъ завѣсу съ ихъ глазъ, и что они видятъ необходимость повиноваться Россіи. Надлежало вѣрить или восвать: Государь хотѣлъ отдохновенія, ибо не могъ бы безъ чрезвычайнаго усилія, тяжкаго для земли, снарядить новую рать. Согласные на всѣ условія, Послы остались въ Москвѣ; а Великій Князь отправилъ съ гонцемъ клятвенныя грамоты къ Царю и народу Казанскому для утвержденія, требуя, чтобы всѣ наши плѣнники были освобождены и всѣ огнестрѣльныя орудія, взятые у насъ Черемисами, присланы въ Россію. Сей гонецъ не возвратился: Сафа-Гирей, задержавъ его, писалъ къ Государю, что не можетъ исполнить договора, ни присягнуть, пока чиновники Казан-

скіе не выйдутъ изъ Москвы; пока Великій Князь самъ не возвратитъ ему плѣнниковъ и пушекъ, взятыхъ Бѣльскимъ, и пока, вмѣсто гонца, кто нибудь изъ знатнѣйшихъ Вельможъ Россійскихъ не пріѣдетъ въ Казань для размѣна клятвенныхъ грамотъ. Бояре наши съ укоризною объявили о томъ Посламъ Казанскимъ. Князь Тагай отвѣтствовалъ: «Слышали и знаемъ; но мы не лжецы и не клятвопреступники. Да исполнится воля Божія и Великаго Князя! Хотимъ служить ему усердно. Земля наша опустѣла; мужи знатные погибли или онѣмѣли въ ужасѣ. Сафа-Гирей дѣлаетъ, что хочетъ, съ своими «Крымцами и Ногаями; распуская слухъ, что «полки Московскіе плутъ на Казань, мутитъ умы «ми, не держитъ слова и насъ вводитъ въ стыдъ. «Не будетъ такъ: мы еще живы, имѣемъ друзей и силу. Изгонимъ Сафа-Гирея! Да изберетъ «Государь достойнѣйшаго для насъ Властителя!» На сіе Бояре именемъ Великаго Князя сказали, что для Россіи все одно, кто ни царствуетъ въ Казани, Сафа-Гирей или другой, если будетъ только намъ послушенъ и вѣренъ въ клятвахъ. Тагай продолжалъ: «Напоминаемъ о невинномъ «Шигъ-Алеѣ; онъ былъ жертвою злодѣевъ: да «возвратится на престолъ, вѣрно служитъ Великому Князю и любитъ народъ! Пусть ѣдетъ съ «нами въ городъ Василь: оттуда напишемъ къ «Казанцамъ, къ Горнымъ и Луговымъ Черемисамъ, къ Князьямъ Арскимъ, о милости Государя, и скажемъ: Царемъ мы умерли, а Вели-

«кимъ Княземъ ожили; не хотимъ того, кто насъ не хочетъ. Казанскіе плѣшники, «стоскующіе въ неволѣ, имѣютъ отцевъ, «братьевъ и друзей; все къ намъ при- «станутъ, и будетъ миръ вѣчный.» Васи- «лій совѣтовался съ Болрами; наконецъ отпустили Пословъ Казанскихъ съ Алексѣемъ въ Нижній Новгородъ, и Князь Тагай сдер- Г. 1330
1531 жалъ слово: написалъ къ согражданамъ о гибельномъ для нихъ упрямствѣ Царя, возмущилъ народъ, свергнулъ Сафа-Гирея, который въ порывѣ злобы хотѣлъ-было умертвить всехъ задержанныхъ въ Казани Россіянъ; но граждане и Вельможи объяви- ли ему, чтобы онъ немедленно удался. Жену его отравили въ Мамаевы Улусы и убили многихъ Ногаевъ, Вельможъ Крымскихъ, любимцевъ Сафа-Гиреевыхъ. Въ семъ благопріятномъ для насъ происше- ствіи не мало участвовала Казанская Ца- ревна Горшадна, сестра Магметъ-Аминева. Септъ, Уланы, Князья, Мурзы извѣстили Василія объ изгнаніи Сафа-Гирея, и соглас- ные быть подданными Россіи, моляли, что- бы вмѣсто Шигъ-Алея, коего мести они Новый
Царь
въ Ка-
зань. страшатся, Великій Князь пожаловалъ имъ въ Цари меньшаго пятнадцати-лѣтняго бра- та его, Епалей, владѣвшаго у насъ город- комъ Мещерскимъ. Ихъ желаніе исполни- лось: Епалей со многочисленною дружиною былъ отравленъ въ Казань и возведенъ на

престоль Околыничимъ Морозовымъ , къ удовольствію митежныхъ сановниковъ и легкомысленнаго народа. Всѣ отъ Царевны и Сента до послѣдняго гражданина , съ видомъ искренняго усердія , присягнули намъ въ подданствѣ , славя милость Государеву и любезныя свойства юнаго Царя , коему чрезъ нѣсколько лѣтъ надлежало быть жертвою ихъ неистовства! Но Василій не дожидъ до сей новой пзмѣны. Прошло три года въ мирѣ. Въ доказательство своего добраго расположенія къ Казанцамъ , Великій Князь уступилъ имъ всѣ бывшія у нихъ въ рукахъ Московскія нищали , чтобы они въ случаѣ непріятельскаго нападенія имѣли способъ оборониться , и дозволилъ Еналею жениться на дочери сильнаго Ногайскаго Мурзы Юсуфа , который могъ примирить его съ сею безпокойною Ордою. Важнѣйшія дѣла Казанскія , не только политическія , но и земскія , рѣшились въ Москвѣ , Государевымъ словомъ ⁽³⁰⁶⁾.—Между тѣмъ Шигъ-Алей , награжденный Коширою и Серпуховымъ , завидовалъ брату , и желая преклонить къ себѣ Казанцевъ , тайно сносился съ ними , съ Астраханью , съ Ногаими: проискъ его обнаружился , и несчастный Алей , нѣкогда вѣрный слуга Россіи , былъ какъ преступникъ заточенъ съ женою на Бѣлоозеро ⁽³⁰⁷⁾.

Заточеніе
Шигъ-Алея.

Въ сіе время Василій , благоразуміемъ

заслуживая счастіе въ дѣлѣхъ государственныхъ, сдѣлался и счастливымъ отцемъ семейства. Болѣе трехъ лѣтъ Елена, вопреки желанію супруга и народа, не имѣла дѣтей. Она ѣздила съ Великимъ Княземъ въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, Вологду, на Вѣлоозеро; ходила пѣшкомъ въ свѣтыя Обители и пустыни, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о чадородіи, и безъ услышанія. Добрые жадѣли о томъ: нѣкоторые, осуждая бракъ Василіевъ какъ беззаконный, съ тайнымъ удовольствіемъ предсказывали, что Богъ никогда не благословитъ онаго плодомъ вождѣмъ. Наконецъ Елена оказалась беременною. Какой-то юродивый мужъ, именемъ Домитіанъ, объявилъ ей, что она будетъ матерію *Тита, широкаго ума* ⁽³⁰⁸⁾, и — въ 1530 году, Августа 25, въ 7 часу ночи — дѣйствительно родился сынъ, Іоаннъ, столь славный добромъ и зломъ въ нашей Исторіи! Пишутъ, что въ самую ту минуту земля и небо потряслися отъ неслыханныхъ громовыхъ ударовъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ съ ужасною, непрерывною молніею ⁽³⁰⁹⁾. Вѣроятно, что гадатели Двора Великокняжескаго умѣли растолковать сей случай въ пользу поворожденнаго: не только отецъ, но и вся Москва, вся Россія, по словамъ Лѣтописца, были въ восторгѣ. Чрезъ десять дней Великій Князь

Рожде-
нство Ца-
ря Ио-
анна
Васи-
ліева-
ча.

отвезъ младенца въ Троицкую Лавру, гдѣ Игуменъ Іоасафъ Скрыпичинъ вмѣстѣ съ благочестивѣйшими Иноками, столѣтнимъ Кассіаномъ Босымъ, Іосифова Волоко-Ламскаго монастыря, и Св. Данииломъ Переславскимъ окрестили его. Обливаясь слезами умвленія, родитель взялъ изъ ихъ рукъ своего дражайшаго первенца и положилъ на раку Св. Сергія, моля Угодника, да будетъ ему наставникомъ и защитникомъ въ опасностяхъ жизни. Василій не зналъ, какъ изъяснить благодарность Небу: сыналъ золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ; велѣлъ отворить всѣ темницы, и снялъ оную со многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ: съ Князя Федора Мстиславскаго, женатаго на племянницѣ Государевой и ясно уличеннаго въ намѣреніи бѣжать къ Польскому Королю; съ Княземъ Щенятева, Суздальскаго Горбатаго, Плещеева, Морозова, Лятцкаго, Шпоны и другихъ, подозрѣваемыхъ въ недоброжелательствѣ къ Еленѣ ⁽³¹⁰⁾. Съ утра до вечера дворецъ наполнялся усердными поздравителями, не только Московскими, но и самыхъ отдаленныхъ городовъ жителями, которые хотѣли единственно взглянуть на счастливаго Государя и сказать ему: «мы счастливы вмѣстѣ съ тобою!» Пустышники, отшельники приходили благословить державнаго младенца въ пеленахъ, и были угощаемы за трапезою Великокняжескою. Въ знакъ признательности къ Угодникамъ Божіимъ, защитникамъ Москвы, Святымъ Митрополитамъ Петру и Алексію, Ве-

лкій Князь заказалъ сдѣлать для ихъ мощей богатые раки: для перваго золотую ⁽³¹¹⁾, для втораго серебряную. Однимъ словомъ, никто живѣе Василія не чувствовалъ радости быть отцемъ, тѣмъ болѣе, что онъ — вѣроятно, тревожимый совѣстію за разводъ съ несчастною, первою супругою — могъ видѣть въ семъ благословенномъ плодѣ втораго брака какъ бы знакъ Небеснаго умиловленія. — Елена чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ родила еще сына Георгія ⁽³¹²⁾. Тогда Государь женилъ меньшаго брата своего, Андрея, на Княжнѣ Хованской, Евфросиніи ⁽³¹³⁾. Братья Симеонъ и Дмитрій Іоанповичи скончались безбрачными: первый въ 1518, а второй въ 1521 году. Василій, кажется, не позволялъ имъ жениться, пока не имѣлъ дѣтей, чтобы отнять у нихъ всякую мысль о наслѣдованіи престола.

Упомянемъ о разныхъ Посольствахъ сего времени. Не увѣренный ни въ союзъ Та-

г. 4332.
1533
Посоль-
ства
Молдав-
скія.

ляковъ. Великій Князь отправлялъ не только гонцевъ, но и важныхъ чиновниковъ къ сему Воеводѣ мужественному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды сосѣду ⁽³¹⁴⁾.

Астра-
хан-
скіа.

Новый Царь Астраханскій, Касымъ, также предлагалъ тѣсный союзъ Великому Князю; но едва Посолъ его успѣлъ доѣхать до Москвы, Черкесы, взявъ Астрахань, убили Царя и съ богатою добычею удалились въ горы. Мѣсто Касимова заступилъ Акубекъ, но также не на-долго: въ 1534 году уже другой Царь Астраханскій, Абдыль-Рахманъ, далъ на себя клятвенную грамоту Василию въ истинномъ къ нему дружествѣ ⁽³¹⁵⁾. — Послы Ногайскіе тогда же находились въ Москвѣ единственно для исходатайствованія купцамъ своимъ дозволенія продавать лошадей въ Россіи ⁽³¹⁶⁾.

Ногай-
ское.

Индѣй-
ское.

Но любопытнѣйшимъ Посольствомъ было Индѣйское, отъ Хапа Бабура, одного изъ Тамерлановыхъ потомковъ, знаменитаго основателя Имперіи Великихъ Моголовъ, о коемъ мы упоминали, в который, будучи изгнанъ изъ Хоросана, бѣжалъ въ Индостанъ, гдѣ мужествомъ и счастьемъ утвердилъ свое господство надъ прекраснѣйшими землями въ мірѣ. Обитавъ нѣкогда на берегахъ Каспійскаго моря, Бабуръ имѣлъ свѣдѣніе о Россіи: желалъ, не смотря на отдаленіе, быть въ дружеской связи съ ея Мо-

нархомъ, и писалъ къ нему о томъ съ своимъ чиновникомъ, Хозею Уссениомъ, предлагая, чтобы Послы и купцы свободно ѣздили изъ Индіи въ Москву, а изъ Москвы въ Индію. Великій Князь принялъ Уссениа милостиво; отвѣтствовалъ Бабуру, что радъ видѣть его подданныхъ въ Россіи и не мѣшаетъ своимъ ѣздить въ Индію, но — какъ сказано въ лѣтописи — *не приказывалъ къ нему о братствѣ*: ибо не зналъ, что онъ, Самодержецъ или только урядникъ Индѣйскаго Царства (317)?

Послѣ войны Казанской Россія наслаждалась спокойствіемъ. Были только слухи о непріятельскихъ замыслахъ Крымцевъ. Сафа-Гирей, изгнанный изъ Казани, дышалъ ненавистію, злобою, и всячески убѣждалъ Хана, дядю своего, ко впаденію въ Московскіе предѣлы. Наконецъ — когда Великій Князь по своему обыкновенію гото-

г. 1533.
Набѣгъ
Крым-
цевъ.

товился ѣхать съ Дворомъ на любимую охоту въ Волокъ-Ламскій, чтобы провести тамъ всю осень — узнали въ Москвѣ (14 Августа), что войско Ханское идетъ къ Рязани. Самъ Царевичъ Исламъ, тогдашній Калга, увѣдомилъ о семъ Великаго Князя, слагая всю вину на Сафа-Гирея; однакожь шелъ вмѣстѣ съ нимъ, будто бы склоняя его къ миру. Увеличенные рассказы о силѣ непріятеля испугали Дворъ, такъ, что Государь, немедленно пославъ Воеводу къ берегамъ Оки

и въ слѣдъ за ними самъ 15 Августа выѣхавъ въ Коломну, велѣлъ Боярамъ Московскимъ изготавляться къ осадѣ, а жителямъ съ ихъ имѣніемъ перевозиться въ Кремль ⁽³¹⁸⁾. На пути встрѣтились ему гонцы изъ Рязани отъ Намѣстника, Князя Андрея Ростовскаго, съ вѣстію, что Исламъ и Сафа-Гирей выжгли посады Рязанскіе, но что городъ будетъ крѣпкимъ щитомъ Москвы, если разбойники захотятъ осаждать его. Василій въ тотъ же часъ отрядилъ легкую конницу за Оку *добывать языковъ*. Смѣлый Воевода, Князь Дмитрій Палецкій, нашелъ толпы хищниковъ близъ Зарайска; разбилъ ихъ и взялъ многихъ плѣнниковъ. Другой Воевода, Князь Оболенскій-Телепневъ-Овчина, съ Московскими Дворянами гналъ и потоплялъ стражу непріятельскую въ Острѣ, но въ горячности наскочавъ на главную силу Царевичей, спасся только необычайнымъ мужествомъ. Ожидая за ними Великаго Князя со всеми полками, Татары ушли въ степи. Война кончилась въ пять дней; но мы не могли отбить своихъ плѣнниковъ, уведенныхъ непріятелемъ въ Улусы. Многолюдныя села Рязанскія снова опустѣли, и Ханъ Саипъ-Гирей хвалился, что Россія лишилась тогда не менѣе ста тысячъ людей ⁽³¹⁹⁾. «Царевичи» — писалъ онъ къ Василію — «сдѣлали по своему, а не по моему; я велѣлъ имъ воевать Литву: они воевали Россію. Но упрекай себя. Князья говорятъ мнѣ: *«что даетъ намъ дружба съ Москвою? по собою въ годъ. А рать? тысячи. Я не умѣлъ ничего*

«отвѣтствовать имъ. Избирай любое : хочешь ли мира и союза ? да будутъ дары твои по крайней мѣрѣ въ цѣну трехъ или четырехъ сотъ плѣнниковъ.» Онъ требовалъ отъ Великаго Князя денегъ , ловчихъ птицъ , *хлѣбника* и *повара*. Калга Исламъ увѣрялъ Василя , какъ названнаго отца , въ непремѣнномъ дружествѣ ; а Сафа-Гирей писалъ къ нему съ такими угрозами : «Я «былъ нѣкогда тебѣ сыномъ ; но ты не захотѣлъ моей любви — и сколько бѣдствій пало на твою голову ? Видишь землю свою въ пепелъ и въ разореніи. Еще снова можешь сдѣлаться намъ другомъ , или не престанемъ воевать , пока здравствуютъ «дяди мои , Царь и Калга ; гдѣ узнаю врага твоего , соединюсь съ нимъ на тебя , и довершу мечь ужасную. Вѣдай!» Сіи грамоты были отданы чиновникамъ Великокняжескимъ Декабря 1 : Государь уже находился при послѣднемъ издыханіи.

Гѣтонисцы говорятъ , что странное небесное знаменіе еще 24 Августа предвѣстило смерть Василю; что въ первомъ часу дня кругъ солнца казался вверху будто бы сѣзавнымъ ; что оно мало по малу темнѣло среди яснаго неба , и что многіе люди , смотря на то съ ужасомъ , ожидали какой нибудь великой государственной перемѣны ⁽³²⁰⁾. Василій имѣлъ 54 года отъ рожденія ; бодрствовалъ духомъ и тѣломъ ;

Болѣвъ
в кон-
чинѣ
Велика-
го Кня-
зя.

не чувствовалъ дотолѣ никакихъ припадковъ старости; не зналъ болѣзней; любилъ всегда дѣятельность и движеніе. Радуюсь изгнанію непріятеля, онъ съ супругою и дѣтьми праздновалъ 25 Сентября, день Св. Сергія, въ Троицкой Лаврѣ; поѣхалъ на охоту въ Волокъ Ламскій, и въ своемъ селѣ Озерецкомъ занемогъ такимъ недугомъ, который сперва ни мало не казался опаснымъ. На стѣбѣ лѣваго стегна явилась болячка съ булавочную головку, безъ верха и гноя, но мучительная. Великій Князь съ нуждою доѣхалъ до Волока ⁽³²¹⁾; однакожь былъ на пиру у Дворецкаго, Ивана Юрьевича Шигоны, а на другой день ходилъ въ мыльню и обѣдалъ съ Боярами. Время стояло прекрасное для охоты: Государь выѣхалъ съ собаками; но отъ сильной боли возвратился съ поля, въ село Колинь, и легъ въ постелю. Немедленно призвали Михаила Глинскаго и двухъ Нѣмецкихъ Медиковъ, Николая Люева и Теофила. Лекарства употреблялись Русскія: мука съ медомъ, печеный лукъ, масть, горшки и сѣменики. Сдѣлалось воспаление: гной шелъ цѣлыми тазами изъ чирья. Боярскіе дѣти перепесали Государя въ Волокъ Ламскій. Онъ пересталъ ѣсть; чувствовалъ тяжесть въ груди, и скрывая опасность не отъ себя, но единственно отъ другихъ, послалъ Стряпчаго Мансурова съ Дьякомъ Путятинымъ въ Москву за духовными грамотами своего отца и дѣда, не велѣвъ имъ сказывать того ни Великой Княгинѣ, ни Митрополиту, ни Боярамъ. Съ

нимъ находились въ Волокъ, кромѣ брата, Андрея Іоанновича, и Глинскаго, Князя Бѣльскій, Шуйскій, Кубенскій: никто изъ нихъ не зналъ сей печальной тайны, кромѣ Дворецкаго Шигоны. Другой братъ Василіевъ, Юрій Іоанновичъ, спѣшилъ къ нему изъ Дмитрова: Великій Князь отпустилъ его съ утѣшеніемъ, что надѣется скоро выздоровѣть; приказалъ везти себя въ Москву, шагомъ въ савяхъ, на постелѣ; захватилъ въ Іосифову Обитель, лежалъ въ церкви на одрѣ, и когда Діаконъ читалъ молитву о здравіи Государя, все уяли на колѣна и рыдали: Пгуменъ, Бояре, народъ. Василій желалъ въѣхать въ Москву скрытно, чтобы иноземные Послы, тамъ бывшіе, не видали его въ слабости, въ изнеможеніи; остановился въ Воробьевѣ, принялъ 21 Ноя-
бря. Митрополита, Епископовъ, Бояръ, военскыхъ чиновниковъ, и только одинъ показывалъ твердость: духовные и міряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мостъ на рѣкѣ, просѣкая тонкій ледъ. Едва сани Государевы взѣхали, сей мостъ обломился: лошади упали въ воду; но Боярскіе Дѣти, обрѣзавъ гужи, удержали сани на рукахъ. Великій Князь запретилъ наказывать строителей. Внесенный въ Кремлевскія постельныя хоромы, онъ созвалъ Бояръ, Князей Ивана и Василія Шуйскихъ, Михайла Юрьевича За-

харьина, Михайла Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Казначей Головина, Дворецкаго Шигону, и велѣлъ при нихъ Дьякамъ своимъ писать новую духовную грамоту, уничтоживъ прежнюю, сочиненную имъ во время Митрополита Варлаама (³²²); объявилъ трехлѣтняго сына, Іоанна, наследникомъ Государства, подъ опекою матери и Бояръ до пятнадцати лѣтъ его возраста; назначилъ Удѣлъ меньшему сыну; устроилъ Державу и Церковь; не забылъ ничего, какъ сказано въ лѣтописяхъ: но, къ сожалѣнію, сія важная хартія утратилась, и мы не знаемъ ее любопытныхъ подробностей.

Желая утвердить душу свою въ сіи торжественныя минуты, Государь тайно причастился. Бывъ дотолѣ на одрѣ недвижимъ, онъ съ легкою помощію Боярина Захарьина всталъ, припалъ Святые Дары съ вѣрою, любовію и слезами умиленія; легъ снова и хотѣлъ видѣть Митрополита, братьевъ, всѣхъ Бояръ, которые, узнавъ о недугѣ его, съѣхались изъ деревень въ столицу; сказалъ имъ, что поручаетъ юнаго Іоанна Богу, Дѣвѣ Маріи, Святымъ Угодникамъ и Митрополиту; что дастъ ему Государство, наследіе великаго отца своего; что надѣется на совѣсть и честь братьевъ, Юрія и Андрея; что они, исполняя крестные обѣты, должны служить племяннику усердно въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ, да будетъ тишина въ Московской Державѣ, и да виситъ рука Христіанъ надъ невѣрными. Отпустивъ Митрополита и братьевъ, такъ говорилъ

Боярамъ: «Вѣдаете, что Державство наше идетъ
«отъ Великаго Князя Кіевскаго, Святаго Влади-
«міра; что мы природные вѣкъ Государи, а вы
«наши извѣчные Бояре. Служите сыну моему,
«какъ мнѣ служили: блюдите *крѣпко*, да цар-
«ствуетъ надъ землею; да будетъ въ ней правда!
«Не оставьте моихъ племянниковъ, Князей Бѣль-
«скихъ; не оставьте Михаила Глинскаго: онъ
«мнѣ ближій по Великой Княгинѣ. Стойте все
«заедно какъ братья, ревностные ко благу оте-
«чества! А вы, любезные племянники, усерд-
«ствуйте вашему юному Государю въ правленіи и
«въ войнахъ; а ты, Князь Михаилъ, за моего
«сына Іоанна и за жену мою Елену долженъ
«охотно пролить всю кровь свою и *дать тѣло*
«свое на раздробленіе!»

Василій изнемогалъ болѣе и болѣе. Выславъ
всѣхъ, кромѣ Глинскаго, Захарьина, ближнихъ
Дѣтей Боярскихъ и двухъ врачей, Люева и Тео-
фила, онъ требовалъ, чтобы ему впустили въ
рану чего нибудь крѣпкаго: ибо она гнила и
смердѣла. Захарьинъ утѣшалъ его вѣроятностію
скараго выздоровленія. Великій Князь сказалъ
Нѣмцу Люеву: «Другъ и братъ! ты добровольно
«пришелъ ко мнѣ изъ земли своей, и видѣлъ,
«какъ я люблю тебя и жаловалъ: можешь ли ис-
«цѣлить меня?» Люевъ отвѣтствовалъ: «Госу-
«дарь! слышавъ о твоей милости и ласкѣ къ до-
«брымъ иноземцамъ, я оставилъ отца и мать,
«чтобы служить тебѣ; благодарній твоихъ не мо-
«гу вчислить; но, Государь! не умѣю воскре-

«шаты мертвыхъ : я не Богъ!» Тутъ Великій Князь обратился къ Дѣтямъ Боярскимъ и молвилъ съ улыбкою : «Друзья! слышите, что я уже «не вашъ!» Они горько заплакали ; не хотѣли растрогать его , вышли вопъ и наги на землю какъ мертвые. Онъ забылся на нѣсколько минутъ ; открылъ глаза и громко произнесъ : «да «исполнится воля Божія! буди имя Господне благословенно отнынь и до вѣка.»

Сіе было 3 Декабря. Игуменъ Троицкій, Іоасафъ, тихо приблизился къ одру болящаго. Василій сказалъ ему : «Отче ! молись за Государство , за моего сына и за бѣдную мать его ! У «васъ я крестить Іоанна, отдаю Угоднику Сергію , кладу на гробъ Святаго , поручилъ вамъ «особенно : молитесь о младенцѣ Государѣ!» Онъ не велѣлъ Іоасафу выѣзжать изъ Москвы, и пользуясь слабыми остатками жизни , еще призывалъ Думныхъ Бояръ : Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Шигону, Головина и Дьяковъ; бесѣдовалъ съ ними отъ третьяго до седьмаго часа , о новомъ правленіи , о сношеніяхъ Бояръ съ Великою Княгинею Еленою во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъясняя удивительную твердость , хладнокровіе и заботливость о судьбѣ оставляемой имъ Державы. Пришли братья и неотступно молили его , чтобы онъ подкрѣпилъ свои силы пищею; но Василій не могъ ѣсть и сказалъ (³²³) : «смерть предо мною; желаю благословить сына , видѣть жену , проститься съ нею.... Нѣтъ! боюсь ся горести; видѣть мой устра-

«ищѣ младенца.» Братья и Бояре настояли, чтобы онъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоанновичъ и Михаилъ Глинскій пошли за нею. Государь возложилъ на себя крестъ Св. Петра Митрополита и хотѣлъ прежде видѣть сына. Братъ Еленинъ, Князь Иванъ Глинскій, принесть его на рукахъ. Держа крестъ, Василій сказалъ младенцу : «Буди на тебѣ милость Божія и на дѣтяхъ твоихъ ! Какъ Св. Петръ благословилъ симъ крестомъ нашего прародителя, Великаго Князя Іоанна Даниловича, такъ и мы благословляю тебя, моего сына» (324). Онъ просилъ надзирательницу, Боярыню Агришину (325), чтобы она неусыпно берегла своего Государяного питомца, и слыша голосъ супруги, велѣлъ упести Іоанна. Князь Андрей и Боярыня Челяднина (326) вели Елену подъ руки : она страшно вошла и билась объ землю въ отчаяніи. Великій Князь утѣшалъ ее, говоря : «миѣ лучше ; не чувствую никакой боли»⁴ — и съ вѣжностію молилъ успокоиться. Елена наконецъ ободрилась и спросила : «кому же поручаешь бѣдную супругу и дѣтей ?» Василій отвѣчалъ : «Іоаннъ будетъ Государемъ ; а тебѣ , слѣдуя обыкновенію нашихъ отцевъ , я назначилъ въ духовной своей грамотѣ особенное достояніе.» Исполняя желаніе супруги, онъ велѣлъ принести и меньшаго сына, Юрія ; также благословилъ его крестомъ , и сказалъ , что онъ не забудетъ въ духовной (327). — Умилительное прощаніе съ Еленою раздирало сердца жалостію : все плакали и стонали. Она не хотѣла уда-

лится: Василій приказалъ вывести ее, и заплативъ послѣднюю дань міру, Государству и чувствительности, уже думалъ только о Богѣ.

Еще находясь въ Волокѣ, онъ говорилъ Духовнику своему, Протоіерею Алексію, и любимому старцу Мисаилу: «не предайте меня землѣ «въ бѣлой одеждѣ! не останусь въ мірѣ, если и «выздоровлю.» Отпустивъ Елену, Государь велѣлъ Мисаилу принести монашескую ризу, и спросилъ Игумена Кирьяловской Обители, въ которой онъ издавна желалъ быть постриженнымъ; но сего Игумена не было въ Москвѣ. Послали за Іоасафомъ Троицкимъ, за образами Владимірской Богоматери и Св. Николая Гостунскаго. Духовникъ Алексій пришелъ съ Запасными Дарами, чтобы дать ихъ Василію въ самую минуту кончины (328). «Будь передо мною,» сказалъ Великій Князь: «смотри и не пропусти сего мгновенія.» Подлѣ Духовника стоялъ Стряпчій Государевъ, Феодоръ Кучецкой, бывшій свидѣтелемъ Іоанновой смерти. Читали Канонъ на исходъ души. Василій лежалъ въ усыпленіи; потомъ, кликнувъ ближняго Боярина, Михайла Воронцова, обнялъ его съ горячностію; сказалъ брату Юрію: «помнишь ли преставленіе нашего «родителя? я такъ же умираю» — и требовалъ немедленнаго постриженія, одобряемаго Митрополитомъ и нѣкоторыми Боярами; но Князь Андрей Іоанновичъ, Воронцовъ и Шигага говорили, что Св. Владиміръ не хотѣлъ быть Монахомъ и названъ Равноапостольнымъ; что Герой

Донскій также скончался міряниномъ, но своими добродѣтелями безъ сомнѣнія заслужилъ Царствіе Небесное. Шумѣли, спорили, а Василій крестился и читалъ молитвы; уже языкъ его тухлъ, взоръ меркнулъ, рука упала: онъ смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ простыню, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидая священнаго обряда. Митрополитъ Даніилъ взялъ черную ризу и подалъ Игумену Іоасафу: Князь Андрей и Воронцовъ хотѣли вырвать ее. Тогда Митрополитъ съ гнѣвомъ произнесъ ужасныя слова: *«Не благословляю васъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій! Никто не отниметъ у меня души его. Добръ сосудъ серебряный, но лучше позлащенный!»* Василій отходилъ. Спѣшили кончить обрядъ. Митрополитъ, надѣвъ епитрахиль на Игумена Іоасафа, самъ постригъ Великаго Князя, переименованнаго Варлаамомъ. Въ тороняхъ забыли мантию для новаго Шнока: Келарь Троицкій, Серапіонъ, далъ свою. Евангеліе и Схима Ангельская лежали на груди умирающаго. Нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе: Шнона, стоя подлѣ одра, первый воскликнулъ ⁽³²⁹⁾: *«Государь скончался!»* и все зарыдали. — Идутъ, что лице Василіево сдѣлалось вдругъ свѣтло; что, вмѣсто бывшаго неспосаго запаха отъ его раны, комната наполнилась благоуханіемъ. Митрополитъ омылъ тѣло и вытеръ хлопчатую бумагою.

Была полночь. Никто не спалъ въ Москвѣ. Съ ужасомъ ждали вѣсти: народъ толпился въ ули-

цахъ. Плачь и вой раздаіся отъ дворца до Красной площади. Напрасно Бояре, сами заливаясь слезами, удерживали другихъ отъ громкаго стеланія, представляя, что Великая Княгиня еще не знаетъ о кончинѣ супруга. Митрополитъ, облачивъ умершаго въ полное Монашеское одѣяніе, вывелъ его братьевъ въ переднюю горницу и взялъ съ нихъ клятву быть вѣрными слугами Іоанна и матери его ⁽³³⁰⁾, не мыслить о Велякомъ Княженіи, не измѣнять ни дѣломъ, ни словомъ. Обязавъ такою же присягою и всѣхъ Вельможъ, чиновниковъ, Дѣтей Боярскихъ, онъ пошелъ съ знатнѣйшими людьми къ Еленѣ, которая, видя ихъ, упала въ обморокъ и два часа не открывала глазъ. Бояре безмолвствовали: говорилъ одинъ Митрополитъ именемъ Вѣры, утѣшая со слезами ⁽³³¹⁾.

Между тѣмъ ударили въ большой колоколъ: тѣло положили на одръ, принесенный изъ Чудова Монастыря, и растворили двери: народъ съ воплемъ устремился лобызать хладныя руки мертваго. Любимые пѣвчіе Василіевы хоромъ пѣли: *Святый Боже!* Ихъ никто не слыхалъ. Инокъ Іосифова и Троицкаго монастыря несли тѣло въ церковь Св. Михаила. Елена не могла идти. Дѣти Боярскіе взяли ее на руки. Всѣ Бояре окружали гробъ: Князя Василій Шуйскій, Михайла Глинскій, Иванъ Телепневъ—Оболескій и Воронцовъ шли за Еленою, вмѣстѣ съ знатнѣйшими Боярынями. Погребеніе было великолѣпно и скорбь неописанная въ народѣ.

«Дѣти хорошии своего отца», по словамъ Лѣтописцевъ, которые съ чувствительностію называютъ Василія *добрыми, ласковыми Государемъ* ⁽³³²⁾: имя скромное, но умиленное, и простота его ручается за его истину.

Василій стоитъ съ честію въ памятникѣ нашей Исторіи между двумя великими характерами, Іоаннами III и IV, и не затмѣвается ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя; уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ — первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ государственнымъ, второму въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ добродѣтели, — онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устранился, двигался впередъ шагами размыренными благоразуміемъ, безъ порывовъ страсти, и приближился къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; былъ не Гениемъ, но добрымъ Правителемъ; любилъ Государство болѣе собственнаго великаго имени, и въ семъ отношеніи достоинъ истинной, вѣчной хвалы, которую не многіе Вѣщеносцы заслуживаютъ. Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и не рѣдко губятъ; Василіи сохраняютъ, утверждаютъ Державы, и даются тѣмъ народамъ,

Характеръ
Василія.

конхъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнію.

Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лице миловидное ⁽³³³⁾, взоръ пронзательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени. Читая письма его къ Еленѣ, видимъ нѣжность супруга и отца, который, будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, непрестанно обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясняемыхъ простыми словами, но внушаемыми только чувствительнымъ сердцемъ ⁽³³⁴⁾. Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ Самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, Василій по своему характеру искалъ середины между жестокостію ужасною и слабостію вредною: наказывалъ Вельможъ, и самыхъ ближнихъ, но часто и миловалъ, забывалъ вины. Умный Бояринъ Беклемишевъ заслужилъ его гнѣвъ: удаленный отъ Двора, жаловался на Великаго Князя съ нескромною досадою; находилъ въ немъ пороки и предсказывалъ несчастія для Государства. Беклемишева судили, уличили въ дерзости и казнили смертію на Москвѣ-рѣкѣ; а Дьяку Осодору Жареному отрѣзали языкъ за живыя слова, оскорбительныя для Государевой чести ⁽³³⁵⁾. Тогда не отличали словъ отъ дѣлъ, и думали, что Государь, какъ земный Богъ, можетъ наказывать людей и за самыя мысли, ему противныя! Опасались милосердія въ такихъ случаяхъ, гдѣ святая особа Вѣнценосца могла

унизиться въ народномъ мнѣніи; боялись, чтобы вина отпускаемая не показалась народу виною малою. — Кромѣ двухъ несчастныхъ жертвъ Политики, юнаго Великаго Князя Димитрія и Шемякина, сынъ Героя, Данила Холмскаго, Воевода и Бояринъ Князь Василій, супругъ Государевой сестры, Феодосіи, въ 1508 году былъ сосланъ на Бѣлоозеро и въ темницѣ умеръ. Такую же участь имѣлъ и знатный Дьякъ, Долматовъ: назначенный въ Посольство къ Императору Максимилиану, онъ не хотѣлъ ѣхать, отговариваясь своею бѣдностію: велѣли опечатать его домъ, нашли въ ономъ 3000 рублей денегъ и наказали Долматова какъ преступника ⁽³³⁶⁾. Государь простилъ Князей Ивана Воротынскаго и Шуйскихъ, которые думали уйти въ Литву ⁽³³⁷⁾. Иванъ Юрьевичъ Шигаевъ, бывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, сдѣлался послѣ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Василіевыхъ, равно какъ и Георгій Мамонтовъ Траханиотъ, Грекъ выѣхавшій съ Великою Княгинею Софіею: пишутъ, что онъ впалъ въ немилость отъ тайной связи съ кунцемъ Греческимъ, Маркомъ, осужденнымъ въ Москвѣ за какую-то опасную для Церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разумъ Георгія, Великій Князь возвратилъ ему свою милость, совѣтовался съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ, и для того приказывалъ знатымъ чиновникамъ возить его нездороваго во дворецъ на тележкѣ ⁽³³⁸⁾. Мужъ славный въ нашей Церковной Исторіи, Инокъ Максимъ Грекъ, былъ также въ числѣ

знаменитыхъ , винныхъ или невинныхъ страдальцевъ сего времени. Судьба его достопамятна: расскажемъ обстоятельства.

Дѣло
Максима
изъ Гре-
■.

Василій , въ самые первые дни своего правленія осматривая богатства, оставленные ему родителями , увидѣлъ множество Греческихъ духовныхъ книгъ, собранныхъ отчасти древними Великими Князьями , отчасти привезенныхъ въ Москву Софією , и лежавшихъ въ пыли, безъ всякаго употребленія. Онъ хотѣлъ найти человѣка, который могъ бы разсмотрѣть оныя и лучшія перевести на языкъ Славянскій: не нашли въ Москвѣ и писали въ Константинополь. Патріархъ, желая угодить Великому Князю, искалъ такого *Философа* въ Болгаріи , въ Македоніи , въ Фессалоникѣ ; но иго Оттоманское задушило всѣ остатки древней учености: тьма и невежество господствовали въ областяхъ Султанскихъ. Наконецъ узнали, что въ славной Обители Благовѣщенія, на горѣ Аѳонской, есть два Инокъ, Савва и Максимъ, Богословы искусные въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ. Первый въ изнеможеніи старости не могъ предпріять дальняго путешествія въ Россію: второй согласился исполнить волю Патріарха и Великаго Князя. Въ самомъ дѣлѣ не лая было найти человѣка способнѣйшаго для замышляемаго труда. Рожденный въ Греціи, но воспитанный въ образованной Западной

Евронъ, Максимъ учился въ Парижѣ, во Флоренціи; много путешествовалъ, зналъ разные языки, имѣлъ свѣдѣнія необыкновенныя, пріобрѣтенныя въ лучшихъ Университетахъ и въ бесѣдахъ съ мужами просвѣщенными. Василій прицалъ его съ отъѣвною милостію. Увидѣвъ нашу библіотеку, изумленный Максимъ сказалъ въ восторгѣ: «Государь! вся Греція не имѣетъ «нигъ такого богатства, ни Італія, гдѣ Латинскій Фанатизмъ обратилъ въ пепелъ многія «творенія нашихъ Богослововъ, спасенныя нами «единоземцами отъ варваровъ Магометовыхъ»⁽³³⁹⁾. Великій Князь слушалъ его съ живѣйшимъ удовольствіемъ и поручилъ ему библіотеку; а ревностный Грекъ, описавъ все, еще неизвѣстныя Славянскому народу книги, по желанію Государеву перевелъ Толковую Псалтирь, съ помощію трехъ Москвитянъ, Власія, Дмитрія и Михайла Медоварцова⁽³⁴⁰⁾. Одобренная Митрополитомъ Варлаамомъ и всеѣмъ Духовнымъ Соборомъ, сія важная книга, прославивъ Максима, сдѣлала его любимцемъ Великаго Князя, такъ, что онъ не могъ съ нимъ разстаться и ежедневно бесѣдовалъ о предметахъ Вѣры. Умный Грекъ не ослѣпился сею честію: благодаря Василія, убѣдительно требовалъ отпуска въ тишину своей Аѳонской Обители, и говорилъ: «тамъ буду славить имя твое; скажу «моимъ единоземцамъ, что міръ еще имѣетъ «Царя Христіанскаго, сильнаго и великаго, который, если угодво Всевышнему, можетъ осво-

«бодить насъ отъ тиранства невѣрныхъ.» Но Василій отвѣтствовалъ ему новыми знаками благоволенія и держалъ его девять лѣтъ въ Москвѣ : время употребленное Максимомъ на переводы разныхъ книгъ , на исправленіе ошибокъ въ старыхъ переводахъ и на сочиненія душе-спасительныя, изъ коихъ знаемъ болѣе ста ⁽³⁴¹⁾. Имѣя свободный доступъ къ Великому Князю, онъ ходатайствовалъ иногда за Вельможъ лишаемыхъ Государевой милости и возвращалъ имъ оную , къ неудовольствію и зависти многихъ людей, въ особенности Духовенства и суетныхъ Иноковъ Іосифова монастыря , любимыхъ Великимъ Княземъ ⁽³⁴²⁾. Смиренный Митрополитъ Варлаамъ мало думалъ о земномъ ; но преемникъ Варлаамовъ, гордый Давидъ , не замедлилъ объявить себя врагомъ чужеземца. Говорили : «кто сей человѣкъ , дерзающій искажать древнюю святую нашихъ церковныхъ книгъ «и снимать онаго съ Бояръ?» Одни доказывали, что онъ еретикъ ; другіе представили его Великому Князю злоязычникомъ, неблагодарнымъ, втайнѣ осуждающимъ дѣла Государевы. Сіе было во время развода Василіева съ несчастною Соломоніею : увѣряютъ , что сей благочестивый мужъ дѣйствительно не хвалилъ онаго ; но крайней мѣрѣ находимъ въ Максимовыхъ твореніяхъ *Слово къ оставляющимъ женъ своихъ безъ вины законныя* ⁽³⁴³⁾. Любя вступаться за гонимыхъ , онъ тайно принималъ ихъ у себя въ кельѣ и слушалъ иногда рѣчи оскорбительныя

для Государя и Митрополита. На примѣръ: несчастный Бояринъ, Иванъ Беклемишевъ, жалуюсь ему на вспыльчивость Великаго Князя, сказалъ, что прежде достойные Церковные Пастыри удерживали Государей отъ страстей и несправедливости, но что Москва уже не имѣетъ Митрополита; что Даниилъ поситъ только имя и личину Пастыря, не мысли быть наставникомъ совѣсти, ни покровителемъ невинныхъ; что Максимъ никогда не выпустятъ изъ Россіи: ибо Великій Князь и Митрополитъ опасаются его нескромности въ чужихъ земляхъ, гдѣ онъ могъ бы огласить ихъ слабости (344). Наконецъ умѣли довести Государя до того, что онъ велѣлъ судить Максима: обвинили его и заточили въ одинъ изъ Тверскихъ монастырей какъ уличеннаго въ ложныхъ толкованіяхъ Св. Писанія и Догматовъ Церковныхъ: что, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, было клеветою, вымышленною Чудовскимъ Архимандритомъ Іоною, Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ и Митрополитомъ (345).

Въ государственныхъ бумагахъ сего времени находимъ, что знатные люди, не довольные Василиемъ, обвиняли его въ излишней надежности на самого себя, въ неуваженіи совѣтовъ, въ упрямствѣ, не-терпѣиіи противорѣчій, не смотря на то,

Жадо-
бы на
Велика-
го Кня-
зя.

что онъ рѣшилъ все дѣла именовъ Боярскимъ. «Іоаннъ» — говорили они — «не употреблялъ сего выраженія въ бумагахъ, «но охотно слушалъ противорѣчія и любилъ смѣлыхъ; а Василій не чтитъ старыхъ людей и дѣлаетъ все дѣла запершия самъ-третей, у постели.» Жаловались также на любовь его къ новымъ обычаямъ, привезеннымъ въ Москву Софійскими Греками которые, по ихъ словамъ, замѣшали Русскую землю ⁽³⁴⁶⁾. Но все такія, можно сказать, легкія обвиненія, если и справедливыя, доказывая, что Василій не былъ чуждъ обыкновенныхъ слабостей человѣческихъ, опровергаютъ ли сказаніе Лѣтописцевъ о природномъ его добродушіи? Снискавъ общую любовь народа, онъ, по словамъ Историка Іовія, не имѣлъ воинской стражи во дворцѣ: ибо граждане служили ему вѣрными тѣлохранителями ⁽³⁴⁷⁾.

Обрѣзъ
жизни
Васи-
лія.

Великій Князь, какъ говорили тогда, судилъ и радилъ землю всякое утро до самаго обѣда, послѣ коего уже не занимался дѣлами ⁽³⁴⁸⁾; любилъ сельскую тишину; жилъ лѣтомъ въ островѣ, Воробьевѣ или въ Москвѣ на Воронцовѣ полѣ до самой осени ⁽³⁴⁹⁾; часто ѣздилъ по другимъ городамъ и на лѣсовую охоту, въ Можайскъ и Волокъ Ламскій; но и тамъ не забывалъ Государства: трудился съ Думными Боярами и Дьяками; иногда принималъ По-

Охота.

словъ и поземныхъ ⁽³⁵⁰⁾. Баронъ Герберштейнъ описываетъ такъ охоту Великокняжескую : «Мы увидѣли Государя въ полѣ; оставили лошадей своихъ и приблизились къ нему. Онъ сидѣлъ на гордомъ конѣ, въ богатомъ терликѣ, въ высокой, осыпанной драгоценными камнями шапкѣ, съ златыми перьями, которыя развѣвались вѣтромъ; на бедрѣ висѣли кинжалъ и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Подлѣ него ѣхали съ правой стороны Царь Казанскій, Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой два Князя молодые, изъ коихъ одинъ держалъ скиру, другой булаву или шестоперъ; во кругъ болѣе трехъ сотъ всадниковъ.» Передъ вечеромъ сходили съ коней; разставляли шатры на лугу. Государь, переодѣвшись въ одежду, садился въ своемъ пѣтрѣ на кресла, призывалъ Бояръ и весело бесѣдовалъ съ ними о подробностяхъ счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и медъ ⁽³⁵¹⁾. — Самые древніе Князья наши, Всеволодъ I, Мономахъ и другіе любили звѣриную ловлю; но Василій едва ли не первый завелъ псовую охоту: ибо Россіяне въ старину считали псовъ животными нечистыми и гнушались ими ⁽³⁵²⁾.

Дворъ его былъ великолѣпенъ. Василій ^{Дворъ.} умножилъ число савошниковъ онаго, при-

бавивъ къ нимъ *Оружничаго* , *Ловчихъ* , *Крайчаго* и *Рындъ* ⁽³⁵³⁾. *Крайчій* былъ тоже, что нынѣ *Оберъ-Шенкъ*; а *Рындами* именовались оруже-восцы , молодые знатные люди, избираемые по красотѣ, нѣжной пріятности лица, стройному стану: одѣтые въ бѣлое атласное платье и воору-женные маленькими серебряными топориками, они ходили передъ Великимъ Княземъ, когда онъ являлся народу; стояли у трона и казались иноземцамъ подобіемъ Ангеловъ небесныхъ; а въ военныхъ походахъ хранили доспѣхъ Госу-даревъ. — Смиренный въ церкви — гдѣ, уда-ляя отъ себя многочисленныхъ Царедворцевъ, онъ стоялъ всегда одинъ, у стѣны, близъ две-рей, опираясь на свой посохъ ⁽³⁵⁴⁾ — *Василій* любилъ пышность во всѣхъ иныхъ торжествен-ныхъ собраніяхъ, особенно въ пріемѣ инозем-ныхъ Пословъ. Чтобы они видѣли множество и богатство народа, славу и могущество Великаго Князя, для того, въ день ихъ представленія, за-пирались всѣ лавки, останавливались всѣ рабо-ты и дѣла: граждане въ лучшемъ своемъ платьѣ спѣшили къ Кремлю и густыми толпами окру-жали стѣны его. Изъ окрестныхъ городовъ при-зывали *Дворянъ* и *Дѣтей Боярскихъ*. Войско стояло въ ружьѣ. Чпповники за чиновниками, одни другихъ знатнѣе, выходили на встрѣчу къ Посламъ. Въ пріемной палатѣ, наполненной людьми, царствовало глубокое молчаніе. Госу-дарь сидѣлъ на тронѣ; близъ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ; передъ нимъ, съ правой сторо-

ны, лежалъ *колпакъ*, съ лѣвой посохъ. Бояре сидѣли на скамьяхъ, въ одеждѣ усѣянной жемчугомъ, въ высокихъ *горлатныхъ* шапкахъ ⁽³⁵⁵⁾. — Обѣды Велико- Обѣды. княжескіе продолжались иногда до самой ночи. Въ большой комнатѣ накрывались столы въ нѣсколько рядовъ. Подлѣ Государя занимали мѣсто братья его или Митрополитъ; далѣе Вельможи и чиновники, между кончи угощались иногда и простые войны, отличные заслугами. Въ срединѣ, на высокомъ столѣ, сіяло множество золотыхъ сосудовъ, чашъ, кубковъ и проч. Первымъ блюдомъ были всегда жареные лебеди. Разносили кубки съ Мальвазією и съ другими Греческими винами. Государь въ знакъ милости самъ къ нѣкоторымъ посылалъ кушанье: тогда они вставали и кланялись ему; другіе также вставали, изъ учтивости къ нимъ: за что надлежало ихъ благодарить особенными поклонами. Для сокращенія времени гости могли свободно разговаривать другъ съ другомъ. Бесѣды веселыя, благочинныя безъ принужденія, правилъ Василію. Съ иноземцами говорилъ онъ за обѣдомъ весьма ласково; называлъ ихъ Монарховъ великими; желалъ, чтобы они, утружденные дальнимъ путемъ, насладились въ Москвѣ отдохновеніемъ и собрали новыя силы для пути обратнаго; предлагалъ имъ вопросы, и

проч. «Когда мы» (пишетъ Францискъ да-Колло. Посолъ Максимиліановъ) «ночью «возвращались домой изъ Кремля, всё уличья были освѣщены такъ ярко, что ночь «казалась днемъ» (356). — Сверхъ даровъ, Посламъ ежедневно отпускалось въ изобиліи все для нихъ нужное; считалось за обиду, если они что нибудь покупали. Преставы смотрѣли имъ въ глаза, отвѣтствуя за малѣйшее неудовольствіе сихъ почетныхъ гостей.

Титулъ. Василій такъ же, какъ и родитель его, назывался только Великимъ Княземъ для Россіи, употребляя слѣдующій титулъ въ сношеніяхъ съ Державами иноземными: «Великій Государь Василій, Божіею милостию «Царь и Государь всея Руси и Великій «Князь Владимірскій, Московскій, Новогородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, «Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, «и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгородскаго Низовской земли, и Черниговскій, и Рязанскій, и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, и Удорскій, и «Обдорскій, и Кодинскій, и иныхъ» (357). Іоаннъ на предложеніе Императора, дать ему Королевское достоинство, отвѣтствовалъ, какъ мы видѣли, гордо; а Василій на такое же предложеніе Папы Леона X не отвѣтствовалъ ни слова, вопреки баснямъ

иностранныхъ Писателей, которые думали, что наши Великіе Князья издревле домогались Королевскаго титула.

Слѣдуя во всемъ Іоанну, Василій ста-
 разя привлечь иноземцевъ полезныхъ Иноземцы въ Москвѣ,
 въ Россію. Кромѣ людей искусныхъ въ
 дѣлѣ воинскомъ, онъ первый изъ Вели-
 кихъ Князей имѣлъ Нѣмецкихъ лекарей
 при Дворѣ. Мы упоминали о Люевѣ и Тео-
 филѣ : сей послѣдній былъ Любчанинъ,
 взятый въ плѣвъ Воеводою Сабуровымъ
 въ Литвѣ. Магистръ Прусскій ходатай-
 ствовалъ о свободѣ его; но Великій Князь
 сказалъ, что сей Нѣмецъ лечитъ одного
 изъ пащихъ Вельможъ и долженъ прежде
 возвратитъ ему здоровье, а послѣ требо-
 вать отпуска въ свою землю ⁽³⁵⁸⁾. Волею
 или неволею Теофилъ остался въ Москвѣ,
 гдѣ находился и третій знаменитый лекарь,
 родомъ Грекъ, именемъ Марко, коего же-
 на и дѣти жили въ Царѣградѣ. Султанъ
 писалъ къ Великому Князю : «Отпусти
 «Марка къ его семейству; онъ захватъ
 «въ Россію единственно для торговли;» но
 Государь отвѣчалъ : «Марко издавна слу-
 «жить мнѣ добровольно, и лечитъ моего
 «Новгородскаго Намѣстника; пришли къ
 «нему жену и дѣтей» ⁽³⁵⁹⁾. Иноземцамъ съ
 умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда
 въѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ
 нее.

Законы.   Василій издалъ многіе законы для внутренняго благоустройства государственнаго, которые, вмѣстѣ съ Уложеніемъ отца его, вошли въ Судебникъ Царя Іоанна Василіевича. На примѣръ, сей Великій Князь установилъ, чтобы владѣльцы Тверскіе, Оболенскіе, Бѣлозерскіе и Рязанскіе не продавали отчпнѣ своихъ жителямъ другихъ областей; чтобы наслѣдники людей, отказавшихъ имѣніе монастырямъ, не выкупали онаго, если въ завѣщаніи не дано имъ право на сей выкупъ, и проч. ⁽³⁶⁰⁾. Жалованная Смоленская грамота велитъ Намѣстникамъ отдавать всякое поличное истцамъ, пскоренять вѣдниковъ и немедленно освобождать судимаго, представляющаго надежныхъ порукъ; дозволяетъ мѣщанамъ безъ явки рубить лѣсъ около города; запрещаетъ Боярамъ кабалить вольныхъ людей и держать корчмы; опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, *стадную, убойную* ⁽³⁶¹⁾, и показываетъ намъ тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенныхъ доходовъ, изобрѣтенную въ вѣки невѣжества. Важное и любопытное судное постановленіе сдѣлано было Василіемъ въ Новѣгородѣ: узнавъ, что Намѣстники и Тіуны кривятъ душею въ рѣшеніи тяжбъ, онъ велѣлъ избрать тамъ 48 Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, съ тѣмъ, чтобы сіи люди, достой-

ные общаго уваженія, по очереди судили всѣ дѣла съ Тіунами ⁽³⁶²⁾. Для чего не распространилъ онъ столь мудраго и благотельнаго учрежденія на все Государство? Можетъ быть, другіе Россіяне еще не имѣли довольно гражданскаго ума и навыка: они молчали, а Новогородцы, вспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавіе не мѣшало Государю дать лучшимъ гражданамъ участіе въ судномъ правѣ, — Лѣтописцы хвалятъ еще Васплія за утвержденіе тишины и безопасности въ Новѣгородѣ: онъ учредилъ тамъ пожарную и ночную стражу; велѣлъ, какъ и въ Москвѣ, закрывать ввечеру улицы рогатками, и совершенно прекратилъ воровство. Лишенные способа жить кражею и злодѣйствами, негодники ушли или обратились къ трудолюбію, выучились ремесламъ и сдѣлались людьми полезными ⁽³⁶³⁾.

При семъ Великомъ Князѣ построены Строенія. четыре важныя крѣпости съ каменными стѣнами: въ Нижнемъ Новѣгородѣ, Тулѣ, Коломнѣ и Зарайскѣ; первую строилъ Петръ Фрязинъ: она еще дѣла. Коширу и Черниговъ укрѣпили только валомъ и деревянными башнями. Въ Москвѣ Фрязинъ Алевизъ обложилъ Кремлевскіе рвы кирпичемъ и выкопалъ нѣсколько прудовъ въ предмѣстіяхъ ⁽³⁶⁴⁾. Въ Новѣгородѣ, опустошенномъ пожарами, чиновники Велико-

княжескіе размѣрили улицы, площади, ряды на образецъ Московскихъ ⁽³⁶⁵⁾. — Изъ храмовъ, созданныхъ Василиемъ, до-нынѣ существуютъ въ Москвѣ Кремлевская церковь Св. Николая Гостунскаго (на томъ мѣстѣ, гдѣ была деревянная) и Дѣвичій монастырь, основанный въ знакъ благодарности ко Всевышнему за взятіе Смоленска. Государь изъ собственной казны своей отложилъ на то 3000 рублей (около шестидесяти тысячъ нынѣшнихъ), кромѣ дворцовыхъ селъ и деревень, данныхъ сему монастырю ⁽³⁶⁶⁾. Главнымъ строителемъ церковнымъ былъ тогда Фрязинъ Алевизъ *Новый*. Довершивъ храмъ Михаила Архангела, Василий (въ 1507 году) перенесъ туда гробы своихъ предковъ, и самъ назначилъ себѣ могилу подлѣ родителя ⁽³⁶⁷⁾. Соборъ Успенскій былъ (въ 1515 году) украшенъ живописью, *чудною* и столь искусною, говорятъ Лѣтописцы, что Великій Князь, Святители и Бояре, вступивъ въ церковь, сказали : «мы видимъ небеса!» Между иконописцами славился Россіянинъ, Федоръ Едикеевъ, который росписывалъ церковь Благовѣщенія, соединенную съ новымъ, великолѣпнымъ дворцомъ, куда Василий перешелъ въ Маѣ 1508 году ⁽³⁶⁸⁾.

Ц е р-
ковныя
дѣянія.

Церковная Исторія Василіева государствованія, кромѣ мнимой ереси Максима Грека въ исправленіи священныхъ книгъ,

представляет не много достопамятныхъ случаевъ. Уже давно мощи Алексія Митрополита, по сказанію Лѣтописцевъ, исцѣляли недужныхъ: но въ 1519 году были священнымъ обрядомъ утверждены во славу чудотворенія. Митрополитъ Варлаамъ доцесъ Государю, что многіе слѣпцы, съ усердіемъ лобызая раку Алексія, прозрѣли. Собралось все Духовенство и всемѣтное число людей при колокольномъ звонѣ. Объявили чудеса и доказательства оныхъ. Цѣли молебствъ надъ святымъ гробомъ: Великій Князь, обливаясь слезами умиленія, первый поклонился оному и восхвалялъ милость Неба, которая во дни его царствованія открыла *второй источникъ* благодати и спасенія для Москвы. Свѣтло праздновали сей день, и Св. Алексій, въ народномъ мѣнѣи, сталъ на ряду съ древнимъ Московскимъ Угодникомъ Божиимъ, Митрополитомъ Петромъ (369).

Не малымъ соблазномъ для Духовенства и мірянъ была тогдашняя ссора Архіепископа Новгородскаго, Серапіона, съ Св. Іосифомъ Волоцкимъ, за то, что сей послѣдній съ монастыремъ своимъ отложился отъ его вѣдомства къ Митрополіи (370). Великій Князь въ гнѣвѣ рѣшилъ Серапіона Епархіи, и Новгородцы, 17 лѣтъ не имѣвъ Святителя, съ радостію встрѣтили наконецъ знаменитаго Макарія, бывшаго Архимандрита Лужковскаго, согласно съ древнимъ обычаемъ поставленнаго къ нимъ въ Архіепископы. Лѣтописецъ ихъ славить сіе время какъ счаст-

ливѣйшее для его отчизны, гдѣ, молитвами ревностнаго Пастыря, вселилась тишина, сонутствуемая здоровіемъ людей, обиліемъ и веселіемъ. Макарій первый учредилъ *общежительство* въ монастыряхъ Новгородскихъ и тѣмъ умножилъ вездѣ число Инокъ, доставивъ имъ способъ жить безпечно: ибо прежде каждый изъ нихъ имѣлъ свое хозяйство, соединенное съ заботами. Строгій въ наблюденіи благочинія, онъ вывелъ Игуменовъ изъ всѣхъ женскихъ монастырей и далъ Инокѣмъ Настоятельство; отличался также усердіемъ къ лѣпотѣ церковной: сдѣлалъ въ Софіи, на мѣсто обветшалыхъ, новыя богатыя Царскія двери и великолѣпный амвонъ; расписалъ стѣны, обновилъ иконы, между которыми древнѣйшія были Греческія: Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, *устроенныя* (какъ сказано въ лѣтописи) *изъ золота и серебра*. — Въ первые годы Макаріева Архіепископства Лапландскіе Поморяне, обитавшіе близъ устья рѣки Пивы и Кандамажской Губы, прислали старѣйшинъ къ Великому Князю, моля его дать имъ учителей Христіанскихъ; а Государь велѣлъ Макарію отпратить туда Софійскаго Іерея съ Діакономъ, которые просвѣтили жителей истинною Евангельскою. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще отдаленнѣйшіе дикари, Лапландцы Кольскіе, изъявили Макарію желаніе креститься, и съ великимъ усердіемъ приняли Священниковъ. Такъ Россіяне, отъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, насаждали Вѣру Спасителю, не упо-

требляя ни малѣйшаго принужденія. Но сіи люди полудикіе, уже вѣруя во Христа, еще держались старыхъ обычаевъ : въ Питингъ Вотской, въ Ижерѣ, около Иванягорода, Ямы, Конорья, Ладоги, Невы, до Каяви и Лаплавди, на пространствахъ тысячи верстъ или болѣе, народъ еще обожалъ солнце, луну, звѣзды, озера, источники, рѣки, лѣса, камни, горы; имѣлъ жрецовъ именуемыхъ Арбуями, и ходилъ въ церкви Христіанскія, не измѣняя и кумирамъ. Макарій, съ дозволенія Государева, послалъ туда умнаго Монаха, Ілію, съ наставительною грамотою къ жителямъ, которые, увѣряя его въ ихъ ревности къ Христіанству, говорили, что они не смѣютъ коснуться своихъ идоловъ, хранимыхъ ужасными духами. Ілія зажегъ мнимые лѣса священные, бросилъ въ воду кумпры, удивилъ народъ, и проповѣдію Слова Божія довершилъ торжество Христіанства. Лѣтописецъ рассказываетъ, что пятилѣтніе младенцы помогали сему добродѣтельному Іноку сокрушать мольбыща идолопоклонниковъ ⁽³⁷¹⁾. — Замѣтимъ, что не только Чудь, но и самые Россіяне въ XVI вѣкѣ еще усердно слѣдовали иѣкорымъ языческимъ обыкновеніямъ. Жители Псковской области 24 Іюня праздновали день Купала : собирали травы въ пустыняхъ и въ дубравахъ съ какими-то суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопеляхъ, на гудкахъ; молодыя жены, дѣвицы плясали, обвинялись съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе : о чемъ

ревностный Пгумень Елеазаровской Обители, старецъ Намфилъ, съ укоризною писалъ къ Намѣстнику и сановникамъ Искова въ 1505 году (372).

Угнетенное игомъ невѣрныхъ и бѣдностію, Духовенство Греческое, какъ и прежде, искало утѣшенія и благодѣяній въ Россіи. Константинопольскій Патріархъ Θεодитъ (въ 1518 году) присылалъ къ намъ Яилскаго Митрополита Григорія съ Аѳонскими Иноками, чтобы разжалобить Великаго Князя описаніемъ ихъ печальнаго состоянія. Благословляя Христіанскую добродѣтель Россіянъ, они выѣхали изъ Москвы съ богатыми дарами. Будучи въ дружбѣ съ Султаномъ, Государь и самъ посылалъ милостыню въ Грецію съ своими чиновниками (373).

При Василіи (въ 1509 году) былъ церковный Соборъ въ Литовской Россіи, въ Вильнѣ: Духовенство наше не имѣло участія въ ономъ. Кіевскій Митрополитъ Іосифъ съ семью Епископами установилъ тамъ весьма строгіе законы для нравственности Священниковъ, взявъ мѣры, чтобы мірская власть не вмѣшивалась въ права Духовной. Дѣянія сего достопамятнаго Собора свидѣлствуютъ, что Церковь Греческая пользовалась тогда въ Литвѣ свободою, независимостію, и была вѣрною кореннымъ уставомъ Православія (374).

Въ 27 лѣтъ Василіева государствованія Разныя
бѣд
ствія Россія испытала немалыя физическія бѣдствія : отъ 1507 до 1509 года свирѣпствовала язва съ жельзною въ Новѣгородѣ, и въ одну осень схоронено тамъ 15,000 человекъ; зимою въ 1512 году во многихъ областяхъ люди умирали кашлемъ; въ 1521 и 1532 году было во Псковѣ ужасное повѣтріе, отъ коего всѣ государственные чиновники разбѣжались, и которое миновалось, по извѣстію Лѣтописцевъ, отъ употребленія Святой воды, присланной Архіепископомъ Макаріемъ, Великимъ Княземъ и Митрополитомъ. Тогда же и въ Новѣгородѣ умерло болѣе тысячи жителей *отъ прыщей* (375). Были чрезвычайныя засухи : пишутъ, что лѣтомъ въ 1525 году около четырехъ недѣль солнце и луна не показывались на небѣ отъ густой мглы; что въ 1533 году отъ 29 Іюня до Сентября не упало ни одной дождевой капли на землю; что болота и ключи иссохли, лѣса горѣли : солнце тусклое, багровое, скрывалось за два часа до захожденія ; люди въ день не распознавали другъ друга въ лице и задыхались отъ дымнаго сырада ; путешественники, плователи не видали пути ; птицы не могли парить въ воздухѣ (376). Напротивъ того лѣтомъ въ 1518 году недѣль пять или непрестанно сильныя дожди : рѣки выступили изъ береговъ ; поля залились водою;

прервалось сообщеніе между городами и селами. Великій Князь торжественными молебствіями старался умиловить небо : Дворъ и народъ постились ⁽³⁷⁷⁾. — Общій неурожай въ 1512 году произвелъ неслыханную дороговизну : бѣдные умирали съ голоду ⁽³⁷⁸⁾. Въ Септѣбрѣ 1515 года Москва пмѣла недостатокъ въ хлѣбѣ : не лзя было купить ни четверти ржи. Въ 1525 году все съѣстное продавалось тамъ въ десять разъ дороже обыкновеннаго ⁽³⁷⁹⁾. — Лѣтописцы жалуются на частые пожары (обвиняя въ томъ учрежденіе пороховыхъ заводовъ) : въ Москвѣ , Псковѣ , особенно въ Новѣгородѣ , гдѣ (въ 1508 году) самыя камениныя палаты распадалась отъ силы огня и сгорѣло 5314 человекъ ⁽³⁸⁰⁾. — Явленіе трехъ Кометъ (отъ 1531 до 1533 года) во всей Россіи приводило народъ въ ужасъ ⁽³⁸¹⁾.

Взгляніе
совре-
менни-
ки Ва-
силе-
вы.

Описавъ дѣянія и случаи сего времени, напомнимъ Читателю , что оно, будучи достопамятно для Россіи благоразуміемъ ея Правленія, славно въ лѣтописяхъ Европы *во-первыхъ* рѣдкимъ собраніемъ Вѣщеносцевъ знаменитыхъ дѣлами и характеромъ, *во-вторыхъ* важнымъ Церковнымъ преобразованіемъ. Не многіе вѣки хвалятся такими Государями *современными* , каковы были Максиміліанъ , Карлъ V, Людовикъ XII, Францискъ I, Селмъ , Сольманъ , Генрикъ VIII, Густавъ Ваза : можемъ приба-

вить къ нимъ и Папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Все оны, за исключеніемъ Англійскаго и Французскихъ Королей, находились въ сношеніяхъ съ Василіемъ, ихъ достойнымъ современникомъ; все имѣли умъ и дарованія отличныя. Но была ли счастлива Европа? Видимъ, какъ обыкновенно, необузданность властолюбія, зависть, козни, битвы и бѣдствія: ибо не одинъ умъ, но умъ и страсти дѣйствуютъ на театръ міра. Ужасасмая могуществомъ Оттоманской Имперіи, волнуемая боре-
ніемъ Франціи съ силами Испаніи и Ав-
стріи, Европа въ то же время была потря-
сена Церковнымъ мятежемъ, который скоро сдѣлался государственнымъ. Уже Ду-
ховная власть, или Папская, очерненная многими злоупотребленіями, давно слабѣла въ Западныхъ Державахъ, но упорствовала въ своихъ гордыхъ требованіяхъ, и не хотѣла обратиться къ истинному Духу Христіанства, вопреки успѣхамъ просвѣщенія. Явился бѣдный Инокъ, Мартинъ Лютеръ, который, свергнувъ съ себя монашескую одежду, и держа въ рукѣ Евангеліе, смѣлъ назвать Папу Антихристомъ: уличалъ его въ обманахъ, въ корыстолюбіи, въ искаженіи Святости, и не смотря на Церковныя клятвы, Соборы и гнѣвъ Карла V, основалъ новую Вѣру, хотя также на Евангельскомъ ученіи, но съ отверже-

Р а с-
к о л а
Л ю т е-
р о в ѣ.

ніемъ многихъ важныхъ , значительныхъ обрядовъ , введенныхъ въ самомъ началѣ Христіанства и безъ сомнѣнія полезныхъ : ибо люди имѣютъ не только разумъ , но и воображеніе , не менѣе перваго дѣйствующее на сердце. Обнаживъ Богослуженіе , лишивъ оное торжественности , и какъ бы закрывъ для мысли небо , куда взоръ и духъ молящихся устремляются отъ величія Олтарей , отъ таинственного священнодѣйствія Литургіи , сей рѣшительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповѣдію ; оказалъ еще болѣе ненависти къ Риму , нежели усердія къ Сіону ; ссылаясь единственно на Христа и Апостоловъ , не подражалъ имъ въ кротости : подвергая Догматы Церкви суду ума , говорилъ языкомъ страстей , и лишивъ Папу Духовной власти во многихъ земляхъ Германіи , въ трехъ Сѣверныхъ Королевствахъ , въ бывшихъ владѣніяхъ Нѣмецкаго Ордена и въ Ливоніи , самъ представлялъ лице начальника Церковнаго , обязанный своимъ торжествомъ не фанатизму народному , а земнымъ расчетамъ Правителей : удерживая имя Христіанъ и Святыню Евангелія , новымъ Исовѣданіемъ они свергали съ себя всю зависимость отъ гордаго , взыскательнаго , корыстолюбиваго Рима ; присоединяли дани и пошлины Церковныя къ своимъ доходамъ , и могли въ дѣлахъ совѣсти уже не бояться Духовнаго запрещенія. Многіе толкователи всемірныхъ происшествій говорятъ о Лютеранской Вѣрѣ какъ о великомъ благодѣя-

ній для человѣчества : она неоспоримо способствовала успѣхамъ просвѣщенія и лучшей нравственности, соединенной съ опыти; но первымъ ея слѣдствіемъ были кровопролитія и новыя Секты Христіанскія, отчасти вредныя для самыхъ Правительствъ и покоя гражданскаго ⁽³⁸²⁾. Генрикъ VІІІ, написавъ книгу противъ Лютера, самъ послѣдовалъ его примѣру : оставилъ Римское Неповѣданіе и сдѣлался Главою Англиканскаго , связавъ оное крѣпкимъ узломъ съ пользою Королевской власти , и давъ себѣ волю удовлетворять своему гнусному любо-страстію переменною женъ. Однимъ словомъ, если враги Латинской Церкви справедливо винили ее въ невѣрности къ истинному Христіанству, то и ревностные Католики по совѣсти могли винить ихъ въ лицемеріи, въ обманахъ и въ беззаконіи.

Сія важная переменна Церковная не укрывалась отъ вниманія нашихъ современныхъ Богослововъ : объ ней разсуждали въ Москвѣ , и Грекъ Максимъ написалъ *Слово о Лютеровой ереси*, гдѣ, не хваля мірскаго властолюбія Папъ, строго осуждаетъ новости въ Законѣ, внушаемыя страстями человѣческими ⁽³⁸³⁾.

ГЛАВА IV.

Состояніе Россіи.

Г. 1462 — 1533.

Правленіе. Войско. Правосудіе. Торговля. Деньги. Бережливость Государей. Дороги и почта. Москва. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въѣздъ Пословъ. Пноземцы. Словесность. Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.

Въ сіе время отечество наше было *какъ бы новымъ спящимъ, открытымъ* Царевною Софіею для знатнѣйшихъ Европейскихъ Державъ. Въ слѣдъ за нею Послы и путешественники являясь въ Москвѣ, съ любопытствомъ наблюдали физическія и нравственныя свойства земли, обычаи Двора и народа; записывали свои примѣчанія и выдавали оныя въ книгахъ, такъ, что уже въ первой половинѣ XVI вѣка состояніе и самая древняя Исторія Россіи были извѣстны въ Германіи и въ Италіи. Контарини, Павелъ Іовій, Францискъ да-Колло, въ особенности Герберштейнъ старались дать современникамъ ясное, удовлетворительное понятіе о сей новой Державѣ, которая вдругъ обратила на себя вниманіе ихъ отечества.

Прав-
ленію.

Ничто не удивляло такъ пноземцевъ, какъ Самовластіе Государя Россійскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для

управленія землею. «Скажетъ, и сдѣлано,» говоритъ Баронъ Герберштейнъ: «жизнь, достоинствѣ людей, мірскихъ и духовныхъ, Вельможъ и гражданъ, совершенно зависить отъ его воли. «Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ Божества: ибо Русскіе увѣрены, что «Великій Князь есть исполнитель воли Небесной. «Обыкновенное слово ихъ: *такъ угодно Богу и Государю; въдаетъ Богъ и Государь*. Усердіе сихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ Великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго Посломъ въ Испаніи, сѣлаго старца, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ текъ съ лица его. «Когда я изъявлялъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: *ахъ, Господинъ Баронъ! мы служимъ Государю не по вашему!* Не знаю, свойство ли народа требовало для Россіи такихъ Самовластителей, или Самовластители дали народу такое свойство» ⁽³⁸¹⁾. Безъ сомнѣнія дали, чтобы Россія спаслась и была великою Державою. Два Государя, Іоаннъ и Василій, умѣли навѣки рѣшить судьбу нашего Правленія и сдѣлать Самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ Государственнымъ, единственною основою цѣлости ея, силы, благоденствія. Сія неограниченная власть Монарховъ казалась иноземцамъ *Тиранніею*: они въ легкомысленномъ сужденіи своемъ забывали, что *Тираннія* есть только злоупотребленіе Само-

державія, являясь и въ Респу́бликахъ, когда сильные граждане или сановники утѣслиють общество. Самодержавіе не есть отсутствіе законовъ: ибо гдѣ *обязанность*, тамъ и *законъ*; никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности Монарховъ блюсти счастье народное.

Войско. Сіи иноземные наблюдатели сказываютъ, что Великій Князь, будучи для подданныхъ образомъ Божества, превосходя всѣхъ иныхъ Вѣнценосцевъ въ нравственною *могуществомъ*, не уступалъ никому изъ нихъ и въ воинскихъ силахъ, имѣя *триста тысячъ* Боярскихъ Дѣтей и *шестьдесятъ тысячъ* сельскихъ ратниковъ, коихъ содержаніе ему ничего или мало стоило: ибо всякой Боярскій Сынъ, надѣленный отъ Казны землею, служилъ безъ жалованья, кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ, и кромѣ Литовскихъ или Пѣвецкихъ пѣхотныхъ воиновъ, числомъ менѣе двухъ тысячъ. Конница составляла главную силу; пѣхота не могла съ успѣхомъ дѣйствовать въ степяхъ противъ непріятелей конныхъ. Оружіемъ были лукъ, стрѣлы, сѣкира, кистень, длинный кинжалъ, иногда мечъ, копье. Знатнѣйшіе имѣли кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными въ полѣ: вылитыя Италіянскими художниками для защиты и осады городовъ, онѣ стояли неподвижно въ Кремлѣ

на лафетахъ. Въ битвахъ мы надѣялись болѣе на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти въ тылъ непріятелю, окружить его, вообще дѣйствовать издали, не въ рукопашь; а когда нападали, то съ ужаснымъ стремленіемъ, но непродолжительнымъ. «Они» — пишетъ Герберштейнъ — «въ быстрыхъ своихъ нападеньяхъ какъ бы говорятъ непріятелю: *бѣги, или мы сами побѣдимъ!* И въ обществѣ и въ войнѣ народы удивительно разнствуютъ между собою. «Татаринъ, сверженный съ коня, обогрѣявшій кровію, лишенный оружія, еще не сдается въ плѣнъ: машетъ руками, толкаетъ ногою, грызетъ зубами. Турокъ, видя слабость свою, бросаетъ саблю и молить побѣдителя о милосердіи. «Гонимъ за Русскимъ: онъ уже не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ; но никогда не требуетъ пощады. Коли, руби его: молчитъ и падаетъ.» — Щадя людей и худо употребляя снарядъ огнестрѣльный, мы рѣдко брали города приступомъ, надѣясь изнурить жителей долговременною осадой и голодомъ. Располагались станомъ обыкновенно вдоль рѣки, не далеко отъ лѣса, въ мѣстахъ паственныхъ. Одни чиновники имѣли наметы; воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ подседелными войлоками, въ защиту отъ дождя. Обозовъ почти не было: возили все нужное на выучныхъ лошадяхъ. Каждый воинъ бралъ съ собою въ походъ нѣсколько фунтовъ толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кромѣ Воеводъ,

которые иногда давали имъ вкуснѣйшіе обѣды. Полки имѣли своихъ музыкантовъ или трубачей. На Великокияжескихъ знаменахъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце. — Въ каждомъ полку особенные садовники записывали имена храбрыхъ и малодушныхъ, означая первыхъ для благоволенія Государева и наградъ, а другихъ для его немилости или общественнаго стыда. — Молодые люди обыкновенно готовили себя къ воинской службѣ богатырскими играми: выходили въ поле, стрѣляли въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и побѣдителямъ была слава ⁽³⁸⁵⁾.

Приво-
судіе.

Хваля ясность, простоту нашихъ законовъ и суда, не имѣвшихъ нужды ни въ толкователяхъ, ни въ стряпчихъ — не менѣе хваля и Василию любовь къ справедливости — иноземцы замѣчали однакожь, что богатый рѣже бѣднаго оказывался у насъ виновнымъ въ тяжбахъ; что судья не боялся и не стыдился за деньги кривить душою въ своихъ рѣшеніяхъ. Однажды донесли Василию, что судья Московскій, взявъ деньги съ истца и съ отвѣтника, обвинилъ того, кто ему далъ менѣе. Великій Князь призвалъ его къ себѣ. Судья не заирался, и съ видомъ невиннаго отвѣтствовалъ: «Государь! я всегда вѣрю лучше богатому, нежели бѣдному», разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужомъ.

Василій улыбнулся, и корыстолюбецъ остался по крайшей мѣрѣ безъ тяжкаго наказанія. — Не только законодательная, но и судная власть, какъ въ самую глубокую древность, принадлежала единственно Государю: всѣ другіе судьи были только его временными или чрезвычайными повѣренными, отъ Великокняжескихъ Думныхъ Совѣтниковъ до Тіуновъ сельскихъ. Государь не рѣдко уничтожалъ ихъ приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мірская власть наказывала и Духовныхъ. Иногда Митрополитъ жаловался на уголовныхъ судей, которые приговаривали Священниковъ къ кнуту и къ висѣльцѣ; судьи отвѣчали: «казнимъ не Священниковъ, а негодяевъ, «по древнему уставу нашихъ отцевъ.» — Въ сочиненіи Іовія и Герберштейна находимъ первое извѣстіе о жестокихъ судныхъ пыткахъ, коими заставляли у насъ преступниковъ виниться въ ихъ злодѣяніяхъ: воровъ били по пятамъ; разбойникамъ капали сверху на голову и на все тѣло самую холодную воду и вбивали деревянныя спицы за ногти ⁽³⁸⁶⁾. Обыкновеніе ужасное, данное намъ Татарскимъ игомъ вмѣстѣ съ кнутомъ и всѣми тѣлесными, мучительными казнями.

Торговля сего времени была въ цвѣтущемъ состояніи. Къ намъ привозили изъ Торго-
вля.

Европы серебро въ слиткахъ, сукна, сученое золото, мѣдь, зеркала, ножи, пилы, кошельки, вина; изъ Азіи шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ, драгоценныя каменья; отъ насъ вывозили въ Нѣмецкую землю мѣха, кожи, воскъ; въ Литву и въ Турцію мѣха и моржовыя клыки; въ Татарію сѣдла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, въ обмѣнъ на лошадей Азіатскихъ. Оружіе и желѣзо не вышускалось изъ Россіи. Въ Москву ѣздили Польскіе и Литовскіе купцы; Датскіе, Шведскіе и Нѣмецкіе торговали въ Новѣгородѣ; Азіатскіе и Турецкіе на Мологѣ, гдѣ существовалъ прежде Холоній городокъ, и гдѣ находилась тогда одна церковь. Сія ярмонка еще славилась своею знатною мѣною. Иноземцы обязывались показывать товары свои въ Москвѣ Великому Князю: онъ выбиралъ для себя, что ему нравилось; платилъ деньги и позволялъ продажу остальныхъ. Пріятныя зелія, шелковыя ткани и многія иныя вещи были у насъ дешевы въ сравненіи съ ихъ цѣною въ Германіи. Лучшіе мѣха шли изъ земли Печорской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 и 30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу (употребляемую на Боярскія шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядныя платья. Волчьи мѣха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоялъ три или четыре, бѣлка двѣ деньги и менѣе. — Съ товаровъ ввозимыхъ и вывозимыхъ брали въ казну пошлины, семь денегъ съ рубля, а за воскъ четыре деньги съ пуда сверхъ цѣны онаго. Рос-

сія считалась въ Европѣ землею изобильнѣйшею дикимъ или бортевымъ медомъ. — Монастырь Троицкій въ Смоленской области, на берегу Двѣпра, былъ главнымъ пристанищемъ для купцевъ Литовскихъ: они жили тамъ въ гостиницахъ и грузили товары, покупаемые ими въ Россіи для отправленія въ ихъ землю. — Нѣкоторыя мѣста особенно славились своими произведеніями для внутренней торговли: на примѣръ, Калуга деревянною, красивою посудою, Муромъ вкусною рыбою, Переславль сельдями, а еще болѣе Соловки, гдѣ находились лучшія соляныя варницы. — Многія судоходныя рѣки облегчали перевозъ товаровъ; но Россія еще не имѣла морей, кромѣ Сѣвернаго Океана, къ которому она примыкала своими полунощными, холодными пустынями. Иногда не большія суда ходили отъ устья Двины Бѣлымъ моремъ мимо Святаго Носа, Семи Острововъ и Шведской Ланландіи въ Норвегію и въ Данію. Симъ путемъ Датскій Посолъ возвращался изъ Москвы въ Норвегію съ нашимъ толмачемъ Истоминою. Другой толмачъ, именемъ Власій, плылъ Сухоною, Югомъ и Двиною до Бѣлаго моря, чтобы ѣхать оттуда въ Копенгагенъ. Сіе плаваніе считалось весьма опаснымъ и затруднительнымъ: купцы Скандинавскіе не смѣли ввѣрять оному своихъ товаровъ и держались Новагорода. — Любопытно знать, что Россіяне уже имѣли тогда свѣдѣніе о Китаѣ, и думали, что можно Сѣвернымъ Океаномъ достигнуть береговъ сей отдаленной Имперіи ⁽³⁸⁷⁾.

Дѣныи. Въ Россіи ходили серебряныя и мѣдныя дѣныи: Московскія, Тверскія, Псковскія, Новгородскія; серебряныхъ считалось 200 въ рубль (который стоилъ два червонца), а мѣдныхъ нуль 1200 въ гривнѣ. Новгородскія дѣныи имѣли почти двойную цѣну: ихъ было только 140 въ рубль. На сихъ монетахъ изображался Великій Князь сидящій въ креслахъ и другой человекъ склоняющій предъ нимъ голову; на Псковскихъ голова въ вѣнцѣ; на Московскихъ всадникъ съ мечемъ: новыя были цѣною въ половину менѣе старыхъ. Золотыя дѣныи ходили только иностранныя: Венгерскіе червонцы, Римскіе гулдены и Ливонскія монеты, копѣхъ цѣна перемѣнялась. — Велікой серебряникъ билъ и выпускалъ монету: Правительство наблюдало, чтобы сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла. Государь не запрещалъ вывозить монету изъ Россіи, однакожь хотѣлъ, чтобы мы единственно мѣнялись товарами съ иностранцами, а не покупали ихъ на дѣныи. — Въмѣсто пынѣшняго *ста*, обыкновеннымъ торговымъ счетомъ было *сорокъ и девяносто*; говорили: *сорокъ, два сорока, или девяносто, два девяносто* ⁽³⁸⁸⁾, и проч.

Усиѣхи торговли болѣе и болѣе умножали доходы Государевы. Современники славятъ богатство и бережливость Василія.

Главная казна его хранилась на Бѣлѣозерѣ Береж-
ливость
Госуда-
рей. и въ Вологдѣ, какъ въ безопаснѣйшихъ и недоступныхъ для непріятеля мѣстахъ, окруженныхъ лѣсами и болотами непроходимыми ⁽³⁸⁹⁾. «Удивительно ли» — пишутъ иноземцы — «что Великій Князь богатъ? «опъ не даетъ денегъ ни войску, ни Посламъ, и даже беретъ у нихъ, что они «вывозятъ драгоцѣннаго изъ чужихъ земель: такъ Князь Ярославскій, возвратясь «изъ Испаніи, отдалъ въ казну все тяжелыя золотыя цѣпи, ожерелья, богатые «ткани, серебряныя сосуды, подаренные «ему Императоромъ и Фердинандомъ Австрійскимъ. Сии люди не жалуются, говоря: *Великій Князь возметъ, Великій Князь «и наградитъ* ⁽³⁹⁰⁾.» Не тѣмъ безъ сомнѣнія Іоаннъ и Василій богатыли, что не давали серебромъ жалованья войску (ибо помѣстья стоили серебра) и не тѣмъ, что брали иногда у Пословъ вещи, которыя имъ отгѣпно нравились; но мудрою бережливостію, точнымъ соображеніемъ предпріятій съ государственнымъ способами, запасомъ на случай нужды: правило важное для благоденствія Державъ. Карлъ V съ сокровищами Новаго Свѣта часто не имѣлъ денегъ, а Великіе Князья наши могли хвалиться богатствомъ, издерживая менѣе, нежели получая.

Не смотря на дѣятельность торговли,

Дорога
и почта.

Россія казалась путешественникамъ мало-населенною въ сравненіи съ иными Европейскими странами: рѣдкія жительства, степи, дремучіе лѣса, худыя, пустынные, уединенныя дороги свидѣтельствовали, что сія Держава была еще новою въ граждацкомъ образованіи. Съ ужасомъ говоря о нашихъ распутицахъ, тѣмныхъ мостахъ, опасностяхъ, неудобствахъ въ пути, чужестранцы хвалятъ исправность и скорость нашей почты: изъ Новагорода въ Москву пріѣзжали они въ 72 часа, платя 6 денегъ за 20 верстъ. Лошадей было множество на учрежденныхъ ямахъ: кто требовалъ десяти или двѣнадцати, тому приводили сорокъ или пятьдесятъ. Усталыхъ кидали на дороги; брали свѣжихъ въ первомъ селеніи или у проѣзжихъ (391).

Москва.

Чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ болѣе селеній и людей встрѣчалось глазамъ путешественника. Все оживлялось: на дорогѣ обозы, вокругъ частыя поля, луга, представляли картину человѣческой дѣятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнинѣ съ блестящими куполами своихъ несмѣтныхъ храмовъ, съ красивыми башнями, съ бѣлыми стѣнами Кремлевскими, съ рѣдкими каменными домами, окруженными темною грудой деревянныхъ зданій, среди зеленыхъ садовъ и рощей. Окрестные монастыри казались маленьки-

ми, прелественными городками. Въ слободахъ жили кузнецы и другіе ремесленники, которые не-престаннымъ употребленіемъ огня могли быть опасны въ сосѣдствѣ: расселенные на большомъ пространствѣ, они сѣяли хлѣбъ и косили траву предъ ихъ домами, на обѣихъ сторонахъ улицы. Одинъ Кремль считался городомъ: всѣ нынѣ части Москвы, уже весьма обширной, назывались предмѣстіями, ибо не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крутоберегой Яузѣ стояло множество мельницъ. Пегливая, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ровъ Кремлевскій. Нѣкоторыя улицы были тѣсны и грязны; но сады вездѣ чистили воздухъ, такъ, что въ Москвѣ не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, кромѣ на-носныхъ. Въ 1520 году, какъ пишутъ, находилось въ ней 41,500 домовъ, исчисленныхъ по указу Великаго Князя; а сколько жителей, не извѣстно: но можно полагать ихъ гораздо за 100,000. Въ Кремлѣ, въ разныхъ улицахъ, въ огромныхъ деревянныхъ домахъ (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнѣйшіе люди, Митрополитъ, Князья, Бояре. Гостиный дворъ (тамъ же, гдѣ и нынѣ, на площади Китая-города) обнесенный каменною стѣною, прельщалъ глаза не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ, Азіатскихъ и Европейскихъ. Зимой хлѣбъ, мясо, дрова, гѣсъ, сѣно, обыкновенно продавались на Москвѣ-рѣкѣ, въ лавкахъ или въ шамашахъ ⁽³⁹²⁾.

Приро-
дныя,
гражд-
данскія
свой-
ства
и обы-
чай.

Наши свойства казались наблюдателямъ и худыми и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишетъ, что Москвитяне толнятся съ утра до обѣда на площадяхъ, на рынкахъ, а заключаютъ день въ питейныхъ домахъ : глазѣютъ, шумятъ, а дѣла не дѣлаютъ. Герберштейнъ напротивъ того съ удивленіемъ видѣлъ ихъ работающих въ праздники. Въ будни запрещалось имъ пить; одни иноземные воины, служа Государю за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребле- ній хмѣльнаго : для чего слобода за Мос- квою-рѣкою, гдѣ они жили, именовалась *Налейками*, отъ слова *наливай*. Великій Князь Василій, опасаясь дѣйствию худаго примѣра, не позволялъ своимъ поддан- нымъ жить вмѣстѣ съ ними. У всякой ро- гатки на улицахъ стоялъ караулъ : никто не смѣлъ ходить ночью безъ особенной важной причины и безъ фонаря. Тишина црествовала въ городѣ. Замѣчали, что Рос- сіяне не злы, не сварливы, терпѣливы, но склонны (особенно Москвитяне) къ обма- намъ въ торговлѣ. Славилъ древнюю чест- ность Новгородцевъ и Псковитянъ, кото- рые тогда уже начинали взмѣняться въ характерѣ. Пословица : *товаръ лицомъ про- дать*, служила уставомъ въ купечествѣ. Лихоимство не считалось стыдомъ : ро- стовщики брали обыкновенно 20 на 100, и

еще хвалились умѣренностію : ибо въ древніи времена должники платили у насъ 40 на 100 ⁽³⁹³⁾. — «Рабство, несовмѣстное съ душевнымъ благогородствомъ, было» (по словамъ Герберштейна) «общимъ въ Россіи : ибо и самые Вельможи назывались *холопами* Государя;» но имя не вещь : ово изображало только неограниченную преданность Россіянъ къ Монарху ; а въ самомъ дѣлѣ народъ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопи, или дворовые или сельскіе, потомки людей купленныхъ, военнопленныхъ, закопомъ лишенныхъ вольности ⁽³⁹⁴⁾. Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни челоѣческихъ правъ (такъ и въ древнемъ Римѣ) : господинъ могъ располагать ими какъ собственностію, какъ *вещію*; могъ своевольно отнимать у нихъ жизнь, никому не отвѣтствуя. Но въ сіе время — или въ XVI вѣкѣ — уже одна государственная власть смертію казнила холопа, слѣдственно уже *человѣкъ*, уже *гражданина покровительствуемаго закономъ* ⁽³⁹⁵⁾. Здѣсь видимъ успѣхъ нравственности и дѣйствіе лучшихъ гражданскихъ понятій. Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не казалась имъ тяжелою : ибо многіе изъ нихъ, освобожденные по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ и шли къ нимъ въ кабалу или въ новую крѣпость, не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хорошій поденщикъ въ Москвѣ выработывалъ съ утра до вечера двѣ деньги или

около двадцати копѣекъ нынѣшнихъ) но для того, что любили домашнюю легкую службу и безпечность: рабъ-отецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должностяхъ господъ: общее мнѣніе предписывало имъ чело-вѣколюбіе и справедливость; тираномъ гнуша-лись какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто изъ вольныхъ людей не хотѣлъ идти къ нему въ услуженіе; именемъ его бранились на площа-дяхъ (396). Гораздо несчастіе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, которые, нанмая землю въ помѣстьяхъ или въ отчинахъ у Дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свѣше силъ человѣческихъ, не могли ни двухъ дней въ недѣлю работать на себя (397), переходили къ инымъ владѣльцамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю: ибо временные, ко-рыстолюбивые господа или помѣщики нигдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы отвести имъ степи, но не хотѣлъ того, чтобы помѣстья не опустѣли, и сей многочи-сленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только-что не умиралъ съ голоду: старецъ, без-домокъ отъ юности, изнуривъ жизненные силы въ работѣ наемника, при дверяхъ гроба не зналъ, гдѣ будетъ его могила. Бѣдность раж-даетъ презрѣніе: въ старину называли у насъ земледѣльцевъ *смердами*: въ XVІ вѣкѣ *крестья-нами*, то есть *Христіанами*, но въ худомъ, вар-варскомъ смыслѣ: ибо долговременные наши

ираны, Батыевы Моголы, поносили Россіянъ симъ именемъ. — Вѣроятно, что многіе земледѣльцы шли тогда въ кабалу къ Дворянамъ; но крайней мѣрѣ знаемъ, что многіе отцы продавали своихъ дѣтей, не имѣя способа кормиться. Сынъ могъ быть нѣсколько разъ проданъ отцемъ; но въ четвертый разъ отпущенный господиномъ на волю, уже зависѣлъ единственно отъ себя.

Здѣсь представляется любопытный вопросъ: не уже ли никогда не бывало въ Россіи крестьянъ-владельцевъ? Но крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что Князья, Бояре, воины и купцы — то есть, *городскіе жители* — искони владѣя землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право мечемъ, въ такое время, до коего не восходятъ лѣтоисчисленія и преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ владельцамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.

Не только Бояре знатные, но и самые простые, бѣдные Дворяне казались спесивыми, недоступными. Къ первымъ никто не смѣлъ въѣхать на дворъ: оставляли лошадей у воротъ. Благородные стыдились ходить пѣшкомъ и не имѣли знакомства съ мѣщанами, опасаясь тѣмъ унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, какъ можно заниматься дѣлами

стоя или ходя. Молодые женщины были совершенными затворницами : боялись показываться чужимъ людямъ ; и въ церковь ходили рѣдко ; дома шили, пряли. Одна забава считалась для нихъ позволенною : качели. Богатыя не пеклись о домашнемъ хозяйствѣ , которое лежало единственно на слугахъ и служанкахъ. Бѣдныя по неволѣ трудились ; но самая бѣднѣйшая , готовя для себя кушанье , не могла умертвить никакого животнаго : стояла у воротъ съ курицею или съ уткою и просила мимоходящихъ , чтобы они закололи сію птицу ей на обѣдъ. — Не смотря на строгое заключеніе женъ , бывали , какъ и вездѣ , примѣры невѣрности , тѣмъ естественнѣе , что взаимная любовь не участвовала въ бракахъ , и что мужья-Дворяне , находясь въ Государевой службѣ , рѣдко жилали дома. Не женихъ обыкновенно сватался за невѣсту , но отецъ ея выбиралъ себѣ зятя и говорилъ о томъ съ отцемъ его. Назначали день свадьбы , а будущіе супруги еще не знали другъ друга въ глаза. Когда нетерпѣливый женихъ домогался видѣть невѣсту , то родители ея всегда отвѣчали ему : «спроси у «добрыхъ людей , какова она?» Приданое состояло въ одеждѣ , въ драгоценныхъ украшеніяхъ , въ слугахъ , въ коняхъ и проч. ; а что родственники и пріятели дарили невѣстѣ , то мужъ долженъ былъ послѣ свадьбы возвращать имъ или платить деньгами. Герберштейнъ первый сказалъ , что жена Россіянка не увѣрена въ любви супруга безъ частыхъ отъ него побоевъ :

сіе вошло въ пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для насъ древними обычаями Славянскимъ и грубою правдивостію временъ Батыева ига ⁽³⁹⁸⁾.

Спесивые противъ бѣдныхъ мѣщанъ, Дворяне и богатые купцы были гостепріимны и вѣжливы между собою. Гость, входя въ комнату, глазами искалъ святыхъ образовъ, шелъ къ нимъ, крестился, и нѣсколько разъ сказавъ въ слухъ: *Господи помилуй!* обращался къ хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже тебѣ здравія!* Они цѣловались, кланялись другъ другу, и чѣмъ ниже, тѣмъ лучше; переставали и снова начинали кланяться; садясь, бесѣдовали, и гость, взявъ шанку, шелъ опять къ образамъ; хозяинъ провожалъ его до крыльца, а любимого до самыхъ воротъ. Подчивали пріятелей медомъ, пивомъ, винами иноземными: Романесю, Мушкателемъ, Канарскимъ, бѣлымъ Рейнскимъ; лучшимъ считалась Мальвазія, употребляемая однакожь болѣе въ лекарство и во дворцѣ, за Великокняжескою трапезою. Ужиновъ не знали: обѣды были пзобильныя и вкусныя для самыхъ иноземцевъ, которые дивились у насъ множеству и дешевизнѣ всякаго скота, рыбы, птицъ, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тетками. Вообще роскошь тогдашняя состояла въ пзбыткѣ обыкновенныхъ, дешевыхъ вещей; умѣли хвалиться сію не разоряясь; бережливость не славилась добродѣтелію, ибо казалась естественною людямъ, которые еще не вѣдали прелестей

изысканнаго вкуса. Дорогія одежды означали первостепенныхъ государственныхъ сановниковъ : если не законъ, то обыкновеніе воспрещало другимъ равняться съ ними въ сѣхъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ. Сія наряды употреблялись бережно ; вѣтреная мода не измѣняла оныхъ, и Вельможа оставлялъ свою праздничную одежду въ наслѣдство сыну. Платье Боярское, Дворянское, купеческое не различалось покроемъ : верхнее съ опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками*; другое *охабляни*, съ воротникомъ; третіе *фerezлини*, съ пуговицами до подола, съ нашивками или безъ нашивокъ; такое же длинное, съ нашивками или только съ пуговицами до пояса, *кунтышами*, *доломанами*, *кафтанами*; у всякаго были клинья, а на бокахъ прорѣхи. Полукафтаны носили съ козыремъ; рубахи съ вышитымъ, разноцвѣтнымъ воротникомъ и съ серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, съ желѣзными подковами; шапки высокія, шляпы полярковыя, черныя и бѣлыя. Мужчины стригли себѣ волосы. — Дома не блистали внутреннимъ украшеніемъ : самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ. Сѣни огромныя, а двери низкія, и входящій всегда наклонялся, чтобы не удариться головою объ верхній косякъ (399).

Опишемъ нѣкоторыя достопамятныя обыкновенія. Посланникъ Великокняжескій, Димитрій, будучи въ Римѣ и бесѣдуя съ Павломъ Іовіемъ

о правахъ своего отечества, сказывалъ ему, что Россіяне, искони набожные, любя чтеніе душе-спасительныхъ книгъ, не терпятъ проповѣди въ церквахъ, дабы слышать въ нихъ единственно Слово Господне, безъ примѣса мудрованій чело-вѣческихъ, несогласныхъ съ простотою Еван-гельскою; что нигдѣ не имѣютъ такого священ-наго уваженія къ храмамъ, какъ у насъ; что мужъ и жена, вкусивъ удовольствіе законной любви, не дерзаютъ войти въ церковь, и слу-шаютъ обѣдню стоя на паперти; что молодые, не скромные люди, видя ихъ тамъ, угадываютъ причину и своими насмѣшками заставляютъ жен-щинъ красѣться; что мы весьма не любимъ Католиковъ, а Евреями гнушаемся и не дозво-ляемъ имъ вѣзжать въ Россію (¹⁰⁰). — Сіе вре-мя особенно славилось открытіемъ многихъ свя-тыхъ, цѣлебныхъ мощей; но Іоаннъ и Василій не всегда вѣрили молвѣ и разсказамъ народ-нымъ; а безъ согласія Государева Духовенство не умножало числа Святыхъ: когда же строгое изслѣдованіе и достовѣрные свидѣтельства убѣж-дали Великаго Князя въ истинѣ чудесъ, то объ-являли ихъ всенародно, звонили въ колокола, пѣли молебны, и недужные со всѣхъ сторонъ спѣшили ко праху новыхъ Угодниковъ, какъ пѣли спѣшать къ новымъ славнымъ врачамъ, чтобы пайти исцѣленіе. — Тогдашняя Христіан-ская набожность произвела одинъ удивительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, назы-ваемое *селомъ скудельничимъ*, гдѣ люди добро-

любивые въ Четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ сходились рыть могилы для странниковъ и пѣть Панихиды, въ усно-косніе души тѣхъ, кои хъ имена, отечество и Вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно Христіанскія молитвы. Тамъ погребались тѣла находимыя въ окрестностяхъ города, а можетъ быть и всѣхъ иноземцевъ ⁽⁴⁰¹⁾.

Обрядъ
Велико-
кнѣже-
скоѣй
свадь-
бы.

Іовій пишетъ, что Великіе Князья, подобно Султанамъ, избираютъ себѣ женъ за красоту и добродѣтель, ни мало не уважая знатности; что невѣсты привозятъ изъ всей Россіи; что искусныя, опытыя бабки осматриваютъ ихъ тайныя прелести; что совершеннѣйшая или счастливѣйшая выходитъ за Государя, а другія въ тотъ же день за молодыхъ придворныхъ чиновниковъ ⁽⁴⁰²⁾. Сіе извѣстіе можетъ относиться единственно къ двумъ бракамъ Василія: ибо отецъ, дѣдъ и предки его женились обыкновенно на Княжнахъ Владѣтельныхъ. — Сообщимъ здѣсь любопытныя подробности изъ описанія Василіевой свадьбы 1526 года.

«Державный женихъ, нарядясь, сидѣлъ въ брусяной столовой избѣ съ своимъ поѣздомъ; а невѣста, Елена Глинская, съ женою Тысяцкаго, двумя свахами, Бояры-

«нями и многими знатыми людьми шла изъ
«дому въ среднюю палату. Передъ нею несли
«два брачныя свѣчи въ фонаряхъ, два корова и
«серебряныя деньги. Въ сей палатѣ были сдѣ-
«ланы два мѣста, одѣтыя бархатомъ и камками;
«на нихъ лежали два зголовья и два сорока чер-
«ныхъ соболей; а третьимъ сорокомъ надлежало
«опохивать жениха и невѣсту. На столѣ, по-
«крытомъ скатертью, стояло блюдо съ калачами
«и солью. Елена сѣла на своемъ мѣстѣ; сестра
«ея, Княжна Анастасія, на жениховомъ; Боя-
«рыни вокругъ стола. Василій прислалъ туда
«брата, Князя Юрія, который, занявъ большое
«мѣсто, велѣлъ звать жениха. *Государь!* ска-
«зали ему: *иди съ Богомъ на дѣло.* Великій Князь
«вошелъ съ Тысяцкимъ и со всѣми чиновниками,
«поклонился иконамъ, свелъ Княжцу Анастасію
«съ своего мѣста и сѣлъ на оное. Читали мо-
«литву. Жена Тысяцкаго гребнемъ чесала го-
«лову Василю и Еленѣ. Свѣчами *Богоявленски-*
«ми зажгли брачныя (¹⁰³), обогнутыя соболями и
«сдѣтыя въ кольца. Невѣстѣ подали куклу и
«фату. На золотой мисѣ, въ трехъ углахъ, ле-
«жали хмѣль, соболи, разноцвѣтные платки бар-
«хатные, атласные, камчатные, и пѣныши, чи-
«словъ по девяти въ каждомъ углу. Жена Ты-
«сяцкаго осыпала хмѣлемъ Великаго Князя и
«Елену, опохиваемыхъ соболями. Дружка Госу-
«даревъ, благословясь, изрѣзалъ перепечу и сы-
«ры для всего поѣзда; а Еленинъ дружка разда-
«валъ ширинки. Поѣхали въ церковь Успенія:

«Государь съ братьями и Вельможами, Елена въ
«однихъ саняхъ съ женою Тысяцкаго и съ дву-
«мя большими свахами; за нею шли нѣкоторые
«Бояре и чиновники; передъ нею несли свѣчи и
«корован. Женихъ стоялъ въ церкви на правой
«сторонѣ у столпа, невѣста на лѣвой. Они шли
«къ вѣнчанію по камкамъ и соболямъ. Знатнѣй-
«шая Боярыня держала скляницу съ виномъ
«Фряжскимъ: Митрополитъ подалъ ее Государю
«и Государынѣ: первый, выпивъ вино, растоп-
«талъ скляницу ногою. Когда священный об-
«рядъ совершился, новобрачные сѣли на двухъ
«красныхъ зголовьяхъ. Митрополитъ, Князья
«и Бояре поздравляли ихъ; нѣвче нѣли много-
«лѣтіе. Возвратились во дворецъ. Свѣчи съ ко-
«рочаями отнесли въ спальню, или въ *спѣнникъ*,
«и поставили въ кадъ пшеницы. Въ четырехъ
«углахъ спѣнника были воткнуты стрѣлы, лежали
«колячи съ соболями, у кровати два зголовья,
«двѣ шапки, одѣяло купье, шуба; на лавкахъ
«стояли оловяники съ медомъ; въ головахъ
«кроватьи икона Рождества Христова, Богома-
«тери и Крестъ Воздвизальный; на стѣнахъ так-
«же иконы Богоматери со младенцемъ; надъ
«дверью и надъ всѣми окнами, внутри и снару-
«жи, кресты. Постелю стлали на двадцати-семи
«ржаныхъ спонахъ. Великій Князь завтракалъ
«съ людьми ближними; ѣздилъ верхомъ по мо-
«настырямъ, и обѣдалъ со всѣмъ Дворомъ. Князь
«Юрій Іоанновичъ сидѣлъ опять на *большомъ мѣ-*
«*стѣ*, а Василій рядомъ съ Еленою; передъ ними

«поставили жаренаго пѣтуха: дружка взялъ сего, обвернулъ верхнею скатертью и отнесъ въ спальню, куда повели и Молодыхъ изъ за-стола. Въ дверяхъ знатнѣйшій Бояринъ *выдавалъ* Великую Княгиню «и говорилъ рѣчь. Жена Тысяцкаго, наедѣвъ двѣ шубы, одну наизворотъ, вторично осынала новорожденныхъ хмѣлемъ; «а дружки и свахи кормили ихъ пѣтухомъ. «Во всю ночь Конюшій Государевъ ѣздилъ «на жеребцѣ подъ окнами спальни съ обнаженнымъ мечемъ. На другой день супруги «ходили въ мыльню и ѣли кашу на постелѣ.» Легко угадать разумъ сихъ обрядовъ, безъ сомнѣнія весьма древнихъ, отчасти, можетъ быть, Славянскихъ, отчасти Скандинавскихъ: нѣкоторые образовали любовь, согласіе, чадородіе, богатство; другіе должны были удалять дѣйствіе злаго волшебства.

Василій, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Государями Европейскими, любилъ хвалиться ласкою, оказываемою ихъ Посламъ въ Россіи; но иноземцы жаловались на сей мпlostивый пріемъ, соединенный съ обрядами скучными и тягостными. Приближаясь къ границѣ, Посолъ давалъ о томъ знать Намѣстникамъ ближайшихъ городовъ. Ему предлагали множество вопросовъ: «изъ какой земли, отъ кого ѣдетъ? «знатный ли человекъ? какого имени зва-

Възль
чуже-
зем-
ныхъ
По-
словъ
въ Рос-
сію.

«нія? бывалъ ли прежде въ Россіи? говоритъ ли «нашимъ языкомъ? сколько съ нимъ людей, и «каквхъ?» О семъ немедленно доносили Великому Князю; а къ Послу высылали чиновника, который, встрѣтивъ его, не уступалъ ему дороги, и всегда требовалъ, чтобы онъ стоя выслушивалъ Государево привѣтствіе со всѣмъ Великокняжескимъ титуломъ, нѣсколько разъ повторяемымъ. Назначали дорогу и мѣста, гдѣ надлежало обѣдать, ночевать. Ъхали тихо, иногда не болѣе пятнадцати или дватцати верстъ въ день: ибо ждали отвѣта изъ Москвы. Иногда останавливались въ полѣ, не смотря на зимній морозъ; иногда худо ѣли. За то Приставъ терпѣливо сносилъ брань иноземцевъ. Наконецъ Государь высылалъ Дворянъ своихъ къ Послу: тутъ везли его уже скорѣе и лучше содержали. Встрѣча передъ Москвою была всегда пышная: являлось вдругъ нѣсколько чиновниковъ въ богатыхъ одеждахъ и съ отрядомъ конницы; говорили рѣчи, спрашивали о здоровьѣ, и проч. Дворъ Посольскій находился близъ Москвы-рѣки: большое зданіе со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жилъ въ семъ домѣ. Приставы служили гостямъ, непрестанно заглядывая въ росписъ, гдѣ было все исчислено, все измѣрено, что надлежало давать Посламъ Нѣмецкимъ, Литовскимъ, Азіатскимъ: сколько мясныхъ блюдъ, меду, луку, перцу, масла, даже дровъ ⁽⁴⁰⁴⁾. Между тѣмъ придворные чиновники ежедневно спрашивали у нихъ, довольны ли они

угощеніемъ? Не скоро назначался день представленія: ибо любили долго изготавляться къ оному. Послы сидѣли одни, не могли заводить знакомствъ, и скучали. Великій Князь къ сему дню, для ихъ торжественнаго вѣзда въ Кремль, обыкновенно дарилъ имъ коней съ богатыми сѣдлами.

Кромѣ зодчихъ, денежниковъ, литейщиковъ, находились у насъ тогда и другіе Иноземные художники и ремесленники въ Москвѣ. иноземные художники и ремесленники. Толмачъ Димитрій Герасимовъ, будучи въ Римѣ, показывалъ Историкъ Іовію портретъ Великаго Князя Василія, писанный безъ сомнѣнія не Русскимъ живописцемъ. Герберштейнъ упоминаетъ о Нѣмецкомъ слесарѣ въ Москвѣ, женатомъ на Россіянкѣ (105). Искусства Европейскія съ удивительною легкостію переселялись къ намъ: ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію истинно великаго ума, длительно старались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушныя волѣ Государей, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственности не Вѣръ и не языковъ, а челоуѣчества; мы хвалились исключительнымъ Православіемъ и любили святыню древнихъ правовъ, но въ то же время отдавали справедливость разуму, художеству Западныхъ Европейцевъ, которые находили въ Мо-

сквѣ гостепріимство, мирную жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу : «хорошее отъ всякаго хорошо,» и никогда не была вторымъ Китаемъ въ отношеніи къ иностранцамъ.

Словес-
ность.

Языкъ нашъ, то есть, Славянской, былъ въ сіе время пзвѣстенъ отъ Каменнаго Пояса до Адриатическаго моря, Воспора Оракійскаго и Ила : имъ говорили при Дворѣ Турецкаго и Египетскаго Султановъ, жены ихъ, Репегаты, Мамелюки ⁽¹⁰⁶⁾. Мы имѣли въ переводахъ сочиненія Св. Амвросія, Августина, Іеронима, Григорія, Історію Римскихъ Императоровъ (вѣроятно, Светову), Марка Антонія и Клеопатры ⁽¹⁰⁷⁾; но Іовій укоряетъ насъ совершеннымъ невѣжествомъ въ Наукахъ : въ Философіи, Астрономіи, Физикѣ, Медицинѣ, сказывая, что мы именуемъ лекаремъ всякаго, кто знаетъ нѣкоторыя цѣлебныя свойства растѣній. Ускѣли Словесности примѣчались въ чистѣйшемъ слоgѣ лѣтонисей, пастырскихъ духовныхъ посланій, святыхъ житій, и проч. Старецъ, Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ, могъ назваться Демосоепомъ сего времени, если истинное краснорѣчіе состоитъ въ сильномъ выраженіи мыслей и чувствъ : славное посланіе его къ Іоанну уже извѣстно Чичагелю ⁽¹⁰⁸⁾. Житіе Св. Данила Перея-

славскаго писано не безъ искусства, умно и пріятно (⁴⁰⁹). Особевнаго замѣчанія достойны два Слова : первое о рожденіи Царя Іоанна, второе похвальное Василію ; въ томъ и въ другомъ есть прекрасныя мѣста ; выпишемъ нѣкоторыя :

«Кто повѣдастъ силу Господню и всѣ чудеса
«Его? Во дни наши совершилось дѣло Небесной
«любви, коего примѣры видѣли мы въ Вѣтхомъ
«и Новомъ Завѣтѣ: молитва отверзаетъ ложесна
«неплодныя! Господь милостію утѣшаетъ лю-
«дей Своихъ въ отчаяніи: ибо славный и вели-
«кій во Царяхъ не скудѣетъ въ Вѣрѣ, припадая
«ко Всевышнему; уже вступаетъ въ шестое де-
«сятилѣтіе жизни, и еще надѣется благословить
«чадо милое, возжелѣнное не только родителю,
«но и всей Державѣ Христіанской: она требуетъ
«Пастыря для дней будущихъ. Слышитъ Го-
«сподь молитву и долго не исполняетъ, да болѣе
«и болѣе разгорается усердіемъ сердце Держав-
«наго. О диво! Монархъ оставляетъ престолъ и
«величіе, идетъ съ жезломъ какъ бѣдный стран-
«никъ въ Обители дальнія, смиренный видомъ
«и душею: се Царскія стопы его изображаются
«на пескахъ дикой пустыни! За нимъ добродѣ-
«тельная, премудрая Царица, ему подобная. Оба
«исполнены смиренія и надежды; оба вѣдаютъ,
«что *вѣра возмощаетъ и надежда не посрамитъ.*
«И бысть! лобызаемъ наследника Державы! . . .
«Когда бы Всевышній даровалъ Василію дочь,
«и тогда бы сердце родителя возвеселилось, но
«едино: Господь даруетъ ему сына, да веселится

«я блаженствуетъ съ нимъ вся Россія!» — Въ похвальномъ Словѣ Василию такъ описаны дѣла и свойства его : «Сей Государь *добръ правилъ хо- ругвями* отечества, твердо укорененнаго Богомъ , подобно вѣковому древу ; всегда благо-«словляемый успѣхомъ , всегда спасаемый отъ «враговъ видимыхъ и невидимыхъ , покорялъ «страны мечемъ и миромъ , а въ своей наблю-«далъ правду, не усыная ни умомъ, ни сердцемъ; «бодрствовалъ надъ душами, питалъ въ нихъ «добродѣтель, гналъ злобу, да не погрязнетъ «корабль великой Державы его въ волнахъ без-«законія! Душа Царева свѣтилась яко зеркало, «блистая въ лучахъ Божественной премудрости. «Мы знаемъ, что Государь естествомъ тѣлес-«нымъ равенъ всеѣмъ людямъ ; но властію не «подобенъ ли Богу единому? Непривступенъ во «славѣ земнаго Царствія : но есть вышнее , не-«бесное , для коего онъ долженъ быть присту-«пенъ и спусходителенъ къ людямъ. Тѣлу дано «око, а міру Царь, да промышляетъ о благѣ его. «Царь истинный царствуетъ надъ страстями, въ «вѣницѣ святаго цѣломудрія , въ порфирѣ закона «в правды. Таковъ былъ Великій Князь Василий, «правитель *велеумный* , наказатель добродѣтель-«ный , истинный коричій, образъ благости, «столиъ твердости и терпѣнія; защитникъ Госу-«дарства , отецъ Вельможъ и народа , мудрый «соглагольникъ Духовенства ; высокій житіемъ «на престолѣ , смиренный сердцемъ яко въ пе-«щерѣ , кротокъ взоромъ , почтенъ Божією бла-

«гостію; всѣхъ любилъ и любилъ всѣми: ближ-
 «ніе и дальніе принадали къ нему, отъ Синая и
 «Палестины, отъ Италіи и Антиохіи, да узрять
 «лице его, да услышатъ слово. Кто опишетъ его
 «достоинства? Какъ Саламандръ, по сказанію
 «Богослова, среди огня не сгараеть; какъ свѣт-
 «лая рѣка, именуемая Каѳосъ, течеть сквозь
 «море и не теряетъ сладости водъ своихъ: такъ
 «огнь страстей человѣческихъ, такъ бурное жи-
 «тейское море не повредило душѣ Василя: она
 «чистою, благою воспарила отъ земли на небо.
 «Однимъ словомъ, сей Великій Князь въ житіи
 «богомудромъ уподоблялся Димитрію Іоанно-
 «вичу Донскому.» (110). — Мы предложили здѣсь
 Читателю не точныя слова, но точныя мысли
 Авторевъ: слова принадлежатъ вѣку, а мысли
 вѣкамъ.

Судя по слогу, можемъ отнести къ сему вре-
 мени сочиненіе двухъ Русскихъ сказокъ: о куп-
 цѣ Кіевскомъ и Дракулѣ, Мутьлинскомъ Воеводѣ.
 Въ первой описывается мучитель, именемъ
 Сміянъ гордый, Владѣтель неизвѣстной примор-
 ской страны, гибельной для всѣхъ плователей,
 которые искали тамъ убѣжища отъ бурь, и не
 умѣли отгадать Царскихъ загадокъ: имъ надле-
 жало отвергнуться Христа или умереть. Сынъ
 путешествующаго Кіевлянина, Борзосмыслъ,
 юный отрокъ, вдохновенный небесною мудро-
 стію, какъ новый Эдипъ рѣшитъ всѣ хитрыя
 задачи Сміяна, отсѣкаетъ ему голову въ при-
 сутствіи народа, садится на тронъ, проновѣ-

дуетъ Вѣру Христову, илѣняетъ гражданъ, остается у нихъ Царемъ и жепится на Сміяновой дочеря (⁴¹¹). Вотъ содержаніе. Красотъ нѣтъ, талантъ мало, остроуміа также; разсказъ довольно складенъ. — Вторая повѣсть любопытнѣе. Дракула, хищникъ Мутьянской или Волотской Державы (о коемъ упоминается въ Византійской Исторіи Дуки около 1430 года) представленъ гонителемъ всякой неправды, обмановъ, воровства, и свирѣпымъ кровопійцею. Никто въ землѣ Волонской не дерзаетъ взять чужаго, ни обидѣть слабаго. Испытывая народъ, онъ поставилъ золотую чару у колодезя отдаленнаго отъ домовъ: мимоходящіе пили воду и не трогали богатаго сосуда. Искоренивъ злодѣевъ, сей Воевода казнилъ и за самыя легкія вѣны. Не только жена вѣроломная, любострастная, но и лѣнивая, у которой въ домѣ было не чисто или мужъ не имѣлъ хорошаго бѣлья, лишалась жизни. На площади, вмѣсто украшеній, висѣли труны. Однажды пришли къ нему два Монаха изъ Венгріи: Дракула желалъ знать ихъ мысли о себѣ. «Ты хочешь быть правосуднымъ» — отвѣчалъ старѣйшій изъ нихъ — «но дѣлаешься «тираномъ, наказывая тѣхъ, коихъ должны наказывать единственно Богъ и совѣсть, а не законъ гражданскій.» Другой хвалилъ тирана, какъ исполнителя судовъ Божественныхъ. Велѣвъ умертвить перваго Монаха, Дракула отпустилъ его товарища съ дарами, и наконецъ увѣщивалъ свои подвиги сожженіемъ всѣхъ бѣдъ

ныхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ въ землѣ Волошеской, разсуждая : «начто жить людямъ, «живущимъ въ тягость себѣ и другимъ?» Авторъ могъ бы заключить сію сказку прекраснымъ нравоученіемъ, но не сдѣлалъ того, оставляя читателямъ судить о Философѣ Дракулы, который лечилъ подданныхъ отъ злодѣйства, пороковъ, слабостей, нищеты и болѣзней однимъ лекарствомъ : смертію! — Замѣтимъ, что древніе Русскіе писцы имѣли болѣе гордости, нежели Писатели : первые почти всегда означали имя свое въ концѣ переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь такимъ образомъ отъ хвалы и критики : знаемъ творенія, не зная творцевъ. По крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши занимались не только историческими или Богословскими сочиненіями, но и романами; любили произведеніе остроумія и воображенія.

Въ окончаніи сей статьи предложимъ нѣкоторыя извѣстія изъ Герберштейновой книги о сосѣдственныхъ съ Россіею земляхъ, восточныхъ и сѣверныхъ. Ногайскіе Татары, кочуя близъ моря Каспійскаго, раздѣлились въ Василіево время на три Улуса, принадлежащіе тремъ Князьямъ братьямъ : Шидаку, Кошуму и Шпгъ-Мамаю; первый жилъ въ городѣ Сарайчикѣ на Япкѣ; второй повелѣвалъ всею землею

Налѣ-
стія о
Восто-
кѣ и Сѣ-
верѣ
Россіи.

между Кумою, Яикомъ и Волгою; третій господствовалъ надъ частию Сибири. Въ двадцати дняхъ пути отъ Шидаковыхъ владѣній, къ Востоку, обитали Юргенскіе или Хивинскіе Татары, повинаясь Баракъ-Солтану, брату сосѣдственнаго Хава Китайскаго или Киргизъ-Кайсакскаго, Бебейда. За Вяткою и Пермью жили въ лѣсахъ Тюменскіе и Шибанскіе Моголы; первыхъ считалось не болѣе десяти тысячъ. За Волгою находился еще Улусы Калмыковъ: сіе имя даю имъ для того, что они не стригли волосъ на головѣ, какъ другіе Моголы. Астрахань, знатнѣйшій базаръ Татарскій, славилась богатствомъ, а Шамаха, уже подвластная тогда Персіи, своими прекрасными шелковыми тканями. На Дону, въ двѣнадцать миль отъ Азова, былъ городъ *Ахасъ* (гдѣ нынѣ Старый Черкасскъ) изобильный плодами, рыбою, дичью, веселый мѣстоположеніемъ, окруженный садами природными, богатый всѣмъ, что нужно человѣку для самой роскошной жизни. Говори: «имѣй только огонь и соль: все прочее найдешь въ Ахасѣ!» — На восточномъ берегу Чернаго моря жили Авхасы; далѣе въ горахъ вольные Черкесы, не подвластные ни Туркамъ, ни Татарамъ, ужасные разбойники; текущими изъ горъ рѣками выплывая на лодкахъ въ море, они грабили суда купеческія; исповѣдывали Христіанскую Греческую Вѣру, употребляли въ Богослуженіи языкъ Славянскій, впрочемъ мало думали о Законѣ ⁽⁴¹²⁾. — Близъ устья рѣки Фазиса, или Ріона, показы-

вали островъ , гдѣ будто бы стоялъ корабль Язоновъ.

Описывал наружность Татаръ , Герберштейнъ сказываетъ , что они были средняго роста , черноволосые , широколицые съ маленькими , впадыми глазами , и что знатнѣйшіе носили длинные плетенки или косы : въ семъ изображеніи еще узнаемъ истинныхъ Моголовъ , пивѣвшихъ Калмыковъ и Киргизовъ. Сему же Писателю обязаны мы изъясненіемъ достоинствъ и чиновъ Татарскихъ. Солтанами назывались сыновья Ханскіе , Уланами главнѣйшіе по Хану сановники , Бейми Князья , ихъ дѣти Мурзами , Первосвященники (Магометова рода) Сейтами ⁽⁴¹³⁾.

Сѣверъ Россіи былъ еще предметомъ баснословія для самыхъ Москвитянъ. Увѣряли , что тамъ , на берегахъ Океана , въ горахъ , пылаетъ неугасимый огонь Чистилища ; что въ Лукоморьѣ есть люди , которые ежегодно 27 Ноября , въ день Св. Георгія , умираютъ , а 21 Апрѣля оживаютъ снова ; что они передъ смертію сносятъ товары свои въ одно мѣсто , гдѣ сосѣди , въ теченіе зимы , могутъ брать оныя , за всякую вещь оставляя должную плату и не смѣя обманывать : ибо мертвецы , воскресавъ весною , рассчитываются съ ними и всегда наказываютъ безсовѣстныхъ ; что тамъ есть и другіе чудесные люди , покрытые звѣриною шерстью , съ собачьими головами , съ лицомъ на груди , съ длинными руками , но безпогіе ; есть рыбы человѣкообразныя , но только иѣмыя , и проч. Сіи басни пи-

тали любопытство грубыхъ умовъ. Однакожь Москвитяне уже знали имена всѣхъ главныхъ рѣкъ Западной Сибири. Они сказывали, что Обь вытекаетъ изъ озера (Телейскаго); что за сею рѣкою и за Иртышемъ находятся два города, *Серпоновъ* и *Грустина*, коихъ жители получаютъ жемчугъ и драгоценныя камни отъ черныхъ людей, обитающихъ близъ озера Кптая. Мы обязаны были симъ свѣдѣніямъ господству Великихъ Князей надъ землею Пермскою и Югорскою. Лапландія также платила намъ дань. Дикіе жители ея приходили иногда въ сосѣдственныя Россійскія области, начинали заимствовать нѣкоторыя гражданскія обыкновенія и ласково угощали купцовъ иноземныхъ, которые привозили къ нимъ вещи нужныя для хозяйства ⁽¹¹⁴⁾.

Вообще Герберштейново описаніе Россіи есть важное твореніе для нашей Исторіи XVI вѣка, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМЪ VII.

ГЛАВА I.

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЬ.

Г. 1303—1309.

Стр.

Тѣсное заключеніе и смерть Іоаннова внука, Дмитрія. Общій характеръ Василенова правленія. Посольство въ Тавриду. Царевичъ Казанскій принимаетъ Вѣру нашу и женится на сестрѣ Великаго Князя. Походъ на Казань. Дѣла Литовскія. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наследникомъ. Миръ. Союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Освобожденіе Летифа. Неудовольствія нашего Посла въ Тавридѣ. Мирный договоръ съ Ливоніею. Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности . / . . . .

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЕВА.

Г. 1310—1321.

Влашныя досады Василіевы и Сигизмундовы. Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву. Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву. Раскаяніе Магметъ-Аминя. Разрывъ съ Менгли-Гирсємъ. Набѣги Крымцевъ. Война съ Литвою. Союзъ съ Императоромъ Максимиліаномъ. Мирный договоръ съ Ганзою. Посольство Турецкое. Взятіе Смоленска. Измѣна Глинскаго. Битва Оршинская. Измѣна Епископа Смоленскаго. Приступъ Острожскаго къ Смоленску. Набѣгъ Крымцевъ. Вторичное Посольство къ Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство отъ новаго Хава, Магметъ-Гирея, и наше къ нему. Болѣзнь и Посольство Царя Казанскаго. Впаденіе Крымцевъ. Союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Шведскимъ Орденомъ. Посольство Императора Максимиліана. Послы Литовскіе. Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ. Переговоры о мирѣ. Посольство къ Максимиліану. Новые Послы отъ Императора. Смерть Летифа. Возобновленіе союза съ Крымомъ. Смерть Магметъ-Аминя. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани. Крымцы опустошаютъ Литву. Посольство къ Султану. Сношенія съ Магистромъ и съ Папою. Магистръ въ войнѣ съ Польшею. Походъ Воеводъ на Литву. Слабость Шм. Ордена. Посольство къ

Султану. Бунтъ въ Казани. Нападеніе Магметъ-Гирей на Россію. Хабаръ Симскій. Судъ Воеводъ. Станъ подъ Коломною. Посолъ Солимановъ. Посольство Литовское и перемиріе. Конецъ Пѣмецкаго Ордена въ Пруссіи. Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ	48

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЕВА.

Г. 1521—1534.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина. Ханъ Крымскій взялъ Астрахань. Злодѣйства въ Казани. Бѣдствіе Крыма. Ханъ Сайдеть-Гирей. Походы на Казань. Постриженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сношенія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Густавомъ Вазою. Посольства Солимановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рать на Казань. Новый Царь въ Казани. Заточеніе Шигъ-Алея. Рожденіе Царя Іоанна Василіевича. Посольства Астраханскія, Молдавскія, Погайское, Пидѣйское. Набѣгъ Крымцевъ Водвѣнь и кончина Великаго Князя. Характеръ Василіевъ. Строгость и милость. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Великаго Князя. Образъ жизни Василія, охота, Дворъ, обѣды, титулъ. Иноземцы въ Москвѣ. Законы. Строенія. Церковныя дѣянія. Разныя бѣдствія Великіе современники Василіевы. Расколъ Лютеровъ.	121

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССИИ.

Г. 1462—1533.

Правленіе. Войско. Правосудіе. Торговая. Деньги.	
Бережливость Государей. Дороги и почта. Мос-	
сква. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадь-	
ба. Въѣздъ Пословъ. Пноземцы. Словесность.	
Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.	200

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ . VIII.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАНО

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

ГЛАВА I.

Великій Князь и Царь Іоаннъ IV^ъ
Василіевичъ II.

Г. 1533—1538.

Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна. Составъ Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинскій и Телешевъ. Присяга Іоанну. Заключение Князя Юрія Іоанновича. Общій страхъ. Измѣна К. Симеона Бѣльскаго и Ляцкого. Заключение и смерть Мих. Глинскаго. Смерть Князя Юрія. Бѣгство, умыселъ и заключение К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла вишнихъ. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. Посланникъ Турецкій. Астрахань. Дѣла Ногайскія. Посольство къ Карлу V. Присяга Казанцевъ. Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ. Нападеніе Крымцевъ. Война съ Литвою. Цесарь господствуетъ въ Тавридѣ. Строеніе крѣпостей въ Литвѣ. Набѣгъ Крымцевъ. Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ. Мята въ Казани. Шигъ-Алей въ милости. Война съ Казанью. Побѣда надъ Литвою.

Крѣпости на Литовской границѣ. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Пелага. Угрозы Саишь-Гирея. Строевіе Китая-города и новыхъ крѣпостей. Перемиѣна въ цѣны монеты. Общая нелюбовь къ Еленѣ. Кончина Правительницы.

г. 1333.
Безпо-
койство
Рос-
сины
о малолѣтствѣ
Госуда-
ра.

Не только искренняя любовь къ Василию производила общее сѣтованіе о безвременной кончинѣ его; но и страхъ, что будетъ съ Государствомъ? волновалъ души. Никогда Россія не имѣла столь малолѣтнаго Властителя; никогда — если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила государственнаго въ рукахъ юной жены и чужеземки, Литовскаго, ненавистнаго рода. На тронѣ не бываетъ предателей: опасался Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, пристрастія къ Глинскимъ, коихъ имя напоминало измѣну. Хотя лесть придворная славилъ добродѣтели Великой Княгини, ея боголюбіе, милость, справедливость, мужество сердца, проищаніе ума и явное сходство съ безсмертною супругою Игоря (¹); но благоразумные уже и тогда умѣли отличать языкъ Двора и лести отъ языка истины: знали, что добродѣтель Царская, трудная и для мужа съ крѣпкими мышцами, еще гораздо труднѣе для юной, пѣжной, чувствительной жены, болѣе подверженной дѣйствию слѣпыхъ, пылкихъ страстей. Еле-

на опиралась на Думу Боярскую: тамъ заседали опытные Совѣтники Трона; но Совѣтъ безъ Государя есть какъ тѣло безъ главы: кому управлять его движеніемъ, сравнивать и рѣшить мѣнія, обуздывать самолюбіе лицъ пользою общою? Братья Государевы и двадцать Бояръ знаменитыхъ составляли сію верховную Думу: Князья Бѣльскіе, Шуйскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Горбатый, Пеньковъ, Кубенскій, Барбашинъ, Микулинскій, Ростовскій, Бутурлинъ, Воронцовъ, Захарьинъ, Морозовы; но нѣкоторые изъ нихъ, будучи областными Намѣстниками, жили въ другихъ городахъ, и не присутствовали въ оной ⁽²⁾. Два человека казались важнѣе всѣхъ прочихъ по ихъ особенному вліянію на умъ Правительницы: старецъ Михаилъ Глинскій, ея дядя, честолюбивый, смѣлый, самимъ Василиемъ назначенный быть ей главнымъ совѣтникомъ ⁽³⁾, и Колюшій Бояринъ, Князь Иванъ Ѳедоровичъ Овчина-Телешевъ-Оболенскій, юный дѣтми и подозрѣваемый въ сердечной связи съ Еленою ⁽⁴⁾. Полагали, что сіи два Вельможи, въ согласіи между собою, будутъ законодателями Думы, которая рѣшила дѣла вѣншія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія именемъ Великаго Князя и его матерей ⁽⁵⁾.

Составъ
Государственной
Думы.

Главныи
е Вельможи
Глинскій и
Телешевъ.

Первымъ дѣйствіемъ новаго Правленія было торжественное собраніе Духовенства; Прися-

га Ио-
анну.

Вельможъ и народа въ храмѣ Успенскомъ, гдѣ Митрополитъ благословилъ Державнаго младенца властвовать надъ Россіею и давать отчетъ единому Богу. Вельможи поднесли Іоанну дары, послали чиповниковъ во все предѣлы Государства извѣстить гражданъ о кончинѣ Василія, и клятвеннымъ обѣтомъ утвердить ихъ въ вѣрности къ Іоанну (6).

Заклю-
ченіе
Князя
Юрія
Іоанно-
вича.

Едва минула пелѣли въ страхъ и валеж-
дѣ, вселяемыхъ въ умы государственными
перемѣнами, когда столица была поражена
несчастною судьбою Князя Юрія Іоаннови-
ча Дмитровскаго, старшаго дяди Государе-
ва, или оклеветаннаго или дѣйствительно
уличеннаго къ тайныхъ видахъ незакон-
наго властолюбія: пбо сказанія Лѣтопис-
цевъ несогласны. Пишутъ, что Князь Ан-
дрей Шуйскій, сидѣвъ прежде въ темницѣ
за побѣгъ отъ Государя въ Дмитровъ, былъ
милостиво освобожденъ вдовствующею Ве-
ликою Княгинею, но вздумалъ измѣнить ей,
возвести Юрія на престолъ, и въ семъ на-
мѣреніи открылся Князю Борису Горбато-
му, усердному Вельможѣ, который съ гнѣ-
вомъ изобразилъ ему всю гнусность такой
измѣны. Шуйскій увидѣлъ свою неосто-
рожность, и боясь доноса, рѣшился при-
бѣгнуть къ безстыдной лжи: объявилъ Еле-
нѣ, что Юрій тайно подговариваетъ къ се-
бѣ знатныхъ чиповниковъ, его самого и

Князя Бориса , готоваго немедленно уѣхать въ Дмитровъ. Князь Борисъ доказалъ клевету и замысль Шуйскаго возмутить спокойствіе Государства: первому изъявили благодарность, а втораго посадили въ башню. Но Бояре , излишно осторожныя, представили Великой Княгинѣ, что если она хочетъ мирно царствовать съ сыномъ, то должна заключить и Юрія , властолюбиваго, привѣтливаго, любимаго многими людьми и весьма опаснаго для Государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала имъ: «вы видите мою горестъ: дѣлайте, что надобно для пользы Государства.» Между тѣмъ нѣкоторые изъ вѣрныхъ слугъ Юріевыхъ, свѣдавъ о намѣреніи Бояръ Московскихъ, убѣждали Князя своего, совершенно невиннаго и спокойнаго, удалиться въ Дмитровъ. «Тамъ» — говорили они — «никто не посмѣетъ косо взглянуть на тебя; а здѣсь не минуешь бѣды.» Юрій съ твердостію отвѣтствовалъ: «Я пріѣхалъ въ Москву закрыть глаза Государю брату и клялся въ вѣрности къ моему племяннику; не преступлю цѣлованія крестнаго и готовъ умереть въ своей правдѣ (7).»

Но другое преданіе обвиняетъ Юрія , оправдывая Боярскую Думу. Увѣряютъ, что онъ дѣйствительно чрезъ Дьяка своего, Тишкова, подговаривалъ Князя Андрея Шуйскаго вступить къ нему въ службу. «Гдѣ же совѣсть?» сказалъ Шуйскій: «вчера Князь вашъ цѣловалъ крестъ Государю Іоанну, а нынѣ манитъ къ себѣ его слугъ.»

Дьякъ изъяснилъ , что сія клятва была невольная и незаконная ; что Бояре , взявъ ее съ Юрія , сами не дали ему никакой , вопреки уставу о присягахъ взаимныхъ . Шуйскій извѣстилъ о томъ Князя Бориса Горбатаго , Князь Борисъ Думу , а Дума Елену , которая велѣла Боярамъ дѣйствовать согласно съ ихъ обязанностію (8).

Замѣтимъ , что *первое* сказаніе вѣроятнѣе : ибо Князь Андрей Шуйскій во все правленіе Елены сидѣлъ въ темницѣ (9). Какъ бы то ни было , 11 Декабря взяли Юрія , вмѣстѣ со всѣми его Боярами , подъ стражу и заключили въ той самой палатѣ , гдѣ кончилъ жизнь юный Великій Князь Димитрій . Предзнаменованіе бѣдственное! ему надлежало исполниться.

Общая
строка.

Такое начало Правленія свидѣтельствовало грозную его рѣшительность. Жалѣли о несчастномъ Юріи ; боялись тиранства : а какъ Іоаннъ былъ единственно именемъ Государь , и самая Правительница дѣйствовала по внушеніямъ Совѣта , то Россія видѣла себя подъ жезломъ возникающей Олигархіи , которой мучительство есть самое опасное и самое несчастное . Легче укрыться отъ одного , нежели отъ двадцати гонителей . Самодержецъ гнѣвный уподобляется раздраженному Божеству , предъ Кѣмъ надобно только смиряться ; но многочисленныя тираны не имѣютъ сей выгоды въ гла-

захъ народа : онъ видитъ въ нихъ людей ему подобныхъ , и тѣмъ болѣе ненавидитъ злоупотребленіе власти. Говорили , что Бояре хотѣли погубить Юрія , въ надеждѣ своевольствовать , ко вреду отечества ⁽¹⁰⁾ ; что другіе родственники Государевы должны ожидать такой же участи — и сіи мысли , естественнымъ образомъ представляясь уму , сильно дѣйствовали не только на Юріева меньшаго брата , Андрея , но и на ихъ племянниковъ , Князей Бѣльскихъ , столь ласково порученныхъ Васиіемъ Боярамъ въ послѣднія минуты его жизни. Князь Симеонъ Ѳеодоровичъ Бѣльскій и знатный Окольный Иванъ Лятцкій , родомъ изъ Пруссіи , мужъ опытный въ дѣлахъ воинскихъ , готовили полки въ Серпуховѣ на случай войны съ Литвою : недовольные Правительствомъ , они сказали себѣ , что Россія не есть ихъ отечество ⁽¹¹⁾ , тайно снеслись съ Королемъ Сигизмундомъ и бѣжали въ Литву. Сія неожиданная измѣна удивила Дворъ , и новыя жестокости были ея слѣдствіемъ. Князь Иванъ Бѣльскій , главный изъ Воеводъ и Членъ Верховнаго Совѣта , находился тогда въ Коломнѣ , учреждая станъ для войска : его и Князя Воротынского съ юными сыновьями взяли , оковали цѣпями , заточили какъ единомышленниковъ Симеоновыхъ и Лятцаго , безъ уликъ , по крайней мѣрѣ безъ суда

Помѣна
Князя
Симео-
на
Бѣль-
скаго и
Лятц-
каго.

г. 1534.

Заклю-
ченіе и
смерть
Михаи-
ла Глин-
скаго.

торжественнаго ; но старшаго изъ Бѣль-
скихъ , Князя Димитрія , также Думнаго
Боярина , оставили въ покоѣ какъ невинна-
го. — Дотогѣ считали Михаила Глинскаго
душею и вождемъ Совѣта : съ изумленіемъ
узнали , что онъ не могъ ни губить дру-
гихъ , ни спасти самого себя. Сей человекъ
имѣлъ великодушіе , и бѣдственнымъ кон-
цемъ своимъ оправдалъ довѣренность къ
нему Василіеву. Съ прискорбіемъ видя не-
скромную слабость Елены къ Князю Ивану
Телепневу-Оболенскому , который , владѣя
сердцемъ ея , хотѣлъ управлять и Думою и
Государствомъ , Михаилъ , какъ пишутъ ,
смѣло и твердо говорилъ племянницѣ о
стыдѣ разрата , всегда гнуснаго , еще гнус-
нѣйшаго на тронѣ , гдѣ народъ ищетъ до-
бродѣтели , оправдывающей власть Само-
державную. Его не слушали , возненавидѣли
и погубили. Телепневъ предложилъ : Елена
согласилась , и Глинскій , обвиняемый въ
мнимомъ , цѣлѣномъ замыслѣ овладѣть Го-
сударствомъ , вмѣстѣ съ ближнимъ Бояри-
номъ и другомъ Василіевымъ , Михайломъ
Семеновичемъ Воронцовымъ , безъ сомнѣ-
нія также добродѣтельнымъ , былъ лишенъ
вольности , а скоро и жизни , въ той самой
темницѣ , гдѣ онъ сидѣлъ прежде ⁽¹²⁾ : мужъ
знаменитый въ Европѣ умомъ и пылкими
страстями , счастіемъ и бѣдствіемъ , Вель-
можа и предатель двухъ Государствъ , по-

милованный Василиемъ для Елены и замученный Еленою, достойный гибели измѣнника, достойный и славы великодушнаго страдальца въ одной и той же темницѣ! Глинскаго схоронили, безъ всякой чести, въ церкви Св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынулъ изъ земли и отвезли въ монастырь Троицкій, изготовивъ тамъ пристойнѣйшую могилу для Государева дѣда; но Воронцовъ, только удаленный отъ Двора, переживъ своихъ гонителей, Елену и Князя Ивана Телепнева: бывъ Намѣстникомъ Новгородскимъ, онъ умеръ уже въ 1539 году съ достоинствомъ Думнаго Боярина (13).

Еще младшій для Государевъ, Князь Андрей Иоанновичъ, будучи слабаго характера и не имѣя никакихъ свойствъ блестящихъ, пользовался наружными знаками уваженія при Дворѣ и въ Совѣтѣ Боярѣ, которые въ сношеніяхъ съ иными Державами давали ему имя перваго попечителя Государственнаго (14); но въ самомъ дѣлѣ онъ ни мало не участвовалъ въ правленіи; оплакивалъ судьбу брата, трепеталъ за себя и колебался въ нерѣшимости: то хотѣлъ милостей отъ Двора, то являлъ себя нескромнымъ его хулителемъ, слѣдуя внушеніямъ своихъ любимцевъ. Черезъ шесть недѣль по кончинѣ Великаго Князя, находясь еще въ Москвѣ, онъ смиренно билъ челомъ Еленѣ о прибавленіи новыхъ областей къ его Удѣлу: ему отказали, но, согласно съ древнимъ обычаемъ, дали, въ память усопшаго, множество драгоценныхъ сосудовъ, шубъ, ко-

ней съ богатыми сѣдлами. Андрей уѣхалъ въ Старицу, жалуясь на Правительницу. Вѣстовицки и паушники не дремали: одни сказывали сему Князю, что для него уже готовятъ темницу; другіе доносили Еленѣ, что Андрей злословить ее. Были разныя объясненія, для конхъ Бояринъ, Князь Иванъ Шуйскій, ѣздилъ въ Старицу и самъ Андрей въ Москву: увѣряли другъ друга въ любви, и съ обѣихъ сторонъ не вѣрвали словамъ, хотя Митрополитъ ручался за истину оныхъ. Елена желала знать, кто ссоритъ ее съ деверемъ? онъ не именовать никого, отвѣтствуя: «мнѣ самому такъ казалось!» Разстались ласково, но безъ некрещнаго примиренія.

г. 1536.
Смерть
Князя
Юрія.

Въ сіе время — 26 Августа, 1536 года — Князь Юрій Іоанновичъ умеръ въ темницѣ *отъ голода*, какъ пишутъ ⁽¹⁵⁾. Андрей былъ въ ужасѣ. Правительница звала его въ Москву на совѣтъ о дѣлахъ виѣшней политики: онъ сказался больнымъ и требовалъ врача. Извѣстный лекаръ Теофилъ не нашелъ въ немъ никакой важной болѣзни ⁽¹⁶⁾. Елену тайно извѣстили, что Андрей не смѣетъ ѣхать въ столицу и думаетъ бѣжать. Между тѣмъ сей несчастный писалъ къ ней: «Въ болѣзни и тоскѣ я отбылъ ума и мысли. Согреѣй во мнѣ сердце милостію. «Не уже ли велитъ Государь влечить меня «отсюда на посилахъ?» Елена послала Кру-

тивцаго Владыку Доспоея, вывести его изъ неосновательнаго страха, или, въ случаѣ г. 1537. злаго намѣренія, объявить ему клятву церковную. Тогда же Бояринъ Андреевъ, отправленный имъ въ Москву, былъ задержанъ на пути, и Князя Оболенскіе, Никита Хромый съ Коношинымъ Телепневымъ, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили въ Волокъ, чтобы гнаться за бѣглецомъ, если Доспоеевы увѣщанія останутся безплодными. Андрею сказали, что Оболенскіе плутъ схватить его: онъ немедленно выѣхалъ изъ Старицы съ женою и съ юнымъ сыномъ; остановился въ шестидесяти верстахъ, думалъ и рѣшился — быть преступникомъ: собрать войско, овладѣть Новымъ городомъ и всею Россією, буде возможно; послалъ грамоты къ областнымъ Дѣтямъ Боярскимъ и писалъ къ нимъ: «Великій Князь младенецъ; вы служите только Боярамъ. Идите ко мнѣ: я готовъ васъ жаловать.» Многіе изъ нихъ дѣйствительно явились къ нему съ усердіемъ; другіе представили мятежныя грамоты въ Государственную Думу. Надлежало взять сильныя мѣры: Князь Никита Оболенскій спѣшилъ защитить Новгородъ, а Князь Иванъ Телепневъ шелъ съ дружиною въ слѣдъ за Андреемъ, который, оставивъ большую дорогу, поворотилъ влѣво къ Старой Русѣ. Князь Иванъ настигъ его въ Тюхоль:

Б ѣ г.
ство,
умы-
селъ и
заклю-
ченіе
Князя
Андрея
Юанво-
вича.

устроилъ воиновъ, распустилъ знамя и хотѣлъ начать битву. Андрей также вывелъ свою дружину, обнаживъ мечъ; но колебался и вступилъ въ переговоры, требуя клятвы отъ Телепнева, что Государь и Елена не будутъ ему мстить. Телепневъ далъ сію клятву, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Великая Княгиня, по словамъ Лѣтописца, изъявила гнѣвъ своему любимцу, который будто бы самъ собою, безъ вѣдома Государева, увѣрилъ мятежника въ безопасности, и велѣла Андрея оковать, заключить въ тѣсной палатѣ; къ Княгинѣ его и сыну приставили стражу; Бояръ его, совѣтниковъ, вѣрныхъ слугъ пытали, не смотри на ихъ знатный Княжескій санъ: нѣкоторые умерли въ мукахъ, иные въ темницахъ; а Дѣтей Боярскихъ, взявшихъ сторону Андрееву, числомъ тридцать, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ Новгородской, въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго. — Андрей имѣлъ участь брата: умеръ насильственною смертію чрезъ шесть мѣсяцевъ, и, подобно ему, былъ съ честію погребенъ въ церкви Архангела Михаила. Опъ конечно заслуживалъ наказаніе, ибо дѣйствительно замышлялъ бунтъ; но казни тайныя всегда доказываютъ малодушную злобу, всегда беззаконны, и при творный гнѣвъ Елены на Князя Телепнева не могъ оправдать вѣроломства.

Кзнь
Бояръ
и Дѣ-
тей
Бояр-
скихъ.

Смерть
Князя
Андрея.

Такимъ образомъ въ четыре года Елени-
на правленія импемъ юнаго Великаго Кня-
зя умертвили двухъ единоутробныхъ брать-
евъ его отца и дядю матери, брата внучат-
наго ввергнули въ темницу, обезчестили
множество знатныхъ родовъ торговою каз-
нью Андреевыхъ Бояръ, между коими нахо-
дились Князья Оболенскіе, Пронскій, Хо-
ванскій, Палецкій. Опасаясь гибельныхъ
дѣйствій слабости въ малолѣтство Госуда-
ря Самодержавнаго, Елена считала жесто-
кость твердостію; но сколь послѣдняя, ос-
нованная на чистомъ усердіи къ добру, не-
обходима для государственнаго блага, столь
первая вредна опому, возбуждая ненависть;
а пѣтъ Правительства, которое для своихъ
успѣховъ не имѣло бы нужды въ любви
народной. — Елена предавалась въ одно
время и нѣжностямъ беззаконной любви и
свирѣпству кровожадной злобы!

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Правитель-
ница и Дума не уклонялись отъ системы Дѣла
полита-
ческія.
Василіевой: любили миръ и не страшились
войны.

Извѣстивъ сосѣдственныя Державы о г 1534-
1538.
восшествіи Іоанновомъ на престолъ, Елена
и Бояре утвердили дружественныя связи съ
Щвецією, Ливонією, Молдавією, съ Князья-
ми Ногайскими и съ Царемъ Астрахан-
скимъ. Въ 1535 и 1537 году Послы Густава
Вазы были въ Москвѣ съ привѣтвіемъ,

Пере-
миріе
съ Шве-
ціею и
съ Лив-
оніею.

отправились въ Новгородъ и заключили тамъ шестидесятилѣтнее перемиріе ⁽¹⁷⁾. Густавъ обязался не помогать Литвѣ, ни Ливонскому Ордену въ случаѣ ихъ войны съ нами. Условились: 1) выслать Пословъ на Океу рѣку для возстановленія древнихъ границъ, бывшихъ между Швеціею и Россіею при Королѣ Магнусѣ; 2) Россіянамъ въ Швеціи, Шведамъ въ Россіи торговать свободно, подъ охраненіемъ законовъ; 3) возвратить бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Повѣренными Густава были Кнутъ Андерсонъ и Біорнъ Классонъ, а Россійскими Князь Борисъ Горбатый и Михайло Семеновичъ Воронцовъ, Думные Бояре, Намѣстники Новогородскіе, которые, въ 1535 году, утвердили миръ и съ Ливоніею на семнадцать лѣтъ ⁽¹⁸⁾. Уже старецъ Цеттенбергъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ Магистровъ Ордена, скончался: преемникъ его, Германъ Фонъ Брюггеней, и Рижскій Архіепископъ отъ имени всѣхъ *Златоносецвъ* или Рыцарей, *Нѣмецкихъ Бояръ* и *Ратмановъ* Ливоніи убѣдительно молили Великаго Князя о дружбѣ и покровительствѣ. Уста-вили, чтобы рѣка Наровѣ, какъ и всегда, служила границею между Ливоніею и Россіею; чтобы не препятствовать взаимной торговлѣ никакими дѣйствіями насилія, и даже въ случаѣ самой войны не трогать купцовъ, ни ихъ достоянія; чтобы не каз-

вить Россіяны въ Ливоніи, ии Лявондехъ въ Россіи безъ вѣдома ихъ Правительствъ; чтобы Нѣмцы *берегли* церкви и жилища Русскія въ своихъ городахъ, и проч. Въ окончаніи договора сказано: «А кто преступитъ клятву, на того Богъ и клятва, сморъ, гладъ, огонь и мечъ.»

Воевода Молдавскій, Петръ Стефановичъ, также ровностно искалъ нашего покровительства; хотя уже и платилъ легкую дань Султану, но еще именовался Господаремъ вольнымъ: имѣлъ свою особенную политическую систему, воевалъ и мирился, съ кѣмъ хотѣлъ, и правилъ землею какъ Самодержецъ. Россія единовѣрная могла вступаться за него въ Константинополь, въ Тавридѣ, и вмѣстѣ съ нимъ обуздывать Литву⁽¹⁹⁾. Именитый Бояринъ Молдавскій, Сунжаръ, въ 1535 году былъ въ Москвѣ, а нашъ Посолъ Заболоцкій ѣздилъ къ Петру съ увѣреніемъ, что Великій Князь не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ. Россія дѣйствительно имѣла въ немъ весьма усерднаго союзника противъ Сигизмунда, коему онъ не давалъ покая, готовый всегда разорять Подскіи земли; но не могла быть ему щитомъ отъ грознаго Салимара, который (въ 1537 году) огнемъ и мечемъ опустошила всю Молдавію, требуя урошной, знатной дани и совершеннаго подданства отъ жителей. Они не смѣли противиться, одна-

Молда-
вія.

кожъ вымогли у Султана право избирать собственныхъ Владѣтелей, и еще около ста лѣтъ пользовались онымъ ⁽²⁰⁾. Турки взяли казну Господарскую, множество золота, нѣсколько Діадимъ, богатыхъ иконъ и крестовъ Стефана Великаго. Въ Москвѣ жалѣли о бѣдствіи сей единовѣрной Державы, не думая о способахъ облегчить ея судьбу. Правительница и Бояре не разсудили за благо возобновить сношенія съ Константинополемъ, и Салиманъ (въ 1538 году) приславъ въ Москву Грека Андреяна для разныхъ покупокъ, въ ласковомъ письмѣ къ юному Іоанну жаловался на сію холодность, хваляся своею дружбою съ его родителемъ ⁽²¹⁾.

Послан-
никъ Ту-
рецкій.

Астра-
хань.

Къ Царю Астраханскому, Абдыль-Рахману, посылали Боярскаго Сына съ предложеніемъ союза : опасаясь и Хана Крымскаго и Ногаевъ, Царь съ благодарностію принялъ оное, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишился трона : Ногаи взяли Астрахань, изгнали Абдыль-Рахмана, и на его мѣсто объявили Царемъ какого-то Дервешеля ⁽²²⁾. Имѣя съ Россією выгодный торгъ, Князья сихъ многочисленныхъ степныхъ ордъ, Шейдякъ, Мамай, Кошумъ и другіе, хотѣли быть въ мирѣ съ нею, но жаловались, что наши Козаки Мещерскіе не даютъ имъ покоя, тысячами отгоняютъ лошадей и берутъ людей въ плѣнъ ; требо-

Дѣла
Ногай-
скія.

вали удовольствіи, даровъ (собольихъ шубъ, суконъ, доспѣховъ), уваженія и чести : на примѣръ, чтобы Великій Князь называлъ ихъ въ письмахъ *братьями* и *Государями*, какъ Хановъ не уступающихъ въ достоинствѣ Крымскому, и посылалъ къ нимъ не малочисловныхъ людей, а Бояръ для переговоровъ; грозили, въ случаѣ отказа, местию, напоминая, что отцы ихъ выдали Москву, а дѣти также могутъ заглянуть въ ея стѣны; хвалились, что у нихъ 300 тысячъ воиновъ, и летаютъ какъ птицы. Бояре обѣщали имъ управу и договаривались съ ними о свободной торговлѣ, которая обогащала Россію лошадьми и скотомъ : на примѣръ, съ Ногайскими Послами въ 1534 году было 5000 купцевъ и 50,000 лошадей, кромѣ другаго скота. Сверхъ того сін Князья обязывались извѣщать Государя о движеніяхъ Крымской Орды и не впускать ея разбойниковъ въ наши предѣлы. Шійдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ Хану, урочные поминки. Бояре отвѣтствовали : «Государь *жаалуетъ* и Хановъ и Князей, смотря по ихъ услугамъ, а не даетъ никому урока.» Мамай, именуясь Калгою Шійдяковымъ, отличался въ грамотахъ своихъ краспорѣчіемъ и какою-то Философією. Изъявляя Великому Князю сожалѣніе о кончинѣ его родителя, онъ говорилъ : «Любезный братъ! не ты и не я произвели смерть, но «Адамъ и Ева. Отцы умираютъ, дѣти наследуютъ ихъ достоиніе. Плачу съ тобою ; но по-

«коримся необходимости» ⁽²³⁾! Сіи Цогайскія грамоты, писанныя высокопарнымъ слогомъ Восточнымъ, показываютъ нѣкоторое образованіе ума, замѣчательное въ народѣ кочующемъ.

Посольство къ Карлу V.

Правительница и Болре хотѣли возобновить дружественную связь и съ Императоромъ: въ 1538 году Послы наши, Юрій Скобельцынъ и Дмитрій Васильевъ, ѣздили къ Карлу V и къ его брату; Фердинанду, Королю Венгерскому и Богемскому ⁽²⁴⁾. Мы не имѣемъ ихъ наказа и донесеній.

Присяга Казанцевъ.

Гордый отвѣтъ Сигизмунду.

Нападеніе Крымцевъ.

Но главнымъ предметомъ нашей Политики были Таврида, Литва и Казань. Юный Іоанисъ предлагалъ союзъ Хану Саишь-Гирею, миръ Сигизмунду и покровительство Еналею. Царь и народъ Казанскій новыми клятвенными грамотами обязались совершенно зависѣть отъ Россіи. Король Сигизмундъ отвѣтствовалъ гордо: «Могу согласиться на миръ, если юный Великій Князь суважить мою старость и приметъ своихъ «Пословъ ко мнѣ или на границу» ⁽²⁵⁾. Надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ Іоанновымъ, Король требовалъ всѣхъ городовъ, отнятыхъ у него Василиемъ; предвидя отказъ, вооружался и склонилъ Хава къ союзу съ Литвою противъ Россіи. Еще гонецъ нашъ не возвратился отъ Саишь-Гирея, когда узнали въ Москвѣ о впаденіи Татаръ Азовскихъ и Крымскихъ, въ Рѣ-

запекія области, гдѣ, на берегахъ Прони, Воеводы Князя Пунковъ и Гатевъ побили ихъ на голову ⁽²⁶⁾. За сей первый воинскій успѣхъ Іоаннова государствованія Воеводамъ торжественно изъявили благоволеніе Великаго Князя.

Хотя, увѣренныя въ неминуемой войнѣ съ Королемъ, Правительница и Бояре спѣшили изготовиться къ ней : но Сигизмундъ предупредилъ ихъ. Съ особенною милостію принявъ павшихъ измѣнниковъ, Князя Симеона Бѣльскаго и Лятекаго, давъ имъ богатые помѣстья ⁽²⁷⁾ и слушая ихъ рассказы о слабостяхъ Елены, о тиранствѣ Вельможъ, о неудовольствіи народа, Король замыслилъ вдругъ отнять у насъ все Іоанновы и Василіевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Кіевскій Воевода, Андрей Нѣмировъ, со многочисленною ратію вступивъ въ предѣлы Сѣверскіе, осадилъ Стародубъ и выжегъ его предмѣстіе ; но смѣлая вылазка Россіянъ, подъ начальствомъ храбраго мужа, Андрея Левина, такъ испугала Литовцевъ, что они ушли въ безпорядкѣ, а Намѣстникъ Стародубскій, Князь Александръ Кашинъ, прислалъ въ Москву 40 неприятельскихъ пушкарей со всею ихъ снарядомъ и съ знатымъ чиновникомъ Суходольскимъ, взятымъ въ плѣнъ. Чтобы загладить первую неудачу, Литовцы сожгли худоукрѣпленный Радогонъ гдѣ сгорѣлъ

г. 1334.
Война
съ Лит-
вою
Сентяб-
ря 3.

и мужественный Воевода Московскій, Матвѣй Лыковъ), плѣнили многихъ жителей, обступили Черниговъ и нѣсколько часовъ стрѣляли въ городъ изъ большихъ пушекъ. Тамъ былъ Воеводою Князь Осодоръ Мезецкій, умный и бодрый. Онъ не далъ непріятелю приблизиться къ стѣнамъ, искусно дѣйствуя снарядомъ огнестрѣльнымъ; и когда пальба ночью затихла, выслалъ Черниговцевъ ударить на стацъ Литовскій, гдѣ сіе неожиданное нападеніе произвело страшную тревогу: томные, сонные Литовцы едва могли оборониться; во тьмѣ убивали другъ друга; бѣжали во всѣ стороны; оставили намъ въ добычу обозъ и пушки. На разсвѣтъ уже не было ни одного непріятеля подъ городомъ: Сигизмундовъ Воевода съ отчаяніемъ и стыдомъ ушелъ въ Кіевъ. Такъ Король обманулся въ своей надеждѣ завоевать Украину, беззащитную, какъ ему говорили наши измѣнники, Бѣльскій и Лятекій. Въ то же время другой Воевода его, Князь Александръ Вишневецкій, явился подъ стѣнами Смоленска: тамошній Намѣстникъ, Князь Никита Оболенскій, не далъ ему сжечь посада, отразилъ и гналъ его нѣсколько верстъ (²⁸).

43 Сен-
тября.

Узнавъ о сихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, наша Боярская Дума, въ присутствіи юнаго Великаго Князя и Елены, требовала благословенія отъ Митрополита на

войну съ Литвою ; а Митрополить, обратясь къ Державному младенцу, сказалъ : «Государь! защити себя и насъ. Дѣйствуй : «мы будемъ молиться. Гибель зачинающе— «му, а въ правдѣ Богъ помощникъ!» Полки ^{23 Ок-} въ глубокую осень выступили изъ Москвы, ^{тября.} съ двумя главными Воеводами, Князьями Михайломъ Горбатымъ и Никитою Оболенскимъ ; любимецъ Елены , Телениевъ, желая славы мужества, велъ передовой полкъ. Отъ границъ Смоленска запылали села и предмѣстія городовъ Литовскихъ : Дубровны , Орши , Друцка , Борисова. Не встрѣчая непріятеля въ полѣ, и не занимаясь осадой крѣпостей , Воеводы Московскіе съ огнемъ и мечемъ дошли до Молодечны , гдѣ присоединился къ нимъ, съ Новгородцами и Псковитянами , Намѣстникъ Князь Борисъ Горбатый, опустошивъ все мѣста вокругъ Полоцка , Витебска, Брѣслава. Не смотря на глубокіе снѣга и жестокіе морозы, они пошла къ Вильнѣ : тамъ находился самъ Король, встревоженный близостію враговъ ; заботился , приказывалъ , и не могъ ничего сдѣлать Россіянамъ, коихъ было около 150,000 (29). Легкіе отряды ихъ жгли и грабили въ пятнадцати верстахъ отъ Вильны. Но Воеводы наши, довольные его ужасомъ и разореніемъ Литвы — истребивъ въ ней жилища и жителей , скогъ и хлѣбъ , до предѣловъ Ливо-

цин, — не потерявъ ни одного человека въ битвѣ, съ плѣнниками и добычею возвратились въ Россію, чрезъ область Псковскую, въ началѣ Марта. — Другіе Воеводы, Князья Ѳедоръ Теленевъ и Тростенскіе, ходили изъ Стародуба къ Мозырю, Турову, Могилеву, и съ такимъ же усиліемъ: вездѣ жгли, убивали, плѣнили, и нигдѣ не сражались⁽³⁰⁾. Не личная слабость престарѣлаго Сигизмунда, но государственная слабость Литвы объясняетъ для насъ возможность такихъ истребительныхъ военныхъ прогулокъ. Не было устроенаго, всегдашняго войска; надлежало собирать его долго, и Правительство Литовское не имѣло способовъ нашего — то есть, сильнаго, твердаго Самодержавія; а Польша, съ своими вельможными Панами составляя еще особенное Королевство, неохотно вооружалась для защиты Литвы. Къ чести Россіянъ Лѣтописецъ сказываетъ, что они въ грабежахъ своихъ не касались церквей православныхъ, и многихъ единовѣрцевъ великодушно отпускали изъ плѣна.

Слѣдствіемъ Литовскаго союза съ Ханомъ было то, что Царевичъ Исламъ возсталъ на Саипъ-Гирея за Россію, какъ пишутъ⁽³¹⁾, вспоминая старую съ нами дружбу; преклонилъ къ себѣ Вельможъ, свергнулъ Хана и началъ господствовать подъ именемъ Царя; а Саипъ засѣлъ въ Кир-

Исламъ
господ-
ствуетъ
въ Тав-
ридіи.

корѣ, объявивъ Ислама мятежникомъ, и надѣялся смирить его съ помощію Султана. Сія перемѣна казалась для насъ счастливою : Исламъ, боясь Турковъ, предложилъ тѣсный союзъ Великому Князю, и писалъ, что 20,000 Крымцевъ уже воюють Литву. Бояре Московскіе, нетерпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго Хана, велѣли ѣхать Князю Александру Стригину Посломъ въ Тавриду: сей чиновникъ своевольно остался въ Новогородѣ и написалъ къ Великому Князю, что Исламъ обманываетъ насъ : будучи единственно Калгою, именуется Царемъ, и не давно, въ присутствіи Литовскаго Посла Горюстаевича, далъ Сигизмунду клятву быть врагомъ Россіи, исполняя волю Сапъ-Гирееву. Сіе извѣстіе было несправедливо : Стригину объявили глѣвъ Государевъ, и въѣсто его отправили Князя Мезецкаго къ Исламу, чтобы какъ можно скорѣе утвердить съ нимъ важный для насъ союзъ. Ханъ не замедлилъ прислать г 1335. въ Москву и договорную, шертиую грамоту ; но Бояре, увидѣвъ въ ней слова : «кто недругъ Великому Князю, а мѣ другъ, тотъ и ему другъ,» не хотѣли взять ее. Наконецъ Исламъ согласился исключить сіе оскорбительное для насъ условіе, клялся въ любви къ младшему своему брату Іоанну, и хвалился велико-

душинымъ безкорыстіемъ, увѣряя, что онъ презрѣлъ богатые дары Сигизмундовы, 10,000 золотыхъ и 200 поставовъ сукна; требовалъ отъ насъ благодарности, пушекъ, пятидесяти-тысячъ *денегъ*, и жаловался, что Великій Князь не исполнилъ родительскаго духовнаго завѣщанія, копмъ будто бы умирающій Василій въ знакъ дружбы отказалъ ему (Исламу) половину казны своей. Ханъ ручался за безопасность нашихъ предѣловъ, извѣстивъ Государя, что Саипъ-Гиреевъ Вельможа, Князь Булгакъ, вышелъ изъ Черекони съ толпами разбойниковъ, но конечно не посмѣетъ тревожить Россіи. Хотя Булгакъ, въ противность Исламову увѣренію, вмѣстѣ съ Дашковичемъ, Атаманомъ Дибировскихъ Козаковъ, печальнымъ впаденіемъ въ Сѣверскую область сдѣлалъ не мало вреда ея жителямъ; хотя Бояре Московскіе именемъ Великаго Князя жаловались на то Исламу: однакожь соблюдали умеренность въ упрекахъ, не грозили ему местью, и показывали, что вѣрятъ его искренней къ намъ дружбѣ (52).

Тогда прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго: не хотѣвъ служить измѣнникамъ, они пограбили казну господъ своихъ, и донесли нашимъ Боярамъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы: Князь Василій Шуйскій, главный Воевода, съ Еленнымъ любимцемъ, Телепневымъ, который вторично принялъ начальство надъ передо-

вымъ отрядомъ , сѣвши вѣстрѣтитъ не-
 пріятеля ; нигдѣ не видали его , выжгли
 предмѣстіе Мстиславля , взяли острогъ , от-
 правили плѣнниковъ въ Москву и шли без-
 препятственно далѣе . Новогородцы и Пско-
 витяне должны были съ другой стороны
 также вступить въ Литву , основать на бе-
 регахъ Себежскаго озера крѣпость и соеди-
 ниться съ Шуйскимъ ; но Предводители
 ихъ , Князь Борисъ Горбатый и Михайло
 Воронцовъ , только отчасти исполнили дан-
 ное имъ повелѣніе : отрядивъ Воеводу Бу-
 турлина съ Дѣтьми Боярскими къ Себежу ,
 стали въ Опочкахъ , и не хотѣли соединить-
 ся съ Шуйскимъ ⁽³³⁾ . Бутурлинъ заложилъ
 Иваньгородъ на Себежѣ , въ землѣ Литов-
 ской какъ бы въ нашей собственной ; укрѣ-
 пилъ его , наполнилъ всякими запасами , ра-
 боталъ около мѣсяца : никто ему не проти-
 вился ; не было слуха о непріятелѣ .

Строе-
 віе крѣ-
 пости
 въ Лит-
 вѣ. Ю-
 нѣ 29.

Однакожь Сигизмундъ не тратилъ време-
 ни въ бездѣйствіи : давъ Россіянамъ волю
 свирѣпствовать въ восточныхъ предѣлахъ
 Литвы , послалъ 40,000 воиновъ въ наши
 собственныя южныя владѣнія , и между
 тѣмъ , какъ Шуйскій жегъ окрестности
 Кричева , Радома , Могилева , Воеводы Ли-
 товскіе , Папъ Юрій Радзивилъ , Андрей Нѣ-
 мировъ , Гетманъ Янъ Гориовскій , Князь
 Плъ Острожскій и нашъ измѣнникъ , Си-
 меонъ Бѣльскій , шли къ Стародубу . Свѣ-

20 Августа.
Набѣгъ
Крым-
цель.

давъ о томъ, Московскіе Бояре немедленно выслали новые полки для защиты сего края; но вдругъ слышали, что 15,000 Крымцевъ стремятся къ берегамъ Оки; что Рязанскія села въ огонь и кровь жителей льется рѣкою; что Цесамъ обмануть насъ: прельщенный золотомъ Литовскимъ, услужить Королю симъ набѣгомъ, все еще именуясь Иоанновымъ союзникомъ, и безсовѣстно увѣряя, что не онъ, а Саипъ-Гирей воюетъ Россію ⁽³⁴⁾. Пословъ Цесамовыхъ взяли въ Москвѣ подъ стражу; немедленно возвратили идущее къ Стародубу войско: собрали въ Коломнѣ нѣсколько тысячъ людей. Князья Дмитрій Бѣльскій и Мстиславскій отразили хитрниковъ отъ береговъ Оки, гнались за ними, принудили ихъ бѣжать въ степи ⁽³⁵⁾.

Литовцы бѣрутъ Гомель и Стародубъ.

Но Литовцы, пользуясь содѣйствіемъ Крымцевъ и беззащитнымъ состояніемъ Малороссіи, приступили къ Гомелю: тутъ начальствовалъ малодушный Князь Оболенскій—Щенигъ: онъ ушелъ со всѣми людьми воинскими и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Москву, гдѣ ввергнули его въ темницу ⁽³⁶⁾. Гомель сдался. Литовцы надѣялись взять и Стародубъ; но тамъ былъ достойный Вождь, Князь Федоръ Телепневъ: мужественный отпоръ ежедневно стоилъ имъ крови. Воеводы Сигизмундовы рѣшились противъ осады, сдѣлали тайный

29 Августа.

подкопъ и взорвали стѣну: ужасный громъ потрясъ городъ; дома запылали; непріятель сквозь дымъ ворвался въ улицы. Князь Телешнекъ съ своею дружиною оказалъ геройство; толталъ, гналъ Литовцевъ; два раза пробивался до ихъ стана: но стѣсненнѣй густыми толпами пѣхоты и конницы, въ изнеможениіи силъ, былъ взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ Княземъ Ситцкимъ. Знатный мужъ, Князь Петръ Ромодановскій, палъ въ битвѣ: Никита Колычевъ умеръ отъ раны чрезъ два дни ³⁷. 13,000 гражданъ обоюго пола изгнѣло отъ пламени или меча; спаслися немногіе, и своими разсказами навели ужасъ на всю землю Сѣверекую. Въ Почепѣ, худо укрѣпленномъ, начальствовалъ бодрый Москвитянинъ Федоръ Сукинъ: опъ сжегъ городъ, велѣвъ жителямъ удалиться и зарыть, чего они не могли взять съ собою. Литовцы, завоевавъ Смтлб. единственно кучи плѣна, ушли во-свои; а Шуйскій, предавъ огню все мѣста вокругъ Княжичей, Шклова, Коноса, Орпи, Дубровны, отступилъ къ Смоленску.

Число враговъ нашихъ еще умножилось новою измѣною Казани. Недовольные, какъ Матѣжъ
Казани. и всегда, господствомъ Россіи надъ ними; возбуждаемые къ бунту Саинъ-Гиреемъ; презирая юнаго Царя своего, и думая, что Россія съ Государемъ-младенцемъ ослабѣла и въ ея внутреннихъ силахъ, тамошніе

Вельможи, подъ руководствомъ Царевны Горшадны (38) и Князя Булата, свергнули, умертвили Еналея за городомъ на берегу Казанки, и снова призвавъ къ себѣ Сафа-Гирея изъ Тавриды, чтобы возстановить ихъ свободу и независимость, женили его на Еналеевой супругѣ, дочери Князя Ногайскаго, Юсуфа. Желая узнать обстоятельства сей перемѣны, Бояре послали гонца въ Казань съ письмами къ Царевичу и къ Уланамъ: онъ еще не возвратился, когда наши служивые Городецкіе Татары привезли вѣсть, что многіе изъ знатныхъ людей Казанскихъ тайно видѣлись съ ними на берегу Волги; что они не довольны Царевною и Княземъ Булатомъ, имѣютъ до пяти-сотъ единомышленниковъ, хотятъ остаться вѣрными Россіи и надѣются изгнать Сафа-Гирея, ежели Великій Князь освободитъ Шигъ-Алея и торжественно объявитъ его ихъ Царемъ (39). Бояре совѣтовали Еленѣ немедленно послать за Шигъ-Алеемъ, который все еще сидѣлъ въ заключеніи на Бѣлѣозерѣ: ему объявили Государеву милость, велѣли ѣхать въ Москву и явиться во дворцѣ (40). Опишемъ достопамятныя подробности сего представленія.

Шигъ-Алей въ вѣло-ста.

Шестилѣтній Великій Князь сидѣлъ на тронѣ: Алей, обрадованный счастливою перемѣною судьбы своей, палъ ницъ, и стоя на колѣнахъ, говорилъ рѣчь о благодѣя-

ніяхъ къ нему отца Іоаннова , випился въ гордости , въ лукавствѣ , въ злыхъ умыслахъ ; славилъ великодушіе Іоанна и плакалъ. На него надѣли богатую шубу ⁽⁴¹⁾. Онъ желалъ представиться и Великой Княгинѣ. Василій Шуйскій и Коношій Телепневъ встрѣтили Алея у сaney. Государь на- ходился у матери , въ палатѣ Св. Лазаря. Подлѣ Елены сидѣли знатныя Боярыни ⁽⁴²⁾; далѣе , съ обѣихъ сторонъ , Бояре. Самъ Іоаннъ принялъ Царя въ сѣняхъ и ввелъ къ Государынѣ. Ударивъ ей челомъ въ землю, Алей снова клялъ свою неблагодарность , назывался холопомъ , завидовалъ брату Еналею, умершему за Великаго Князя, и желалъ себѣ такой же участи, чтобы загладить преступленіе ⁽⁴³⁾. Въмѣсто Елены отвѣчалъ ему сановникъ Карповъ, гордо и милостиво. «Царь Шинтъ-Алей!» сказалъ онъ: «Василій Іоанновичъ возложилъ на тебѣ оналу : Іоаннъ и Елена простили вину твою. Ты удостоился видѣть лице ихъ ! «Дозволяемъ тебѣ забыть мпувшее : но «помни новый обѣтъ вѣрности !» Алей отпустили съ честію и съ дарами. Жена его, Фатьма-Салтапъ, встрѣченная у сaney Боярынями ⁽⁴⁴⁾, а въ сѣняхъ самою Еленою, обѣдала у нее въ палатѣ. Іоаннъ привѣтствовалъ гостю на языкѣ Татарскомъ и сидѣлъ за особеннымъ столомъ съ Вельможами : Царца же съ Великою Княгинею и

Г. 1536
Сентя 9.

съ Боярынями. Служили Стольники и Чашники. Князь Рѣпинъ былъ Кравчимъ Фатмы. Елена въ концѣ обѣда подала ей чашу и — никогда, по сказанію Лѣтописцевъ, не бывало великолѣпнѣйшей трапезы при Дворѣ Московскомъ. Правительница любила пышность и не упускала случая показывать, что въ ея рукѣ Держава Россіи (45).

Война
съ Ка-
занью.

Между тѣмъ война съ Казанью началась: ибо заговоръ нѣкоторыхъ Вельможъ ей противъ Сафа-Гирея не имѣлъ дѣйствія, и сей Царь отвѣтствовалъ грубо на письмо Іоанново (46). Московскіе Полководцы, Князь Гундоровъ и Замыцкій, должны были идти изъ Мещеры на Казанскую землю; но встрѣтивъ Татаръ близъ Волги, ушли назадъ и даже не извѣстили Государя о непріятелѣ, который, нечаянно вступивъ въ Нижегородскую область, злодѣйствовалъ въ ней свободно. Жители Балахны, имѣя болѣе храбрости, нежели некущества, вышли въ поле, и были разбиты. Воеводы Нижегородскіе сошлись съ Татарами подъ Лысковымъ: ни тѣ, ни другіе не хотѣли битвы; пользуясь темнотою ночи, Казанцы и Россіяне бѣжали въ разныя стороны. Сіе малодушіе Московскихъ Воспачальниковъ требовало примѣра строгости: Князя Гундорова и Замыцкаго посадили въ темницу, а на ихъ мѣсто отправили Сабурова и Кар-

нова , которые одержали наконецъ побѣду надъ многочисленными Казанскими и Черемисскими толпами въ Коряковѣ. Шлышниковъ отослали въ Москву , гдѣ ихъ , какъ вѣроломныхъ мятежниковъ , всѣхъ безъ исключенія осудили на смерть ⁽¹⁷⁾.

Война Литовская продолжалась для насъ съ успѣхомъ , и существованіе новой Себежской крѣпости утвердилось знаменитою побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно видѣть сію крѣпость въ своихъ предѣлахъ: онъ велѣлъ Кіевскому Намѣстнику Нѣмирову взять ее , чего бы то ни стоило. Войско его , составленное изъ 20,000 Литовцевъ и Поляковъ , обступило городъ. Началась ужасная пальба ; земля дрожала , но стѣны были невредимы : худые пушкарни Литовскіе , вмѣсто непріятелей , били своихъ ; ядра летѣли вправо и влево : ни одно не упало въ крѣпость. Россіянѣ же стрѣляли мѣтко и сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе пятились къ озеру , коего ледъ съ трескомъ обломился подъ ними. Тутъ Воеводы Себежскіе , Князь Засѣкинъ и Тушинъ , не дали имъ опомниться : ударили , смяли , топили несчастныхъ Литовцевъ ; взяли ихъ знамена , пушки , и одна не всѣхъ негребнули. Нѣмировъ на борзомъ конѣ усекалъ отъ пѣна , чтобы довести старцу Сигизмунду о гибели его войска — и какъ сѣтовали въ Кіевѣ , въ Вильнѣ , въ Краковѣ ,

Побѣда
надъ
Лит-
вою.

27 Фе-
враля.

Крѣпо-
ста на
Литов-
ско й
гранн-
цѣ

такъ веселился въ Москвѣ; показывали народу трофеи — честили, славили мужественныхъ Воеводъ. Елена, въ память сего блестящаго успѣха, велѣла соорудить церковь Живоначальной Троицы въ Себежѣ ⁽⁴⁸⁾. Мы не давали покоя Литвѣ: возобновивъ Почень, Стародубъ, — основавъ на ея землѣ, въ Ржевскомъ Уѣздѣ, городъ Заволочье и Велижъ въ Торопецкомъ, Князья Горепскій и Барбашевъ выжгли посады Любеча, Витебска, взяли множество плѣнниковъ и всякой добычи ⁽⁴⁹⁾.

Слѣдуя правиламъ Іоанна и Василія, Дума Боярская не хотѣла дѣйствовать наступательно противъ Хана. Толпы его разбойниковъ являлись на берегахъ Быстрой Сосны и немедленно уходили, когда показывалось наше войско ⁽⁵⁰⁾. Онѣ дерзнули (въ Апрѣлѣ 1536 года) приступить къ Бѣлеву; но тамошній Воевода разбилъ ихъ на голову ⁽⁵¹⁾. Хотя Исламъ, осыпанный Королевскими дарами, примирился-было съ Саипъ-Гиреемъ, чтобы вмѣстѣ тревожить Россію нападеніями: однакожь, уступая ему имя Царя, не уступалъ власти; началась новая ссора между ими, и вѣроломный Исламъ отправлялъ въ Москву гонца за гонцемъ съ дружескими письмами, изъявляя ненависть къ Саипу и къ Царю Казанскому Сафа-Гирею ⁽⁵²⁾.

Уже Сягызмундъ — видя, что Россія и

съ Государемъ—младенцемъ сильнѣе Литвы — думалъ о мирѣ; изъявлялъ негодованіе нашимъ измѣнникамъ : держалъ Лятцкаго подъ стражею ⁽⁵³⁾, и столь немилостиво обходился съ Княземъ Симеономъ Вѣльскимъ, что онъ, пылая ненавистію къ Россіи, съ досады уѣхалъ въ Константинополь, искать защиты и покровительства Султанава. Еще въ Февралѣ 1536 года Королевскій Вельможа, Папъ Юрій Радзивилъ, писалъ къ любимцу Елены, Князю Теленеву (черезъ его брата, бывшаго Литовскимъ плѣнникомъ) о пользѣ мира для обѣихъ Державъ : Теленевъ отвѣтствовалъ, что Іоаннъ не врагъ тишины ⁽⁵⁴⁾. Но долго спорили о мѣстѣ переговоровъ. Сигизмундъ, приславъ знатнаго чиновника поздравить Іоанна съ восшествіемъ на тронъ, желалъ, чтобы онъ, будучи юнѣйшимъ, изъ уваженія къ его лѣтамъ отпраздновалъ своихъ Вельможъ въ Литву для заключенія мира; а Бояре Московскіе считали то несогласнымъ съ нашимъ государственнымъ достоинствомъ. Сигизмундъ долженъ былъ уступить, и въ г. 1537. началъ 1537 года пріѣхалъ въ Москву Янъ Глѣбовичъ, Полоцкій Воевода, съ четырьмя стами знатныхъ Дворянъ и слугъ. Слѣдую обыкновенію, обѣ стороны требовали невозможнаго : Литовцы Новгорода и Смоленска, мы Кіева и всей Бѣлороссіи; не только спорили, но и брались; устали, и

Пере-
миріе
съ Лит-
вою.

рѣшились заключить единственно перемиріе на пять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы мы владѣли новыми крѣпостями, Себежемъ и Заволочьемъ, а Литва Гомелемъ ⁽⁵⁵⁾. Слѣдственно война кончилась уступкою и пріобрѣтеніемъ съ обѣихъ сторонъ, хотя и неважнымъ. Бояринъ Морозовъ и Князь Палецкій отвезли перемирную грамоту къ Сигизмунду. Они не могли склонить его къ освобожденію плѣнныхъ Россіянь. Дозволивъ Великокняжескимъ Посламъ свободно ѣздить чрезъ Литву къ Императору и Королю Венгерскому, Сигизмундъ не согласился пропустить Молдавскаго чиновника къ намъ, сказавъ, что Воевода Петръ есть мятежникъ и злодѣй Польши ⁽⁵⁶⁾.

Дѣла
Крым-
скія.

Если Политика Великихъ Князей не терпѣла согласія Литвы съ Ханами Крымскими, всячески питая вражду между ими: то и Крымцы не любили видѣть насъ въ мирѣ съ Литвою, ибо война представляла имъ удобность къ грабежу въ нашихъ и Королевскихъ областяхъ. Цесарь, съ псевдовольствіемъ свѣдавъ о мирныхъ переговорахъ, увѣрилъ Іоанна въ своей готовности наступить на Короля всѣми силами, и, въ доказательство ревностной къ намъ дружбы, увѣдомилъ, что Князь Симеонъ Бѣльскій, пріѣхавъ изъ Константинополя въ Тавриду, хвалится съ помощію Султана завоевать Россію ⁽⁵⁷⁾. «Остерегись,» писалъ

Исламъ: «властолюбіе и коварство Солима-
«на мнѣ извѣстны: ему хочется поработить
«и Сѣверныя земли Христіанскія, твою и
«Литовскую. Онъ велѣлъ Нашамъ и Саипъ-
«Гирею собирать многочисленное войско,
«чтобы измѣнникъ твой, Бѣльскій, шелъ
«съ нимъ на Россію. Одинъ я стою въ друж-
«бѣ къ тебѣ и мѣшаю ихъ замыслу.» Бѣль-
скій дѣйствительно искалъ гибели отече-
ства, и чтобы злодѣйствовать тѣмъ безо-
паснѣе, хотѣлъ усыпить Правительницу
увѣреніями въ его раскаяніи: писалъ къ
ней и требовалъ себѣ *опасной грамоты*,
обѣщаясь немедленно быть въ Москвѣ, что-
бы загладить вину своего бѣгства усерд-
ною службою. Могъ ли такой преступникъ
ждать милосердія отъ Елены? Сіе мнимое
раскаяніе было новымъ коварствомъ, и
Правительство наше не усомнилось также
прибѣгнуть къ обману, чтобы наказать зло-
дѣя. Именемъ Иоанновымъ Бояре отвѣт-
ствовали ему, что преступленіе его, изви-
няемое юностію лѣтъ, забывается навѣки;
что и въ древнія времена многіе знамени-
тые люди уходили въ чужія земли, возвра-
щались и снова пользовались милостию Ве-
ликихъ Князей; что Иоаннъ съ любовію
встрѣтитъ родственника, исправленнаго
лѣтами и опытностію ⁽⁵⁸⁾. Въ то же время
послали изъ Москвы гонца и дары къ
Исламу, съ убѣдительнымъ требованіемъ,

Смерть
Исла-
мова.

чтобы онъ выдалъ намъ или умертвилъ сего плѣнника. Но Ислама не стало: одинъ изъ Князей Ногайскихъ, Багый, другъ Саипъ-Гиреевъ, въ нечаянномъ нападеніи убилъ его, и плѣнивъ многихъ Крымцевъ, захватилъ между ими и Бѣльскаго, спасеннаго Судьбою для новыхъ преступленій: ибо Елена и Болре тщетно хотѣли выкупить его, посылая деньги въ Ногайскіе Улусы будто бы отъ матери и братьевъ Симеоновыхъ: Князь Багый, въ угодность Хану, отослалъ къ нему сего важнаго плѣнника какъ его друга ⁽⁵⁹⁾.

Смерть Исламова и возстановленное тѣмъ единовластіе Саипъ-Гирея въ Тавридѣ были для насъ весьма непріятны. Исламъ вѣроломствовалъ, но будучи врагомъ сверженнаго имъ Хана и Казанскаго Царя, находилъ собственныя выгоды въ союзѣ съ Россією; а Саипъ-Гирей, покровительствуемый Султаномъ, имѣлъ тѣсную связь съ мятежною Казанью, и не безъ досады видѣлъ нашу дружбу къ Исламу, хотя мы, болѣе уважая послѣдняго какъ сильнѣйшаго, отъ времени до времени писали ласковыя грамоты и къ Саипу ⁽⁶⁰⁾. Ханъ не замедлилъ оскорбить Великаго Князя: ограбилъ Посла Московскаго въ Тавридѣ; однакожь, какъ бы удовольствованный сею ме-
Угрозы
Саипъ-
стію, извѣстилъ насъ о гибели своего злодѣя и предлагалъ Іоанну братство, желая

даровъ и запрещаю ему тревожить Казань. Гирей.
 «Я готовъ жить съ тобою въ любви» — велѣлъ онъ сказать Великому Князю — «в г. 1538.
 «прислать въ Москву одного изъ знатнѣй-
 «шихъ Вельможъ своихъ, если ты при-
 «плещь ко мнѣ или Князя Василія Шуйска-
 «го, или Ковюшаго Телепнева, примиришься
 «съ моею Казанью и не будешь требовать
 «дани съ ея народа; но если дерзнешь вое-
 «вать, то не хотимъ видѣть ни Пословъ, ни
 «гонцевъ твоихъ: мы непріатели; вступимъ
 «въ землю Русскую, и все будетъ въ ней
 «прахомъ» (61) !

Въ сіе время полки наши готовились идти на Казань. Ея хищники, разсѣянные близъ Волги вѣрными Мецкерскими Козаками, одержали верхъ надъ двумя Воеводами Московскими, Сабуровымъ и Княземъ Засѣкинскимъ Пестрымъ, убитымъ въ сраженіи между Галичемъ и Костромою; а въ Генварѣ 1537 года самъ Царь Казанскій нечаянно подступилъ къ Мурому, сжегъ предместье, не взявъ города и бѣжалъ, увидѣвъ вдали наши знамена (62). Елена и Бояре, уже не опасаясь Литвы, хотѣли сплотно дѣйствовать противъ Казани, отвергнувъ все мирныя предложенія Сафа-Гирея; но угрозы Хана казались столь важными, что Государственный нашъ Совѣтъ рѣшился отложить войну, извѣстивъ Сапигъ-Гирея и Казанскаго Царя о согласіи Великаго Кня-

зя на миръ, съ условіемъ, чтобы Сафа-Гирей остался прислужникомъ Россіи. Бояре отвѣтствовали Хану именемъ Іоанна : «Ты «называешь Казань *своею* ; но загляни въ «старія *лѣтописи* : не тому ли всегда при- «надлежитъ Царство , кто завоевалъ его ? «Можно отдать оное другому ; но сей бу- «детъ уже подданнымъ перваго , какъ вер- «ховнаго Владыки. Говоря о твоихъ мин- «мыхъ правахъ, молчишь о существенныхъ «правахъ Россіи. Казань наша , ибо дѣдъ «мой покорилъ ее; а вы только обманомъ и «коварствомъ присвоивали себѣ временное «господство надъ нею. Да будетъ все по «старому , и мы останемся въ братствѣ съ «тобою, забывая вѣны Сафа-Гиреевы. От- «правимъ къ тебѣ знатнаго Посла , но не «Шуйскаго и не Телепнева , которые по «моей юности необходимы въ Государствен- «ной Думѣ (63).»

Симъ заключились дѣла вѣншей Поли-
тики Еленина правленія , ознаменованна-
го и нѣкоторыми внутренними полезными
учрежденіями , въ особенности строеніемъ
новыхъ крѣпостей, нужныхъ для безопас-
ности Россіи.

Строе-
ніе Крѣ-
постей
въ Мос-
квѣ

Еще Великій Князь Василій, находя
Кремль тѣснымъ для многочисленнаго Мос-
ковского и недостаточнымъ для защиты
онаго въ случаѣ непріятельскаго наше-
ствія, хотѣлъ оградить столицу новою, об-

ширѣйшею стѣною. Елена исполнила его намѣреніе, и въ 1534 году, Маія 20, начали копать глубокой ровъ отъ Неглинной вокругъ посада, (гдѣ были все купеческія лавки и торги) къ Москвѣ-рѣкѣ черезъ площадь Троицкую (мѣсто судныхъ поединковъ) и Васильевскій лугъ. Работали слуги придворныя, Митрополитовы, Боярскіе и все жители безъ исключенія, кромѣ чиновниковъ или знатныхъ гражданъ, и въ Іюлѣ кончили; а въ слѣдующемъ году, Маія 16, послѣ крестнаго хода и молебна, отпѣтаго Митрополитомъ, Петрокомъ Малой, *новокрещеный Италіанецъ*, заложилъ около рва каменную стѣну и четыре башни съ воротами Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улицѣ ⁽⁶⁴⁾. Сей городъ былъ названъ по-Татарски *Китаенъ* или *среднимъ*, какъ изъясняютъ ⁽⁶⁵⁾. — Кромѣ двухъ крѣпостей на Литовской границѣ, Елена основала 1) въ Мещерѣ городъ Мокшанъ, на мѣстѣ издревле именуемомъ *Мурунза*; 2) Буйгородъ въ Костромскомъ Уѣздѣ; 3) крѣпость Балахну у *Солн*, гдѣ прежде находился посадъ; 4) Пропскъ на старомъ городищѣ. Владиміръ, Ярославъ, Тверь, пожаромъ обращенныя въ пепелъ, были снова выстроены; Темниковъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто; Устюгъ и Софійскую сторону въ Новгородѣ окружили стѣнами; Вологду укрѣпили и распространили. Правительница, зная главную потребность Государства столь обширнаго и столь мало населеннаго, вы-

зывала жителей изъ Литвы, давала имъ земли, преимущества, льготы, и не жалѣла казны для искупленія многихъ Россіянъ, увлекаемыхъ Татарами въ плѣны: для чего требовала вспоможенія отъ Духовенства и богатыхъ монастырей. На примѣръ, Архіепископъ Макарій (въ 1534 году) послалъ ей съ своей Епархіи 700 рублей, говоря: «душа человѣческая дороже золота.» Сей умный Владыка Новгородскій, пользуясь уваженіемъ Двора, ѣздилъ въ Москву не только молиться съ Митрополитомъ о благоденствіи Россіи, но и способствовать оному мудрыми совѣтами въ Государственной Думѣ (68).

Пере-
мѣна въ
цѣнѣ
монеты.

Къ чести Еленина правленія Лѣтписцы относятъ еще перемену въ цѣнѣ государственной монеты, вынужденную обстоятельствами. Изъ фунта серебра дѣлали прежде обыкновенно *пять рублей и пять гривенъ*; по корыстолюбію изобрѣло обманъ: стали обрѣзывать и переливать деньги для подмѣсы, такъ, что изъ фунта серебра выходило уже десять рублей. Многіе люди богатѣли симъ ремесломъ и произвели безпорядокъ въ торговлѣ: цѣны измѣнились, возвысились; продавецъ боялся обмана, вѣсилъ, псытывалъ монету, или требовалъ клятвы отъ купца, что она не поддѣльная. Елена запретила ходъ обрѣзныхъ, нечистыхъ и вѣхъ старыхъ денегъ; ука-

зала перелить ихъ и чеканить изъ фунта *шесть рублей* безъ всякаго примѣса; а *поддольщиковъ* и *обръзчиковъ* велѣла казнить (имъ дали растопленное олово въ ротъ и отсѣкали руки). — Изображеніе на монетахъ осталось прежнее: Великій Князь на конѣ, но не съ мечемъ въ рукѣ, какъ до-толѣ, а съ *копьемъ*: отъ чего стали онѣ именоваться *копейками* ⁽⁶⁷⁾.

Но Елена ни благоразуміемъ своей внѣшней Политики, ни многими достохвальными дѣлами внутри Государства не могла угодить народу: тиранство и беззаконная, уже всѣмъ явная любовь ея къ Князю Ивану Теленеву-Оболенскому возбуждали къ ней ненависть и даже презрѣніе, отъ коего ни власть, ни строгость не спасаютъ Вѣнценосца, если святая добродѣтель отвращаетъ отъ него лице свое. Народъ безмолвствовалъ на стогнахъ: тѣмъ болѣе говорили въ тѣспомъ, для тирановъ непро-ницаемомъ кругу семействъ и дружба о несчастіи видѣть соблазнъ на тронѣ ⁽⁶⁸⁾. Правительница, желая обмануть людей и совѣсть, часто ѣздила съ Великимъ Княземъ на богомолье въ монастыри ⁽⁶⁹⁾; но лицемѣріе, хитрость слабодушныхъ, заслуживаетъ единственно хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ. — Ко гласу оскорбляемой добродѣтели при-

Общая
вѣд ю-
бовь къ
Еленѣ.

Апрѣля
3. Коя-
ч и я в
Правя-
тельна-
ны.

соединялся и гласъ зависти : одинъ Теленевъ былъ истиннымъ Вельможею въ Думѣ и въ Государствѣ ; другіе , старѣйшіе , назывались только именемъ Бояръ : никто не имѣлъ заслугъ , если не могъ угодить любимцу Двора. Желали переменъ — и Великая Княгиня , юная лѣтами , цвѣтущая здоровьемъ , вдругъ скончалась. Современникъ , Баронъ Герберштейнъ , въ запискахъ своихъ говоритъ утвердительно , что Елену отравили ядомъ ⁽⁷⁰⁾. Онъ видитъ въ семъ случаѣ одну *справедливую месть* ; но ее пѣтъ ни для сына противъ отца , ни для подданнаго противъ Государя : а Елена , по малолѣтству Іоанна , законно властвовала въ Россіи. Худыхъ Царей наказываетъ только Богъ , совѣтъ , Исторія : ихъ непамятуютъ въ жизни , клянутъ и по смерти. Сего довольно для блага гражданскихъ обществъ , безъ яда и желѣза ; или мы должны отвергнуть необходимый уставъ Монархій , что особа Вѣщеносцевъ *неприкосновенна*. Тайна злодѣянія не уменьшаетъ его. Гнушаясь онымъ , согласимся , что извѣстіе Герберштейна вѣроятно. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о болѣзни Елены. Она преставилась во второмъ часу дни , и въ тотъ же день погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ ⁽⁷¹⁾. Не сказано даже , чтобы Митрополитъ отпѣвалъ ея тѣло. Бояре и народъ не изъявили , кажется , ни

самой притворной горести. Юный Великій Князь плакалъ, и бросился въ объятія къ Теленеву, который одинъ былъ въ отчаяніи, ибо только одинъ могъ всего лишиться и не могъ уже ничего приобрѣсти кончиною Елены. Народъ спрашивалъ съ любопытствомъ: кто будетъ править Государствомъ?

ГЛАВА II.

Продолженіе государствованія Іоанна IV.

Г. 1538 — 1547.

Паденіе и смерть К. Теленіева. Господство К. Василя Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ. Смерть К. Василя Шуйскаго. Господство его брата. Сверженіе Митрополита: избраніе Іоасафа. Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства. Набѣги вѣнскихъ непріятелей. Посольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ. Договоръ съ Ганзою. Союзъ съ Астраханью. Посольства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его. Прощеніе К. Владиміра Андреевича и его матери. Облегчаютъ судьбу К. Дмитрія Углицкаго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Впаденіе Царя Казанскаго. Нашествіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бѣгство непріятеля. Смута Бояръ: паденіе К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Митрополита. Новое господство К. Ивана Шуйскаго. Посвященіе Макарія. Перемиріе съ Литвою. Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею. Перемѣна въ Правленіи. Наглость Шуйскихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ

противъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Щуйскихъ. Власть Глинскихъ. Жестокость Правленія. Доброе согласіе съ Литвою. Рать на Казань. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжить оттуда. Походъ къ устью Свиаги. Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа.

Нѣсколько дней протекло въ неизвѣстности и въ тишинѣ для народа, въ тайныхъ совѣщаніяхъ и въ козняхъ для Вельможъ честолюбивыхъ. Доселѣ Правительница замѣняла Государя: настало время совершенной Аристократіи или Державства Бояръ при семилѣтнемъ Государѣ. Не многіе изъ нихъ смѣли желать верховнаго владычества надъ Россією: прочіе готовились единственно взять сторону того или другаго на выгодыѣйшихъ для своей личной пользы условіяхъ. Любимецъ Еленинъ, Князь Иванъ Телепневъ, не дремалъ въ бездѣйствіи: будучи другомъ и братомъ Иоанновой надзирательницы, Боярыни Агриппины Челядиной, онъ думалъ овладѣть юнымъ Монархомъ, не отходилъ отъ него, ласкался къ нему, и надѣялся на усердіе своихъ бывшихъ друзей; но число ихъ, съ переменною обстоятельствомъ, уменьшилось и ревность охладѣла. Внезапная кончина Еленина — и не естественная, какъ мнили — предвѣщала явленіе новыхъ, сильнѣйшихъ Вастителей: чтобы узнать, кто могъ быть ея тайнымъ виновникомъ,

г 1538.
Паденіе и
смерть
К. Телепне-
ва.

любопытные ждали, кто воспользуется оною? Сіе справедливое, или, не смотря на вѣроятность (какъ часто бываетъ), ложное подозрѣніе обратилось на старѣйшаго Боярина, Василія Васильевича Шуйскаго, потомка Князей Суздальскихъ, изгнанныхъ еще сыномъ Донскаго изъ ихъ наследственнаго владѣнія: злобствуя на Московскихъ Государей, они служили Новгороду, и въ послѣдній день его свободы Князь Шуйскій-Гребенка былъ тамъ главнымъ Воеводою (72). Видя рѣшительное торжество Самодержавія въ Россіи, сіи изгнанники, одинъ за другимъ, вступили въ службу Московскую и были знаменѣйшими Вельможами. Князь Василій Васильевичъ, занимавъ первое мѣсто въ Совѣтѣ при отцѣ Іоанновомъ (73), занималъ оное и при Еленѣ, и тѣмъ болѣе ненавидѣлъ ея временщика, который, уступая ему наружную честь, исключительно господствовалъ надъ Думою. Изготовивъ средства уснѣха, преклонивъ къ себѣ многихъ Бояръ и чиновниковъ, сей властолюбивый Князь жестокимъ дѣйствіемъ самовольства и насилія объявилъ себя Главою Правленія: въ седьмой день по кончинѣ Елениной велѣлъ схватить любезнѣйшихъ юному Іоанну особъ: его надзирательницу, Боярыню Агриппину, и брата ея, Князя Телешева, — оковать цѣпями, заключить въ темницу, не смотря на слезы, на вопль Державнаго, беззащитнаго отрока. Не судъ и не праведная, но беззаконная, лютая казнь была жребіемъ несчастнаго Вельможи, коему за недѣлю

предъ тѣмъ раболѣпствовали все Князья и Бояре. Телепнева уморили голодомъ, какъ Правительница или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей Иоанновыхъ; но злодѣйство не оправдываетъ злодѣйства, и Лѣтописцы осуждаютъ сію личную месть, внушенную завистію къ бывшему любимцу Елены, который хотѣлъ быть и любимцемъ сына ея ⁽⁷⁴⁾. Телепневъ имѣлъ умъ, дѣятельность, благородное честолюбіе; не боялся оставлять Двора для войны, и еще не довольный властію, хотѣлъ славы, которую даютъ дѣла, а не милость Государей. Сестру его, Боярыню Агриппину, сослали въ Каргополь и постригли въ Монахини. Дума, Государство и самъ Государь сдѣлались подвластны Василію Шуйскому и брату его, Князю Ивану, также знаменитому Члену Совѣта, гдѣ только одинъ Бояринъ могъ спорить съ ними о старѣйшинствѣ, Князь Дмитрій Бѣльскій, родственникъ Иоанновъ: они искали его дружбы. Братъ Дмитріевъ, Князь Иванъ Федоровичъ, и Шуйскій, Андрей Михайловичъ, спдѣли въ темницѣ: ихъ вмѣстѣ освободили съ честію какъ невинныхъ; первый занялъ въ Думѣ свое прежнее мѣсто; втораго пожаловали въ Бояре ⁽⁷⁵⁾. Ослѣпленный гордостію, Князь Василій Шуйскій хотѣлъ утвердить себя на вышней степені Трона свойствомъ съ Государемъ, и будучи вдовцемъ

Господство К. Василія Шуйскаго.

Освобожденіе К. Павла Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго.

лѣтъ пятидесяти или болѣе, женился на юной сестрѣ Іоанновой, Анастасіи, дочери Петра, Казанскаго Царевича ⁽⁷⁶⁾. Но безпрекословное владычество сего Вельможи продолжалось только мѣсяцевъ шесть : Князь Иванъ Бѣльскій, имъ освобожденный, сдѣлался его непрітелемъ, будучи въ согласіи съ Митрополитомъ Давидомъ, съ Дворецкимъ Михайломъ Тучковымъ и съ иными важными саповниками. Началось тѣмъ, что Бѣльскій просилъ юнаго Іоанна дать Князю Юрію Булгакову-Голлицу Боярство, а сыну знаменитаго Хабарова Симскаго ⁽⁷⁷⁾ санъ Околыничаго, не сказавъ ни слова Шуйскимъ, которые воспылали гнѣвомъ. Вражда усилилась бранью : съ одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусныхъ козняхъ; съ другой о самовластіи, о тиранствѣ. Наконецъ Шуйскіе доказали свое могущество : слова заключили Князя Ивана Бѣльскаго въ темницу, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ, а главному изъ нихъ, Дьяку Федору Мишурину, измученному волнами, раздѣтому, обнаженному, отсѣкли голову на плахѣ предъ городскою тюрьмою ⁽⁷⁸⁾. Все сіе дѣлалось именемъ Шуйскихъ и Бояръ, имъ преданныхъ, а не именемъ Государя : то есть, беззаконно и нагло. Дойстойно замѣчанія, что старшій Князь Бѣльскій, Дмитрій, опять не имѣлъ участія въ бѣдѣ

Смута
Бояр-
ская К.
Иванъ
Бѣль-
скій
свои
являю-
чень.

ственной судьбѣ брата, спасаемый, какъ вѣроятно, своимъ осторожнымъ, спокойнымъ характеромъ.

Уже самовластный Вельможа, Князь Василій, считалъ себя какъ бы Царемъ Россіи : вдругъ узнали объ его болѣзни и смерти, которая могла быть естественною, но безъ сомнѣнія служила поводомъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ (79). Явивъ суетность властолюбія, она не исправила Бояръ Московскихъ, и братъ Василіевъ, Князь Иванъ Шуйскій, ставъ ихъ Главою, мыслилъ единственно о томъ, чтобы довершить мечь падъ врагами и сдѣлать, чего не успѣлъ или не дерзнулъ исполнить умершій братъ его. Ни святость Сана, ни хитрость ума не спасли Митрополита Даніила : замышлявъ съ Княземъ Иваномъ Бѣльскимъ свергнуть Шуйскихъ, онъ самъ былъ сверженъ съ Митрополіи указомъ Боярскимъ и сосланъ въ монастырь Іосифовъ (80), гдѣ строгою, постною жизнью имѣлъ способъ загладить грѣхи своего придворнаго честолюбія и раболѣпства. Опасаясь упрековъ въ беззаконіи, Вельможи взяли съ Даніила записъ, кою сей бывшій Архипастырь будто бы добровольно отказался отъ Святительства, чтобы молиться въ тишинѣ уединенія о Государѣ и Государствѣ. На его мѣсто Епископы поставили — *судьбами Божественными*

Смерть
К. Ва-
силія
Шуй-
скаго.

г. 4539.
Свер-
женіе
Митро-
полита.

Избра-
ние Иоа-
сафа.

Великокняжескимъ (то есть, Боярскимъ) *изволеніемъ*, какъ сказано въ лѣтописи — *Іоасафа Скрыпцына, Ігумена Троицкаго.*

Харак-
теръ К.
Иванъ
Шуй-
скаго и
грабе-
жнuyu
три Го-
судар-
ства.

Среди такихъ волненій и безпокойствъ, производимыхъ личнымъ властолюбіемъ Бояръ, Правительство могло ли имѣть надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутренняго благоустройства и виѣшней безопасности? Главный Вельможа, Князь Иванъ Шуйскій, не оказывалъ въ дѣлахъ ни ума государственнаго, ни любви къ добру; былъ единственно грубымъ самолюбцемъ; хотѣлъ только помощниковъ, но не терпѣлъ совѣтниковъ; повелѣвалъ въ Думѣ какъ Деспотъ, а во дворцѣ какъ хозяинъ, и величался до пахальства; на примѣръ, никогда не стоялъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился у него въ спальнѣ, опираясь локтемъ о постелю, клалъ ноги на кресла Государевы ⁽⁸¹⁾; однимъ словомъ, изъяснялъ всю низкую, малодушную снесь раба-господина. Упрекали Шуйскаго и въ гнусномъ корыстолюбіи; писали, что онъ расхитилъ казну и накопалъ себѣ изъ нея золота множество сосудовъ, велѣлъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. По крайней мѣрѣ его ближніе, клевреты, угодники грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ пажиточныя мѣста или должвости государственныя. Такъ Бояринъ Ан-

дрей Михайловичъ Шуйскій и Князь Василій Рѣпинъ-Оболенскій, будучи Намѣстниками во Псковѣ, свирѣпствовали какъ львы, по выраженію современника: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ беззаконными налогами, вымышляли преступленія, ободряли лживыхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ: но и въ самыхъ святыхъ Обителяхъ искали добычи съ лютостію Могольскихъ хищниковъ; жители пригородовъ не смѣли ѣздить во Псковъ какъ въ вертегъ разбойниковъ; многіе люди бѣжали въ чужія страны; торжища и монастыри опустѣли. — Къ сему ужасному бѣд-

Побѣги
вѣш-
ныхъ
непріа-
телей.

ствию неправосудія и насилія присоединялись частые, опустошительные набѣги вѣшнихъ разбойниковъ. Мы были — говорятъ Лѣтописцы — жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ: Ханъ Крымскій давалъ намъ законы, Царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ. Первый, задержавъ Великокишескаго чиновника, посланнаго къ Господарю Молдавскому, писалъ къ Іоанну: «Я сдѣлалъ то, что вы «нѣсколько разъ дѣлали. Отецъ и мать «твоя, не разумѣя государственныхъ уста- «вовъ, ловили, злодѣйски убивали монаховъ «Пословъ на пути въ Казань: я также «имѣю право мѣшать твоему сообщенію съ

«моимъ недругомъ Молдавскимъ. Ты хочешь
«отъ меня пріязни: для чего же изъясняешься
«грубо? Знаешь ли, что у меня болѣе ста ты-
«сячъ воиновъ? Если каждый изъ нихъ плѣнитъ
«хотя одного Русскаго, сколько тебѣ убытка, а
«мнѣ прибыли? Не таюсь, ибо чувствую силу
«свою; все объявляю напередъ, ибо сдѣлаю, что
«говорю. Гдѣ желаешь вѣдѣться со мною? въ
«Москвѣ, или на берегахъ Оки? Знай, что буду
«къ тебѣ не одинъ, но съ Великимъ Султаномъ,
«который покорилъ вселенную отъ Востока до
«Запада. Укажу ему путь къ твоей столицѣ. Ты
«же что мнѣ сдѣлаешь? Злобствуй какъ хочешь,
«а въ моей землѣ не будешь» (82). Не только
Юакиъ III и Василій, но и Правительница, отъ
времени до времени удовлетворяя корыстолюбію
Хановъ, изъясняли по крайней мѣрѣ благород-
ную гордость въ перепискѣ съ ними и не дозво-
ляли имъ забываться. Владычество Шуйскихъ
ознаменовалось слабостію и робкимъ малоду-
шіемъ въ Политикѣ Московской: Бояре даже не
смѣли отвѣтствовать Саинъ-Гирею на его угро-
зы; спѣшили отправить въ Тавриду знатнаго
Посла и купить вѣроломный союзъ варвара обя-
зательствомъ не воевать Казани (83); а Царь Ка-
занскій, увѣряя насъ въ своемъ миролюбіи, хо-
тѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары
въ знакъ уваженія. Напрасно ждали его уполномо-
ченныхъ въ Москву: они не ѣхали, а Казанцы
два года непрестанно злодѣйствовали въ обла-
стяхъ Нижняго, Балахны, Муромъ, Мещеры,

Гороховца, Владимира, Шуп, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки, Черми ⁽⁸⁴⁾; являлись единственно толпами, жгли, убивали, палили, такъ, что одинъ изъ Лѣтописцевъ сравниваетъ бѣдствія сего времени съ Батыевымъ нашествіемъ, говоря: «Батый протекъ молнією Русскую землю: «Казанцы же не выходили изъ ея предѣловъ, и слили кровь Христіанъ какъ воду. Беззащитные «укрывались въ лѣсахъ и въ пещерахъ; мѣста «бывшихъ селеній заросли дикимъ кустарникомъ. «Обратявъ монастыри въ пепелъ, невѣрные жили и спали въ церквахъ, пили изъ свя- «тыхъ сосудовъ, обдирали иконы для украшенія «женъ своихъ усерязами и монистами; сыпали «горящіе уголья въ сапоги Инокамъ и заставляли ихъ плясать; оскверняли юныхъ Мона- «ховъ; кого не брали въ плѣнъ, тѣмъ выкалывали глаза, обрѣзывали уши, носъ; отсѣкали «руки, ноги и — что всего ужаснѣе — многихъ «приводили въ Вѣру свою, а сіи несчастные «сами гнали Христіанъ какъ лютые враги ихъ. «Пишу не по слуху, но видѣнное мною, и чего никогда забыть не могу» ⁽⁸⁵⁾. Что дѣлали Правители Государства, Бояре? Хвалялись своимъ терпѣніемъ предъ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ, изъяснялись, что Казанцы терзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, не двигаемъ ни волоса для защиты своей земли ⁽⁸⁶⁾! Бояре хотѣли единственно мира, и не имѣли его; заключили союзъ съ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ ⁽⁸⁷⁾, и видѣли безпо-

лезность оваго. Послы Ханскіе были въ Москвѣ, а сынъ его, Иминь, съ шайками своихъ разбойниковъ грабилъ въ Коширскомъ Уѣздѣ ⁽⁸⁸⁾. Мы удовольствовались извиненіемъ, что Иминь не слушается отца и поступаетъ самовольно.

Другія виѣшнія дѣйствія Россіи болѣе соотвѣтствовали ея государственному достоинству. Чинownikъ Адашевъ ѣздилъ изъ Москвы съ дружественными письмами къ Султану и къ Патріарху, Замыцкій изъ Новагорода къ Королю Шведскому: въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ оказали великую честь нашимъ Посланныкамъ. Бояре подтвердили купеческій договоръ съ Ганзою и возобновили союзъ съ Астраханью, гдѣ опять царствовалъ Абдыль-Рахманъ. Послы Ногайскіе одни за другими являлись въ Москвѣ, предлагая намъ свои услуги и требуя единственно свободной торговли какъ милости. Литва, соблюдая перемиріе, не тревожила Россіи: старецъ Сигизмундъ въ покоѣ доживалъ вѣкъ свой ⁽⁸⁹⁾.

г. 1540. Въ сіе время сдѣлалась перемѣна въ нашей Аристократіи. Свергнувъ Митрополита Данила, Князь Иванъ Шуйскій считалъ новаго Первосвященника другомъ своимъ, но обманулся. Руководствуясь, можетъ быть, любовію къ добродѣтели, усердіемъ къ отечеству, и видя неспособ-

Насоль-
ства въ
Царь-
градѣ,
въ Сток-
гольмѣ.
Дого-
воръ съ
Ганзою,
съ
Астра-
ханью.
Но-
соль-
ства въ
Ногай-
скія.

Заго-
воръ
про-
тивъ
Шуй-
скаго;
осво-
божде-
ніе К.
Ивана

ность Шуйскаго управлять Державою, или Бѣльскаго и
по инымъ, мевѣ достохвальнымъ причи- власть
намъ, Митрополитъ Іоасафъ осмѣлился
ходатайствовать у юнаго Государя и въ
Думѣ за Князя Ивана Бѣльскаго. Многіе
Бояре пристаи къ нему: одни говорили
только о милосердіи, другіе о справедливости,
и вдругъ именемъ Іоанновымъ, съ
торжествомъ вывѣли Бѣльскаго изъ тем-
ницы, посадили въ Думу; а Шуйскій, изу-
мленный дерзостію Митрополита и Бояръ,
не успѣлъ отвратить удара: трепеталъ въ
злобѣ, клялся отмстить имъ за измѣну, и
съ того дня не хотѣлъ участвовать въ дѣ-
лахъ, ни присутствовать въ Думѣ⁽⁹⁰⁾, гдѣ
сторона Бѣльскихъ, одержавъ верхъ, на-
чала господствовать съ умѣренностію и
благоразуміемъ. Не было ни опалъ, ни
гоненій. Правительство стало попечитель-
нѣе, усерднѣе къ общему благу. Злоупо-
требленія власти уменьшились. Смѣнили
нѣкоторыхъ худыхъ Намѣстниковъ, и
Псковитяне освободились отъ насилій Кня-
зя Андрея Шуйскаго, отозваннаго въ Мо-
скву. Дума сдѣлала для нихъ то же, что
Василій сдѣлалъ для Новгородцевъ: воз-
вратила имъ судное право. Цѣловальники
или Присяжные, избираемые гражданами,
начали судить всѣ уголовныя дѣла неза-
висимо отъ Намѣстниковъ, къ великой
досадѣ сихъ послѣднихъ, лишенныхъ

Проще-
ннѣ Кня-
зя Вла-
димира
Андрее-
вича и
матери
его.

Облег-
чаютъ
судьбу
К. Дми-
трія
Углиц-
каго.

тѣмъ способа беззаконствовать и нажи-
ваться. Народъ отдохнулъ во Псковѣ;
славилъ милость Великаго Князя и до-
бродѣтель Бояръ (⁹¹). — Правительство за-
служило еще хвалу освобожденіемъ двою-
роднаго брата Іоаннова, юнаго Князя Вла-
димира Андреевича, и матери его, заклю-
ченныхъ Еленою: они переѣхали въ свой
домъ и жили уединенно; а чрезъ годъ,
въ день Рождества Христова, мать и сынъ
были представлены Іоанну. Имъ возвра-
тили богатые помѣстья Андреевы и до-
зволили имѣть Дворъ, Бояръ и слугъ
Княжескихъ (⁹²). — Назовемъ ли мило-
стію скудное, жалостное благодѣяніе, ока-
занное тогда же другому родственнику
Іоаннову? Внуку Василю Темнаго, сынъ
Андрея Углицкаго, именемъ Дмитрій,
еще пахотился въ числѣ живыхъ (⁹³),
забвенный всѣми, и сорокъ-девять ужас-
ныхъ лѣтъ, отъ нѣжной юности до глу-
бокой старости, сидѣлъ въ темницѣ, въ
узахъ, одинъ съ Богомъ и мирною со-
вѣстію, не оскорбивъ никого въ жизни,
не паршивъ никакого устава человѣче-
скаго, только за вины отца своего, имѣвъ
несчастіе родиться племянникомъ Само-
держца, коему надлежало истребить въ
Россіи вредную Систему Удѣловъ, и ко-
торый любилъ Единовластіе болѣе, нежели
единокровныхъ. Правители, желая быть

милосердыми , не рѣшились возвратить Дмитрія , какъ бы изъ могилы , чуждому для него міру ⁽⁹¹⁾ : велѣли только освободить его отъ тягости цѣпей , впустить къ нему въ темницу болѣе свѣта и воздуха ! Ожесточенный бѣдствіемъ , Дмитрій , можетъ быть , въ первый разъ смягчился тогда душою и пролилъ слезы благодарности , уже не гнетомый , не язвимый оковами , видя солнце и дыша свободѣе . Онъ содержался въ Вологдѣ : тамъ и кончилъ жизнь . Братъ его , Князь Иванъ , умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Монашесствѣ . Оба лежатъ вмѣстѣ въ Вологодской церкви Спаса на Прилукѣ ⁽⁹²⁾ .

Милуя или облегчая судьбу гонимыхъ , первый Вельможа , Князь Иванъ Бѣльскій , хотѣлъ и виновнаго брата своего , Симеона , вернуть отечеству и добродѣтели . Митрополитъ Іоасафъ взялся быть ходатаемъ . Извинили преступника , чѣмъ только могли : юностію его лѣтъ , неспоснымъ тиранинствомъ и самовластіемъ Еленина любимца . Государь простилъ : одно дѣйствіе , коимъ Петорія упрекаетъ Князя Ивана Бѣльскаго ! Измѣнникъ , предатель , наводивъ враговъ на отечество , явился бы снова при Дворѣ и въ Думѣ съ почестями опредѣленными для вѣрныхъ , знаменитыхъ слугъ Государства ! Но Симеонъ не воспользовался милосердіемъ , противнымъ уставу справед-

г. 1540-1541.

Прощенію К. Симео-
на Бѣльскаго.

ливости и блага гражданскихъ обществъ. Гонецъ Московскій уже не нашелъ Бѣльскаго въ Тавридѣ ⁽⁹⁶⁾: сей пзмѣщикъ былъ въ полѣ съ Ханомъ, замышляя гибель Россіи: пбо Саивъ-Гирей клялся въ дружбѣ къ Великому Князю единственно для того, чтобы произвести въ насъ оплошность и нечаянностію впаденія открыть себѣ путь въ сердце Московскихъ владѣній. Но Дума, подъ начальствомъ Князя Ивана Бѣльскаго, радѣя о внутреннемъ благоустройствѣ, не выпускала изъ виду и вѣншей безопасности.

Тайно готовясь къ войнѣ, Ханъ приглашалъ и Царя Казанскаго идти на Россію: къ счастію нашему, имъ неудобно было дѣйствовать въ одно время: первый ждалъ весны и подпожнаго корма въ степяхъ; а второй, не имѣя сильной рати судовой, боялся лѣтомъ оставить за спиною Волгу, гдѣ, въ случаѣ его бѣгства, Россіяне могли бы утопить Казанцевъ. Ободряемый нашимъ долговременнымъ терпѣніемъ и бездѣйствіемъ, Сафа-Гирей, въ Декабрѣ 1540 года миновавъ Нижній Новгородъ, успѣлъ безпрепятственно достигнуть Муромъ, но далѣе не могъ ступить ни шага: воины и граждане бились мужественно на стѣнахъ и въ вылазкахъ; Князь Дмитрій Бѣльскій шелъ изъ Владиміра, а Царь Алсей съ своими вѣрными Татарами изъ Касимова,

Впаде-
ніе Ка-
занска-
го Ца-
ря.

истребляя разсѣяныя толпы непріятелей въ Мещерской землѣ и въ селахъ Муромскихъ. Сафа-Гирей бѣжалъ назадъ, и такъ скоро, что Восводы Московскіе не догнали его ⁽⁹⁷⁾. — Сей не весьма удачный походъ умножилъ число недовольныхъ въ Казани: тамошніе Князья и знатнѣйшій изъ нихъ, Булатъ, тайно писали въ Москву, чтобы Государь послалъ къ нимъ войско; что они готовы убитъ или выдать намъ Сафа-Гирея, который, отнимая собственность у Вельможъ и народа, шлетъ казну въ Тавриду. Бояре велѣли немедленно соединиться полкамъ изъ семнадцати городовъ въ Владимірѣ, подъ начальствомъ Князя Ивана Васильевича Шуйскаго; отвѣтствовали Булату ласково, обѣщая ему милость и забвеніе прошедшаго; но ждали дальнѣйшихъ вѣстей изъ Казани, чтобы послать туда войско ⁽⁹⁸⁾.

Еще Ханъ Саипъ-Гирей скрывалъ свои замыслы: Посолъ Іоанизовъ, Князь Александръ Кашинъ, жилъ въ Тавридѣ, а Ханскій, писемъ Тагалдый, въ Москвѣ; но Бояре угадывали, что Царь Казанскій дѣйствовалъ по согласію съ Крымомъ, и для того, на всякій случай, собрали войско въ Коломнѣ, гдѣ самъ юный Іоаннъ осмотрѣлъ его станъ. Весною узнали въ Москвѣ (черезъ Наше-
павицковъ, ушедшихъ изъ Тавриды) что стѣіе
Хана Ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со

Крым-
ского.

всею Ордою, не оставивъ дома никого, кромѣ женъ, дѣтей и старцевъ; что у него дружина Султанова съ огнестрѣльнымъ снарядомъ; что къ нему присоединились еще толпы изъ Ногайскихъ Улусовъ, изъ Астрахани, Кафы, Азова; что Князь Симеонъ Бѣльскій взялся быть его путеводителемъ ⁽⁹⁹⁾. Намѣстнику Путивльскому, Федору Плещеву, велѣно было удостовѣриться въ истинѣ сего извѣстія: люди, посланные имъ въ степи, видѣли тамъ слѣды прошедшаго войска, тысячъ ста или болѣе. Тогда Князь Дмитрій Бѣльскій, въ санѣ главнаго Воеводы, прибылъ въ Коломну и вывелъ рать въ поле. Князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій остался въ Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ; многочисленныя дружины шли отовсюду къ Серпухову, Калугѣ, Тулѣ, Рязани. Наши смѣлые лазутчики встрѣтили Хана близъ Дона: они смотрѣли на полки его и не видали имъ конца въ степяхъ открытыхъ. Уже Саинъ-Гирей былъ на сей сторонѣ Дона; приступалъ къ Зарайску и не могъ взять крѣпости, отраженный славнымъ мужествомъ ея Воеводы, Назара Глѣбова ⁽¹⁰⁰⁾.

Июля
28.

Между тѣмъ, какъ наши полки располагались станомъ близъ Оки, Москва умилялась зрѣлищемъ, дѣйствительно трогательнымъ: десятилѣтній Государь съ братомъ своимъ, Юріемъ, молился Всевышнему въ

Успенскомъ храмѣ, предъ Владимірскою иконою Богоматери и гробомъ Св. Петра Митрополита о спасеніи отечества ; плакалъ и въ слухъ народа говорилъ ⁽¹⁰¹⁾ : «Боже! Ты защитилъ моего пра-
«дѣда въ нашествіе лютаго Темиръ-Аксака : за-
«щити и насъ, юныхъ, сирыхъ ! Не имѣемъ ни
«отца, ни матери, ни силы въ разумъ, ни крѣпо-
«сти въ десницѣ ; а Государство требуетъ отъ
«насъ спасенія !» Онъ повелъ Митрополита въ
Думу, гдѣ сидѣли Бояре, и сказалъ имъ : «Врагъ
«сидеть : рѣшите , здѣсь ли мнѣ быть , или уда-
«литься ?» Бояре разсуждали тихо и спокойно.
Одни говорили , что Великіе Князья въ случаѣ
непріятельскихъ нашествій никогда не заключа-
лись въ Москвѣ. Другіе такъ отвѣтствовали :
«Когда Едигей шелъ къ столицѣ ⁽¹⁰²⁾ , Василій
«Димитріевичъ удалился, чтобы собирать войско
«въ областяхъ Россійскихъ, но въ Москвѣ оста-
«вилъ Князя Владиміра Андреевича и своихъ
«братьевъ. Нынѣ Государь у насъ отрокъ , а
«братъ его еще малолѣтнѣе : дѣтямъ ли скакать
«изъ мѣста въ мѣсто и составлять полки ? Не
«скорѣе ли впадутъ они въ руки невѣрныхъ, ко-
«торые безъ сомнѣнія разсѣются и по инымъ
«областямъ, ежели достигнутъ Москвы?» Митро-
политъ соглашался съ послѣдними и говорилъ :
«Гдѣ искать безопасности Великому Князю? Пов-
«городъ и Псковъ смежны съ Литвою и съ Нѣм-
«цами ; Кострома, Ярославль, Галичъ, подверже-
«ны набѣгамъ Казанцевъ ; и на кого оставить
«Москву, гдѣ лежатъ Святые Угодники? Дими-

«трій Іоанновичъ оставилъ ее безъ Воеводъ сильнаго: что же случилось? Господь «да сохранитъ насъ отъ такого бѣдствія! «Нѣтъ нужды собрать войско: одно стоитъ на берегахъ Оки, другое въ Владиміръ съ Царемъ Шигъ-Алсеемъ, и защитятъ «Москву. Имѣемъ силу, имѣемъ Бога и «Святыхъ, коимъ отецъ Іоанновъ поручилъ возлюбленнаго сына: не унывайте!»
Всѣ Бояре единодушно сказали: «Государь!

Велико-
душіе
народа
и вой-
ска.

«останься въ Москвѣ!» и Великій Князь възвучно далъ повелѣніе Градскимъ Приказчикамъ, готовиться къ осадѣ. Ревность, усердіе оживляли воиновъ и народъ. Всѣ клялись умереть за Іоанна, стоять твердо за святыя церкви и дома свои. Людей расписали на дружины для защиты стѣнъ, воротъ и башенъ; вездѣ разставили пушки; укрѣпили посады на холмахъ (103). Никто не мыслилъ о бѣгствѣ, и Лѣтописцы удивляются сему общему вдохновенію мужества какъ бы дѣйствию сверхъестественному.

То же было и въ войскѣ. Полководцы обыкновенно считались тогда въ старѣйшинствѣ или въ знатности родовъ между собою и не хотѣли зависѣть отъ младшихъ, ни отъ равныхъ, вопреки Государеву назначенію. Василій и отецъ его умѣли обузывать ихъ мстничество; по юность Іоаннова, вселяя безстрашіе и дерзость въ глав-

ныхъ чиновниковъ, довела сіе зло до крайности. Прѣнія и вражда господствовали въ станахъ ⁽¹⁰⁴⁾. Великій Князь послалъ Дьяка своего, Ивана Курицына, съ письмомъ къ Димитрію Бѣльскому и къ его знаменитымъ сподвижникамъ; убѣждалъ ихъ оставить всѣ личности, всѣ несогласія и свары, — соединиться духомъ и сердцемъ за отечество, за Вѣру и Государя юного, который уповаешь единственно на Бога и на ихъ оружіе. «Ока да будетъ неодолимою преградою для Ха-«на!» писалъ Іоаннъ: «а если не удержитъ вра-«га, то заградите ему путь къ Москвѣ своею «грудью ⁽¹⁰⁵⁾. Сразитесь крѣпко во имя Бога «всемогущаго! Обѣщаю любовь и милость не «только вамъ, но и дѣтямъ вашимъ. Кто падетъ «въ битвѣ, того имя вею вписать въ *Книги Жи-«вотныя* ⁽¹⁰⁶⁾; того жена и дѣти будутъ моими «ближними.» Воеводы слушали грамоту съ уми-леніемъ. «Такъ!» говорили они: «забудемъ враж-«ду и самихъ себя; вспомнимъ милость Великаго «Князя Василія; послужимъ Іоанну, коего слабая «рука еще не владѣетъ оружіемъ; послужимъ «малому, да отъ великаго честь пріимемъ! Если «исполнится наше ревностное желаніе; если по-«бѣдимъ, то не въ одной Русской, но и въ чуж-«дыхъ, отдаленныхъ земляхъ прославимся. Мы «не безсмертны: умремъ же за отечество! Богъ «и Государь не забудутъ насъ.» Сія, дотолѣ свар-ливые, упрямые Воеводы плакали, обнимали другъ друга въ восторгѣ великодушія; называ-лись братьями; клялися вмѣстѣ побѣдить или

оставить кости свои на берегу Оки. Они вышли изъ шатра, читали войску письмо Иоанново, говорили рѣчи сильныя глубокимъ, добродѣтельнымъ чувствомъ. Дѣйствіе было неописанное. Воины кричали: «Хотимъ, хотимъ пить смертную чашу съ «Татарами за Государя юнаго! Когда вы, «отцы наши, согласны между собою, идемъ «съ радостію на враговъ невѣрныхъ!» И все полки двинулись впередъ, многочисленныя, стройныя и бодрые.

1 июля
30.

Уже Ханъ пришелъ къ Окѣ и сталъ на высотахъ. Другой берегъ ея былъ занятъ Московскою передовою дружиною, подъ начальствомъ Князей Ивапа Турунта-Пронскаго и Василя Охлябина-Ярославскаго. Татары — думая, что у насъ нѣтъ болѣе войска — спустили плоты на рѣку и хотѣли переправиться; а Турки стрѣляли изъ пушекъ, изъ пицалей, чтобы отбить Россіянъ, которые, дѣйствуя одними стрѣлами, сперва было дрогнули и замѣшались... Но присѣли Князья Пунковъ-Микулицкій и Серебряный-Оболепскій съ полками: Россіане стали твердо. Скоро явились новыя, густыя толпы ихъ и ряды необозримые: Князья Михайло Кубенскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и самъ Дмитрій Бѣльскій водрузили на берегу свои знамена. Съ правой и лѣвой стороны еще шло войско; вдали показалась многочисленная Запасная

Стража. Ханъ видѣлъ, изумлялся, и съ гнѣвомъ сказалъ измѣшнику нашему, Симеону Бѣльскому, и Вельможамъ : «Вы обманули меня, увѣривъ, что Россія не въ силахъ бороться въ одно время съ Казачью и со мною. Какое войско ! Ни я, ни опытные «старцы мои не видывали подобнаго» (107). Объятый ужасомъ, онъ хотѣлъ бѣжать : Мурзы удержали его. Съ обѣихъ сторонъ летали ядра, пули и стрѣлы; ввечеру Татары отступили къ высотамъ, а Россіяне, одушевленные мужествомъ, кричали имъ : «идите сюда; мы васъ ожидаемъ!»

Наступила ночь : Воеводы Иоанновы, по словамъ Лѣтописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня. Не было ни страха, ни сомнѣнiя; не хотѣли отдыха; стукъ оружія и шумъ людей не умолкали въ станѣ; приходили новыя дружины одна за другою съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ непрерывно слышалъ издали радостныя клики въ нашемъ войскѣ; видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ мы ставили пушки на холмахъ берега — и не дождался утра : терзаемый

Въ г-
ство
неприя-
тели.

страхомъ, злобою, стыдомъ, усекалъ въ телегѣ; за нимъ побѣжало и войско, истребивъ часть обоза, другую же и вѣсколько пушекъ Султановыхъ оставивъ намъ въ добычу. Тогда въ первый разъ мы увидѣли въ рукахъ своихъ Оттоманскіе Трофеи ! —

Съ сею счастливою вѣстію Дмитрій Бѣльскій послалъ въ Москву Князя Івана Кашина, а Князей Микулинскаго и Серебряпаго въ слѣдъ за Ханомъ. Они наѣхали отсталыхъ, которые извѣстили ихъ, что Саипъ-Гирей идетъ къ Пронску. Хвалившись стать на Воробьевыхъ горахъ и разорить все области Московскія, онъ думалъ уменьшить стыдъ свой взятіемъ сей маловажной крѣпости, подобно Тамерлану, не завоевавшему въ Россіи ничего, кромѣ Ельца. Тогда главный нашъ Воевода отрядилъ впередъ новые полки, чтобы скорѣе выгнать Хана изъ предѣловъ Россіи.

3 Августа Саипъ-Гирей обступилъ Пронскъ, гдѣ начальствовалъ Василій Жулебинъ (108), у коего было не много людей, но много смѣлости: онъ пушками, кольями и камнями отбилъ непріятеля. Мурзы хотѣли говорить съ нимъ: Жулебинъ явился на стѣнѣ. «Сдайся», сказали они: «Царь обѣщаетъ тебѣ милость, или будетъ стоять здѣсь, пока возметъ городъ.» Витязь отвѣтствовалъ: «Божіею волею ставится градъ, и никто не возметъ его безъ воли Божіей. Пусть «Царь стоитъ: увидитъ скоро Воеводъ Московскихъ.» Саипъ-Гирей велѣлъ готовить туры для новаго, сильнѣйшаго приступа; а Жулебинъ вооружилъ не только всехъ гражданъ, но и самыхъ женъ. Груды камней и колья лежали на стѣнѣ; котлы кипѣли съ водою; надъ заряженными пушками горѣли фитили. Тогда осажденные получили вѣсть, что Князя Микулинскій и

Серебряный уже близко ⁽¹⁰⁹⁾: кляки веселія раз-
дались въ городѣ. Ханъ узналъ о томъ: сжегъ
туры, и 6 Августа удалился отъ Пронска, гони-
мый нашими Воеводами до самаго Дона; а Князь
Воротынский разбилъ Царевича Импія, который
было-остановился для грабежа въ Одоевскомъ
Уѣздѣ ⁽¹¹⁰⁾.

Вся Россія торжествовала сіе счастливое из-
гнаніе спльнаго врага изъ пѣдръея; славилъ Го-
сударя и Полководцевъ. Юность Іоаннова, уми-
лительная для сердець во дни страха, была осо-
бенною прелестію и торжества народнаго, когда
Державный отрокъ въ храмѣ Всевышняго благо-
дарилъ Небо за спасеніе Россіи; когда именемъ
отечества изъявлялъ признательность Воево-
дамъ, и когда они, тронутые его милостію, съ
радостными слезами отвѣчали ему: «Государь!
«мы побѣдили твоими Ангельскими молитвами и
«твоимъ *счастіемъ*» ⁽¹¹¹⁾! Народъ всего болѣе
вѣритъ *счастію*, и младыя лѣта Іоанновы от-
крывали неизмѣримое поле для надежды. — Такъ
чувствовали современники, которые видѣли въ
Саяпъ-Гирѣѣ поваго Мамал или Тамерлана, и
хвалились его бѣгствомъ какъ славнымъ для
Россіи провешествіемъ. Они не думали о буду-
щемъ. Что случилось, могло и впредъ случиться.
Россія, уже дѣйствительно сплная, оставалась
еще жертвою *снеланныхъ* нападеній: мы хотѣли,
чтобы непріятель давалъ намъ время изгото-
виться къ оборонѣ; выгоняли его, но села наши
пустѣли, и Государство лишалось главной своей

драгоцѣнности : людей ! Только опыты вѣковъ приводятъ истинныя мѣры государственной безопасности въ твердую систему.

Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душою Правительства, стоялъ на высшей степени счастья, опираясь на личную милость Державнаго отрока, уже зрѣющаго душою, — на ближнее съ нимъ родство, на усиѣхи оружія, на дѣла человеколюбія и справедливости. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ... и втайнѣ кипѣла злоба, коварствовала зависть, неусыпная въ свѣтѣ, особенно дѣятельная при Дворѣ. Здѣсь Исторія наша представляетъ опасность великодушія, какъ бы въ оправданіе жестокихъ, мстительныхъ властолюбцевъ, дающихъ миръ врагамъ только въ могилѣ. Князь Иванъ Бѣльскій, освобожденный Митрополитомъ и Боярами, могъ бы помѣниться темницею съ Шуйскимъ; могъ бы отнять у него и свободу и жизнь: но презрѣлъ безсильную злобу, и сдѣлалъ еще болѣе : оказалъ уваженіе къ его ратнымъ способностямъ и далъ ему Воеводство: что назвали бы мы ошибкою великодушія, если бы оно имѣло цѣлю не внутреннее удовольствіе сердца, не добродѣтель, а выгоды страстей. Шуйскій, съ гнѣвомъ уступивъ власть своему неосторожному противнику, думалъ единственно о мести, и знаменитые Бояре, Князья Михайло, Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій, Казначей Третьяковъ, вошли съ нимъ въ заговоръ, чтобы погубить Бѣльскаго и Митрополита, связавшихъ дружбою и, какъ вѣроятно,

усердною любовію къ отечеству. Не было, кажется, и предлога благовиднаго: заговорщики хотѣли просто, низвергнувъ властелина, занять его мѣсто, и доказать не правость, а силу свою. Они преклонили къ себѣ многихъ Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, не только въ Москвѣ, но и въ разныхъ областяхъ, особенно въ Новгородѣ ⁽¹¹²⁾. Шуйскій, находясь съ полками въ Владимірѣ, чтобы идти на Казань, обѣщаніями и ласками умножилъ число своихъ единомышленниковъ въ войскѣ; взялъ съ нихъ тайную присягу, далъ знать Московскимъ клевретамъ, что время приступить къ дѣлу, и послалъ къ нимъ изъ Владиміра съ сыномъ, Княземъ Петромъ, триста надежныхъ всадниковъ ⁽¹¹³⁾. Ночью, 3 Января, сдѣлалась ужасная тревога въ Кремлѣ: заговорщики схватили Князя Ивана Бѣльскаго въ его домѣ и посадили въ темницу; также вѣрныхъ ему друзей, Князя Петра Щенятева и знатаго сановника Хабарова: перваго извели задними дверьми изъ самой комнаты Государевой; окружили Митрополитовы келіи, бросали камнями въ окна, и едва не убили Иосафа, который бѣжалъ отъ нихъ на Троицкое подворье: Игуменъ Лавры и Князь Дмитрій Палецкій только именемъ Св. Сергія могли удержать неистовыхъ Дѣтей Боярскихъ ⁽¹¹⁴⁾, поднявшихъ руку на Архiepаcкy.

Г 1312
Смута
Январь.
Наде-
нне К.
Иова
Бѣль-
скаго.

Ссылка
Митро-
полита.

Новое
господ-
ство К.
Ивана
Шуй-
скаго.

трополить искалъ безопасности во дворцѣ, въ присутствіи юнаго Іоанна; но Государь, пробужденный свирѣнымъ воплемъ мятежниковъ, самъ трепеталъ какъ несчастная жертва. Бояре съ шумомъ вошли за Іоасафомъ въ комнату Великаго Князя; взяли, отправили Митрополита въ ссылку, въ монастырь Кирилловъ на Бѣлѣозерѣ; велѣли придворнымъ Священникамъ, за три часа до свѣта, пѣть заутреню ⁽¹¹⁵⁾; кричали, господствовали, какъ бы завоевавъ Престолъ и Церковь; не думали о соблюденіи ни малѣйшей пристойности; дѣйствовали въ видѣ бунтовщиковъ; устроили столицу. Никто въ сію ужасную ночь не смыкалъ глазъ въ Москвѣ. На разсвѣтѣ прискакалъ Шуйскій изъ Владиміра и сдѣлался вторично Главою Бояръ. Князя Івана Бѣльскаго послали въ заточеніе на Бѣлоозеро, Иценятева въ Ярославль, Хабарова въ Тверь. Тишина и спокойствіе возстановились. Но Шуйскій еще не былъ доволенъ: опасаясь переменъ, добродѣтели Князя Івана Бѣльскаго и общей къ нему любви, онъ велѣлъ убить его, по согласію съ Болрами, безъ вѣдома Государева ⁽¹¹⁶⁾. Три злодѣя умертвили сего несчастнаго Князя въ темницѣ: Вельможу благодушнаго, воина мужественнаго, Христіанина просвѣщеннаго, какъ пишутъ современники ⁽¹¹⁷⁾. Нѣкогда подозреваемый въ тайномъ лихоимствѣ, за из-

лишнее миролюбіе, оказавное имъ въ двухъ войнахъ Казанскихъ (¹¹⁸), онъ славою послѣднихъ лѣтъ своей жизни оправдался въ народномъ мнѣніи.

Россія уже знала Шуйскаго и не могла ожидать отъ его правленія ни мудрости, ни чистаго усердія къ государственному благу; могла единственно надѣяться, что власть сего человѣка, снисканная явнымъ беззаконіемъ, не продолжится. Дума осталась, какъ была: только нѣкоторые Члены ея, смотря по ихъ отношеніямъ къ главному Вельможѣ, утратили силу свою или пріобрѣли новую. Князь Дмитрій Бѣльскій оплакивалъ брата и сидѣлъ на первомъ мѣстѣ въ Совѣтѣ, какъ старшій именемъ Бояринъ. Надлежало избрать Митрополита: малолѣтство Іоанново давало Архипастырю Церкви еще болѣе важности; онъ имѣлъ свободный доступъ къ юному Государю, могъ совѣтовать ему, смѣло противорѣчить Боярамъ и дѣйствовать на умы гражданъ Христіанскими увѣщаніями. Шуйскій и друзья его не хотѣли вторично ошибиться въ семъ выборѣ, медлили около двухъ мѣсяцевъ, и призвали Архіепископа Макарія, славнаго умомъ, дѣятельностію, благочестіемъ: любя и мірскую честь, онъ, можетъ быть, оказалъ имъ услуги въ Новѣгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ сторону (¹¹⁹), въ надеждѣ заступить мѣсто

Посвя-
щеніе
Миха-
рія.

Іоасафа. Чрезъ семь дней нарекли Макарія Первосвятителемъ и возвели на Дворъ Митрополичій, а чрезъ десять дней посвятили (¹²⁰). Такимъ образомъ Князь Іванъ Шуйскій самовластно свергнулъ двухъ Митрополитовъ единственно по личной къ нимъ ненависти, безъ всякаго суда и законнаго предлога. Духовенство молчало и повиновалось. — Всѣ прежнія насилія, несправедливости возобновились. Льгота и права, данныя областнымъ жителямъ въ благословенное господствованіе Князя Бѣльскаго, уничтожились происками Намѣстниковъ (¹²¹). Россія едѣлалась опять добычею клеветовъ, ближнихъ и слугъ Шуйскаго. Но Іоаннъ возрасталъ!

Пере-
миріе
съ Лит-
вою.

Важнѣйшимъ дѣломъ вѣншей Политики сего времени было новое перемиріе съ Литвою на семь лѣтъ, заключенное въ Москвѣ Королевскими Панами, Яцомъ Глѣбовичемъ и Никодимомъ (¹²²). Хотѣли и вѣчнаго мира съ обѣихъ сторонъ, но не согласились, какъ и прежде, въ условіяхъ. Болре домогались размѣна плѣнныхъ: Король требовалъ за то Чернигова и шести другихъ городовъ, боясь, кажется, чтобы Литовскіе плѣнники не возвратились къ нему съ измѣною въ сердцѣ, и чтобы Россійскіе не открыли намъ новыхъ способовъ побѣды. Наконецъ положили единственно не воевать другъ друга и кунцамъ торговать сво-

бодно. Сигизмундъ уже слабѣлъ: Паны договаривались именемъ его сына и наследника, Августа. Въ присутствіи юнаго Іоанна читали грамоты: Великій Князь цѣловалъ крестъ и далъ руку Посламъ ⁽¹²³⁾; а Бояринъ Морозовъ ѣздилъ въ Литву для размѣна грамотъ. Ему велѣно было предстательствовать за нашихъ плѣнниковъ, чтобы ихъ не держали въ узахъ и позволяли имъ ходить въ церковь: послѣднее утѣшеніе для несчастныхъ, осужденныхъ умереть въ странѣ непріятельской! — Между тѣмъ спорили о земляхъ Себежскихъ и другихъ; хотѣли и не могли размежеваться. Чиновникъ Сукинъ, посланный для того въ Литву, долженъ былъ въ тайной бесѣдѣ съ ея Вельможами сказать имъ, что Іоаннъ уже ищетъ себѣ невѣсты, и что Бояре Московскіе желаютъ знать ихъ мысли о пользѣ родственнаго союза между Государями обѣихъ Державъ. Въ донесеніи Сукина не находимъ отвѣта на сіе предложеніе ⁽¹²⁴⁾.

Испытавъ неудачу, Ханъ Саипъ-Гирей согласился быть въ дружбѣ съ нами, отпустилъ Іоаннова Посла, Князя Александра Кашина, въ Москву, и далъ ему новую *шертную грамоту*; но сынъ Ханскій, Имвнъ, и хищные Мурзы тревожили набѣгами Сѣверскую область и Рязань ⁽¹²⁵⁾. Воеводы Московскіе встрѣтили ихъ; побили Крымцевъ на славномъ полѣ Куликовѣ

Набѣги
Крым-
цевъ,
Пога-
евъ. Дѣ-
ла Ка-
валъ-
скія.
Сноше-
нія съ

Астра-
ханью,
съ Мол-
давією.

и гнали до рѣки Мечн (¹²⁶). — Казанцы требовали мира; но Князь Булатъ уже не хотѣлъ свергнуть Сафа-Гирея, и писалъ о томъ къ Боярину, Димитрію Бѣльскому, а Царевна Горинада къ самому Іоанну. Сія Царевна славилась ученостію и волхвованіемъ. Лѣтописцы увѣряютъ, что она торжественно предсказывала скорую гибель Казани и величіе Россіи. Дума Боярская не отвергала мира; но Сафа-Гирей медлилъ и не заключалъ оного (¹²⁷). — Дружественныя сношенія продолжались съ Астраханью и съ Молдавією. Царевичъ Астраханскій, Едигерь, пріѣхалъ служить въ Россію (¹²⁸). Воевода Молдавскій, Иванъ Петровичъ, внукъ Стефановъ, писалъ къ Великому Князю, что Салиманъ, изгнавъ его, умиловивился и возвратилъ ему Молдавію, но требуетъ, сверхъ ежегодной дани, около трехъ-сотъ-тысячъ золотыхъ, копѣй не лзя собрать въ землѣ опустошенной (¹²⁹). Господарь молилъ Іоанна о денежномъ вспоможеніи, которое и было послано.

Н е р е-
мѣна къ
Правле-
нію.

Но смуты и козни придворныя занимали Думу болѣе, нежели внутреннія и внѣшнія дѣла государственныя. Не долго Князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій пользовался властію: болѣзнь, какъ надобно думать, заставила его отказаться отъ Двора. Онъ жилъ еще года два или три (¹³⁰), не участвуя въ правленіи, но славъ оное своимъ

ближнимъ родственникамъ , тремъ Шуйскимъ: Князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ и Федору Ивановичу Скопину, которые, не имѣя ни великодушія, ни ума высвиреннаго, любяши только господствовать и не думали заслуживать любви согражданъ, ни признательности юнаго Вѣнецосца истиннымъ усердіемъ къ отечеству. Искусство сихъ Олигарховъ состояло въ томъ, чтобы не терпѣть противорѣчій въ Думѣ и допускать до Государя единственно преданныхъ имъ людей, удаляя всѣхъ, кто могъ быть для нихъ опасенъ или смѣлостію, или разумомъ, или благородными качествами сердца. Но Іоаннъ, приходя въ смыслъ, уже чувствовалъ тягость незаконной опеки, ненавидѣлъ Шуйскихъ, особенно Князя Андрея, наглаго, свирѣпаго, и склонялся душою къ ихъ явнымъ или тайнымъ недоброхотамъ, въ числѣ коихъ былъ Совѣтникъ Думы, Федоръ Семеновичъ Воронцовъ ⁽¹³¹⁾. Олигархи желали пристойнымъ образомъ удалить его, и не могли; злобствовали, и видя возрастающую къ нему любовь Іоаннову, рѣшились прибѣгнуть къ насилью: во дворцѣ, въ торжественномъ засѣданіи Думы, въ присутствіи Государя и Митрополита, Шуйскіе съ своими единомышленниками, Князьями Кубенскими, Палецкимъ, Шкурлятевымъ, Пропскими и Алексѣемъ Басмановымъ,

г. 1543.

Нл.
глюсть
Ш у й-
скихъ.

послѣ шумнаго прѣнія о мнимыхъ винахъ сего любимца Іоаннова, вскочили какъ вешетовые, извлекли Воронцова силою въ другую комнату, мучили, хотѣли умертвить. Юный Государь въ ужасѣ молилъ Митрополита спасти несчастнаго: Перво-святитель и Бояре Морозовы говорили именемъ Великаго Князя, и Шуйскіе, какъ бы изъ милости къ нему, дали слово оставить Воронцова живаго, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили въ темницу. Іоаннъ вторично отправилъ къ нимъ Митрополита и Бояръ съ убѣжденіемъ, чтобы они послали Воронцова на службу въ Коломну, если не лѣзя ему быть при Дворѣ и въ Москвѣ. Шуйскіе не согласившись: Государь долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ отвезли въ Кострому ⁽¹³²⁾. Изображая тогдашнюю наглость Вельможъ, Лѣтописецъ рассказываетъ, что одинъ изъ ихъ клевретовъ, Оома Головинъ, въ спорѣ съ Митрополитомъ наступивъ на его мантию, изорвалъ оную въ знакъ презрѣнія.

Син крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ Правителяхъ Государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и невріателями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душою, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ

имѣлъ бы все́ главныя качества великаго <sup>воспи-
таніе
Іоанна.</sup> Монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары Природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ Вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникающими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто сего, мудрый нѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ Князь Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока Державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго Вельможу у Государя и Государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ все́хъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; питали въ немъ склонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. На примѣръ, любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а Бояре говорили: «пусть Державный веселится!» Окруживъ

Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣлясь, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакать по улицамъ, давилъ жевъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда Бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство ⁽¹³³⁾! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей Вѣщесца, ибо не исполняли своихъ; не неклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о Князѣ Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтреность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы Великій Князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ козни въ Кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ Бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, Государевы дяди, Князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые ⁽¹³⁴⁾: первый засѣдалъ въ Думѣ; второй имѣлъ знатный санъ Конюшаго. Они, не смотря на бди-

Заго-
воръ
и р о.
твѣ

тельность Шуйскихъ, внушали тринадцатилѣтнему племяннику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ Самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ Бояръ и ругаются надъ самимъ Государемъ, угрожая смертію всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный Митрополитъ, недовольный дерзкимъ напльемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: Дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ Лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ Бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ; объявилъ съ твердостію, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю; что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнить только виновнѣйшаго: Князя Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ встерзали, умертвили сего знатнѣйшаго Вельможу (135). Шуйскіе и друзья ихъ

глав-
ныхъ
Вель-
можъ.

Дека-
бря 29.

Падѣ-
н іе
Шуй-
скихъ.

безмолвствовали : народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ, что онъ, непасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли отнималъ Дворянскія земли, угнетая крестьянъ; что даже и слуги его господствовали и тиранствовали въ Россіи, не боясь ни судей, ни законовъ ⁽¹³⁶⁾. Но сія варварская казнь, хотя и заслуженная недостойнымъ Вельможею, была ли достойна истиннаго Правительства и Государя? Она явила, что бѣдствіе Шуйскихъ не умудрило ихъ преемниковъ; что не законъ и не справедливость, а только одна сторона, падъ другою одержала верхъ, и насиліе уступило насилію : ибо юный Іоаннъ безъ сомнѣнія еще не могъ властвовать самъ собою : Князья Глицкіе съ друзьями повелѣвали его имениемъ, хотя и сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что «съ того времени Бояре начали имѣть страхъ отъ Государя» ⁽¹³⁷⁾.

Власть
Глицкихъ

Жестокость
привле-
вія
Г. 1544.
1546.

Оналы и жестокость новаго Правленія дѣйствительно устрашили сердца. Сослали Федора Шуйскаго-Скопина, Князя Юрія Темкина, Оому Головина и многихъ иныхъ чиновниковъ въ отдаленныя мѣста: а знатнаго Боярина, Ивана Кубеискаго, сына двоюродной тетки Государевой, Княжны Углицкой, посадили въ темницу ⁽¹³⁸⁾ : онъ находился въ тѣсной связи съ Шуйскими, но отличался достоинствами, умомъ, тихимъ

правомъ (139). Его заключили въ Переславль вмѣстѣ съ женою, тамъ, гдѣ свдѣль вѣкогда несчастный Князь Андрей Углицкій съ дѣтьми своими (140). Казнь, изобрѣтенная варварствомъ, была участію сановника придворнаго, Аѳанасья Бутурлина, обвиненнаго въ дерзкихъ словахъ: ему отрѣзали языкъ предъ темницею въ глазахъ народа (141). Черезъ пять мѣсяцевъ освободивъ Кубенскаго, Государь снова возложилъ на него оула, также на Князей Петра Шуйскаго (142), Горбатаго, Димитрія Палецкаго и на своего любимца, Боярина Федора Воронцова; простилъ ихъ изъ уваженія къ ходатайству Митрополита, но не надолго. Разнесся слухъ, что Ханъ Крымскій готовится идти къ нашимъ предѣламъ: слышъ его, Имъинь, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ (143) свободно грабилъ въ Уѣздахъ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ (гдѣ наши Воеводы только спорили о старѣйшинствѣ, не двигаясь съ мѣста для отраженія непріятеля). Самъ Іоаннъ, уже вступивъ въ лѣта юности, предводительствовалъ многочисленною ратію, ѣздивъ водою на богомолье въ Угрѣшскій монастырь Св. Николая, прибылъ къ войску и жилъ въ Коломнѣ около трехъ мѣсяцевъ (144). Ханъ не явился. Военскій станъ сдѣлался Дворомъ, и злые честолюбцы занимались кознями. Однажды Государь, по своему обыкновенію выѣхавъ на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятидесятью Новгородскими нищальниками, которые хотѣли привести ему какія-то жалобы: Іоаннъ не слушалъ, и велѣлъ

своимъ Дворянамъ разогнать ихъ. Новогородцы противились : началась битва ; стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, умертвляли съ обѣихъ сторонъ человекъ десять. Государь возвратился въ станъ ⁽¹⁴⁵⁾, и велѣлъ ближнему Дьяку, Василію Захарову, узнать, кто подучилъ Новогородцевъ къ дерзости и мятежу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ Главными, донесъ ему, что Бояре, Князь Иванъ Кубенскій и Воронцовы, Федоръ и Василій, суть тайные виновники мятежа. Сего было довольно : безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, гнѣвный Іоаннъ велѣлъ отрубить имъ головы, объявивъ, что они заслужили казни и прежними своими беззаконіями во время Боярскаго правленія ⁽¹⁴⁶⁾! Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невинность, укоряя Федора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительнаго первенства между Боярами, и досадовалъ, Когда Государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовалъ паденію Шуйскихъ, и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный любимецъ положилъ голову на одной съ нимъ плахѣ! . . . Такъ новые Вельможи, пѣтуны или совѣтники Іоанновы, приучали юношу-Монарха къ ужасному легкомыслію въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и тиранизму! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибель; подобно имъ, не удерживали, но стремили Іоанна на пути къ разврату, и неслись не о томъ, чтобы сдѣлать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ее въ рукахъ собственныхъ.

Въ отношеніи къ инымъ Державамъ мы дѣйствовали съ успѣхомъ и съ честію. Король Польскій сдалъ правленіе сыну, Сигизмунду-Августу, который, извѣстивъ о томъ Великаго Князя, увѣрялъ Россію въ своемъ миролюбіи и въ твердомъ намѣреніи исполнять заключенный съ нею договоръ ⁽¹⁴⁷⁾. — Обманы Царя и Вельможъ Казанскихъ вывели Іоанна изъ терпѣнія. Двѣ рати, одна изъ Москвы, другая изъ Вятки, въ одинъ день и часъ сошлись подъ стѣнами Казани, обратили въ пепелъ окрестности и *кабаки Царскіе*, убили множество людей близъ города и на берегахъ Свіяги, взяли знатныхъ плѣнниковъ и благополучно возвратились ⁽¹⁴⁸⁾. Сіе внезапное нашествіе Россіянъ заставило думать Царя, что Казанскіе Вельможи тайно подвели ихъ: онъ хотѣлъ мстить; умертвилъ нѣкоторыхъ Князей, иныхъ выгналъ ⁽¹⁴⁹⁾, и произвелъ всеобщее озлобленіе, косго слѣдствіемъ было то, что Казанцы, требуя войска отъ Іоанна, желали выдать ему Сафа-Гирея съ тридцатью Крымскими саяновниками. Государь обѣщалъ послать войско, но хотѣлъ, чтобы они прежде свергнули и заключили Царя. Бунтъ дѣйствительно открылся: Сафа-Гирей бѣжалъ, и многіе изъ Крымцевъ были истерзаны на родомъ. Сеитъ, Уланы, Князья, всѣ чиновники Казанскіе, давъ клятву быть вѣрными

Добров
согла-
сіе съ
Л и т-
вою.

Рать на
Казань.

г. 1536.

Шагъ-
Алей
Царемъ

въ Ка-
зань, и
бѣжать
оттуда.

Россіи, снова приняли къ себѣ Царя Шигъ-Алея, торжественно возведеннаго на престолъ Князьями Димитріемъ Бѣльскимъ и Палецкимъ ; веселились, праздновали, и снова измѣнили. Какъ бы въ предчувствіи неминуемаго, скораго конца Державы ихъ, они сами не знали, чего хотѣли, волнуемые страстями, и въ затмѣніи ума; взяли Царя не для того, чтобы повиноваться, но чтобы его именемъ управлять землею; держа какъ плѣнника, не дозволяли ему выѣзжать изъ города, ни показываться народу ; пировали во дворцѣ и гремѣли оружіемъ; пили изъ золотыхъ сосудовъ Царскихъ и брали оныя себѣ ; вѣрныхъ слугъ Алеевыхъ заключили въ темницу, даже умертвили нѣкоторыхъ и требовали, чтобы Царь въ письмахъ къ Іоанну хвалился ихъ усердіемъ! Лѣтописецъ рассказываетъ, что Шигъ-Алей предвидѣлъ свою участь, и только изъ повиновенія къ Великому Князю согласился ѣхать въ Казань (150). Онъ терпѣлъ мѣсяцъ въ безмолвіи, имѣя довѣренность къ одному изъ знатнѣйшихъ Князей, именемъ Чурѣ, преданному Россіи. Сей добрый Вельможа не могъ усовестить Властителей Казанскихъ, тщетно грозивъ имъ пагубными слѣдствіями безумнаго непостоянства : раздраживъ Шигъ-Алея и боясь мести Іоанновой, они вздумали опять призвать Сафа-Гирея, который

съ толпами Ногайскими уже были въ Камѣ. Князь Чура извѣстилъ Алея о семъ заговорѣ, совѣтовалъ ему бѣжать, и приготовить суда. Насталъ какой-то праздникъ: Вельможи и народъ шли до ночи, заснули глубокимъ сномъ и не видали, какъ Царь вышелъ изъ дворца, и благополучно уѣхалъ Волгою въ Россію ⁽¹⁶¹⁾; а Сафа-Гирей, въ третій разъ сѣвъ на престолѣ Казанскомъ, началъ царствовать ужасомъ: убилъ Князя Чуру и многихъ знатныхъ людей, окружилъ себя Крымцами, Ногаями, и ненавидя своихъ подданныхъ, хотѣлъ только держать ихъ въ страхѣ. Семдесятъ-шесть Князей и Мурзъ, братья Чурпыны, вѣрные Алею, и самые неустовые злодѣи его, обманутые Сафа-Гиреемъ, искали убѣжища въ Москвѣ. Въ слѣдъ за ними явились и Послы Горной Черемисы, съ увѣреніемъ, что ихъ народъ весь готовъ присоединиться къ нашему войску, если оно вступитъ въ Казанскіе предѣлы. Тогда была зима: отложивъ полную мечь до лѣта, но желая удостовѣриться въ благопріятномъ для насъ расположеніи дикарей Черемисскихъ, Іоаннъ отрядилъ нѣсколько полковъ къ устью Свіяги. Князь Александръ Горбатый предводительствовалъ ими, и сражался единственно съ зимними выюгами, нигдѣ не находя сопротивленія. Ему не вѣльно было осаждать Казани: онъ удовольство-

Походъ
къ
устью
Свіяги.

вался добычею, и привелъ съ собою въ Москву сто воиновъ Черемисскихъ, которые служили намъ залогомъ въ вѣрности ихъ народа (152).

Путешествіе
Велика
го К. в
неудоволь-
ствіи
народа.

Между тѣмъ Великій Князь ѣздя по разнымъ областямъ своей Державы, по единственно для того, чтобы видѣть славные ихъ монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ : не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ притѣсненія корыстолюбивыхъ Намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Василіевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ въ Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, Новгородѣ, Псковѣ, гдѣ, окруженный сонмомъ Бояръ и чиновниковъ, не видалъ печалей народа, и въ шумѣ забавъ не слыжалъ стѣнаний бѣдности ; скакалъ на борзыхъ вшакахъ, и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность : ибо сіи путешествія Государевы, не принося ни малѣйшей пользы Государству, стоили денегъ народу : Дворъ требовалъ угощенія и даровъ (153). — Однимъ словомъ, Россія еще не видала отца-Монарха на престолѣ, утѣшаясь только надеждою, что лѣта и зрѣлый умъ откроютъ Іоанну святое искусство царствовать для блага людей.

ГЛАВА III.

Продолженіе Государствованія Іоанна IV.

Г. 1546 — 1552.

Царское вѣнчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасія. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемена Двора и властей. Кротость Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣстничества. Стоглавъ. Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтитъ Россію. Военскія дѣянія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраніе мѣста для новой крѣпости. Впаденіе Ногаевъ. Основаніе Свияжска. Покореніе Горной Стороны. Ужасъ Казанцевъ. Мирныя условія съ ними. Сююмбека. Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе наѣзниковъ. Неувѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алеемъ. Царь оставляетъ Казань. Последняя намѣна Казанцевъ.

Великому Князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ Митрополита и долго говорилъ съ нимъ на-единѣ. Митрополитъ вышелъ отъ него съ лицемъ веселымъ, отпѣлъ молебень въ храмѣ Успенія, послалъ за Боярами — даже и за тѣми,

Г. 1546.
Царское
вѣнчаніе
Іоанна.

которые находились въ опалѣ, — и вмѣстѣ съ ними былъ у Государя. Еще народъ ничего не вѣдалъ; но Бояре, подобно Митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину, и съ нетерпѣніемъ ждали открытія счастливой тайны.

Декаб-
ря 17.

Прошло три дни (154). Велики собратъся Двору: Первосвятитель, Бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ Митрополиту: «Упова на милость Божію и на Святыхъ заступниковъ земли Русской, имѣю намѣреніе жениться: ты, отецъ, благослови меня. «Первою моею мыслию было искать невѣсты въ иныхъ Царствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтися правомъ съ иноземкою: будетъ ли тогда супружество счастіемъ? Желая найти невѣсту въ Россіи, по волѣ Божіей и твоему благословенію.» Митрополитъ съ умиле-ніемъ отвѣтствовалъ: «Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе столь возжелѣнное для твоихъ подданныхъ! Благословляю оное именемъ Отца небеснаго.» Бояре плакали отъ радости, какъ говоритъ Лѣтописецъ, и съ новымъ восторгомъ прославляли мудрость Державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: «еще до своей женитьбы исполнить древній обрядъ пред-

«ковъ его и вѣнчаться на Царство» (155). Онъ велѣлъ Митрополиту и Боярамъ готовиться къ сему великому торжеству, какъ бы утверждающему печатію Вѣры святейшій союзъ между Государемъ и народомъ. Оно было не новое для Московской Державы: Іоаннъ III вѣнчалъ своего внука на Царство; но совѣтники Великаго Князя — желая или дать болѣе важности сему обряду, или удалить отъ мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ Дмитрія Іоанновича — говорили единственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Владиміра Мономаха, на коего Митрополитъ Ефесскій возложилъ вѣнецъ, златую цѣпь и Бармы Константиновы (156). Писали и разсказывали, что Момахъ, умирая, отдалъ Царскую утварь шестому сыну своему, Георгію; велѣлъ только хранить ее какъ зѣмлю ока и передавать изъ рода въ родъ безъ употребленія, доколѣ Богъ не умилоостивится надъ бѣдною Россією и не воздвигнетъ въ ней истиннаго Самодержца, достойнаго украситься знаками могущества (157). Сіе преданіе вошло въ лѣтописи XVI вѣка, когда Россія дѣйствительно увидѣла Самодержца на тронѣ, и Греція, пыхая въ бѣдствіи, отказала намъ величіе своихъ Царей.

Генваря 16, утромъ, Іоаннъ вышелъ въ г. 1547. столовую комнату, гдѣ находились всѣ Бояре; а Воеводы, Князья и чиновники, богато

одѣтые, стояли въ сѣняхъ. Духовникъ Государевъ, Благовѣщенскій Протоіерей, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на златомъ блюдѣ, Животворящій Крестъ, вѣнецъ и Бармы (¹⁵⁸), отвесъ ихъ (проводимый Конюшимъ, Княземъ Михайломъ Глинскимъ, Казначейми и Дьяками) въ храмъ Успенія. Скоро пошелъ туда и Великій Князь: передъ нимъ Духовникъ съ крестомъ и Святою водою, кропя людей на обѣихъ сторонахъ; за нимъ Князь Юрій Васильевичъ, Бояре, Князья и весь Дворъ. Вступивъ въ церковь, Государь приложился къ иконамъ: священныя лки возгласили ему погостіе; Митрополитъ благословилъ его (¹⁵⁹). Служили молебенъ. Посреди храма, на амвоѣ съ двѣнадцатыо ступенями, были изготовлены два мѣста, одѣтыя златыми паволоками; въ ногахъ лежали бархаты и камки: тамъ сѣли Государь и Митрополитъ. Предъ амвономъ стоялъ богато-украшенный палой съ Царскою утварію: Архимандриты взяли и подали ес Макарію: онъ всталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, и возлагая на него крестъ, Бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чтобы Всевышній оградилъ сего Христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и милостивое око для послушныхъ. Обрядъ заключился возглашеніемъ новаго моголѣтія Государю. Принявъ поздравленіе отъ Духовенства, Вельможъ, гражданъ, Іоаниъ слушалъ Литургію, возвратился во дворецъ, ступая съ бархата на камку, съ камки на бархатъ. Князь

Юрій Василіевичъ осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами, пзъмысы, которую несъ за нимъ Михайло Глинскій ⁽¹⁶⁰⁾. Какъ скоро Государь вышелъ изъ церкви, народъ, дотолѣ неподвижный, безмолвный, съ шумомъ кинулся обдирать *Царское мѣсто*; всякой хотѣлъ имѣть лоскутъ паволоки, на память великаго дня для Россіи.

Однимъ словомъ, сіе торжественное вѣнчаніе было повтореніемъ Дмитріева, съ нѣкоторою переменною въ словахъ молитвъ, и съ тою разностію, что Іоаннъ III самъ (а не Митрополитъ) надѣлъ вѣнецъ на главу юнаго Монарха. *Современныя Лѣтописцы* не упоминаютъ о *скипетрѣ*, ни о *миропомазаніи*, ни о *причащеніи* ⁽¹⁶¹⁾; не сказываютъ также, чтобы Макарій говорилъ Царю поученіе: самое умное, краспорѣчивое не могло быть столь дѣйствительно и сильно, какъ некрещеное, умиленное воззваніе къ Богу Вседержителю, дающему и Властителей народамъ и добродѣтель Властителямъ! Съ сего времени Россійскіе Монархи начали уже не только въ сношеніяхъ съ иными Державами, но и внутри Государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именоваться *Царями*, сохраняя и титулъ *Великихъ Князей*, освященный древностію; а книжки Московскіе объявили народу, что сямъ исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестомъ Царствѣ*, которое есть Россійское ⁽¹⁶²⁾. Хотя титулъ не придаетъ естественнаго могущества, но дѣйствуетъ на воображеніе людей, и Библейское имя

Царя, цаноминная Ассирійскихъ, Египетскихъ, Іудейскихъ, наконецъ православныхъ Греческихъ Вѣщеносцевъ, возвысило въ глазахъ Россіянь достоинство ихъ Государей. «Смирились» — говорятъ Лѣтописцы — «враги наши, Цари невѣрные «и Короли нечестивые: Іоанигъ сталъ на «первой степенѣ Державства между имп!» Достойно примѣчанія, что Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ, въ знакъ своего усердія къ Вѣщеносцу Россіи, въ 1561 году Соборною грамотою утвердилъ его въ санъ Царскомъ, говоря въ ней: «Не только «преданіе людей достовѣрныхъ, но и са- «мья лѣтописи свидѣтельствуютъ, что ны- «нѣшній Властитель Московскій происхо- «дятъ отъ незабвенной Царицы Анны, се- «стры Императора Багрянороднаго, и что «Митрополитъ Ефесскій, уполномоченный «для того Соборомъ Духовенства Византій- «скаго, вѣнчалъ Россійскаго Великаго Кня- «зя, Владиміра, на Царство.» Сія грамота подписана тридцатью-шестью Митрополи- тами и Епископами Греческими (163).

Бракъ
Госуда-
ревъ.

Между тѣмъ знатные сановники, Околь- ничіе, Дьяки, объѣзжали Россію, чтобы вѣ- дѣть *всѣхъ* дѣвицъ благородныхъ, и пред- ставить лучшихъ невѣстъ Государю: онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы Захарьиной (164), которой мужъ, Ро- манъ Юрьевичъ, былъ Окольниковымъ, а све-

коръ Бояриномъ Іоанна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ. Но не знатность, а личные достоинства невѣсты оправдывали сей выборъ, и современники, изображая свойства ея, приписываютъ ей всѣ женскія добродѣтели, для коихъ только находили однѣ имя въ языкѣ Русскомъ ⁽¹⁶⁵⁾: цѣломудріе, смиреніе, пачебожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ: ибо она считалась уже необходимою принадлежностію счастливой Царской невѣсты. Совершивъ обрядъ вѣнчанія въ храмѣ Богоматери, Митрополитъ сказалъ новобрачнымъ: «Днесь таинствомъ «Церкви соединены вы навѣки, да вмѣстѣ «поклоняетесь Всевышнему и живете въ «добродѣтели; а добродѣтель ваша есть «справда и милость. Государь! люби и чти «супругу; а ты, христолюбивая Царица, по«винуйся ему. Какъ святой крестъ глава «церкви, такъ мужъ глава жены. Исполняя «усердно всѣ заповѣди Божественныя, узрите благая Іерусалима и миръ во Израилѣ.» Юные супруги явились глазамъ народа: благословенія гремѣли на стогнахъ Кремля. Дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней. Царь сыпалъ милости на богатыхъ: Царица питала нищихъ. Воспитанная безъ отца въ тишинѣ удивленія, Анастасія уви-

Добро-
дѣтель
А н а -
стасія.

Февра-
ря 43.

дѣла себя какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ пренесенную на театръ мірскаго величія и славы; но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами, и все относя къ Богу, поклацалась Ему и въ Царскихъ чертогахъ такъ же усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы-матери. Прервавъ веселые пиры Двора, Іоаннъ и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву Лавру и провели тамъ первую недѣлю Великаго поста, ежедневно моляся надъ гробомъ Св. Сергія.

Царекъ
Іоанно-
вы и ху-
дог пра-
вленіе.

Сія набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ, не могли укротить его пылкой, безпокойной души, стремительной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной враздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Онъ любилъ показывать себя Царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ, такъ сказать, милостями и опазами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависѣлъ отъ Вельможъ, ибо не трудился въ устроеніи Царства и не зналъ, что Государь истинно-независимый есть только Государь добродѣтельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, что хотѣли именемъ

юноши-Государя; наслаждался почестями, богатством, и равнодушно видѣли невѣрность частныхъ властителей; требовали отъ нихъ рабства, а не справедливости. Кто уклонялся предъ Глинскими, тотъ могъ смѣло давить нѣтою народъ, и быть ихъ слугою значило быть господиномъ въ Россіи ⁽¹⁶⁶⁾. Намѣстники не знали страха — и горе угнетеннымъ, которые мимо Вельможъ шли ко Трону съ жалобами! Такъ граждане Псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ Самодержавію и сѣлѣйшіе другихъ, (весною въ 1547 году) жаловались новому Царю на своего Намѣстника, Князя Турунта-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закинулъ глѣвомъ; кричалъ, тоналъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большаго колокола въ Москвѣ; онъ ускочилъ въ столицу, и бѣдные Псковитяне остались живы ⁽¹⁶⁷⁾. — Честные Болре съ потупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ: шуты, скоморохи забавляли Царя, а льстецы славли его мудрость ⁽¹⁶⁸⁾. Добродѣтельная Анастасія молилась, вмѣстѣ съ Россією, и Богъ усылалъ ихъ. Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностію устремиться на путь добродѣтели. Для

исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ!

Пожары
въ Мо-
сквѣ.

Сія столица ежегодно возрастала своимъ пространствомъ и числомъ жителей. Дворы болѣе и болѣе стѣснялись въ Кремлѣ, въ Китаѣ; новыя улицы примыкали къ старымъ въ посадахъ; дома строились лучше для глазъ, но не безопаснѣе прежняго: тѣнныя громады зданій, гдѣ-гдѣ раздѣленные садами, ждали только искры огня, чтобы сдѣлаться непломъ. Лѣтописи Москвы часто говорятъ о пожарахъ, называя нѣкоторые *великими* (¹⁶⁹); но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12 Апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами (¹⁷⁰), гостиные казенные дворы, Обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20 Апрѣля обратились въ пепелъ за Яuzzою всѣ улицы, гдѣ жили голчары и кожевники (¹⁷¹); а 24 Іюня, около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, съ церкви Воздвиженія; огонь явился рѣкою, и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай, Большой посадъ. Вся Москва представила зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густаго дыма. Деревья

вѣнныя зданія псчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и въ другихъ частяхъ города. Спасали единственно жпзнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, даже мощи Святыхъ истлѣли (¹⁷²). Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма: силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: опъ упалъ, расшибся и едва живый былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ Собора вынесли только образъ Маріи, висавшій Св. Петромъ Митрополитомъ, и *Правила Церковныя*, привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ: къ счастью, огонь, разрушивъ кровлю и паперти, не проникъ во внутренность церкви. — Къ вечеру затихла буря, и въ три часа почти угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской (¹⁷³). Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли: деревья обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человекъ, кромѣ младенцевъ. Не льзя, по сказанію современниковъ, ни описать, ни вообразить сего бѣдствія. Люди съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили

какъ тѣни среди ужасовъ обширнаго пепелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣній; не находили, и были какъ дикіе звѣри. «Счастливъ» — говоритъ Лѣтописецъ — «кто, уминаясь душою, могъ плакать и смотрѣть на небо!» Утѣшителей не было: Царь съ Вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слышать и не видать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить Кремлевскій дворецъ; богатые также спѣшили строиться; о бѣдныхъ не думали. Свѣмъ воспользовались непріатели Глинскихъ: Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Осодоръ, Князь Скопинъ-Шуйскій, Бояринъ Иванъ Петровичъ Осодоровъ, Князь Юрій Темкинъ, Нагой и Григорій Юрьевичъ Захарыинъ, дядя Царицы: они составили заговоръ; а народъ, несчастіемъ расположенный къ изступленію злобы и къ мятежу, охотно сдѣлался ихъ орудіемъ.

Будетъ
черн.

Въ слѣдующій день Государь поѣхалъ съ Боярами навѣстить Митрополита въ Новоспасской Обители. Тамъ Духовникъ его, Скопинъ-Шуйскій и зватые ихъ единомышленники объявили Іоанну, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь удивился, и велѣлъ изслѣдовать сіе дѣло Боярамъ, которые, чрезъ два дни пріѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто жегъ

столицу? Въ нѣсколько голосовъ отвѣчали имъ: «Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ, Княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду, и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по Москвѣ. Вотъ, отъ чего мы сгорѣли!» Сію басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не вѣрили ей, однакожь молчали: ибо Глинскіе заслужили общую ненависть. Многіе поджигали народъ, и самые Бояре. Княгиня Анна, бабка Государева, съ сыномъ Михайломъ находилась тогда во Ржевскомъ своемъ помѣстьѣ. Другой сынъ ея, Князь Юрій, стоялъ на Кремлевской площади въ кругу Бояръ: изумленный вѣдѣнымъ обвиненіемъ, и видя ярость черни, онъ искалъ безопасности въ церкви Успенія, куда вломился за нимъ и народъ. Совершилось тогда неслыханное въ Москвѣ злодѣйство: мятежники въ святомъ храмѣ убили роднаго дядю Государева (174), извлекли его тѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ; разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили множество ихъ слугъ и дѣтей Боярскихъ (175). Никто не унималъ беззаконія: Правительства какъ бы не было....

Въ сіе ужасное время, когда юный Царь тренеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ Іерей, родомъ

Чудное
исправ-
леніе
Іоанна.
Силь-
вестръ
и Ав-
сень.

изъ Новагорода (¹⁷⁶); приближился къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ Пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою Царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огонь Небесный испепелилъ Москву; что сила Вышняя вознуетъ народъ и лѣстъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ Святое Писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму Царей земныхъ; заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія (¹⁷⁷), потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, простеръ десницу къ пастыню вдохновенному; требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ — и пріямъ оную (¹⁷⁸). Смиренный Іерей, не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго Вѣнценосца на пути исправленія, заключивъ тѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Алексѣемъ Федоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, коего описываютъ земнымъ Ангеломъ (¹⁷⁹): имѣя нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ добру, онъ искалъ Іоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы отечества, и Царь нашелъ въ немъ рѣдкое сокровище, друга, необходимо

нужнаго Самодержцу , чтобы лучше знать людей , состояніе Государства , истинныя потребности онаго : ибо Самодержецъ съ высоты престола видитъ лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ отдаленія ; а другъ его какъ подданный стоитъ на ряду со всѣми , смотритъ прямо въ сердца и вблизи на предметы. Сильвестръ возбуди въ Царѣ желаніе блага : Адашевъ облегчилъ Царю способы благотворенія . — Такъ повѣствуетъ умный современникъ , Князь Андрей Курбскій , бывшій тогда уже знатнымъ сановникомъ Двора . По крайней мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Іоанновой славы , новая , ревностная дѣятельность въ Правленіи , ознаменованная счастливыми для Государства успѣхами и великими намѣреніями .

Во первыхъ , обуздали мятежную чернь , которая , на третій день по убіеніи Глинскаго , явилась шумною толпою въ Воробьевъ , окружила дворецъ и кричала , чтобы Государь выдалъ ей свою бабу , Княгиню Анну , и сына ея , Михаила ⁽¹⁸⁰⁾ . Іоаннъ велѣлъ стрѣлять въ бунтовщиковъ : толпу разсѣяли ; схватили и казнили нѣкоторыхъ ; многіе ушли ; другіе падали на колѣна и вилились . Порядокъ возстановился . Тогда Государь изъяснилъ попечительность отца о бѣдныхъ : взяли мѣры , чтобы никто изъ нихъ не остался безъ крова и хлѣба .

Во вторыхъ , истинные виновники бунта , подстрекатели черни , Князь Скопинъ-Шуйскій съ клеветами обманулись , если имѣли надежду ,

свергнуть Глинскихъ , овладѣть Царемъ. Хотя Іоаннъ пощадилъ ихъ , изъ уваженія ли къ своему Духовнику и къ дядѣ Царицы , или за недостаткомъ лѣсныхъ уликъ , или предавъ одному суду Божию такое дѣло , которое , не смотря на беззаконіе способовъ , удовлетворяло общей , справедливой ненависти къ Глинскимъ : но мятежное господство Боярѣ рушилось совершенно , уступивъ мѣсто единовластію Царскому , чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественнымъ дѣйствіемъ Вѣры утвердить благословенную перемену въ Правленіи и въ своемъ сердцѣ , Государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы; созвалъ Святителей , умиленно какая въ грѣхахъ , и разрѣшенный , успокоенный ими въ совѣсти , причастился Святыхъ Таинъ ⁽¹⁸¹⁾. Юное , пылкое сердце его хотѣло открыть себя предъ лицомъ Россіи : онъ велѣлъ , чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избранныхъ , всякаго чина или состоянія , для важнаго дѣла государственнаго. Они собралися — и въ день Воскресный , послѣ Обѣдни , Царь вышелъ изъ Кремля съ Духовенствомъ , съ Крестами , съ Боярами , съ оружіею воинскою , на лобное мѣсто , гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Огелужили молебенъ. Іоаннъ обра-

Рѣчь
Государя на
лобное
мѣсто.
Гл. 47.
1550.

твался къ Митрополиту и сказалъ (182): «Свя-
 «тый Владыко! знаю усердіе твое ко благу и
 «любовь къ отечеству: будь же миѣ побор-
 «никомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Ра-
 «сно Богъ лишилъ меня отца и матери: а
 «Вельможи не радѣли о миѣ: хотѣли быть
 «самовластными: моимъ именемъ похитили
 «саны и чести, богатѣли неправдою, тѣс-
 «нили народъ — и никто не претилъ имъ.
 «Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глу-
 «химъ и нѣмымъ: не внималъ стечанію бѣд-
 «ныхъ, и не было обличенія въ устахъ мо-
 «ихъ! Вы, вы дѣлали, что хотѣли, а вы
 «крамольники, судіи неправедные! Какой от-
 «вѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколь-
 «ко крови отъ васъ пролилося? Я чистъ отъ
 «сея крови! А вы ждете суда Небеснаго!»....
 Тутъ Государь поклонился на всѣ стороны,
 и продолжалъ: «Люди Божіи и намъ Богомъ
 «дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и лю-
 «бовь ко миѣ: будьте великодушны! Не лѣзя
 «исправить минувшаго зла: могу только *впредь*
 «спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и
 «грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и
 «не будетъ! Оставьте ненависть, вражду; сое-
 «динимся всѣ любовію Христіанскою. Оты-
 «нѣ я судія вашъ и защитникъ.» Въ сей ве-
 «ликій день, когда Россія въ лицѣ своихъ по-
 «вѣренныхъ присутствовала на лобномъ мѣстѣ,
 съ благоговѣніемъ внимая искренному обѣзу
 юнаго Вѣнценосца жить для ея счастья, Іоаннъ

въ восторгѣ великодушія объявилъ не-
 крѣвнѣе прощеніе виновнымъ Болрамъ;
 хотѣлъ, чтобы Митрополитъ и Святите-
 ли также ихъ простили вмѣстѣ Судіи
 Небеснаго; хотѣлъ, чтобы всѣ Россіянѣ
 братски обнялися между собою; чтобы
 всѣ жалобы и тяжбы прекратились ми-
 ромъ до назначеннаго имъ срока ⁽¹⁸³⁾. —
 Въ тотъ же день онъ поручилъ Адаше-
 ву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ,
 сиротъ, обиженныхъ, и сказалъ ему тор-
 ственно: «Алексій! ты не знателъ и не
 «богатъ, но добродѣтеленъ. Ставлю те-
 «бя на мѣсто высокое, не по твоему
 «желанію, но въ помощь душѣ моей, ко-
 «торая стремится къ такимъ людямъ, да
 «утолитъ ея скорбь о несчастныхъ, ко-
 «ихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ! Не бой-
 «ся ни слѣпыхъ, ни славныхъ, когда
 «они, похитивъ честь, беззаконствуютъ.
 «Да не обмануть тебя и ложныя слезы
 «бѣднаго, когда онъ въ зависти клеве-
 «щетъ на богатаго! Все рачительно испы-
 «тывай, и доноси мнѣ истину, страшася
 «единственно суда Божія» ⁽¹⁸⁴⁾. Народъ
 плакалъ отъ удивленія вмѣстѣ съ юнымъ
 своимъ Царемъ.

Царь говорилъ и дѣйствовалъ, опираясь
 на чету избранныхъ, Сильвестра и Адаше-
 ва, которые прицали въ священный союзъ
 свой не только благоразумнаго Митропо-

лита, но и всѣхъ мужей добродѣтельныхъ, опытныхъ, въ маститой старости еще усердныхъ къ отечеству ⁽¹⁸⁵⁾ и прежде отгоняемыхъ отъ трона, гдѣ вѣтрена я юность не терпѣла ихъ угрюмаго вида. Ласкатели и шуты онѣмѣли при Дворѣ; въ Думѣ заграждались уста навѣтникамъ и кознопдѣламъ, а правда могла быть откровенною. Не смотря на довѣренность, которую Іоаннъ имѣлъ къ Совѣту, онъ самъ входилъ и въ государственныя и въ важнѣйшія судныя дѣла, чтобы исполнить обѣтъ, данный имъ Богу в Россіи. Вездѣ народъ благословилъ усердіе Правительства къ добру общему; вездѣ смѣняли недостойныхъ властителей: наказывали презрѣніемъ или темницею ⁽¹⁸⁶⁾, но безъ излишней строгости; хотѣли ознаменовать счастливую государственную перемѣну не жестокою казнію худыхъ старыхъ чиновниковъ, а лучшимъ избраніемъ новыхъ, какъ бы объявляя тѣмъ народу, что злоупотребленія частной власти бываютъ обыкновеннымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ усыпленія или разврата въ главномъ Начальствѣ: гдѣ оно терпитъ грабежъ, тамъ грабители почти невѣнны, пользуясь дозволяемымъ. Только въ однихъ Самодержавныхъ Государствахъ видимъ сіи легкіе, быстрые переходы отъ зла къ добру: ибо все зависитъ отъ воли Самодержца, который, подобно искусному

Пере-
мѣна
Двора
и вла-
стей.

Механику, движеніемъ перста даетъ ходъ громадамъ, вращаетъ махину неизмѣримую, и влечетъ ею милліоны ко благу или бѣдствію.

К р о-
т о с т ь
п р а в и-
т е л ь-
н а я.

Вообще мудрая умѣренность, человеколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для Царской власти. Весьма многіе изъ прежнихъ Царедворцевъ — и самые злѣйшіе — были удалены; другихъ обуздали или исправили, какъ пишуть (187). Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Феодоръ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ бывшаго мятежа, герзаемый совѣстію, заключился въ монастырь (188). Въ Думу поступили новые Бояре: для Царицы, Захарьинъ, Хабаровъ (вѣрный другъ несчастнаго Ивана Бѣльскаго), Князя Куракинъ Булаковъ, Данило Пронскій и Дмитрій Палецкій, крестовъ дочь, Княжна Іуліанія, удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцати-лѣтняго брата Государева, Князя Юрія Василіевича (189). Отпавъ у ненавистнаго Михайла Глинскаго знатный санъ Конюшаго (190), оставили ему Боярство, помѣстья и свободу жить, гдѣ захочетъ; но сей Вельможа, устранимый судьбою брата, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, бѣжалъ въ Литву. За ними гнался Князь Петръ Шуйскій: видя, что имъ не лѣзя уйти, они возвратились въ Москву, и взятыя подъ стражу, кля-

лися, что ѣхали не въ Литву, а на бого-
молье въ Оковецъ. Несчастливыхъ уличили
во лжи, но милостиво простили, извинивъ
бѣгство ихъ страхомъ ⁽¹⁹¹⁾. — Въ самомъ
семействѣ Государскомъ, гдѣ прежде оби-
тали холодность, недоверіе, зависть, враж-
да ⁽¹⁹²⁾, Россія увидѣла миръ и тишину
искренней любви. Узнавъ счастье добродѣ-
тели, Іоаннъ еще болѣе узналъ цѣну су-
пруги добродѣтельной: утверждаемой пре-
местною Анастасіею во всѣхъ благихъ мы-
сляхъ и чувствахъ, онъ былъ и добрымъ
царемъ и добрымъ родственникомъ: женивъ
Князя Юрія Василіевича, избралъ супругу
и для Князя Владиміра Андреевича, дѣвицу
Евдокію, изъ рода Пагихъ ⁽¹⁹³⁾; жилъ съ
первымъ въ одномъ дворцѣ; ласкалъ, чтилъ
обоихъ; присоединяя имена ихъ къ своему
въ государственныхъ указахъ, писалъ:
«Мы уложили съ братьями и съ Болра-
«ми» ⁽¹⁹⁴⁾.

Желая уподобиться во всемъ Великому
Іоанну III — желая, по его собственному
слову, быть *Царемъ правды* ⁽¹⁹⁵⁾ — онъ не
только острить мечъ на враговъ пле-
менныхъ, но, въ цвѣтущей юности лѣтъ,
занялся и тѣмъ важнымъ дѣломъ государ-<sup>Судеб-
никъ.</sup>
ственнымъ, для коего въ самыя просвѣ-
щенныя времена требуется необыкновен-
ныхъ усилій разума, и коимъ немногіе
Вѣщеносцы пріобрѣли истинную, без-

смертную славу : законодательствомъ. Окруженный сонмомъ Бояръ и другихъ мужей свѣдущихъ въ искусствѣ гражданскомъ , Царь предлагалъ имъ разсмотрѣть, дополнить Уложеніе Іоанна III согласно съ новыми опытами , съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной дѣятельности. Вышелъ *Судебникъ* (въ 1550 году) или *вторая Русская Правда* , вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ , достойная подробнаго изложенія въ статьѣ особенной , гдѣ будемъ говорить вообще о тогдашнемъ состояніи Россіи. Здѣсь скажемъ единственно , что Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска , не суетной славы , а вѣрной, явной пользы , съ ревностною любовію къ справедливости , къ благоустройству ; не дѣйствовали воображеніемъ , умомъ не обгоняли настоящаго порядка вещей , не терялись мыслями въ возможностейхъ будущаго , но смотрѣли вокругъ себя , исправляли злоупотребленія , не измѣняя главной , древней основы законодательства ; все оставили , какъ было и чѣмъ народъ казался довольнымъ : устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ ; хотѣли лучшаго , не думая о совершенствѣ — и безъ учености, безъ Теоріи, не зная ничего , кромѣ Россіи , но зная хорошо Россію , написали книгу , которая будетъ всегда любопытною , доколѣ стоитъ наше отечество : ибо она есть вѣрное зеркало нравовъ и понятій вѣка. — Въ прибавленіяхъ къ Судебнику

находится и важный по тогдашнему времени указъ о *мѣстничествѣ*: Государь еще не могъ совершенно искоренить сего великаго зла, а хотѣлъ единственно умирить оное, запретивъ Дѣтямъ Боярскимъ и Княжатамъ считаться родомъ съ Воеводами; установилъ также, что Воевода Большаго Полку долженъ быть всѣхъ знатнѣе; что начальники Передоваго и Сторожеваго Полку ему одному уступаютъ въ старѣйшинствѣ и не считаются съ Воеводами Правой и Лѣвой Руки; что Государю принадлежитъ судить о родахъ и достоинствахъ; что кто съ кѣмъ посланъ, тому тотъ и повинустся (196).

Обузда-
внѣ
мѣстни-
чества.

Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, и въ 1551 году, 23 Февраля, дворецъ Кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами Русскаго Царства, духовными и мірскими. Митрополитъ, девять Святителей, всѣ Архамандриты, Игумены, Бояре, савновники первостепенные сидѣли въ молчаніи (197), устремивъ взоръ на Царя-юношу, который съ силою ума и краснорѣчія говорилъ имъ о возвышеніи и паденіи Царствъ отъ мудрости или буйства властей, отъ благихъ или злыхъ обычаевъ народныхъ; описалъ все претерпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а послѣ развратной; упо-

С т о-
главъ.

мнѣ о слезной кончинѣ дѣтей своихъ, о
 безпорядкахъ Вельможъ, коихъ худые при-
 мѣры испортѣли въ немъ сердце ⁽¹⁹⁸⁾; но
 повторилъ, что все минувшее предано имъ
 забвенію. Тутъ Іоаннъ изобразилъ бѣдствіе
 Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ
 народа. «Тогда» — сказалъ онъ — «ужас-
 нулась душа моя и кости во мнѣ затрепе-
 тали; духъ мой смирился, сердце умили-
 лось. Теперь ненавижу зло и люблю до-
 бродѣтель. Отъ васъ требую ревностнаго
 наставленія, Пастыри Христіанъ, учителя
 Царей и Вельможъ, достойные Святители
 Церкви! Не щадите меня въ преступле-
 ніяхъ; смѣло упрекайте мою слабость;
 гремите Словомъ Божиимъ, да жива бу-
 детъ душа моя» ⁽¹⁹⁹⁾! Далѣе, изъяснивъ
 свое благодѣтельное намѣреніе устроить
 счастье Россіи всѣми данными ему отъ Бо-
 га способами, и доказавъ необходимость
 исправленія законовъ для внутренняго по-
 рядка, Царь предложилъ Святителямъ Су-
 дебникъ на разсмотрѣніе, и Грамоты Устав-
 ныя, по которымъ во всѣхъ городахъ и воло-
 стяхъ надлежало избрать Старостъ и Цѣ-
 ловальниковъ или Присяжныхъ, чтобы они
 судили дѣла вмѣстѣ съ Намѣстниками или
 съ ихъ Тіунами, какъ дотолѣ было въ
 одномъ Новгородѣ и Псковѣ ⁽²⁰⁰⁾; а Сот-
 скіе и Пятидесятники, также избираемые
 общею довѣренностію, должныствовали за-

г 1517-
1531.

Уотли-
ныя
грамоты
Цѣ-
ловаль-
никовъ
и
Присяж-
ныхъ.

ниматься земскою справою, дабы чиновники Царскіе не могли дѣйствовать самовластно и народъ не былъ безгласнымъ,²⁰¹⁾ — Соборъ утвердилъ всѣ повѣя, мудрыя постановленія Іоанновы.

Но симъ не кончилось его дѣйствіе: Государь, устроивъ Державу, предложилъ Святителямъ устроить Церковь: исправить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами-невѣждами, но и самыя права Духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образоватъ достойныхъ служителей Олтаря; уставить правила благочинія, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить соблазны въ монастыряхъ, очистить Христіанство Россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ пменно означилъ всѣ болѣе или менѣе важныя предметы для вниманія Отцевъ Собора, который называли *Стоглавнымъ* по числу законныхъ статей, имъ издаанныхъ (²⁰²). Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій оного было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, чтобы Іереп и Діаконы, извѣстные умомъ и добрыми свойствами, наставляли тамъ дѣтей въ грамотѣ и страхахъ Божіемъ: учрежденіе тѣмъ нужнѣйшее, что многіе Священники въ Россіи едва умѣли тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную (²⁰³). Ис-

Учреж-
деніи
церков-
ныя.

лая укорепить въ сердцахъ истинную Вѣру, Отцы Собора взяли мѣры для обузданія суевѣрія и пустосвятства: запретили тщеславленнымъ строить безъ всякой нужды новыя церкви, а бродягамъ-тунеядцамъ келліи въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; запретили также, исполняя волю Государя, Епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія Царскаго ⁽²⁰¹⁾: ибо Государь благоразумно предвидѣлъ, что они могли бы сею куплею приевонть себѣ накопецъ большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общества и собственной ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей достопамятный Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ.

Намѣ-
реніе
проса-
вить
Россію.

Къ симъ, можно сказать, великимъ намѣреніямъ Іоанна принадлежатъ и замысль его обогатить Россію плодами Искусствъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлиттъ въ 1547 году былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ Царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ, Наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ Россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, спрашивалъ его съ любопытствомъ, и предложилъ ему ѣхать отъ насъ Посланникомъ въ Пѣмедскую землю, чтобы вывезти оттуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, врачей,

Аптекарей, Типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ — даже Θεологовъ ⁽²⁰⁵⁾! Шлиттъ охотно взялся услужить тѣмъ Государю и Россіи; нашелъ Императора, Карла V, въ Аугсбургѣ, на Сеймѣ, и вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе Сейма: долго разсуждали, и согласились исполнить желаніе Царя, но съ условіемъ, чтобы Шлиттъ и всемъ Іоанновымъ обязался клятвенно не выпускать Ученыхъ и художниковъ изъ Россіи въ Турцію, и вообще не употреблять ихъ способностей ко вреду Нѣмецкой Имперіи. Карлъ V далъ нашему Посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искать въ Германіи людей годныхъ для службы Царя; а Шлиттъ набралъ болѣе ста-двадцати чело-вѣкъ ⁽²⁰⁶⁾, и готовился плыть съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все разрушилось отъ низкой, завистливой Политики Ганзы и Ливонскаго Ордена. Они боялись нашего просвѣщенія; думали, что Россія сдѣлается отъ того еще сильнѣе, опаснѣе для сосѣдственныхъ Державъ; и своими коварными представленіями заставили Императора думать такъ же: въ слѣдствіе чего Сенаторы Любекскіе незаконно посадили Шлитта въ темницу; многочисленные спутники его разсѣялись, и долго Іоаннъ не зналъ о несчастной судьбѣ своего Посланника, который, бѣжавъ наконецъ изъ заключенія, уже въ 1557 году возвратился въ Москву, одинъ, безъ денегъ, съ долгами и съ разными легкомысленными предло-

женіями : на примѣръ , чтобы Царь помогаль Императору людьми и деньгами въ войнѣ Турецкой, далъ ему аманатовъ (двадцать-пять Квязей и Бояръ) въ залогъ вѣрности , обѣщался соединить Церковь нашу съ Латинскою , имѣлъ всегдашняго Посла при Дворѣ Карловомъ , основалъ Орденъ для Россіянъ и чужестранцевъ , нанялъ 6000 Нѣмецкихъ воиновъ , учредилъ почту отъ Москвы до Аугсбурга , и проч. ⁽²⁰⁷⁾. Хотя благое намѣреніе Царя не исполнилось совершенно, отъ недоброжелательства Любчанъ и Правительства Ливонскаго, послѣ имъ жестоко наказаннаго : однакожь многіе изъ Нѣмецкихъ художниковъ, оставленныхъ въ Любекѣ, вопреки запрещенію Императора и Магистра Ливонскаго умѣли тайно проѣхать въ Россію и были ей полезными въ важномъ дѣлѣ гражданскаго образованія ⁽²⁰⁸⁾.

Войн-
скія
дѣянія.

Сіе истинно Царское дѣло совершалось подъ звукомъ оружія и побѣдъ, тогда необходимыхъ для благоденствія Россіи. Надлежало унять варваровъ, которые, пользуясь юностію Вѣнцеслава и смутами Бояръ, столь долго свирѣпствовали въ нашихъ предѣлахъ, такъ, что за 200 верстъ отъ Москвы, къ Югу и Сѣверо-Востоку, земля была усыяна пепломъ и костями Россіянъ ⁽²⁰⁹⁾. Не оставалось ни селенія, ни семейства цѣлаго ! Чтобы начать съ

ближайшаго, зловреднѣйшаго непріятеля, семнадцати-лѣтній Іоаннъ, пылая ревностію славы, хотѣлъ самъ вести рать къ Казани, и выѣхалъ изъ Москвы въ Декабрѣ мѣсяцѣ; но судьба испустила его твердость неудачею. Презирая нѣгу, онъ готовился терпѣть въ походѣ холодъ и мители, обыкновенныя въ сіе время года: вмѣсто снѣга шелъ непрестанно дождь; обозы и пушки тонули въ грязи. 2 Февраля, когда Царь, ночевавъ въ Ельнѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго, прибылъ на островъ Роботку, вся Волга покрылась водою: ледъ треснулъ; снарядъ огнестрѣльный провалился, и множество людей погибло. Три дни Государь жилъ на островѣ и тщетно ждалъ пути: наконецъ, какъ бы утешенный худымъ предзнаменованіемъ, возвратился съ печалію въ Москву ⁽²¹⁰⁾; однакожь велѣлъ Князю Димитрію Бѣльскому идти съ полками къ Казани, не для ея завоеванія, но чтобы нанести ей чувствительный ударъ. Царь Шигъ-Алей и другіе Воеводы шли изъ Мещеры къ устью Цивили и соединились тамъ съ Бѣльскимъ ⁽²¹¹⁾: Сафа-Гирей ждалъ ихъ на Арскомъ полѣ, гдѣ одинъ Князь Симеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его на голову и *втопталъ* въ городъ, илѣнивъ богатыря Азика и многихъ знатныхъ людей. Татары отместили намъ разореніемъ Галицкихъ

Походъ
на Ка-
зань.

сель ; но Костромскій Воевода , Яковлевъ ,
встрѣбляъ всю толпу спхъ хищниковъ на бе-
регахъ рѣчки Еговки, на Гусевѣ полѣ, убивъ
ихъ предводителя, богатыря Арака ⁽²¹²⁾.

Пере-
миріе
съ Лит-
вою.

Не довольный сими легкими дѣйствіями
нашей силы, Іоаниъ готовился къ пред-
пріятію рѣшительному : для того желалъ
мира съ Литвою , гдѣ ветхій Сигизмундъ
копчилъ дни свои, а юный его наследникъ,
Августъ , занимался болѣе любовными,
нежели государственными дѣлами , и не
имѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ никакого сно-
шенія съ Москвою. Сигизмундъ умеръ въ
1548 году. Уже срокъ перемирія исходилъ,
а новый Король молчалъ , и даже не извѣ-
ствяъ Іоанна о смерти отца. Бояре наши,
Князь Димитрій Бѣльскій и Морозовъ , пи-
сали о томъ къ Литовскимъ Вельможамъ и
дали имъ знать , что мы ждемъ ихъ По-
словъ для мирнаго дѣла. Въ Генварѣ 1549
года Воевода Витебскій , Станиславъ Киш-
ка, и Маршалокъ Комаевскій пріѣхали въ
Москву ; вступили въ переговоры о вѣч-
номъ мирѣ ; требовали, какъ обыкновенно,
Новагорода, Пскова , Смоленска, городовъ
Сѣверскихъ , и въ извиненіе спхъ неспѣ-
ныхъ предложеній твердили Боярамъ : «По-
солъ какъ мѣхъ : что въ него вложишь, то
и несетъ. Исполняемъ данное намъ отъ
«Короля и Думы повелѣніе.» Бояре отвѣт-
ствовали : «И такъ будемъ говорить еди-

«ственно о перемиріи.» Заключили его на старыхъ условіяхъ. Но Паны Литовскіе не согласились внести новаго Царскаго титула въ грамоту. Съ обѣихъ сторонъ упрямилась, такъ, что Послы было-уѣхали изъ Москвы ⁽²¹³⁾ : ихъ воротили — и, соблюдая перемиріе, спорили о титулѣ. Августъ признавалъ Іоанна только Великимъ Княземъ, а мы съ досады уже не называли Августа Королемъ. Были и другія неудовольствія. Государь, предлагая 2000 рублей выкупа за нашихъ знатныхъ плѣнниковъ, Князей Федора Оболенскаго и Михайла Голлицу, получилъ отказъ, и самъ отказалъ Королю въ его требованіи, чтобы Евреи Литовскіе могли свободно торговать въ Россіи, согласно съ прежними договорами. «Нѣтъ,» отвѣчалъ Іоаннъ : «сін люди привозили къ намъ отраву тѣлесную и душевную : продавали у насъ смертоносныя зелія и злословили Христа Спасителя ; не хочу объ нихъ слышать» ⁽²¹⁴⁾. — Но ни Россія, ни Литва не желала войны.

Одинъ Ханъ Саипъ-Гирей грозилъ ме- Дѣла
Крым-
скія.
чемъ Іоанну, и былъ тѣмъ надменнѣе, что ему удалось тогда завоевать Астрахань, богатую купечествомъ, но скудную войскомъ и беззащитную, не смотря на пышное имя Царства, ею носимое. Взявъ сей городъ, Ханъ разорилъ его до основанія, вывелъ многихъ жителей въ Крымъ и счи-

талъ себя законнымъ властелиномъ едино-
племенныхъ съ нимъ Ногаевъ (213). Онъ
самъ писалъ о томъ къ Иоанну; сказывалъ,
что Кабардинцы и горные Кайтаки пла-
тятъ ему дань; хвалился своимъ могуще-
ствомъ, и говорилъ: «Ты былъ молодъ, а
«нынѣ уже въ разумѣ: объяви, чего хо-
«чешь? любви или крови? Ежели хочешь
«любви, то присылай не бездѣлицы, а да-
«ры знатные, подобно Королю, дающему
«намъ 15,000 золотыхъ ежегодно. Когда
«же угодно тебѣ воевать, то я готовъ идти
«къ Москвѣ, и земля твоя будетъ подъ по-
«гами коней моихъ» (216). Зная, что Саинъ-
Гирей возьметъ дары, но не отступится отъ
Казани, и что война съ нею должна быть и
войною съ Крымомъ, Государь уже прези-
ралъ гнѣвъ Хана, и засадилъ его Пословъ
въ темницу, свѣдавъ, что онъ беретъ къ
себѣ Московскихъ кунцевъ въ домашнюю
услугу какъ невольниковъ, и что въ Тав-
ридѣ обезчестили нашего гонца (217). Од-
нимъ словомъ, мы чувствовали силу свою и
падѣлись управиться со всѣмъ Батыевымъ
потомствомъ.

Смерть
Царя
Казан-
скаго.

Въ сіе время (въ Мартѣ 1549 года) Ка-
зань лишилась Царя: Сафа-Гирей пьяный
убиенъ во дворцѣ и кончилъ жизнь вце-
занно, оставивъ двухлѣтняго сына, име-
немъ Утемишъ-Гирей, кою мать, пре-
красная Сююмбека, дочь Князя Ногайскаго

Юсуфа, была ему любезнѣе всѣхъ иныхъ женъ ⁽²¹⁸⁾: Вельможи возвели младенца Утемишъ-Гирей на престолъ, но искали лучшаго Властителя, и хотѣли, чтобы Ханъ Крымскій далъ имъ своего сына защитить ихъ отъ Россіянъ; а въ Москву прислали гонца съ письмомъ отъ юнаго Царя, требуя мира ⁽²¹⁹⁾. Іоаннъ отвѣгствовалъ, что о мирѣ говорятъ только съ Послами; снѣвши воспользоваться мятежнымъ безначаліемъ Казани, и велѣлъ собираться полкамъ: Большому въ Суздаль, Передовому въ Шуѣ и въ Муромѣ, Сторожевому въ Юрьевѣ, Правому въ Костромѣ, Лѣвому въ Ярославлѣ ⁽²²⁰⁾. 24 Ноября самъ Государь выѣхалъ изъ Москвы въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ, благословивъ его, убѣждалъ Воеводъ служить великодушно отечеству и Царю въ духѣ любви и братства, забывъ гордость и мѣстничество, терпимое въ мирные дни, а на войнѣ преступное. Начальникомъ въ Москвѣ остался Князь Владиміръ Андреевичъ. Іоаннъ взялъ съ собою меньшаго брата, Князя Юрія, Царя Шигъ-Алея и всѣхъ знатныхъ Казанскихъ бѣглецовъ. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пути отъ нестерпимаго холода. Государь все терпѣлъ и всѣхъ ободрялъ, забывъ нѣгу, роскошь Двора и ласки прелестной супруги ⁽²²¹⁾. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ соединились полки, и 14 Фе-

Походъ
на Казань.

врали стали подъ Казанью: Іоаннъ съ Дворянами на берегу озера Кабана, Шягъ-Алей и Князь Дмитрій Бѣльскій съ главною силою на Арскомъ полѣ, другая часть войска за рѣкою Казанкою, снарядъ огнестрѣльный на устьѣ Булака и Поганомъ озерѣ. Изготовили туры и приступили къ городу. Дотолѣ Государи наши не бывали подъ стѣнами сей мятежной столицы, посылая единственно Воеводъ для наказанія вѣроломныхъ ея жителей: тутъ юный, бодрый, любимый Монархъ самъ обнажилъ мечъ; все видѣлъ, распоряжалъ, своимъ голосомъ и мужествомъ призывалъ воиновъ ко славѣ и побѣдѣ легкой. Царь Казани былъ въ пеллахъ, ея знатнѣйшіе Вельможи погибли въ крамолахъ или передались къ намъ, окружали Іоанна и чрезъ своихъ тайныхъ друзей склоняли единоплеменцевъ покориться его великодушію. 60,000 Россіянъ стремилось къ крѣпости деревянной, сокрушаемой ужаснымъ громомъ стѣннотныхъ орудій. Но послѣдній часъ для Казани еще не насталъ; сражались цѣлый день. Россіане убили множество людей въ городѣ, Князя Крымскаго, Челбака, и сына одной изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, но не могли овладѣть крѣпостію. Въ слѣдующіе дни сдѣлалась оттепель; шли сильные дожди, пушки не стрѣляли, ледъ на рѣкахъ

Г. 1550. взломало, дороги испортились, и войско,

не имѣя подвозовъ, боялось голода. Надле- 25 Фе-
жало уступить необходимости и съ вели-
чайшимъ трудомъ идти назадъ. Отправивъ
впередъ Большой полкъ и тяжелый сна-
рядъ, Государь самъ шелъ за ними съ
легкою конницею, чтобы спасти пушки и
удерживать напоръ непріятеля ⁽²²²⁾; изъ-
являлъ твердость, не унывалъ, и занимаясь
только одною мыслию, изложеніемъ сего
зловреднаго, ненавистнаго для Россіи Цар-
ства, внимательно наблюдалъ мѣста; оста-
новился при устьѣ Свіяги, увидѣлъ высо-
кую гору, называемую Круглою; и взявъ
съ собою Царя Шигъ-Алея, Князей Казан-
скихъ, Бояръ, взъѣхалъ на ея вершину...
Открылся видъ неизмѣримый во все сто-
роны: къ Казани, къ Вяткѣ, къ Нижнему
и къ пустынямъ нынѣшней Симбирской
Губерніи. Удивленный красотою мѣста,
Іоаннъ сказалъ: «Здѣсь будетъ городъ
«Христіанскій; стѣснимъ Казань: Богъ
«вдастъ ее намъ въ руки.» Все похвалили
его счастливую мысль, а Шигъ-Алей и
Вельможи Татарскіе описали ему богат-
ство, плодородіе окрестныхъ земель — и
Государь, въ надеждѣ на будущіе успѣхи, 23 Мар-
возвратился въ Москву съ лицомъ весе-
лымъ. та.

Изра-
вію мѣ-
ста для
новой
крѣпо-
сти.

Но всякая неудача кажется народу ви-
ною: извиняя юность Царя, упрекали глав-
наго Воеводу, Князя Дмитрія Бѣльскаго;

говорили, что имя Бѣльскихъ несчастливо въ Казанскихъ походахъ; рассказывали, что будто бы Казанцы въ своихъ набѣгахъ явно щадили помѣстья сего Боярина, изъ благодарности за его малодушіе или самую помѣву ⁽²²⁵⁾. Онъ въ тотъ же годъ умеръ, не бывъ конечно ни предателемъ, ни искуснымъ Полководцемъ, ни властолюбивымъ Вельможею: иначе Шуйскіе не дали бы ему спокойно засѣдать въ Думѣ на первомъ мѣстѣ, свергнувъ в погубивъ его брата, незабвеннаго Князя Ивана ⁽²²⁴⁾.

Впаде
ніе Но-
гоелъ.

Ни Государь, ни войско не успѣли еще отдохнуть, когда пришла въ Москву вѣсть о замыслѣ Хана Саши-Гирея итти на Россію; немедленно полки двинулись къ границамъ, и самъ Іоаниъ осмотрѣлъ ихъ въ Коломяхъ, въ Рязани; но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Москву, ибо осень наступала, а непріятеля не было ⁽²²⁵⁾. — Зимой, вмѣсто Хана, явились другіе разбойники, Погайскіе Мурзы, въ Мещерѣ и близъ Старой Рязани. Воеводы Іоанновы были ихъ вездѣ, гдѣ находили; гнали до воротъ Шацкихъ; взяли много плѣнниковъ, и съ ними Мурзу Теляка: холодъ истребилъ остальныхъ, и едва 50 человекъ спаслося ⁽²²⁶⁾. За то Государь милостиво угостилъ Воеводъ въ Кремлевской набережной палатѣ, и жаловалъ всѣхъ дѣтей Боярскихъ великимъ жалованьемъ.

Еще Казанцы надѣялись обмануть Іоанна, и писали къ нему о мирѣ. Ходатаемъ за нихъ былъ Князь Ногайскій Юсуфъ, тестъ Сафа-Гирея, Властитель знаменитый умомъ и силою, такъ, что Султанъ Турецкій писалъ къ нему ласковыя грамоты, называя его *Княземъ Князей* ⁽²²⁷⁾. Юсуфъ хотѣлъ выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шигъ-Алея, чтобы согласить волю Іоаннову съ желаніемъ народа Казанскаго; представлялъ суету міра и земнаго величія, ссылаясь на Алкоранъ и на Евангеліе, убѣждая Государа не проливать крови и быть ему истиннымъ другомъ; винилъ умершаго зятя въ цѣвѣрности, крововійствѣ; винилъ и Казанскихъ чинowników въ духѣ мятежномъ, но стоялъ за дочь и за внука. Іоаннъ сказалъ, что объявить условія міра, если Казанцы пришлютъ въ Москву пять или шесть знатнѣйшихъ Вельможъ — и, не теряя времени, въ самомъ началѣ весны — послѣ многихъ совѣщаній съ Думными Боярами и съ Казанскими изгнанниками, послѣ торжественнаго молебствія въ церквахъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита — отпустилъ Шигъ-Алея съ пятьюстами знатныхъ Казанцевъ и съ сильнымъ войскомъ къ устью Свѣяги, гдѣ подлежало имъ во имя Іоанново поставить городъ, для коего стѣны и церкви, срубленныя въ лѣсахъ Углицкихъ, были по-

Оспо-
ваніе
Свѣж-
ска.

сланы на судахъ Волгою (²²⁸). Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ и Симеонъ Ивановичъ Миклушинскій, Дворецкій Данило Романовичъ Юрьевъ (братъ Царицы), Конюшій Иванъ Петровичъ Оедоровъ, Бояре Морозовъ и Хабаровъ, Князья Палецкій и Пагаевъ предводительствовали Московскою ратію. Изъ Мещеры вышелъ Князь Хилковъ, изъ Нпжняго Новагорода Князь Петръ Серебряный-Оболенскій, изъ Вятки Бахтеяръ Зюзинъ съ Стрѣльцами и Козаками. Отплыли у непріятеля всѣ перевозки на Волгѣ и Камѣ, всѣ сообщенія. Князь Серебряный первый распустилъ знамя на Круглой горѣ, 16 Мая, при закатѣ солнца; отпѣлъ тамъ вечернюю молитву, и рано, 18 Мая, печально ударилъ на посадъ Казанскій: истребивъ около тысячи сонныхъ людей, болѣе ста Князей, Мурзъ, знатныхъ гражданъ, освободилъ многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, возвратился къ устью Свіаги и ждалъ главнаго войска (²²⁹). Оно прибыло на судахъ 24 Мая, и радостными кликами привѣтствуя землю, которой надлежало быть *новою Россіею*, съ торжествомъ вышло на берегъ, гдѣ полки Князя Серебрянаго-Оболенскаго стояли въ рядахъ и показывали братьямъ свои трофеи. Густый лѣсъ осыпалъ гору: оставивъ мечи, воины взяли сѣкиры, и въ нѣсколько часовъ ея вершина обнажилась. Назначили, размѣрили мѣсто, обошли вокругъ онаго со крестами, святяли воду, основали стѣны, церковь во имя Рождества Богоматери и Св. Сергія, и въ четыре не-

дѣли совершили городъ Свіяжскъ ⁽²³⁰⁾, къ изумленію окрестныхъ жителей, которые, видя сію грозную твердыню надъ главою ветхаго Казанскаго Царства, смиренно просили Шигъ-Алея взять ихъ подъ державу Іоаннову ⁽²³¹⁾. Вся Горная Сторона, Чуваши, Мордва, Черемисы — идолопоклонники Финскаго племени, нѣкогда завоеванные Татарами, и не привязанные къ нимъ ни единствомъ Вѣры, ни единствомъ языка — послали своихъ знатныхъ людей въ Москву, дали клятву въ вѣрности къ Россіи, получили отъ Царя жалованную грамоту съ золотою печатію, были приписаны къ новому городу Свіяжскому и на три года освобождены отъ *ясаковъ* или дани. Чтобы удостовѣриться въ ихъ искренности, Іоаннъ велѣлъ имъ восвать Казань; они не смѣли ослушаться, собрались, и перевезенные въ Россійскихъ судахъ на Луговую сторону, въ присутствіи нашихъ чиновниковъ имѣли битву съ Казанцами среди поля Арскаго: хотя, разсѣянные пушечными выстрѣлами, бѣжали въ безпорядкѣ, однакожь, не доказавъ храбрости, доказали по крайней мѣрѣ свою вѣрность ⁽²³²⁾. Ихъ Князья, Мурзы и Сотники въ теченіе сего лѣта непрестанно ѣздили въ Москву; обѣдали во дворцѣ, и награждаемые шубами, тканями, доспѣхами, конями, деньгами, славили милость Царя и хвалились новымъ

Покореніе Горной Стороны.

отечествомъ. Государь сыпалъ тогда серебро и золото, не жалѣя казны для исполненія великихъ намѣреній. Довольный успѣхомъ Воеводъ, онъ прислалъ къ Шигъ-Алею множество золотыхъ медалей, чтобы раздать оныя войску.

Ужасъ
Казни-
цель.

Между тѣмъ ужасъ и смятеніе господствовали въ Казани, гдѣ не было ни двадцати тысячъ воиновъ. Подданные измѣняли ей, Князья и Мурзы тайно уходили къ Шигъ-Алею ⁽²³³⁾, а Россіяне опустошали ея ближайшія села, и никого не пускали въ городъ: отъ устья Суры до Камы и Вятки стояли наши отряды. На престолѣ Казанскомъ игралъ невпипый, безсловесный младенецъ; вдовствующая Царица, Сююмбека, то плакала надъ нимъ, то веселилась съ своимъ любовникомъ, Крымскимъ Уланомъ Коцакомъ, ненавистнымъ народу; граждане укоряли Вельможъ, Вельможи другъ друга. Казанскіе чиновники желали покориться Иоанну: Крымскіе гнушались снмъ малодушіемъ; ждали войска изъ Тавриды, изъ Астрахани, изъ Ногайскихъ Улусовъ — и надменный Коцакъ, гремя саблею, обѣщалъ побѣду Царицѣ: пишутъ, что онъ думалъ жениться на ней, умертвить ея сына и быть Царемъ. Но сдѣлался бунтъ ⁽²³⁴⁾: Крымцы, видя, что народъ готовъ выдать ихъ Московскимъ Воеводамъ, бѣжали, числомъ болѣе трехъ

сотъ, Князей и сановниковъ. Они не могли спастися, вездѣ находили Россіянъ, и положили свои головы на берегу Вятки; а гордый Кошакъ и сорокъ-пять знатѣйшихъ его единоплеменцевъ были взяты въ плѣнъ и казнены въ Москвѣ (235).

Тогда Казанцы, немедленно заключивъ перемиріе съ нашими Воеводами, отправили Пословъ къ Іоанну (236): молили, чтобы онъ снова далъ имъ Шигъ-Алея въ Цари; обязывались прислать къ нему младенца Утемишъ-Гирея, Царюцу Сююнбеку, женъ и дѣтей оставленныхъ у нихъ Крымцами; хотѣли также освободить всѣхъ Россійскихъ плѣнниковъ. Іоаннъ согласился, вспомнивъ осторожную Политику своего дѣда, которая состояла въ томъ, чтобы не доводить врага до крайности, изнурять въ немъ силы, губить его безъ сѣха, но вѣрно; зависѣть отъ случая какъ можно менѣе, беречь людей какъ можно болѣе, и въ неудачахъ войны оправдываться ея необходимостію. Но дѣдъ Іоанновъ, наблюдая умѣренность, наблюдалъ и другое правило: *удерживать взитое*. Пославъ Адашева къ Воеводамъ, чтобы исполнить условія мира и объявить Шигъ-Алея Царемъ Казанскимъ, онъ велѣлъ отдать ему единственно Луговую Сторону, а Горную, завоеванную мечемъ России, приписать къ Свіяжску. Сія мысль, раздѣлитъ владѣнія

М и р-
н ы я
условія
съ ни-
мъ.

Казани, огорчила и народъ ея и самого Шигъ-Алея. «Чтожь будетъ мое Царство?» говорилъ онъ : «могу ли требовать любви отъ подданныхъ, уступивъ Россіи знатную часть земли ихъ?» Воеводы отвѣтствовали, что такъ угодно Іоанну. Тщетно Казанцы думали лукавствовать, отрицались отъ условій, не хотѣли выдать ни Царицы, ни плѣнниковъ. Воеводы сказали имъ рѣшительно : «или они будутъ въ рукахъ нашихъ, или Государь въ началѣ осени будетъ здѣсь съ огнемъ и мечемъ для истребленія вѣроломныхъ.» Надлежало повиноваться, и Казанцы извѣстили Шигъ-Алея, что Царица съ сыномъ уже ѣдетъ въ Свіяжскъ.

Царица
Сююн-
бека.

Не только Сююнбека, но и вся Казань проливала слезы, узнавъ, что сію несчастную какъ плѣнницу выдаютъ Государю Московскому. Не укоряя ни Вельможъ, ни гражданъ, Сююнбека жаловалась только на судьбу : въ отчаяніи лобызала гробъ Сафа-Гиреевъ и завидовала его спокойствію. Народъ печально безмолвствовалъ : Вельможи утѣшали ее и говорили, что Іоаннъ милостивъ ; что многіе Цари Мусульманскіе служатъ ему ; что онъ изберетъ ей достойнаго между ими супруга и дастъ владѣніе. Весь городъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато-украшенная ладія. Сююнбека тихо ѣхала въ колесницѣ;

иѣстуны несли ся сына. Блѣдная, слабая, она едва могла сойти на пристань, и входя въ ладію, съ умилеиѣмъ поклонилась народу, который валъ ницъ, горько плакалъ, желалъ счастья бывшей своей Царицѣ ⁽²³⁷⁾. Князь Оболенскій встрѣтилъ ее на берегу Волги, привѣтствовалъ именемъ Государя и повезъ на судахъ въ Москву съ Утемищъ-Гиреемъ и съ семействами знатныхъ Крымцевъ.

Такъ исполнилось первое условіе мира: Воеводы требовали еще свободы нашихъ плѣнниковъ и присяги всѣхъ Казанцевъ въ вѣрности къ Россіи; назначили день и стали у Казани, отъ Волги до Царева луга. Алей послалъ своихъ Вельможъ въ городъ, чтобы очистить дворецъ, и ночевалъ въ шатрѣ. Въ слѣдующее утро всѣ сановники и граждане собралися на лугу: выслушали написанную для нихъ клятвенную грамоту; благодарили Іоанна за даннаго имъ Царя, но долго не хотѣли уступить Горной Стороны. «И вы думаете»—сказали Бояре—«что Іоаннъ подобно вамъ легкомысленъ? Взгляните на устье Свіяги: тамъ городъ Христіанскій! Жители окрестныхъ земель торжественно поддалися намъ и воевали Казань: могутъ ли снова принадлежать ей? Забудьте старое: оно не возвратится.» Наконецъ шертныя грамоты были утверждены печатію Царскою, и подписью всѣхъ знатныхъ людей. Народъ присягалъ три дни, толпа за

Новое
воцаре-
ніе
Шягъ-
Алея.
Освобо-
ждение
пѣнни-
ковъ.

толпою ⁽²³⁸⁾. Шягъ-Алей въѣхалъ въ сто-
лицу. Бояре, Князь Юрій Булгаковъ и Ха-
баровъ, посадили его на тронъ — и дворъ
Царскій наполнился Россійскими пѣнни-
ками, изъ коихъ многіе лѣтъ двадцать
страдали въ неволѣ. Алей объявилъ имъ
свободу: они едва вѣрили своему счастью;
обливались слезами, воздѣвали руки къ не-
бу, славяли Бога. «Іоаннъ царствуетъ въ
Россіи!» говорили имъ Бояре: «идите въ
«отечество, и впредь уже не бойтесь пѣн-
«на!» Въ Свіяжскѣ надѣлили ихъ вѣсѣмъ
пужнымъ, одеждою, съѣстными припасами
и послали Волгою вверхъ, числомъ 60,000
кромѣ жителей Вятскихъ и Пермскихъ, от-
правленныхъ инымъ путемъ. «Никогда» —
пишутъ современники — «Россія не видала
«пріятнѣйшаго зрѣлища: то былъ новый
«исходъ Израиля!» Освобожденіе столь
многихъ людей, основаніе Свіяжска, взя-
тіе знатной части Казанскихъ владѣній и
воцареніе Алея не стоили Іоанну ни одного
человѣка: Россіяне вездѣ гнали, били не-
пріятелей въ маловажныхъ встрѣчахъ, на
берегахъ Камы, Волги, и только ихъ кро-
вию обагрялись. — Князь Булгаковъ по-
ѣхалъ къ Государю съ счастливою вѣстію.
Бояринъ Данило Романовичъ и Князь Хил-
ковъ также возвратились. Хабаровъ съ
пятьюстами Московскихъ Стрѣльцовъ
остался у Шягъ-Алея, а Князь Симеонъ

Микулинскій, мужъ извѣстный умомъ и храбростію, въ Свіяжскѣ (239).

Еще Казань тишиною и вѣрностію къ Россіи могла бы продлить бытіе свое въ видѣ особеннаго Мусульманскаго Царства; но Рокъ стремилъ ее къ паденію. Напрасно Іоаннъ изъявлялъ милость и ласку къ ея Царю и Вельможамъ: дарилъ перваго богатыми одеждами, сосудами, деньгами — также и Царицу его, одну изъ бывшихъ женъ Сафа-Гиреевыхъ; дарилъ и всѣхъ знатныхъ Казанцевъ, предостерегалъ ихъ отъ гибельныхъ слѣдствій новой измѣны (240). Шигъ-Алей непрестанно докучалъ ему о Горной Сторонѣ, желая, чтобы онъ возвратилъ хотя половину или часть ея, и недовольный рѣшительными отказами, равнодушно видѣлъ, что Казанцы укрываютъ еще многихъ пѣшниковъ Россійскихъ, сажаютъ въ ямы, заключаютъ въ цѣпи; не хотѣлъ никого наказывать за то, и говорилъ нашимъ саповникамъ: «боюсь мятежа!» Но свѣдавъ, что нѣкоторые Вельможи, по старому обычаю, втайнѣ крамольствуютъ, пересылаются съ Ногаями, замышляютъ убитъ его и всѣхъ Россіянъ, Алей не усомнился прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ: далъ пиръ во дворцѣ и велѣлъ рѣзать гостей, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ: однихъ умертвили въ его столовой комнатѣ, дру-

Невѣр-
ность
Казан-
цевъ и
жесто-
кость
ихъ
Царя.

гихъ на дворѣ Царскомъ , всего семдесятъ человекъ , самыхъ знатнѣйшихъ ; палачами служили собственные Алесвы Князя и Стрѣльцы Московскіе. Два дни лилася кровь: народъ оцѣпенѣлъ; виновные и невинные разбѣжались отъ страха ⁽²⁴¹⁾.

П е р е-
говори
съ А-
леемъ.

Сіе ужасное происшествіе открыло Іоанну необходимость искать иныхъ способовъ для усмиренія Казани. Онъ послалъ туда Адашева, который объявилъ Алею, что Государь не можетъ долѣе терпѣть злодѣйствъ Казанскихъ ; что время успокоить сіе несчастное Царство и Россію ; что Московскіе полки вступятъ въ его столицу, защитятъ Царя и народъ, утвердятъ ихъ и нашу безопасность. «Вижу самъ» — отвѣтствовалъ Алею съ горестію — «что мнѣ не лѣзя здѣсь царствовать: Князя и народъ ненавидятъ меня; но кто виновъ? Пусть Іоаннъ отдастъ намъ Горную Сторону: тогда поручусь за вѣрность Казани; иначе добровольно схожу со трона и ѣду къ Государю, не имѣя другаго убѣжища въ свѣтѣ. «Но я Мусульманинъ, и не введу сюда Христіанъ; впрочемъ могу оказать вамъ услугу, если Государь удостовѣритъ меня въ своей милости: до отъѣзда моего изъ Казани погублю остальныхъ злыхъ Вельможъ, испорчу весь сварядъ огнестрѣльный и приготавлию легкую для васъ побѣду» ⁽²⁴²⁾. Съ симъ отвѣтомъ Адашевъ воз-

вратился въ Москву, гдѣ находились Послы Казанскіе, Муралей Князь, Костровъ, Алямердишъ, личные непріатели Шигъ-Алея. Угадывая мысль Государеву, они — г 1352. или съ общаго согласія единоплеменцевъ своихъ, или сами собою — донесли Іоанну, что ихъ Царь есть кровожадный убійца и наглый грабитель; что Казань желаетъ единственно избавиться отъ тирана и готова повиноваться *Памѣтнику Московскому*. «Если не исполнишь воли народа» — сказали Послы — «то откроется бунтъ, неминуемо и скоро. Удали бѣдствіе; удали ненавистнаго злодѣя. Пусть Россіяне займутъ нашу столицу: мы выйдемъ въ предѣлы или въ села; хотимъ во всемъ записаться отъ воли твоей; будемъ тебѣ усердными слугами; а если обманемъ, то наши головы да падутъ въ Москвѣ!» Не теряя времени, Іоаннъ снова послалъ Адашева въ Казань, чтобы *свести Царя съ престола въ угодность народу*; обѣщалъ Алею милость и жалованье, требуя, чтобы онъ безъ сопротивленія впустилъ наше войско въ городъ. Тутъ Алей вторично изъявилъ благородную твердость. «Не жалѣю о престолѣ», говорилъ онъ Адашеву: «я не могъ или не сумѣлъ быть на немъ счастливъ. Самая жизнь моя здѣсь въ опасности. Повинуюсь Государю: да не требуетъ только, чтобы я измѣнилъ Правовѣрію. Возьмите

Царь
остая-
хвѣтъ
Казань

«Казань, но безъ меня; возьмите силою или «договоромъ, но не изъ рукъ моихъ.» Ни ласкою, ни угрозами Аташевъ не могъ склонить его къ тому, чтобы онъ сдалъ Царство Намѣстнику Государеву. Тайно заколотивъ нѣсколько пущекъ, и пищади съ порохомъ отираивъ въ Свѣяжскъ ⁽²¹³⁾, Алей выѣхалъ ловить рыбу на озеро со многими Уланами и Князьями; велѣлъ Московскимъ Стрѣльцамъ окружить ихъ и сказать ему наумленнымъ чиновникамъ: «Вы думали убить меня, обносали въ Москвѣ, не хотѣли имѣть Царемъ, и требовали Намѣстниковъ отъ Іоанна: ставемъ «же вмѣстѣ предъ его судилищемъ!» Алей пріѣхалъ съ ними въ Свѣяжскъ.

Тогда Князь Симеонъ Микулинскій, назначенный управлять Казанью, далъ знать ся жителямъ, что воля ихъ исполнилась: что Алей сведенъ съ Царства, и что они должны присягнуть Государю Московскому. Казанцы соглашались: желали только, чтобы Микулинскій отпустилъ къ нимъ двухъ Свѣяжскихъ Князей, Чапкова и Бурнаша, которые, будучи уже подданными Россіи, могли бы успокоить народъ своимъ ручательствомъ въ Іоанновой милости ⁽²¹⁴⁾. Сии Князья поѣхали туда съ нашими чиновниками. Тишина царствовала въ Казани. Вельможи, граждане и самые сельскіе жители дали клятву въ вѣрности; очистили

дворы для Намѣстника и войска; прислали въ Свіяжскъ жену Шигъ-Алееву; звали Князя Микулинскаго: встрѣтили его на берегу Волги и били ему челомъ какъ усердные *доложи* Государевы. Онъ шелъ съ полками. Воеводы уже отправляли легкій обозъ въ Казань и готовились съ торжествомъ вступитъ въ ея стѣны. Безъ важныхъ усилій, бегъ кровопролитія Іоаннъ пріобрѣталъ знаменитое Царство: брался, такъ сказать, рукою за вѣнецъ озаго.... Вдругъ все перемѣнилось.

Трое изъ Вельможъ Казанскихъ (²¹⁵), отпущенные Княземъ Микулинскимъ въ городъ къ ихъ семействамъ, возмутили народъ ложною вѣстію, что Россіане идутъ къ нимъ съ намѣреніемъ истребить всѣхъ жителей. Распространился ужасъ, сдѣлалось общее смятеніе; затворили крѣпость; начали вооружаться. Многіе Князья старались разуверить народъ, представляя, что Бояре Іоанновы торжественно клялися не трогать ни одного человѣка, ни въ городѣ, ни въ селахъ: обѣщались властвовать по законамъ, безъ насиія; оставить все, какъ было. Ихъ не слушали и кричали, что клятва Бояръ есть обманъ; что самъ Алей за тайну сказывалъ то своимъ ближнимъ людемъ. Узнавъ о семъ волненіи, Князь Микулинскій, Оболенскій, Адашевъ оставили войско на Булакѣ и съ малочисленною

Послѣ
днѣ
начина
Казан-
цевъ.

дружиною подъѣхали къ городу ⁽²⁴⁶⁾: *ворота Царскія* были заперты, а стѣны покрыты людьми вооруженными. Вышли нѣкоторые чиповники, извиняли пародъ, обѣщались усмирить его, но не сдержали слова: граждане никакъ не хотѣли впустить Россіянъ, захватили нашъ обозъ, многихъ дѣтей Боярскихъ, и приказывали грубыя рѣчи къ Московскимъ Воеводамъ, которые узнали, что Князь Чапкунъ, посланный ими въ лицѣ усерднаго слуги Государева изъ Свіяжска въ Казань для успокоенія жителей, обманулъ насъ и сдѣлался тамъ Главою мятежниковъ. Воеводы почевали въ предмѣстіи: видя, что всѣ убѣжденія безплодны, они могли бы обратить его въ нецель и осадить городъ, но ждали Государева указа; мирно отступили къ Свіяжску, заключили всѣхъ бывшихъ съ нимъ Казанскихъ сановниковъ въ темницу, и немедленно отправили въ Москву Боярина Шереметева съ донесеніемъ о сей новой измѣнѣ. Она была послѣднею.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1552.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе старца. К. Булгакова. Строеііе новыхъ крѣпостей. Начало Донскихъ Козаковъ. Новый Ханъ въ Тавридѣ. Дѣла Астраханскія. Болѣзнь въ Свіяжскѣ. Едигеръ Царь въ Казани. Посланіе Митрополита къ Свіяжскому войску. Совѣтъ о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Приступъ къ Тулѣ. Бѣгство Хана. Наши трофеи. Ропотъ въ войскѣ. Походъ. Осада. Первая битва. Буря. Ставятъ туры. Сильная вылазка. Дѣйствіе бойницъ Наѣзникъ Князь Япанча. Утомленіе воиновъ. Раздѣленіе полковъ. Истребленіе Япанчина войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе тайника. Умыіііе Казанцевъ. Дѣятельность Іоаннова. Взятіе острога и города Арскаго. Нападенія Луговой Черемисы. Многія чародѣйства. Построеніе высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопродливное дѣло. Взорваніе тарасъ. Завятіе Арской башни. Последнее предложеніе Казанцамъ. Устроеніе войска для приступа. Взорваніе подкоповъ и приступъ. Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корыстолюбіе многихъ воиновъ. Великодушіе Іоанна и Бояръ. Доблесть К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе креста у воротъ Царскихъ. Выѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ

станѣ. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное вступленіе въ Казань. Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правительства. Совѣтъ Вельможъ. Возвратный путь Государя въ Москву. Рожденіе Царевича. Встрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Отвѣтъ Митрополитовъ. Ширъ во дворецъ и дары Іоанновы.

г. 1552.
Приго-
товле-
ніе къ
походу
Казан-
скому.

24 Марта узналъ Государь о происше-
ствіяхъ Казанскихъ : велѣлъ Шигъ-Алею
ѣхать въ Касимовъ, а шурина своему, Да-
нилу Ромазовичу, идти съ пѣхотною дру-
жиною въ Свияжскъ, объявивъ въ торже-
ственномъ засѣданіи Думы, что настало
время сразить главу Казани. «Богъ видитъ
«мое сердце,» говорилъ онъ: «хочу не зем-
ной славы, а покоя Христіанъ. Могу ли
«нѣкогда безъ робости сказать Всевышне-
му: *се я и люди, Тобою мнѣ данные, если*
«не спасу ихъ отъ свирѣлости вѣчныхъ
«враговъ Россіи, съ копьями не можетъ быть
«ни мира, ни отдохновенія?» Бояре хвалили
рѣшительность Іоаннову, но совѣтовали
ему остаться въ Москвѣ и послать Воеводу
на Казань : ибо Россія имѣетъ не одного
врага: «если Крымцы, Ногаи въ отсутствіи
«Государя нападутъ на ея предѣлы, кто за-
«щититъ оныя?» Іоаннъ отвѣтствовалъ, что
возьметъ мѣры для безопасности Государ-
ства и *пойдетъ на свое дѣло*. Велѣли соби-
раться войску, изъ дальнихъ мѣстъ въ Ко-

ломѣ и Коширѣ, изъ ближайшихъ въ Муромѣ. Князья Александръ Борисовичъ Горбатый и Петръ Ивановичъ Шуйскій должны были вести Московскіе полки въ Нижній Новгородъ, Михайло Глинскій расположиться станомъ на берегахъ Камы съ Дѣтьми Болрскими, Стрѣльцами, Козаками, Устюжанами и Вятчанами, а Свіяжскіе Воеводы занять легкими отрядами перевозы на Волгѣ и ждать Іоанна (²⁴⁷).

Готовясь къ знаменитому подвигу, юный Царь могъ быть увѣренъ въ миролюбіи Западныхъ Державъ сосѣдственныхъ. Швеція и Ливонія не требовали ничего, кромѣ свободной у насъ торговли. Съ Королемъ Польскимъ мы спорили о титулѣ и земляхъ Себежскихъ; грубили словами другъ другу, но съ обѣихъ сторонъ удалялись отъ войны. Августъ оказалъ даже ласку Іоанну, и не хотѣвъ прежде за деньги освободить Князя Михайла Булгакова-Голицу, освободилъ его даромъ; прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ другимъ сановникомъ, Княземъ Селеховскимъ, и писалъ къ Царю: «Думая, что мы обязаны уважать вѣрность не только въ своихъ, но и въ чужихъ слугахъ, смирающихъ за Государя, даю свободу Великому Воеводѣ отца твоего. Всѣ иные знатные плѣнники Московскіе, взятые нами въ славной Оршинской битвѣ, уже во «гробѣ.» Царь изъявилъ Августу искрен-

Отло-
пеніа
Россіи.
къ За-
па-
да-
нимъ
Держа-
вамъ.

Осво-
божде-
ніе
старпа
К. Бул-
гакана.

ною благодарность, и съ живѣйшею любовью принялъ старца Булгакова, 38 лѣтъ страдавшаго въ неволѣ; выслалъ ему богатую шубу, украсилъ его грудь золотою медалью, обнялся съ нимъ какъ съ другомъ. Изнуренный долговременнымъ несчастіемъ, утомленный дальнимъ путемъ, старецъ не могъ обѣдать съ Государемъ: плакалъ и благословлялъ милостиваго, Державнаго сына Васиіева (²⁴⁸).

Строеніе новыхъ крѣпостей

Не опасаясь ничего со стороны образованныхъ Державъ Европейскихъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе занимался безопасностію нашихъ юговосточныхъ предѣловъ. Двѣ вновь построенныя крѣпости — Михайловъ на Цронѣ, Шатекъ на Цигѣ — служили оградою для Рязани и Мещеры (²⁴⁹). Но важнѣйшимъ страшилищемъ для варваровъ и защитою для Россіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, сдѣлалась новая воин-

Начало Донскихъ Козаковъ.

ственная Республика, составленная изъ людей говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу Вѣру, а въ лицѣ своемъ представляющихъ смѣсь Европейскихъ съ Азіатскими чертами; людей неутомимыхъ въ ратномъ дѣлѣ, природныхъ конниковъ и наѣзтниковъ, иногда упрямыхъ, своевольныхъ, хищныхъ, но подвигами усердія и доблести изгладившихъ вины свои — говоримъ о славныхъ Донскихъ Козакахъ, выступившихъ тогда на театръ Исторіи.

Нѣтъ сомнѣнія , что они же назывались прежде *Азовскими*, которые въ теченіе XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ Харьковскихъ, Воронежскихъ, въ окрестностяхъ Дона; грабили Московскихъ купцовъ на дорогѣ въ Азовъ, въ Кафу; хватали людей, посылаемыхъ нашими Воеводами въ степи для развѣдыванія о Ногаихъ или Крымцахъ ⁽²⁵⁰⁾, и безпокоили набѣгами Украину. Происхожденіе ихъ не весьма благородно: они считались Россійскими бѣглецами ⁽²⁵¹⁾; искали дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ Улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодородныхъ, гдѣ Волга сблизается съ Дономъ, и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ Сѣверную Европу; утвердился въ нынѣшней своей области; взяли городъ Ахасъ ⁽²⁵²⁾, называли его, думаю, *Черкасскимъ*, или Козачьимъ (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себѣ женъ, какъ вѣроятно, изъ земли Черкесской и могли сими браками сообщить дѣтямъ нѣчто Азіатское въ наружности. Отецъ Іоанновъ жаловался на нихъ Султану, какъ Государю Азовской земли ⁽²⁵³⁾; но Козаки гиушались зависимоію отъ Магометанскаго Царства, признали надъ собою верховную власть Россіи — и въ 1549 году вождь ихъ Сарыазмакъ, именуюсь подданнымъ Іоанна, строилъ крѣпости на Дону: они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Ногаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турковъ ⁽²⁵⁴⁾; обязывались служить вдали бди-

тельною стражею для Россіи, своего древняго отечества, и водрузивъ знаменіе Креста на предѣлахъ Оттоманской Имперіи, поставили грань Іоанновой Державы въ виду у Султана, который доселѣ мало занимался нами, но тутъ открылъ глаза, увидѣлъ опасность и хотѣлъ быть дѣятельнымъ покровителемъ Сѣверныхъ владѣній Магометанскихъ. Въ Тавридѣ господствовалъ новый Ханъ Девлетъ—Гирей, племянникъ умершаго или сверженнаго Саина ⁽²⁵⁵⁾: онъ взялся спасти Казань. Послы Солимановы убѣждали Князей Ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соединиться подъ хоругвию Магомета, чтобы обуздать наше властолюбіе. «Отдаленіе» — писалъ къ нимъ Султанъ — «мѣшаетъ мнѣ помогать Азову и Казани. Заключите тѣсный союзъ съ Ханомъ Крымскимъ. Я велѣлъ ему отнестись всѣхъ Астраханскихъ жителей въ ихъ отечество, мною возстановляемое. Немедленно пришлю туда и Царя; дамъ Главу и Казани изъ рода Гиреевъ; а до того времени будьте ея защитниками ⁽²⁵⁶⁾.» Но сіи Князья, находя выгоды въ торговлѣ съ Россіею, не хотѣли войны. Астрахань, важная, необходимая для купечества Запад-
Новый Ханъ въ Тавридѣ.
Дѣла Астраханскія.
ной Азіи, возникала на развалинахъ: въ ней властвовала Ямгурчей ⁽²⁵⁷⁾: онъ звался быть усерднымъ слугою Іоанновымъ, и чиновникъ Московскій поѣхалъ

къ нему для договора. Царевичъ Астраханскій, Кайбула, сынъ Аккубековъ, женился въ Россіи на племянницѣ Шигъ-Алея, дочери Еналеевой, получивъ городъ Юрьевъ во владѣніе ⁽²⁵⁸⁾. — Опасаясь единственно Хана Крымскаго, Іоаннъ ждалъ вѣстей объ его движеніяхъ, и собирая войско, готовился имѣть дѣло съ двумя непріятелями: съ Казанью и Тавридою.

Между тѣмъ мятежники Казанскіе, по-славъ искать себѣ Царя въ Ногайскихъ Улусахъ, взволновали Горную Сторону ⁽²⁵⁹⁾; къ несчастію, открылась весною ужасная бо-
лѣзнь въ Свіяжскѣ, цынга, отъ коей мно-
жество людей умираю. Воеводы были въ
уныніи и въ бездѣйствіи, а Казанцы тѣмъ
дѣятельнѣе: отчасти силою, отчасти убѣж-
деніями они заставили всѣхъ своихъ быв-
шихъ подданныхъ отложиться отъ Россіи.
Государь велѣлъ Князьямъ Горбтому и
Шуйскому съѣздить туда съ полками изъ
Нижняго Новгорода; но печальныя вѣ-
сти, одна за другою, приходили въ Мо-
скву: болѣзнь усиливалась въ Свіяжскѣ;
Горные жители, дѣйствуя какъ непріатели,
отгоняли наши табуны ⁽²⁶⁰⁾; Казанцы по-
бѣждали Россіявъ въ легкихъ сшибкахъ,
умертвивъ всѣхъ дѣтей Боярскихъ и Коза-
ковъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ. Воево-
ды знали, что Астраханскій Царевичъ, Еди-
геръ Магмедъ, ѣдетъ изъ Ногайскихъ Улу-

Бо-
лѣзнь
въ Сві-
яжскѣ.

Едигеръ
Царь въ
Казани.

совъ съ 500 воиновъ: стерегли и не умѣли схватить его на пути; онъ пріѣхалъ въ Казань и сѣлъ на ея престолѣ, давъ клятву быть неумолимымъ врагомъ Россіи.

Въ то же время Іоаннъ, къ прискорбію своему, узналъ, что не одна тѣлесная, но и душевная зараза господствуетъ въ Свіяжскѣ, наполненномъ людьми военными, которые думали, что они внѣ Россіи, слѣдственно и внѣ Закона, и среди ужасовъ смерти предавались необузданному, самому гнусному любострастію. Исполняя волю Іоаннову, Митрополитъ послалъ туда умнаго Архангельскаго Протоіеря Тимофея съ Святою водою, съ наставленіемъ словеснымъ и письменнымъ, къ начальникамъ и ко всѣмъ воинамъ ⁽²⁶¹⁾. «Милостію Божіею, мудростію нашего Царя и вашимъ мужествомъ — писалъ онъ — твердыня Христіанская поставлена въ землѣ враждебной. Господь далъ намъ и Казань безъ кровопролитія. Мы благоденствуемъ и славимся. Литва, Германія ищутъ нашего дружества. Чѣмъ же можемъ изъявить признательность Всевышнему? исполненіемъ Его заповѣдей. А вы исполняете ли сихъ? Молва народная тревожитъ сердце Государево и мое. Увѣряютъ, что пѣкаторые изъ васъ, забывъ страхъ Божій, утопаютъ въ грѣхахъ Содома и Гоморра; что многія благообразныя дѣвы и же-

Посла-
ніе Ми-
тропо-
лита въ
Свіяж-
скому
войска.

«ны, освобожденные плѣнницы Казанскія,
«оскверняются развратомъ между вами; что
«вы, угождая имъ, кладете бритву на бра-
«ды свои, и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь
«быть мужами. Вѣрю сему, ибо Господь
«казнить васъ, не только болѣзнію, но и
«срамомъ. Гдѣ ваша слава? Бывъ ужасомъ
«враговъ, нынѣ служите для нихъ посмѣ-
«шищемъ. Оружіе туно, когда нѣтъ добро-
«дѣтели въ сердцѣ; крѣкіе слабѣютъ отъ
«пороковъ. Злодѣйство возстало; измѣна
«явилась, и вы уклоняете щитъ предъ ни-
«ми! Богъ, Іоаннъ и Церковь призываютъ
«васъ къ раскаянію. Исправьтесь, или уви- 21 Мая.
«дите гнѣвъ Царя, услышите клятву Цер-
«ковную.»

Государь то присутствовалъ въ Думѣ, то
смотрѣлъ полки и снарядъ огнестрѣльный,
изъявляя нетерпѣніе выступить въ поле.
Бояринъ Князь Иванъ Федоровичъ Мсти-
славскій и Князь Михайло Ивановичъ Во-
ротыинскій, названный тогда, въ знакъ осо-
бенной къ нему милости Іоанновой, *Слугою*
Государевымъ (262), пошелъ съ главною ра-
тію въ Коломну. Передовую дружину вели
Князья Иванъ Провскій Турунтай и Дми-
трій Хилковъ, Правую Руку Бояринъ Князь
Петръ Щенятевъ и Князь Андрей Михай-
ловичъ Курбскій, Лѣвую Князь Дмитрій
Микулинскій и Плещеевъ, Стражу Князь
Василій Оболенскій-Серебряный и Симеонъ

Содѣтъ
о Каза-
нѣ.

Шереметевъ, а собственную Царскую Дру-
жину Князь Владиміръ Воротынской и Бо-
яринъ Иванъ Шереметевъ. Уже полки стоя-
ли отъ Копиры до Муромъ; Окою, Волгою
иными сѣла съ запасами и пушками къ
Нижнему-Новугороду: но въ Царскомъ Со-
вѣтѣ было еще несогласіе: многіе думали,
что лучше идти на Казань зимою, нежели
лѣтомъ; такъ въ особенности мыслилъ
Шипъ-Алей: Іоаннъ призывалъ его изъ Ка-
симова въ Москву, осыпалъ милостями,
далъ ему нѣсколько селъ въ Мещерѣ и до-
зволилъ жениться на вдовѣ Сафа-Гиреевой,
Царицѣ Сююмбекѣ (²⁶³). Будучи не спосо-
бенъ къ ратному дѣлу, ни духомъ слабымъ,
ни тѣломъ чрезмерно тучнымъ, Алей сла-
вился умомъ основательнымъ (²⁶⁴). «Ка-
зань» — говорилъ онъ — «заграждена лѣ-
сами, озерами и болотами: зима будетъ
«самъ мостомъ.» Іоаннъ не хотѣлъ ждать,
и сказавъ: «войско готово, запасы отира-
влены, и съ Божіею помощію найдемъ
«путь къ доброй дѣли», рѣшился ѣхать не-
медленно въ станъ Коломенскій.

Выѣздъ
Государя
ревъ.

16 Іюня Государь простился съ супру-
гою. Она была беременна: плакала, упала
къ нему въ объятія. Онъ казался твердымъ;
утѣшалъ ее; говорилъ, что исполняетъ
долгъ Царя, и не боится смерти за отече-
ство; поручилъ Анастасію Богу, а ей всѣхъ
бѣдныхъ и несчастныхъ; сказалъ: «милуй

«и благотвори бѣтъ меня; даю тебѣ волю
 «Царскую; отвориѣ темницы; снимай она-
 «су съ самыхъ виновныхъ по твоему усмо-
 «трѣнію, и Всевышній наградитъ меня за
 «мужество, тебя за благость» (²⁶⁵). Анаста-
 сія стала на колѣна и въ слухъ молилась о
 здравіи, о побѣдѣ, о славѣ супруга; укрѣ-
 пилась душою, и въ послѣднемъ нѣжномъ
 цѣлованіи явила примѣръ необыкновенна-
 го въ юной женѣ великодушія. Государь
 пошелъ въ церковь Успенія: долго молил-
 ся (²⁶⁶); просилъ Митрополита и Еписко-
 повъ быть ревностными ходатаями за Рос-
 сію предъ Богомъ, утѣшителями Анастасіи
 и совѣтниками брата его, Юрія, который
 оставался Главою Москвы. Святители, Боя-
 ре, народъ, проливая слезы, обвивали Го-
 сударя. Вышедши изъ церкви, опъ сѣлъ на
 коня, и съ Дружиною Царскою поѣхалъ въ
 Коломенское, гдѣ обѣдалъ съ Боярами и
 Воеводами; былъ веселъ, ласковъ; хотѣлъ
 почевать въ любимомъ селѣ своемъ Остро-
 вѣ, и на семъ пути встрѣтилъ гонца, съ
 вѣстію изъ Путивля, что Крѣпцы густыми
 толпами идутъ отъ Малаго Дона Сѣверска-
 го къ пашей Украйнѣ (²⁶⁷). Не знали, кто
 предводительствуетъ ими: Хавъ или сынъ
 его. Государь не оказалъ ни малѣйшаго без-
 покойства; ободрялъ всѣхъ бывшихъ съ
 нимъ чиновниковъ, и говорилъ имъ: «Мы
 «не трогаемъ Хана; но если онъ вздумалъ

Наше-
 ство
 Хан
 Крым-
 ского.

«поглотить Христіанство, то ставемъ за отечество: у насъ есть Богъ!» Іоаннъ спѣшилъ въ Коломну, взявъ съ собою Князя Владиміра Андреевича, коего онъ хотѣлъ было отпустить назадъ въ Москву изъ Острова.

Іюль 19. Въ Коломнѣ ожидали Государя новыя вѣсти (²⁶⁸): Крымцы шли къ Рязани. Іоаннъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе: велѣлъ стать Большому Полку у Колычева, Передовому у Мстислава, а Лѣвой Рукѣ близъ Голутвина; совѣтовался съ Шигъ-Алеемъ: отправилъ его въ Касимовъ; вмѣстѣ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ осмотрѣлъ войско на берегахъ Оки; говорилъ рѣчи сановникамъ и рядовымъ; восхищалъ ихъ своею милостію, одушевлялъ бодростію, и вездѣ слышалъ восклицанія: «мы готовы умереть за Вѣру и за тебя, Царя добродѣтельнаго!» Избравъ мѣсто для битвы, онъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву, къ Царицѣ и къ Митрополиту, что ждетъ Хана безъ ужаса, надѣясь на благодѣе Всевышняго, на ихъ молитву и на мужество войска; что храмы въ Москвѣ должны быть отверсты, а сердца спокойны.

21 Іюня получили въ Коломнѣ извѣстіе, что Крымцы явились близъ Тулы. Воеводы, Князя Щепляевъ, Курбскій, Турунтай, Хилковъ, Воротынскій, спѣшили къ

сему городу; но узнали, что непріятель былъ тамъ въ малыхъ силахъ, ограбляхъ нѣсколько деревень и скрылся ⁽²⁶⁹⁾. 23 Іюня, когда Іоаннъ сидѣлъ за обѣдомъ, прискакалъ гонецъ отъ Князя Григорья Темкина, Намѣстника Тульскаго, писавшаго къ Царю: «Ханъ здѣсь — осаждаеть городъ — имѣеть много пушекъ и Янычаръ Султан-скихъ.» Іоаннъ въ ту же минуту велѣлъ Царской Дружинѣ выступить изъ Коломны, а главной рати переправляться за Оку; отслушалъ молебенъ въ церкви Успенія, принялъ благословеніе отъ Епископа Феодосія ⁽²⁷⁰⁾ и выѣхалъ на конѣ въ поле, гдѣ войско въ необозримыхъ рядахъ блистало, гремѣло оружіемъ — двинулось впередъ съ радостнымъ кликомъ и *шло на битву какъ на потѣху* ⁽²⁷¹⁾. Лѣтописцы не сказываютъ числа, говоря только, что вся Россія казалась тамъ ополченною, хотя въ Свіяжскѣ, въ Муромѣ находилось еще другое, сильное войско, а Коломенское состояло единственно изъ Дворянъ, *Жильцовъ* ⁽²⁷²⁾ или отборныхъ Дѣтей Боярскихъ, изъ Новгородцевъ и прочихъ сѣверныхъ жителей. Вечеру уже многіе полки были за Окою, и самъ Іоаннъ приближался къ Коширѣ. Тутъ новый гонецъ отъ Князя Темкина донесъ ему, что Тула спасена. 22 Іюня, въ первомъ часу дня, Ханъ приступилъ къ городу, стрѣляя изъ пушекъ огненными ядрами:

Прв-
ступъ
къ Ту-
лѣ.

дома загорѣлись и Иньчары кинулись на стѣны. Тула для защиты своей не имѣла воиновъ, отправивъ ихъ всѣхъ на службу Государеву; но имѣла бодрого начальника и великодушныхъ гражданъ: одни тушили огонь, другіе бились мужественно, и Иньчары не могли взять крѣпости. Ханъ отложилъ приступъ до слѣдующаго утра, а ночью удаллся, свѣдавъ, что сильныя полки идутъ отъ Кошеры. Граждане Тульскіе стояли на стѣнахъ всю ночь: при свѣтѣ зари увидѣли бѣгство Татаръ; увидѣли съ другой стороны пылъ столбомъ, и воскликнувъ: «Государь, Государь сѣшитъ къ намъ!» устремился въ слѣдъ за непріателемъ; взяли его снарядъ огнестрѣльный; убили многихъ людей и шурипа Ханскаго, Князя Камбирдеа (²⁷³); самыя жены и дѣти помогали имъ. Тогда пришли Воеводы, Князя Щенятевъ, Курбскій, и стали на томъ мѣстѣ, гдѣ были шатры Ханскіе (²⁷⁴). — Обрадованный сямъ успѣхомъ, Иоаннъ далъ отдохнуть войску и почевалъ подъ Коширою.

На другой день онъ получилъ еще пріятнѣйшую вѣсть: Щенятевъ и Курбскій, имѣя только 15,000 воиновъ, разбили 30,000 или болѣе непріятелей, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Тулы, не зная о бѣгствѣ Хана, шли къ нему и встрѣтили Россіяны (²⁷⁵). Въ сей жестокой битвѣ Князь

Андрей Курбскій, Вожь юноша, ознаменовался славными ранами: ему изсѣкли голову и плеча. Воеводы гнали Татаръ, и на берегахъ рѣчи Шевороны отержавъ новую побѣду надъ ними, освободили множество Россіянъ. Ханъ оставилъ намъ въ добычу овецъ и цѣлыя табуны вельблюдовъ; а плѣнники объявили, что онъ шелъ на Москву, считая Государя подъ Казанью: узнавъ же о сильномъ Иоанновомъ ополченіи, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Тулу, чтобы съ меньшимъ стыдомъ бѣжать во свояси ⁽²⁷⁶⁾. — Легкіе отряды наши топтали Крымцевъ до самыхъ стеней.

Иоаннъ возвратился въ Коломну, извѣстивъ Царицу, брата, Митрополита о славномъ изгнаніи врага, и послалъ въ Москву трофеи: пушки непріятельскія, вельблюдовъ, плѣнниковъ, чтобы обрадовать столицу свидѣтельствомъ нашей побѣды ⁽²⁷⁷⁾; а самъ распорядилъ походъ къ Казани двумя путями, объявивъ, что Дружина Царская, Лѣвая Рука и Запасный Полкъ должны идти съ нимъ на Владиміръ и Муромъ, главные же Воеводы на Рязань и Мещеру, чтобы сойтися съ Государемъ въ полѣ за Алатыремъ ⁽²⁷⁸⁾. — Въ войскѣ сдѣлался ропотъ: Новогородцы, Дѣти Боярскіе, жаловались, что Царь не дастъ имъ отдохновенія; что они уже нѣсколько мѣсяцевъ на службѣ и въ трудахъ; что имъ невозможно

Нѣтъ
т р о-
фея.

Ропотъ
въ вой-
скѣ.

вынести дальняго похода, для коего не имѣютъ ни силъ, ни денегъ. Іоаннъ весьма огорчился; но, скрывъ досаду, велѣлъ переписать воиновъ усердныхъ, желающихъ служить отечеству, и тѣхъ, которые по лѣности или неспособности отказываются отъ славы участвовать въ великомъ подвигѣ. «Первые» — говорилъ онъ — «будутъ мнѣ любезны какъ дѣти; хочу знать ихъ нужды, и все раздѣлю съ ними. Другіе же могутъ остаться: мнѣ не подобно малодушныхъ!» Сии слова произвели удивительное дѣйствіе. Всѣ сказали въ одинъ голосъ: «Идемъ, куда угодно Государю; а послѣ онъ увидитъ нашу службу и не оставитъ бѣдныхъ.» Самые безпомѣстные дѣти Боярскіе молчали о своихъ недостаткахъ, въ надеждѣ на будущую милость Государеву.

Походъ. 3 Іюля тронулось все войско. Іоаннъ съ отмыпнымъ усердіемъ молился предъ иконою Богоматери, которая была съ Димитріемъ Донскимъ въ Мамасвой битвѣ и стояла въ Коломенскомъ храмѣ Успенія. На пути онъ съ умилеціемъ лобызалъ гробъ древняго Героя Россіи, Александра Невского, и благословилъ память Святыхъ Муромскихъ Угодниковъ, Князя Петра и Княгини Февроніи. Въ Владимірѣ донесли ему изъ Свіяжска, что болѣзнь тамъ прекратилась; что войско одушевлено ревностію;

что Князья Микулинскій, Серебряный и Бояринъ Данило Романовичъ ходили на мѣтежниковъ Горной Стороны, смирили многихъ и новою клятвою обязали быть вѣрными подданными Россіи ⁽²⁷⁹⁾. Въ Муромѣ увѣдомили Государя изъ Москвы, что супруга его тверда и спокойна надеждою на Провидѣніе; что Духовенство и народъ непрестанно молятъ Всевышняго о здравіи Царя и воинства. Митрополитъ писалъ къ Іоанну съ ласкою друга и съ ревностію Церковнаго учителя. «Будь чистъ и цѣломудренъ душею,» говорилъ онъ: «смиряйся въ славѣ и бодрствуй въ печали. Добродѣтели Царя спасительны для Царства.» И Государь и Воеводы читали сію грамоту съ любовію. «Благодаримъ тебя» — отвѣтствовали Іоаниъ Митрополиту — «за Пастырское ученіе, вписанное у меня въ сердца.» «Помогай намъ всегда наставленіемъ и молитвою. Идемъ далѣе. Да сподобитъ насъ Господь возвратиться съ миромъ для Христіанъ ⁽²⁸⁰⁾!» Онъ не терялъ ни часа въ бездѣйствіи: пѣшій и на конѣ смотрѣлъ полки, людей, оружіе; велѣлъ расписать Дѣтей Боярскихъ на сотни и выбрать начальника для каждой изъ воиновъ знатнѣйшихъ родомъ; отпустилъ Шигъ-Алея въ судахъ къ Казани съ Княземъ Петромъ Булгаковымъ и Стрѣльцами; послалъ дружину Яртоульскую ⁽²⁸¹⁾ наводить мосты, и 20 Іюля, въ слѣдъ за войскомъ переѣхавъ Оку, ночевалъ въ Саканскомъ лѣсу, на рѣкѣ Велетемѣ, въ 30 верстахъ отъ Муромъ. Вгорѣй станъ былъ на Шплекшѣ, третій подѣ

Сакавскимъ городищемъ. Князья Касимовскіе и Темниковскіи присоединились къ войску съ своими дружинами, Татарами и Мордвою. Августа 1 Государь святилъ воду на рѣкѣ Мянѣ. Въ слѣдующій день войско переправилось за Алатырь, и 4 Августа съ радостію увидѣло на берегахъ Суры полки Князей Мстиславскаго, Щенятева, Курбскаго, Хилкова. Обѣ многочисленныя рати шли дремучими лѣсами и пустынями, ищясь ловлею, ягодами и плодами. «Мы не имѣли запасовъ съ собою», пишутъ очевидцы: «вездѣ Природа до наступленія поста готовила для насъ изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились въ рѣкахъ, птицы сами падали на землю предъ нами» (282).

Тутъ, у Борончскаго городища, ждали Царя Послы Свияжскіе и Черемисскіе съ донесеніемъ, что весь правый берегъ Волги ему повинется въ тишинѣ и мирѣ (283). Мятежники раскаялись, и Царь въ знакъ милости обѣдалъ съ ихъ старѣйшими. Они клялись загладить вину свою: очистили путь для войска въ мѣстахъ тѣсныхъ; навели мосты на рѣкахъ; хотѣли усердно служить намъ мечемъ подъ Казанью. — 6 Августа Іоаннъ на рѣчкѣ Киватѣ слушалъ Литургію и причастился Святыхъ Таинъ. 11 Августа Воеводы Свияжскіе встрѣтили Государя съ конницею и пѣхотою; они шли тремя полками: въ первомъ Князь Александръ Горбатый и Вельможа Данило Романовичъ; во второмъ Князь Симеонъ Микулинскій и Петръ Серебрявый—Оболенскій съ

Дѣтьми Боярскими ; въ третьемъ Козаки и Горные жители, Черемисы съ Чувашиами. Царь привѣтствовалъ и Воеводъ и воиновъ, числомъ болѣе двадцати тысячъ ⁽²⁸⁴⁾; звалъ ихъ къ рукѣ; говорилъ съ ними; хвалилъ за устройство и мужество; угостилъ всѣхъ на лугу Бейскомъ: саповники, рядовые обѣдали подъ наметами шатровъ. Время и мѣста были прекрасныя; съ одной стороны являлись глазамъ зеленыя равнины, холмы, рощи, лѣса темныя; съ другой величественная Волга съ дикими утесами, съ картинными островами: за нею необозримые дуга и дубравы. Изрѣдка показывались селенія Чувашскія, въ крутизнахъ и въ ущельяхъ. Жители давали намъ хлѣбъ и медъ: самъ Государь въ постное время не имѣлъ иной вкуснѣйшей трапезы; пили чистую воду, и никто не жаловался: трезвость и веселіе господствовали въ станѣ ⁽²⁸⁵⁾.

Августа 13 открылся Свѣяжскъ: съ любопытствомъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ Царь увидѣлъ сей юный, его велѣніемъ созданный градъ, знаменіе побѣды и торжества Христіанъ въ предѣлахъ зловѣрія. Духовенство съ крестами, Князь Петръ Шуйскій и Бояринъ Заболоцкій съ воинскою дружиною приняли Іоанна въ вратахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ Соборную церковь: тамъ Діаконы пѣли ему многолѣтіе, а Бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣтителя земли Свѣяжской. Осмотрѣвъ крѣпость, богатые запасы ея, красивыя улицы, до-

мы, Государь изъявилъ благодарность Князю Симеону Микулинскому и другимъ начальникамъ; любовался живописными видами, и говорилъ Вельможамъ, что нѣтъ въ Россіи инаго, столь счастливаго мѣстополюженія. Для него изготовили домъ. «Мы въ походѣ,» сказалъ Іоаннъ — сѣлъ на коня, выѣхалъ изъ города и сталъ въ шатрахъ на лугу Свѣяги.

Войско, утружденное путемъ, надѣялось отдохнуть среди изобилія и пріятностей сего новаго мѣста, куда съѣхалось множество купцовъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго, со всякими товарами; суда за судами входили въ пристань; берегъ обратился въ гостинный дворъ: на песокѣ, въ шалашахъ раскладывались драгоценности Европейской и Азіатской торговли. Люди знатные и богатые нашли тамъ свои запасы, доставленные Волгою. Всѣ были какъ дома ⁽²⁸⁶⁾: могли вкусо ѣсть и пить, угощать друзей и роскошествовать . . . . Но Іоаннъ, призвавъ Шягъ-Алея, Князя Владиміра Андреевича и всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ, положилъ съ ними немедленно идти къ Казани. Алей, будучи родственникомъ ся новаго Царя, Едигера, взялся написать къ нему убѣдительную грамоту, чтобы онъ не безумствовалъ въ надменности, и считалъ себя равносильнымъ великому Монарху Христіанскому, смирился и пріѣхалъ въ станъ къ Іоанну безъ всякой боязни. Написали и къ Вельможамъ Казанскимъ, что Государь желаетъ не гибели ихъ, а раскаянія; что если они выда-

дуть ему виновниковъ мятежа , то всё иныя могутъ быть спокойны подъ его счастливою Державою. Сіи грамоты были посланы съ Татарникомъ 15 Августа ; а въ слѣдующій день войско уже начало перевозиться за Волгу ⁽²⁸⁷⁾ .

Приступая къ описанію достопамятной осады Казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Масвою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ, и въ чертогахъ и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость : она была *первымъ* нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленные мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ, что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютости Шигъ-Алеевой, они въ теченіе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслить о слѣдствіяхъ. Казань съ Намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ Московскій. Ея Вельможи и Духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и Вѣры ; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцевъ : усиленная воспоминаніями древности — раздраженная несправедливою къ Христіанамъ, прежнимъ данникамъ, тогдашнимъ угнетателямъ Батыева потомства — она преодолѣла естествен-

ную склонность людей къ мирнымъ наслажде-
ніямъ жизни; произвела восторгъ, жажду мести
и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ
дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства Ка-
занцы не чувствовали своей слабости; а какъ въ
самой отчаянной рѣшительности надежда еще
таится въ сердцѣ, то они нечеловѣки въ безу-
смысленные приступы наши къ ихъ столицѣ, и
говорили другъ другу: «не въ первый разъ уви-
димъ Москвитяниъ подъ стѣнами; не въ пер-
вый разъ побѣгутъ назадъ восвояся, и будемъ
«смѣяться надъ ними!» Таково было расположеніе
Царя и народа въ Казани; но Іоаннъ предлагалъ
милость, чтобы исполнить *мѣру долготерпѣнія*,
согласно съ политикою его отца и дѣда.

19 Августа Государь съ 150,000 воиновъ ⁽²⁸⁸⁾
былъ уже на Луговой сторонѣ Волги. Шигъ-
Алей отправился на судахъ занять Гостиный
островъ, а Бояринъ Махайло Яковлевичъ Моро-
зовъ везъ снарядъ огнестрѣльный, рубленныя
башни и *тарасы* ⁽²⁸⁹⁾, чтобы дѣйствовать съ
нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли
дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе
луга обратились въ болота: Казанцы испортили
всѣ мосты и гати. Надлежало вновь устроить
дорогу. 20 Августа, на берегу Казанки, Іоаннъ
получилъ отвѣтную грамоту отъ Едигера. Царь
и Вельможи Казанскіе не оставили слова на
миръ; поносили Государя, Россію, Христіан-
ство; именовали Алей предателемъ и злодѣемъ;
писали: «все готово: ждемъ васъ на пиръ!» —

Въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и стало въ шести верстахъ отъ нее на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые *подобно зеленому сукну* разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ ⁽²⁹⁰⁾, съ высокими башнями и дубовыми, широкими стѣнами (набитыми внутри иломъ и хрящомъ). Два дни выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани бѣглець Мурза Камай ⁽²⁹¹⁾, и донесъ Государю, что онъ ѣхалъ къ намъ съ 200 товарищей, но что ихъ задержали въ городѣ; что Царь Едвгеръ, Кульшерикъ-Молна или Глава Духовенства, Князья Изенешъ Ногайскій, Чанкунъ, Аталыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ, Кебекъ Тюменскій и Дербышъ умѣли одушевить народъ злобою на Христіанъ; что никто не мыслить о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и ратными; что въ ней 30,000 воиновъ и 2700 Ногаевъ ⁽²⁹²⁾; что Князь Янанча ⁽²⁹³⁾ со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку, вооружить, собрать тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями тревожить станъ Россіянъ. Іоаннъ припалъ Комаю мило-стиво; совѣтовался съ Боярами; велѣлъ для укрѣпленія изготовить на каждого воина бревно, на десять воиновъ туръ ⁽²⁹⁴⁾; Большому и Передовому Полку занять поле Арское, Правой Рукѣ берегъ Казанки, Сторожевому устье Булака, Лѣвой Рукѣ стать выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а Царской Дружинѣ, предводимой имъ

и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ , на Царевомъ лугу ⁽²⁹⁵⁾ ; строго запретилъ чиновникамъ вступать въ битву самовольно , безъ Государева слова — и 23 Августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Впереди шли Князь Юрій Шемякинъ-Пронскій и Федоръ Троекуровъ съ Козаками пѣшими и Стрѣльцами ; за Воеводами Атаманъ, — Головы Стрѣлецкіе, Сотники , всякой по чину и въ своемъ мѣстѣ , наблюдая устройство и тишину. Солнце восходило , освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна : онъ далъ знакъ , и полки стали ; ударили въ бубны , заиграли на трубахъ , — распустили знамена и Святую хоругвь , на коей изображался Іисусъ , а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ , бывшій на Дону съ Великимъ Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ Воеводы сошли съ коней, отпѣвъ молебенъ подъ сѣнною знаменъ , и Государь произнесъ рѣчь къ войску : ободрялъ его къ великимъ подвигамъ ; славилъ Героевъ , которые падутъ за Вѣру ; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть , если то нужно для победы и торжества Христіанъ. Князь Владиміръ Андреевичъ и Бояре отвѣтствовали ему со слезами : «Дерзай , Царю! мы всѣ единою душою за Бога и за тебѣ.» Духовникъ Іоанновъ , Протоіерей Андрей , благословилъ его и войско , которое изъясняло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на аргамака , богато украшеннаго ;

взглянулъ на Спасителевъ образъ Святой хоругви, ознаменовалъ себя крестомъ, и громко сказавъ: «о Твоемъ имени движемся!» повелъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто ⁽²⁹⁶⁾; не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что Царь Казанскій съ войскомъ отъ страха бѣжалъ въ лѣса; но опытные Воеводы говорили другъ другу: «будемъ тѣмъ «осторожныѣ!»

Россіяне обступали Казань. 7000 Стрѣльцовъ и пѣшихъ Козаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана, и видя предъ собою — не болѣе, какъ въ двухъ стахъ саженьяхъ ⁽²⁹⁷⁾ — Царскія палаты, мечети каменныя, лѣзли на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости къ Арскому полю... Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрыпѣли, отворились ворота, и 15,000 Татаръ, кованныхъ Первая
битва. и пѣшихъ, устремились изъ города на Стрѣльцовъ: разстроили, сломали ихъ. Юные Князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько Дѣтей Боярскихъ ⁽²⁹⁸⁾. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, не смотря на сильную пальбу изъ города; взяли плѣнниковъ и медленно отступили, въ виду всѣхъ

нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ, славнымъ дѣломъ. Приказъ Государевъ въ точности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву, и воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ.

Полки окружили Казань. Разставили шатры и три церкви полотняныя: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Св. Сергія. Ввечеру Государь, собравъ Воеводъ, изустно далъ имъ все нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала Царскіи и многіе шатры; потопила суда, нагруженные запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ; что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться съ стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью ⁽²⁹⁹⁾.

25 Августа легкая дружина Князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Казанкѣ, выше города, чтобы отрѣзать его отъ Луговой Черемисы, соединиться съ Правою Рукою и стать ближе къ стѣнѣ. Татары сдѣлали вылазку. Мужественный витязь, Князь Шемякинъ,

былъ раненъ; но Князь Дмитрій Хляковъ, Глава всѣхъ передовыхъ отрядовъ, помогъ ему съ Дѣтьми Боярскими втоптать непріятеля въ крѣпость. — Ночью Сторожевой Полкъ и Лѣвая Рука безъ боя и сопротивленія разставили туры и пушки. Стрѣльцы окопались рвомъ; а Козаки, подѣ
С т а-
в а т ь
туры.

самую городскою стѣною, засѣли въ каменной, такъ называемой Дауровой башѣ. — Въ сіи два дни Іоаннъ не сходилъ съ коня, ѣздилъ вокругъ города и наблюдалъ мѣста удобнѣйшія для приступа (300).

26 Августа Большой Полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ стана: Князь Михайло Воротыньскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; Князь Иванъ Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Государь далъ имъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ изъ собственной Дружины (301). Казанцы ударили на нихъ съ воилямъ; а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму, въ огнѣ непоколебимые Россіяне отражали конницу, пѣхоту сильнымъ дѣйствіемъ своихъ бойницъ, ружейною стрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, втѣснили Татаръ въ городъ и наполнили его мосты непріятельскими тѣлами. Пищальники, Козаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время Князю Воротыньскому утвердить, насыпать землею туры
С и л ь-
н а я в ы-
с т ы ж е н ы я.

въ пятидесяти саженьяхъ ото рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ отступитъ имъ къ турамъ и закопаться подъ оными. Но темнота не прекратила битвы: Казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Не было отдыха; ни воины, ни Полководцы не смыкали глазъ. Тоапиъ молился въ церкви, и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять бѣющихся. Наконецъ непріятель утомился; восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду Россіянъ, и Государь велѣлъ пѣть въ стѣнѣ благодарныя молебны. Казанцы лишились въ семъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ людей, сѣлаго Князя Пелама Нарыкова, Сюнчелея богатыря и другихъ. Въ числѣ убитыхъ Москвитянъ находился добрый витязь, Леонтій Шумеринъ ⁽³⁰²⁾.

Дѣло
стои
ло
боя
ницъ.

27 Августа Бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ, прикативъ къ турамъ стѣнобитный снарядъ, открылъ сильную пальбу со всѣхъ нашихъ бойницъ; а пицальники стрѣляли въ городъ изъ оконъ. — Казанцы скрывались за стѣнами; но желая добыть языка, напали на людей разсѣянныхъ въ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ Князь Мстиславскій съ частию Большаго Полку. Сей Воевода успѣлъ зацѣпить своихъ, обратилъ непріятеля въ бѣгство, плѣнилъ знатнаго Улана, именемъ Кара-

мыша, и представилъ Государю, оказавъ личное мужество, и въ двухъ мѣстахъ бывъ уязвленъ стрѣлою ⁽³⁰³⁾. Плѣнникъ сказывалъ, что Казанцы, готовые умереть, не хотѣтъ слышать о мирныхъ переговорахъ.

Въ слѣдующій день Россіяне ждали новой вылазки: непріятель явился съ другой стороны: вышелъ густыми толпами изъ лѣса на Арское поле, схватилъ стражу Персцоваго Иолку и кинулся на его станъ ⁽³⁰⁴⁾. Воевода, Князь Хилковъ, съ великимъ усиліемъ оборонялся, но имѣлъ нужду въ немедленной помощи. Князья Иванъ Пронскій, Мстиславскій, Юрій Оболенскій ⁽³⁰⁵⁾, одинъ за другимъ сѣвши удержать стремленіе непріятеля. Самъ Іоаниъ, отрядивъ къ нимъ часть Царской Дружины, сѣлъ на коня. Многіе изъ нашихъ чиновниковъ падали мертвые или раненые. Но число Россіянъ умножалось ежеминутно: они прогнали Татаръ въ лѣсъ и свѣдали отъ плѣнниковъ, что сіи толпы приходили съ Княземъ Япанчею, изъ укрѣпленія сдѣланнаго Казанцами на пути въ городъ Арскъ; что имъ вѣрно не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми наъздами ⁽³⁰⁶⁾.

Наъзда-
никъ
Князь
Япан-
ча.

29 Августа Воеводы Правой Руки, Князья Щенятевъ и Курбскій, подвинулись къ городу и начали укрѣплять туры вдоль рѣки

Казанки подъ защитою Стрѣльцовъ ; а дружина Князей Шемякина и Троекурова возвратилась на Арское поле, гдѣ снова показался непріятель въ лѣса, и гдѣ Мстиславскій, Хилковъ, Оболенскій, стояли въ рядахъ, ожидал Татаръ, между тѣмъ, какъ иные Воеводы, Князь Дмитрій Палецкій, Алексѣй Адашевъ и Головы Царской Дружины ставили туры съ поля Арскаго до Казанки ⁽³⁰⁷⁾. Съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ пушекъ, ружей и луковъ : вылазки не было. Непріятель не отходилъ отъ лѣса, видя Россіянь готовыхъ къ битвѣ ; и вечеромъ донесли Іоанну, что весь городъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ ; что нѣтъ пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Съ сего времени Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изъ ста-пятидесяти тяжелыхъ орудій ⁽³⁰⁸⁾.

Утомленіе войска.

Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности : всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удаляться отъ стана : Князь Яланча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ : выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и

давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ (309). Сей опасный наѣздникъ держалъ Россіяны въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ Думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу Царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго Князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, спльно дѣйствовать противъ Япанчи, чтобы заслонить осаду, очистить лѣсъ, успокоить станъ нашъ. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, Князь Александръ расположился за горами, чтобы утаить свои движенія отъ непріятеля, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу. Япанча увидѣлъ ихъ, и толпы его высыпали на поле. Россіяне, какъ бы уstraшенные, дали тылъ. Татары гнали ихъ, втиснули въ обозъ, начали *водить круги* передъ нашими укрѣпленіями, и пускали стрѣлы дождемъ; а другія толпы, конныя и пѣшія, шли медленно въ боевомъ порядкѣ, прямо на станъ главнаго войска Московскаго. Тогда Князь Юрій Шемякинъ съ готовымъ полкомъ своимъ изъ засады устремился на Татаръ: они взумились; но, будучи уже далеко отъ лѣса, должны были принять битву. Скоро явился и самъ Князь Александръ съ конными, многочисленными дружинами; а пѣхота наша съ правой и лѣвой стороны заходила въ тылъ непріятелю. Та-

Раздѣ-
ніе пол-
ковъ.

Потре-
бленіе
Япан-
чина
войска.

тары искали спасенія въ бѣгствѣ : ихъ давили, сѣкли, кололи на простравствѣ десяти или болѣе верстъ , до рѣки Килари, гдѣ Князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубинымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути , въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей ; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ ⁽³¹⁰⁾ ; однимъ словомъ , истребили Япанчу. Государь обнялъ Вожей, покрытыхъ бранною пылью , орошенныхъ потомъ и кровію ; хвалилъ ихъ умъ , доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ ; изъявлялъ благодарность и рядовымъ воинамъ. Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы оны умолили Казанцевъ сдаться. Въ то же время садовники Государевы подѣхали къ стѣнамъ и говорили Татарамъ : «Іоаниъ обѣщаетъ имъ жизнь и «свободу, а вамъ прощеніе и милость, если «покоритесь ему» ⁽³¹¹⁾. Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ, плѣдшихъ согражданъ , и кричали : «лучше вамъ умереть отъ нашей чистой , нежели отъ злой «Хривтіанской руки!» Сіе остервененіе удивило Россіиъ и Государя.

О ж в-
сточе-
ніе Ка-
зань-
цевъ.

Желая употребить всѣ средства , чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопроп-

тіемъ , онъ велѣлъ служащему въ его войс-
скѣ искусному Нѣмецкому Размыслу (то
есть, Инженеру) дѣлать подкопъ отъ рѣки
Булака между Аталаковыми и Тюменскими
воротами. Мурза Камай извѣстилъ Госу-
даря , что осажденные берутъ воду изъ
ключа близъ рѣки Казанки , и ходятъ туда
подземельнымъ путемъ отъ воротъ Мура-
леевыхъ ⁽³¹²⁾. Воеводы наши хотѣли от-
крыть сей тайникъ, но не могли ⁽³¹³⁾, и Го-
сударь велѣлъ подкопать его отъ каменной
Дауровой Бани, занятой нашими Козаками.
Для сего Размысль отрядилъ учениковъ
своихъ, которые подъ надзоромъ Князя
Василья Серебрянаго и любимца Іоаннова,
Алексѣя Адашева, рылись въ землѣ десять
дней ; услышали надъ собою голоса людей,
ходящихъ тайникомъ за водою; вкатили въ
подкопъ 11 бочекъ пороха и дали знать
Государю. 5 Сентября , рано , Іоаннъ вы-
ѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ, въ его
глазахъ, съ громомъ, съ трескомъ взор-
вало землю, тайникъ, часть городской стѣ-
ны, множество людей; бревна, камни, взле-
тѣвъ на высоту, падали , давили жителей,
которые обмерли отъ ужаса, не понимая,
что сдѣлалось. Въ сію минуту Россіяне,
схвативъ знамена, устремились къ обру-
шенной стѣнѣ; ворвались-было и въ самый
городъ, но не могли въ немъ удержаться
⁽³¹⁴⁾. Казанцы опомнились , вытѣснили

Взор-
ваніе
тайни-
ка.

нашихъ — и Государь не велѣлъ возобновлять усадіи для приступа. Мы взяли не малое число плѣнныхъ; убили еще гораздо болѣе, и ждали слѣдствій.

Уныніе
Казан-
цевъ.

Не смотря на рѣшительность Казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло, и что они уже не имѣютъ средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободрили ихъ: рыли, и нашли ключъ, малый, срадный, коимъ надлежало довольствоваться всему городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Дѣя-
тель-
ность
Іоанно-
ви.

Іоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не знали, когда онъ имѣлъ отдохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій; останавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если Казанцы тревожили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя: днемъ и ночью гремѣли пушки Россійскія, заряжаемыя дробию и камнями. Арскія ворота были до основанія сбиты: осажденные заградились въ семь мѣстѣ тарасами.

6 Сентября Іоаннъ поручилъ Князю Александру Горбатову-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный Казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ, между двумя боло-

тами : тамъ соединились остатки разбитаго Янанична войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впередъ; съ нимъ были Бояре Давидъ Романовичъ и Захарія Яковлевъ, Князья Булгаковъ и Палецкій, Головы Царской Дружины, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Атаманы съ Козаками, Мордва Темниковская и Горные Черемисы, которые служили путеводаителями. Срубленный городъ пнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней, и въ слѣдъ за смѣлыми Вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пу- скаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ. Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, почевали и пошли далѣе, къ Арскому городу, мѣстами пріятными, удивительно плодотворными, гдѣ Казанскіе Вельможи имѣли свои дома сельскіе, красивые и богатые ⁽³¹⁵⁾. Россіяне плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли : хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенія, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане Арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще не мало драгоценностей, особенно всякихъ мѣховъ, купецъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ Хри-

Взятіе
остро-
га и го-
рода в
Арско-
го.

стіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ невелѣ, Князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною съѣстныхъ припасовъ, такъ, что съ сего времени платили въ станъ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости ⁽³¹⁶⁾.

Еще опасности и груды не уменьшились. Мель Арекій уже не металъ стрѣлъ въ Россіянъ: за то Луговые Черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ отъ Галицкой дороги. Стоящіе тутъ Воеводы Правой Руки ходили за ними и побили ихъ на голову; во опасаясь новыхъ нападений, всегдашнею бдительною осторожностію утомляли свой Полкъ, который сверхъ того, занимая низкія равнины вдоль Казанки, болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ палбы съ крѣпости ⁽³¹⁷⁾, отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, Князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что Казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ Россійскій, производили вѣтръ и облака, изъ конхъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали

Напада-
ли Лу-
говой
Черемисы.

Многія
чаро-
дѣй-
ства.

и люди моли съ утра до вечера. По совѣту Бояръ Государь велѣлъ привезти изъ Москвы Царскій Животворящій крестъ, свлѣтитъ имъ воду, кропитъ ею вокругъ стана — и сила волшебства, какъ увѣряють, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, Россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вышиною въ шесть сажень; ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ Царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и дружицу искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра, и возвѣстили оное заномъ съ раската. Стрѣлки стояли выне стѣны, и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ: Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами; подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, изъ пищалей *затинныхъ* (318), и мы тѣряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. — Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ Царемъ беззаконнымъ, со всеѣмъ имѣніемъ, съ женами и

По-
стров
я і е
в ѣ о о-
кой бо-
лши.

Пред-
ложе-
ніе Ка-

звн-
цамъ.

дѣтьми ; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ Волгарской, въ древнемъ достояніи Россіи (319). Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію Лѣтописца.

Крово-
пролит-
іе дѣ-
ло.

Между тѣмъ храбрый Князь Михайло Воротынскій подвигалъ туры ближе и ближе къ Арской башнѣ ; наконецъ одинъ ровъ, шириною въ три сажени, а глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны : Стрѣльцы, Козаки, Головы съ людьми Боярскими стояли за оными, бились до изнуренія силъ, и смѣнялись. Иногда же, не смотря на близость разстоянія, бой пресѣкался отъ усталости : тѣ и другіе воины отдыхали. Казанцы воспользовались однажды симъ временемъ : видя, что многіе изъ нашихъ сѣли обѣдать, и что у пушекъ осталось мало людей, они, числомъ до десяти тысячъ, тихо выгѣзли изъ своихъ норъ, и подъ начальствомъ Вельможъ, главныхъ Царскихъ Совѣтниковъ, именуемыхъ Карачами, устремились къ турамъ, смяли Россіянъ и схватили ихъ пушки. Тутъ Князь Воротынскій самъ, а за нимъ и всѣ знатнѣйшіе чиновники кинулись въ сѣчу. « Не выдадимъ отцевъ ! » кричали Россіяне и бились мужественно. Восводы, Петръ Морозовъ, Князь Юрій Кашинъ, и многіе толпѣ, опасно уязвленные : ихъ отнесли въ станъ. Князь Михайло Воротынскій, раненный въ

лице, не оставлялъ битвы: крѣпкій досиѣхъ его былъ изсѣченъ саблями. Многіе Головы Стрѣлецкіе лежали мертвые у пушекъ, и Казанцы еще не уступали намъ взятыхъ ими трофеевъ. Но явились Муромцы, Дѣти Боярскіе, *стародавние племена и доблестію* ⁽³²⁰⁾; ударили, сломили непріятеля, втиснули въ ровъ. Побѣда рѣшилась. Казанцы давили другъ друга, тѣсняясь въ воротахъ и вползая въ свои норы. Сіе дѣло было однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ. Въ то же время непріятель нападалъ и на туры Передоваго Полку, однакожь не весьма успѣшно ⁽³²¹⁾. Государь видѣлъ собственными глазами оба дѣла: изъяснивъ особенную милость Князю Михайлу Воротынскому и витязямъ Муромскимъ, онъ навѣстилъ раненныхъ Воеводъ, благодаря ихъ за усердную службу.

Уже около пяти недѣль Россіянѣ стояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячъ непріятелей, кромѣ женъ и дѣтей ⁽³²²⁾. Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели труды и битвы осады; всѣ хотѣли скорого конца. Чтобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Іоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воротъ подкопать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ нашей стрѣльбы: 30 Сентября онъ взлегъ на воздухъ. Сіе

Взорваніе тарасъ.

страшное дѣйствіе пороха, хотя уже и не повое для Казанцевъ, произвело оцѣпененіе и тишину въ городъ на нѣсколько минутъ; а Россіяне, не теряя времени, подкатили туры къ воротамъ Арскимъ, Аталыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что настала часъ рѣшительный, Казанцы высылали изъ города и схватились съ тѣми полками, коимъ вѣрно было прикрывать туры. Битва закипѣла. Іоаниъ спѣшилъ ободрить своихъ — и какъ скоро они увидѣли его, то, единогласно воскликнувъ: «Царь съ нами!» бросились къ стѣнамъ; гнали, тѣснили непріятеля на мостахъ, въ воротахъ. Сѣча была ужасна. Громъ пушекъ, трескъ оружія, крикъ воиновъ раздавался въ облакахъ густаго дыма, который носился надъ всѣмъ городомъ. Не смотря на мужественное, отчаянное сопротивленіе, многіе Россіяне были уже на стѣнѣ, въ башнѣ отъ Арскаго поля, рѣзались въ улицахъ съ Татарами. Князь Михайло Воротынской увѣдомилъ о томъ Государя, и требовалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ идти на приступъ. Успѣхъ дѣйствительно казался вѣроятнымъ; но Іоаниъ хотѣлъ вѣрнаго: большая часть войска находилась еще въ станѣ и не могла вдругъ ополчиться: излишняя торопъ произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, псудачу, которая имѣла бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему отступить. Оно повиновалось неохотно: чиновники съ трудомъ вывели его изъ крѣпости и зажгли мосты. Но

чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не осталось безплоднымъ, то Князь Воротынскій занялъ Арскую башню нашими стрѣлками (323): они укрѣпились турамп и рядомъ твердыхъ щитовъ; сказали Воеводамъ: «здѣсь будемъ ждать васъ» — и сдержали слово: Казанцы не могли отнять у нихъ сей башни. — Во всю ночь пылали мосты, и часть стѣны обгорѣла; дѣйствіе нашего снаряда огнестрѣльнаго также во многихъ мѣстахъ разрушило оную. Казанцы поставили тамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею.

Наконецъ, 1 Октябрю, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось пить общую чашу крови — то есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ очистить душу на канунъ дня роковаго. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще Государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: Мурза Камай и сѣдые старѣйшины Горной Стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приблизились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаётъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины раз-

Заняты
Арской
башни.

Положеніе
предло-
женіе
Казан-
цевъ.

рушенному ; требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ : « Не хотимъ прощенія ! Въ башнѣ «Русь , на стѣнѣ Русь : не боимся ; поставимъ иную башню , иную стѣну ; все умремъ или отсидимся ! » Тогда Государь началъ устраивать войско къ великому дѣлу.

Устрое-
ніе вой-
ска для
престу-
па.

Чтобы заслонить тылъ отъ Луговой Черемисы , отъ Татаръ бродящихъ по лѣсамъ , отъ Ногайскихъ Улусовъ , и чтобы отрѣзать Казанцамъ все пути для бѣгства , онъ приказалъ Князю Мстиславскому съ частию Большаго Полка , а Шигъ-Алею съ Касимовцами и жителями Горной Стороны занять дорогу Арскую и Чувашскую , Князю Юрію Оболенскому и Григорію Мещерскому съ Дворянами Царской Дружины Ногайскую , Князю Ивану Ромодановскому Галицкую ; другой отрядъ Дворянъ , примыкая къ нему , долженъ былъ стоять вверхъ по Казанкѣ , на Старомъ Горолицѣ ⁽³²⁴⁾. Отпустивъ сихъ Воеводъ , Іоаннъ распорядилъ приступъ : велѣлъ быть впереди Атаманамъ съ Козаками , Головамъ съ Стрѣльцами и Дворовымъ людямъ ⁽³²⁵⁾, раздѣленнымъ на сотни , подъ начальствомъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ ; за ними идти полкамъ Воеводскимъ : Князю Михайлу Воротыньскому съ Окольнымъ

Алексѣемъ Басмановымъ ударить на крѣпость въ продомъ отъ Булака и Поганого озера; Биязьямъ Хилкову въ Кабацкія ворота, Троекурову въ Збойливья, Андрею Курбскому въ Ельбугины, Семену Шереметеву въ Муралсевы, Дмитрію Плещееву въ Тюменскія. Каждому изъ нихъ помогать особенный Воевода: первому самъ Государь; другимъ же Князья Иванъ Пропскій, Турунтай, Шемякинъ, Щепитевъ, Василій Серебряный Оболенскій и Дмитрій Милулинскій. Приказавъ имъ изготovitъся къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцемъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душеспасительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ ⁽³²⁶⁾. Тогда Князь Воротынскій прислалъ ему сказать, что Инженеръ кончилъ дѣло, и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ; что Казанцы замѣтили нашу работу, и что не надобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ Заутреню въ церкви, отпустилъ Дружину Царскую, молился изъ глубины сердца . . . Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою.

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: Россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнною знаменъ, въ

тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши ⁽³²⁷⁾; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣвіе Іереевъ, которые служили Обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва пропнесь слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась. . . . Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди несущаясь вверхъ въ облакахъ дыма и пыли на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать Литургію. Когда Діаконъ предъ дверями Царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній Державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго ⁽³²⁸⁾ — и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки Россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопиши: *Алла!* *Алла!* призывали Магомета и ждали па-

Взорваніе подковъ, и пришествіе.

Геройство съ обѣихъ сторонъ.

шихъ , не стрѣлая ни изъ луковъ , ни изъ пищалей ; мѣряли глазами разстояніе , и вдругъ дали ужасный залпъ : пули , каменья , стрѣлы омрачили воздухъ . . . Но Россіяне , ободряемые примѣромъ начальниковъ , достигли стѣны . Казанцы давили ихъ бревнами , обдавали кипящимъ варомъ ; уже не береглися , не прятался за щиты : стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ , презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ . Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ . Число ихъ уменьшилось ; многіе пали мертвые или раненные , или отъ страха . Но смѣлые , геройскимъ забвеніемъ смерти , ободрили и спасли боязливыхъ : одни кинулись въ проломъ ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ , по бревнамъ ; несли другъ друга на головахъ , на плечахъ ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ . . . И въ ту минуту , какъ Іоаннъ , отслушавъ Литургію ⁽³²⁹⁾ , причастясь Святыхъ Тайнъ , взявъ благословеніе отъ своего Отца Духовнаго , на бравномъ конѣ выѣхалъ въ поле , знамена Христіанскія уже развѣвались на крѣпости ! Войско Запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду ⁽³³⁰⁾ .

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно . Отчаянные Татары , сломленные , низверженные съ верху стѣнъ и башенъ , стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ , сѣклись саблями , схватывались за руки съ Россіянами , рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ . Дрались на заборахъ , на кровляхъ домовъ ; вездѣ повирали но-

Б о р ы-
столю-
біе мно-
гѣхъ
л о в-
новъ.

гамъ головы и тѣла. Князь Михайло Воро-
тынскій первый извѣстивъ Іоанна, что мы
уже въ городѣ, но что битва еще кипитъ
и нужна помощь. Государь отрядилъ къ
нему часть своего полку; велѣлъ итти и
другимъ Воеводамъ. Наши одолѣвали во
всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ къ укрѣ-
пленному Двору Царскому. Самъ Едигеръ
съ знатнѣйшими Вельможами медленно от-
ступалъ отъ проломовъ, остановился среди
города, у Тезицкаго или Купеческаго рва,
бился упорно, и вдругъ замѣтилъ, что
толпы наши рѣдѣютъ: ибо Россіяне, овла-
дѣвъ половиною города, славнаго богат-
ствами Азіатской торговли, прельстились
его сокровищами; оставая сѣчу, начали
разбивать дома, лавки — и самые чинов-
ники, коимъ приказалъ Государь итти съ
обнаженными мечами за воинами, чтобы
никого изъ нихъ не допускать до грабежа,
кинулись на корысть. Тутъ ожили и мало-
душные трусы, лежавшіе на полѣ какъ бы
мертвые или раненые; а изъ обозовъ при-
бѣжали слуги, камевары, даже купцы: всѣ
адкали добычи, хватали серебро, мѣха,
ткани; относили въ станъ, и снова возвра-
щались въ городъ, не думая помогать сво-
имъ въ битвѣ ⁽³³¹⁾. Казанцы воспользо-
вались утомленіемъ нашихъ воиновъ, дѣр-
ныхъ чести и доблести: ударили сильно и
потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, ко-

торые всё немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. «Съ пизъ быля» — пишетъ Курбскій — «великіе *Синклиты*, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ «добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ:» они дали совѣтъ Государю, и Государь Великодушіе
Іоанна
и Бо-
аръ. явилъ великодушіе: взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ (332). Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ; а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря вагрянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всё ихъ Духовные, Абызы, Сенты, Молны (Мулы) и Первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили Россіянь, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремилась на вѣрную смерть, и всё до единого пали подъ нашими мечами. Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ Дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили во-

Доб-
лестъ
Курб.
скаго.

Взятіе
Казани.

рота . . . Тутъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли выѣстъ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей; а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ Царя, еще бились усиленно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота, къ нижней части города. Князь Андрей Курбскій съ двумястами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ; затруднялъ каждый шагъ; давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля, и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сотъ Россіянъ. Гонимые, тѣснимые Казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ Воевода, Князь Дмитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. «Слушайте,» сказали Казанцы: «доколѣ у насъ было Царство, мы умирали за Царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ вамъ и Царя, живаго, неуязвленнаго: ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на пируемое поле, испить съ вами послѣднюю чашу.» Выѣстъ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго, престарѣлаго Вельможу или Карача, именемъ Заніеша, и двухъ мамичей или совоспитанниковъ Царскихъ ⁽³³³⁾; начали снова стрѣлять, пры-

гали со стѣны внизъ и хотѣли ятти къ стану нашей Правой Руки; но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились въѣво: кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и Дворѣ Царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные Князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили на густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи ⁽³³⁴⁾. Но Татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули нашихъ Героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровію, за-мертво на землю, — шли безирепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и свѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для Россіи! Государь послалъ Князя Симеона Микулинскаго, Михайла Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса: Воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдѣлся живой; спаслось немногіе, и то раненые ⁽³³⁵⁾.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча престала, но кровь лилася ⁽³³⁶⁾: раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали

Водру-
женіе
креста
у во-
ротъ
Цар-
скихъ.

въ плѣнѣ женѣ и дѣтей или чиновни-
ковъ (337). Дворъ Царскій, улицы, стѣны,
глубокіе рвы были завалены мертвыми;
отъ крѣпости до Казанки, далѣе на лугахъ
и въ лѣсу еще лежали тѣла и воспались по
рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раз-
давались только удары мечей, стоны уни-
ваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда глав-
ный Военачальникъ, Князь Михайло Воро-
тынскій, прислалъ сказать Государю: «Ра-
«дуйся, благочестивый Самодержецъ! Тво-
«имъ мужествомъ и счастьемъ побѣда со-
«вершилась: Казань наша, Царь ея въ тво-
«ихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ
«плѣну; несмѣтныя богатства собраны:
«что прикажешь?» *Славить Всевышняго,*
отвѣтствовалъ Іоаннъ, воздѣвъ руки на
небо, велѣлъ нѣтъ молебень подѣ Святою
хоругвию, и собственною рукою на семь
мѣстѣ водрузивъ Животворящій крестъ,
назначилъ быть тамъ первой церкви Хри-
стіанской (338). Князь Палецкій предста-
вилъ ему Едигера: безъ всякаго гнѣва и
съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: «Цер-
«счастный! развѣ ты не зналъ могущества
«Россіи и лукавства Казанцевъ?» Едигерь,
ободренный тихостію Государя, прекло-
нилъ колѣна, изъявлялъ раскаяніе, требо-
валъ милости (339). Іоаннъ простилъ его,
и съ любовію обнялъ брата, Князя Влади-
міра Андреевича, Шигъ-Алея (340), Вель-

можъ ; отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно ; всю славу отдавалъ Богу, имъ и воинству ; послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины съ хвалою и съ милостивыми словами ; велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу отъ воротъ Муралеевыхъ ко Двору Царскому, и въѣхалъ въ Казань : предъ нимъ Воеводы, Дворяне и Духовникъ его съ крестомъ ; за нимъ Князь Владиміръ Андреевичъ и Шягъ-Алей. У воротъ стояло множество освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани : увидѣвъ Государя, они пали на землю и съ радостными слезами зывали : «Избавитель ! ты вывелъ насъ изъ Ада ! Для насъ, бѣдныхъ, сырыхъ, не щадилъ головы своей !» Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола Царскаго ; ѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ ; видя трупы Казанцевъ, говорилъ : «это не Христіане, но подобныя намъ люди ;» видя мертвыхъ Россіянъ, молился за нихъ Всевышнему, какъ за жертву общаго спасенія ⁽³⁴¹⁾. При вступленіи во дворецъ Бояре, чиновники, воины снова поздравляли Іоанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ другу : «Гдѣ царствовало зловѣріе, упиваясь кровію Христіанъ, тамъ видимъ крестъ животворящій и Государя нашего во славѣ» ⁽³⁴²⁾ ! Всѣ единогласно, единодушно, въ умиленіи

Въѣздъ
Государя
въ
Казань.

Осво-
божде-
ніе Рос-
сій-
скихъ
плѣн-
никовъ.

сердцецъ , привесли благодарность Небу. Іоаниъ велѣлъ тушить огонь въ городѣ, и всю добычу, всѣ богатства Казанскія, всѣхъ пѣвинниковъ, кромѣ одного Едигера, отдалъ воинству; взялъ только утварь Царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя Державное и пушки, сказавъ : «моя корысть есть спокійство и честь Россіи» ⁽³⁴³⁾ ! Онъ возвратился въ станъ; хотѣлъ видѣть войско, и вышелъ къ полкамъ съ лицомъ свѣтымъ. Они еще дымились кровію невѣрныхъ и своею; многіе витязи, по словамъ Лѣтописца, сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ ⁽³⁴⁴⁾. Іоаниъ сталъ предъ войскомъ и громко произвешъ рѣчь, исполненную любви и милости. «Воины мужественные!» говорилъ онъ : «Бояре, Воеводы, чиншники? въ сей знаменитый день страдаю за имя Божіе, за Вѣру, отечество и Царя, вы пріобрѣли славу неслыханную въ наше время. Никто не оказывалъ такой храбрости; никто не одерживалъ такой побѣды! Вы новые Македоняне, достойные потомки витязей, которые съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ сокрушили Мамая! Чѣмъ могу воздать вамъ? . . . . «Любезнѣйшіе сыны Россіи, тамъ, на полѣ чести, лежащіе! вы уже сіяете въ вѣнцахъ Небесныхъ вмѣстѣ съ первыми Мучениками Христіанства. Се дѣло Божіе : наше есть славить васъ во вѣки вѣковъ,

Рѣчь
Іоанна
къ вой-
ску.

«вписать имена ваши на хартіи священной
«для поминовенія въ Соборной Апостоль-
«ской Церкви. А вы, своею кровію оба-
«грѣнные, но еще живые для нашей любви
«и признательности! всѣ храбрые, коихъ
«вижу предъ собою! вилмайте и вѣрьте
«моему обѣту любить и жаловать васъ до
«конца дней моихъ . . . Теперь успокой-
«тесь, побѣдители!» Войско отвѣтствовало
радостными кликами. Іоаннъ посѣтилъ,
утѣшилъ раненыхъ; немедленно отправилъ
шуріна своего, Данила Романовича, въ
Москву съ счастливою вѣстію къ супругѣ,
къ Митрополиту, къ Князю Юрію; сѣлъ
обѣдать съ Боярами, и далъ пиръ вой-
намъ ⁽³⁴⁵⁾. Сей великолѣпный праздникъ

Пиръ
въ ста-
нѣ.

отечества украшался воспоминаніемъ ми-
нувшихъ золъ, чувствомъ настоящей сла-
вы и надеждою будущаго благоденствія.
Въ тотъ же день Іоаннъ послалъ жало-
ванныя грамоты во всѣ окрестныя мѣста,
объявляя жителямъ миръ и безопасность.
«Идите къ намъ — писалъ онъ — безъ
«ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо
«злодѣйство уже наказано. Платите мнѣ,
«что вы платили Царямъ Казанскимъ.»

Устрашенные бѣдствіемъ ихъ столицы,
они разсѣялись по лѣсамъ: успокоенные
милостивымъ словомъ Іоанновымъ, воз-
вратились въ дома. Сперва жители Арскіе,
а послѣ вся Луговая Черемиса прислали

Поддан-
ство Ар-
ской об-
ласти и
Дуго-
пой Че-
ремис-
сы.

старѣйшинъ въ станъ къ Государю и дали клятву вѣрности (346).

Торже-
ствен-
но е
вступ-
леніе въ
Казань.

3 Октября погребали мертвыхъ и совершенно очистили городъ. На другой день Іоаннъ съ Духовенствомъ, Синклитомъ и воинствомъ торжественно вступилъ въ Казань; избравъ мѣсто, заложилъ Кафедральную церковь Благовѣщенія, обошелъ городъ со крестами, и посвятилъ его *Богу истинному* (347). Іерей кропилъ улицы, стѣны Святою водою, моля Вседержителя, да благословитъ сію новую твердыню Православія, да цвѣтетъ въ ней здравіе и доблесть, да будетъ во вѣки неприступною для враговъ, во вѣки неотъемлемою собственностію и честію Россіи!... Осмотрѣвъ всю Казань; назначивъ, гдѣ быть храмамъ, и приказавъ немедленно возобновить разрушенныя укрѣпленія, стѣны, башни, Государь съ Вельможами поѣхалъ во дворецъ, на коемъ развѣвалось знамя Христіанское.

Такъ пало къ ногамъ Іоанновымъ одно изъ знаменитыхъ Царствъ, основанныхъ Чингисовыми Моголами въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Возникнувъ на развалинахъ Болгаріи, и поглотивъ ея бѣдныя остатки, Казань пыла и хищный, воинственный духъ Моголовъ, и торговый, заимствованный ею отъ древнихъ жителей сей страны (348), гдѣ издавна съѣзжались купцы Арменскіе, Хивинскіе, Персидскіе

(и гдѣ онѣ донынѣ сохранился : донынѣ Казанскіе Татары, потомки Золотой Орды и Волгаровъ, имѣють кунеческія связи съ Востокомъ). Около 115 лѣтъ Казанцы намъ и мы имъ неустойчиво враждовали, отъ перваго ихъ Царя, Махмета, у котораго прадѣдъ Іоанновъ былъ плѣнникомъ, до Едигера, взятаго въ плѣнъ Іоанномъ, котораго дѣдъ уже именовался Государемъ *Болгарскимъ*, уже считалъ Казань нашею областію, но при концѣ жизни своей видѣлъ ся страшный бунтъ и не могъ отмстить за кровь Россіянъ, тамъ проліліиую ⁽³⁴⁹⁾. Новые мирные договоры служили поводомъ къ новымъ измѣнамъ, и всякая была ужасомъ для Восточной Россіи, гдѣ, на всей длинной чертѣ отъ Нижняго Новгорода до Перми, люди плѣчно берегались какъ на отводной стражѣ. Самая мѣсть стоила намъ дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истребленіемъ войска и коней отъ болѣзней, отъ трудностей пути въ мѣстахъ дикихъ, населенныхъ народами свирѣпыми. Однимъ словомъ, вопросъ: надлежало ли покорить Казань? соединялся ли съ другимъ: надлежало ли безопасностію и спокойствіемъ утвердить бытіе Россіи? Чувство государственнаго блага, усиленное ревностію Вѣры, производило въ побѣдителяхъ общій, живѣйшій восторгъ, и Лѣтописцы говорятъ о семъ завоеваніи съ жаромъ Стихотвор-

Зрѣли-
ще Ка-
зани.

цевъ , призывая современниковъ и потомство къ великому зрѣлищу Казани , обновляемой во имя Христа Спасителя , осѣняемой хоругвями , украшаемой церквами Православія , оживленной (послѣ ужасовъ кровопролитія , послѣ безмолвія смерти) присутвіемъ многочисленнаго , радостнаго войска , среди свѣжихъ трофеевъ , но уже въ глубокой мирвой тишинѣ ликующаго на стогвахъ , площадяхъ , въ садахъ , и юнаго Царя сидящаго на славно-завоеванномъ престолѣ , въ блестящемъ кругу Вельможъ и Полководцевъ , у коихъ была только одна мысль , одно чувство : мы заслужили благодарность отечества! — Лѣтписцы сказываютъ , что небо благопріятствовало торжеству побѣды; что время стояло ясное , теплое , и Россіяне , осаждавъ Казань въ мрачную , дождливую осень , вступили въ нее какъ бы весною.

Учреж-
деніе
Прав-
тѣль-
ства.

6 Октября Духовникъ Государевъ съ Іереями Свіяжскими освятилъ храмъ Благовѣщенія ⁽³⁵⁰⁾. Въ слѣдующіе дни Іоанигъ занимался учрежденіемъ Правительства въ городѣ и въ областяхъ; объявилъ Князя Александра Горбатаго Шуйскаго Казанскимъ Намѣстникомъ , а Князя Василія Серебрянаго его товарищемъ; далъ имъ письменное наставленіе , 1500 Дѣтей Боярскихъ , 3000 Стрѣльцовъ со многими Козаками , и 11 Октября изготовился къ отъ-

ѣзду, хотя благоразумные Вельможи совѣ- Совѣтъ
Вель-
можъ.
товали ему остаться тамъ до весны со
всѣмъ войскомъ, чтобѣ довершить покореніе земли, гдѣ обитало пять народовъ ⁽³⁵¹⁾:
Мордва, Чуваши, Вотяки (въ Арской области), Черемисы и Башкирцы (вверхъ по Камѣ). Еще многіе изъ ихъ Улусовъ не признавали нашей власти; къ нимъ ушли нѣкоторые изъ злѣйшихъ Казанцевъ, и легко было предугадать опасныя того слѣдствія. Въ станѣ и въ Свіяжскѣ находилось довольно запасовъ для прокормленія войска. Но Іоаннъ, нетерпѣливо желая видѣть супругу и явить себя Москвѣ во славѣ, отвергнувъ совѣтъ мудрѣйшихъ, чтобы исполнить волю сердца, ободряемую братьями Царицы ⁽³⁵²⁾ и другими саповниками, которые также хотѣли скорѣе отдохнуть на лаврахъ. Отпѣвъ молебенъ въ церкви Благовѣщенія и поручивъ храненіе новой страны своей Іисусу, Дѣвѣ Маріи, Россій- В о з-
в р а т-
н ы й
п у т ь
Г о с у-
д а р а
в ь М о-
скву.
скимъ Угодникамъ Божиимъ, Царь выѣхалъ изъ Казани, ночевалъ на берегу Волги, противъ Гостянаго острова, и 12 Октября съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ Боярами и съ пѣхотными дружинами отплылъ въ ладіяхъ къ Свіяжску. Князь Михайло Воротынскій повелъ конницу берегомъ къ Василию городу, путемъ уже безопаснымъ, хотя и труднымъ ⁽³⁵³⁾.

Пробывъ только одинъ день въ Свіяж-

скѣ , и назначивъ Князя Петра Шуйскаго Правителемъ сей области , Іоаннъ 14 Октября подѣ Вязовыми горами сѣлъ на суда. Въ Нижнемъ , на берегу Волги , встрѣтили его всѣ граждане со крестами , и преклонивъ колѣна , обливались слезами благодарности за вѣчное избавленіе ихъ отъ ужасныхъ набѣговъ Казацкихъ ; славили побѣдителя , громогласно , съ душевнымъ восхищеніемъ , такъ , что сей благодарный плачь , заглушая пѣніе Священниковъ , принудилъ ихъ умолкнуть ⁽³⁵⁴⁾. Тутъ же Послы отъ Царицы , Князя Юрія , Митрополита , *здравствовали Государю на Богомъ данной ему отчизнѣ , Царствѣ Казанскомъ* ⁽³⁵⁵⁾. Собравъ въ Нижнемъ все воинство ; снова изъявивъ признательность своимъ усерднымъ сподвижникамъ ; сказавъ , что разстанется съ ними до перваго случая обнажить со славою мечъ за отечество , онъ уволнилъ ихъ въ дома ; самъ поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Балахну въ Владиміръ , и въ Судогдѣ встрѣтилъ Боярина , Василія Юрьевича Траханіота , который скакалъ къ нему отъ Анастасіи съ вѣстію о рожденіи сына , Царевича Димитрія. Государь въ радости сыркнулъ съ коня , обнялъ , цѣловалъ Траханіота ; благодарилъ Небо , плакалъ , и не зная , какъ наградить счастливаго вѣстника , отдалъ ему съ плеча одежду Царскую и коня изъ-подъ себя ⁽³⁵⁶⁾.

Рожде-
віе Ца-
ревича.

Іоаннъ имѣлъ уже двухъ дочерей, Анну и Марію, изъ коихъ первая скончалась одиннадцати мѣсяцевъ ⁽³⁵⁷⁾ : рожденіе наследника было тайнымъ желаніемъ его сердца. Онъ послалъ шурина, Никиту Романовича, къ Анастасіи съ нѣжными привѣтствіями; останавливался въ Владимірѣ, Суздалѣ, единственно для того, чтобы молиться въ храмахъ, изъявлять чувствительность къ любви жителей, отовсюду стекавшихся видѣть лице его, свѣтлое радостію ⁽³⁵⁸⁾ ; захалъ въ славную Троицкую Обитель Св. Сергія, знаменовався у гроба его, вкусилъ хлѣба съ Іноками, и 28 Октября почевалъ въ селѣ Тайнинскомъ, гдѣ ждали его братъ, Князь Юрій, и нѣкоторые Бояре съ поздравленіемъ ; а на другой день, рано, приближаясь къ любезной ему столицѣ, увидѣлъ на берегу Яузы ⁽³⁵⁹⁾ безчисленное множество народа, такъ, что на пространствѣ шести верстъ, отъ рѣки до посада, оставался только самый тѣсный путь для Государя и дружины его. Сею уллицею, между тысячами Московскихъ гражданъ, ѣхалъ Іоаннъ, кланяясь на обѣ стороны ; а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ непрестанно : «многоя лѣта Царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю Христіанъ!» Тамъ, гдѣ жители Московскіе приняли нѣкогда Владимірскій образъ Богоматери, несущій спасеніе граду

Встрѣча Іоанна.

Рѣчь
Госуда-
рева къ
Духо-
вен-
ству.

въ нашествіе Тамерлана — гдѣ нынѣ мо-
настырь Срѣтенскій — тамъ Митрополитъ,
Епископы, Духовенство съ сею иконою,
старцы Бояре, Князь Михайло Ивановичъ
Булгаковъ (³⁶⁰), Иванъ Григорьевичъ Моро-
зовъ, слуги отца и дѣда его, со всѣми чино-
начальниками стояли подъ церковными хо-
ругами (³⁶¹). Иоаннъ сошелъ съ коня, при-
ложился къ Образу, и благословенный Свя-
тителями, сказалъ: «Соборъ Духовенства
«Православнаго! Отче Митрополитъ и Вла-
«дыки! я молилъ васъ быть ревностными
«ходатаями предъ Всевышнимъ за Царя и
«Царство, да отпустятся мнѣ грѣхи юно-
«сти, да устрою землю, да буду щитомъ ея
«въ нашествія варваровъ; совѣтовался съ
«вами о Казанскихъ измѣнахъ, о сред-
«ствахъ прекратить оныя, погасить огнь
«въ нашихъ селахъ, унять текущую кровь
«Россіянъ, снять цѣпи съ Христіанскихъ
«плѣнниковъ, вывести ихъ изъ темницы,
«возвратить отечеству и Церкви. Дѣдъ
«мой, отецъ, и мы посылали Воеводъ, но
«безъ успѣха. Наконецъ, исполнивъ совѣтъ
«вашъ, я самъ выступилъ въ поле. Тогда
«явился другой непріятель, Ханъ Крым-
«скій, въ прелѣлахъ Россіи, чтобы въ на-
«ше отсутствіе истребить Христіанство.
«Вспомнивъ слово Евангельское: *бдите и*
«*молитесь, да не увидете въ напасть!* вы,
«достойные Святители Церкви, молились —

«и Богъ услышалъ васъ, и помогъ намъ — и
 «Ханъ, гонимый единственно гнѣвомъ Небес-
 «нымъ, бѣжалъ малодушно! . . Ободренные яв-
 «нымъ дѣйствиємъ вашей молитвы, мы подвиг-
 «лись на Казань, благополучно достигли цѣли,
 «и милостію Божією, мужествомъ Князя Влади-
 «мира Андреевича, нашихъ Бояръ, Воеводъ и
 «всего воинства, сей градъ многолюдный палъ
 «передъ нами: судомъ Господнимъ въ единый
 «часъ изгнѣли невѣрные *безъ вѣсти*, Царь ихъ
 «взять въ плѣнъ, исчезла прелесть Магометова,
 «на ея мѣстѣ водруженъ святой крестъ; обла-
 «сти Арская и Луговая платятъ дань Россіи;
 «Воеводы Московскіе управляютъ землею; а мы,
 «во здравіи и веселіи, пришли сюда къ образу
 «Богоматери, къ мощамъ великихъ Угодниковъ,
 «къ вашей Святыни, въ свою любезную отчиз-
 «пу — и за сіе Небесное благодѣяніе, вами ис-
 «прошенное, тебѣ, отцу своему, и всему Освя-
 «щенному Собору, мы съ Княземъ Владиміромъ
 «Андреевичемъ и со всѣмъ воинствомъ въ уни-
 «женіи сердца кланяемся» (362). Тутъ Государь,
 Князь Владиміръ и вся дружина воинская покло-
 нились до земли. Іоаниъ продолжалъ: «Молю
 «васъ и нынѣ, да ревностнымъ ходатайствомъ
 «у престола Божія и мудрыми своими наставле-
 «ніями способствуете миѣ утвердить законъ,
 «правду, благіе нравы внутри Государства; да
 «цвѣтетъ отечество подъ сѣнію мира въ добро-
 «дѣтели; да цвѣтетъ въ немъ Христіанство; да
 «познаютъ Бога истиннаго невѣрные, новые

«подданные Россіи, и вмѣстѣ съ нами да
«славятъ Святую Троицу во вѣки вѣковъ.
«Аминь!»

Отвѣтъ
Митро-
полю-
товъ.

Митрополитъ отвѣтствовалъ : «Царю
«благочестивый! мы, твои богомольцы,
«удивленные избыткомъ Небесной къ намъ
«милости, что речемъ предъ Господомъ?
«развѣ токмо воскликнемъ : *дивенъ Богъ*
«*творяй чудеса!* . . . Какая побѣда! кака
«слава для тебя и для всѣхъ твоихъ свѣт-
«лыхъ подвижниковъ! Что мы были? и
«что нынѣ? Вѣроломные, лютые Казанцы
«ужасали Россію, жадно пили кровь Хри-
«стіанъ, увлекали ихъ въ неволю, осквер-
«няли, разоряли святыя церкви. Терзаемый
«бѣдствіемъ отечества, ты, Царь велико-
«душный, возложивъ *неуклонную* надежду
«на Бога Вседержителя, произнесъ обѣтъ
«спасти насъ; ополчился съ вѣрою; шелъ
«на труды и на смерть ; *страдалъ до крови;*
«предалъ свою душу и тѣло за Церковь, за
«отечество — и благодать Небесная воз-
«сіила на Тебѣ, якоже на древнихъ Ца-
«ряхъ, угодныхъ Господу : на Константінѣ
«Великомъ, Св. Владимірѣ, Дмитріи Дон-
«скомъ, Александрѣ Невскомъ. Ты срав-
«нялся съ ними — и кто превзошелъ тебя?
«Сей царствующій градъ Казанскій, гдѣ
«гнѣздилися змѣи какъ въ глубокой норѣ
«своей, уизвая, поядая насъ — сей градъ,
«столь знаменитый и столь ужасный, ле-

«житьъ бездушный у ногъ твоихъ; ты растоп-
 «сталъ главу змѣя, освободилъ тысячъ Христіанъ
 «силѣнныхъ, знаменіями истинной Вѣры освя-
 «тилъ скверну Магометову — навѣки, навѣки
 «уснокопъ Россію! Се дѣло Божіе, но чрезъ
 «тебя совершенное! ибо ты помнилъ слово Еван-
 «гельское: *рабе благій! въ малъ былъ еси въренъ:*
 «*анадъ многими тя поставлю!* Веселися, о Царь
 «любезный Богу и отечеству! Даровавъ побѣду,
 «Всевышній даровалъ тебѣ и вождѣннаго, пер-
 «вороднаго сына! Живи и здравствуй съ добро-
 «дѣтельною Царцею Анастасією, съ юнымъ Ца-
 «ревичемъ Дмитріємъ, съ своими братьями,
 «Боярами и со всеѣмъ православнымъ воин-
 «ствомъ въ богоспасаемомъ царствующемъ гра-
 «дѣ Москвѣ и на всеѣхъ своихъ Царствахъ, въ
 «сей годъ и въ предъидущія многія, многія лѣ-
 «та. А мы тебѣ, Государю благочестивому, за
 «твои труды и подвиги великіе со всеѣми Святи-
 «телями, со всеѣми православными Христіанами
 «кланяемся.» Митрополитъ, Духовенство, са-
 «новники и народъ пали ницъ предъ Іоанномъ;
 «слезы текли изъ глазъ; благословенія раздава-
 «лись, долго и непрерывно.

Тутъ Государь снялъ съ себя воинскую одеж-
 ду, возложилъ на плеча порфиру, на выю и на
 перси крестъ Животворящій, на главу вѣнецъ
 Мономаховъ, и пошелъ за святыми иконами въ
 Кремль; слушалъ молебенъ въ храмѣ Успенія;
 съ любовію и благодарностію поклонился мо-
 щамъ Россійскихъ Угодниковъ Божіихъ, гро-

бачъ своихъ предковъ ; обходилъ все храмы знаменитые , и спѣшилъ наконецъ во дворецъ . Царица еще не могла встрѣтить его : лежала на постелѣ ; но увидѣвъ супруга , забыла слабость и болѣзнь : въ восторгѣ упала къ ногамъ Державнаго Героя , который , обнимая Анастасію и сына , вкусилъ тогда всю полноту счастья , даннаго въ удѣлъ человечеству .

Москва и Россія были въ неописанномъ волненіи радости . Вездѣ въ отверстыхъ храмахъ благодарили Небо и Царя ; отовсюду слышались усердные подданные видѣть лице Іоанна ; говорили единственно о великомъ дѣлѣ его , о преодоленныхъ трудностяхъ похода , усиліяхъ , хитростяхъ осады ; о злобномъ ожесточеніи Казанцевъ , о блистательномъ мужествѣ Россіянъ , и возвышались сердцемъ , повторяя : «мы завоевали Царство ! что скажутъ въ свѣтѣ» (363) ?

Нѣсколько дней посвятивъ счастью семейственному , Іоаннъ , Ноября 8 , далъ торжественный обѣдъ , въ Большой Грановитой палатѣ , Митрополиту , Епископамъ ,
И прѣводворецъ и да-ры Іоанновы.
 Архимандритамъ , Игуменамъ , Князьямъ Юрію Василіевичу и Владиміру Андреевичу , всемъ Боярамъ , всемъ Воеводамъ , которые мужествовали подъ Казанью . «Ни-когда , говорятъ Лѣтописцы , не видали мы такого великолѣнія , праздника , ве-

«селія во дворцѣ Московскомъ , ни такой щедрости.» Іоаннъ дарилъ всѣхъ , отъ Митрополита до простаго воина , ознаменованнаго или славною равою , или замѣченнаго въ спискѣ храбрыхъ ; Князя Владиміра Андреевича жаловалъ шубами , златыми Фряжскими кубками и ковшами ; Бояръ , Воеводъ , Дворянъ , Дѣтей Боярскихъ и всѣхъ воиновъ по достоинству одежами съ своего плеча , бархатами , соболями , кубками , конями , доспѣхами или деньгами ; три дни пиrowалъ съ своими знаменитѣйшими подданными , и три дни сыпалъ дары , конхъ по счету , сдѣланному въ казначействѣ , вышло на сорокъ-восемь тысячъ рублей (около миліона нынѣшнихъ) , кромѣ богатыхъ отяцъ и помѣстевъ , разданныхъ тогда воппскимъ и Придворнымъ чиновникамъ (364).

Чтобы ознаменовать взятіе Казани достойнымъ памятникомъ для будущихъ столѣтій , Государь заложилъ великолѣпный храмъ Покрова Богоматери , у воротъ Флоровскихъ или Спасскихъ , о девяти куполахъ : онъ есть донынѣ лучшее произведеніе такъ называемой Готической Архитектуры на нашей древней столицѣ (365).

Сей Монархъ , озаренный славою , до восторга любимый отечествомъ , завоеватель враждебнаго Царства , умиритель своего , великодушный во всѣхъ чувствахъ , во всѣхъ намѣреніяхъ , мудрый Правитель , Законодатель ,

имѣлъ только 22 года отъ рожденія : явленіе
рѣдкое въ Исторіи Государствъ ! Казалось, что
Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и че-
ловѣчество прамѣромъ какого-то совершенства,
великости и счастія на тронѣ . . . Но здѣсь
восходитъ первое облако надъ лучезарною гла-
вою юнаго Вѣнценосца.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1552—1560.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Мятежи въ землѣ Казанской. Болѣзнь Царя. Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Бѣгство Князя Ростовскаго. Ересь. Умирненіе мятежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Покореніе Царства Астраханскаго. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дань Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посолъ въ Англію. Дѣла Крымскія. Письмо Солиманово. Впаденіе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Литвою. Нападеніе Дѣла Ржевскаго на Псламъ-Кирмень. Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю и беретъ Хортицу. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Лигвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замыселъ, приписываемый Іоанну. Состояніе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Пейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушіе Дерптскаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ.

Кетлеръ беретъ Рингенъ. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. За Ливонію Ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій, Датскій. Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіи въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Магистръ нарушаетъ перемиріе. Славная защита Ланса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе Маріенбурга. Побѣды К. Курбскаго. Кончина Царицы Анастасіи.

- г. 1532. **Крещеніе Царевича Дмитрія.** Какъ скоро Анастасія могла встать съ постели, Государь отправился съ нею и съ сыномъ въ Обитель Троицы, гдѣ Архіепископъ Ростовскій, Никандръ, крестилъ Дмитрія у мощей Св. Сергія ⁽³⁶⁶⁾. — Насыщенный мірскою славою, Іоаннъ заключилъ торжество государственное Христіанскимъ : два Царя Казанскіе, Утемышъ-Гирей и Едигеръ, пріѣли Вѣру Спасителя.
- г. 1533. **Крещеніе двухъ Царей Казанскихъ.** Перваго, еще младенца, крестилъ Митрополитъ въ Чудовѣ монастырѣ и нарекъ Александромъ : Государь взялъ его къ себѣ во дворецъ и велѣлъ учить грамотѣ, Закону и добродѣтели ⁽³⁶⁷⁾. Едигеръ самъ изъявилъ ревностное желаніе озариться свѣтомъ истины, и на вопросы Митрополита : «не нужда ли, не страхъ ли, не мірская ли польза впускаетъ ему сію мысль?» отвѣтствовалъ рѣшительно : «нѣтъ! люблю «Іисуса и ненавижу Магомета!» Священный обрядъ совершился на берегу Москвы-
- 26 Февраля.

рѣки, въ присутствіи Государя, Бояръ и народа. Митрополитъ былъ воспріемникомъ стѣ купѣли. Едигерь, названный Симеономъ, удержалъ имя Царя; жилъ въ Кремлѣ, въ особенномъ большомъ домѣ; имѣлъ Боярина, чиновниковъ, множество слугъ, и женился на дочери знатнаго сановника, Андрея Кутузова, Маріи ⁽³⁶⁸⁾; пользовался всегда милостію Государя и доказывалъ искреннюю любовь къ Россіи, забывъ, какъ смутную мечту, и прежисе свое Царство и прежнюю Вѣру.

Послѣ многихъ неописанно-сладостныхъ чувствъ душа Іоаннова уже вкушала тогда горестъ. Смертопосная язва, которая подъ Язва. именемъ *желъзы* столь часто опустошала Россію въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, снова открылась во Псковѣ, гдѣ съ Октября 1552 до осени 1553 года было погребено 25,000 тѣлъ въ скудельницахъ, кромѣ множества схороненныхъ тайно въ лѣсу и въ оврагахъ ⁽³⁶⁹⁾. Узнавъ о семъ, Новгородцы немедленно выгнали Псковскихъ купцевъ, объявивъ, что если кто-нибудь изъ нихъ пріѣдетъ къ нимъ, то будетъ сожженъ съ своимъ имѣніемъ. Осторожность и строгость не спасли Новгорода: язва въ Октябрѣ же мѣсяцѣ начала свирѣпствовать и тамъ и во всѣхъ окрестностяхъ. Полмиліона людей было ея жертвою; въ числѣ ихъ и Архіепископъ Сера-

піонъ , который не берегъ себя , утѣшая несчастныхъ . На его опасное мѣсто Митрополитъ поставилъ Монаха Пимена Чернаго изъ Андреяновской Пустыни ; вмѣстѣ съ Государемъ торжественно молился , святить воду — и Пименъ , 6 Декабря съ умиленіемъ отслуживъ первую обѣдню въ Софійскомъ храмѣ , какъ бы притупилъ жало язвы : она сдѣлалась менѣе смертоносною , по крайней мѣрѣ въ Новѣгородѣ .

Матери
и въ
землѣ
Казан-
ской .

Весьма оскорбился Государь и печальными вѣстями Казанскими , увидѣвъ , что опъ еще не все совершилъ для успокоенія Россіи . Луговые и Горныя жители убивали Московскихъ купцовъ и людей Боярскихъ на Волгѣ ⁽³⁷⁰⁾ : злодѣевъ нашли и казнили 74 человекъ : но скоро вспыхнулъ бунтъ : Вотяки и Луговая Черемиса не хотѣли платить дани , вооружились , умертвили нашихъ чиновниковъ , стали на высокой горѣ , у засѣки ; разбили Стрѣльцовъ и Казаковъ , посланныхъ усмирить ихъ : 800 Россіянъ легло на мѣстѣ . Въ семидесяти верстахъ отъ Казани , на рѣкѣ Мешѣ , мятежники основали земляную крѣпость и постоянно беззаконили Горную Сторону набѣгами . Восвода , Борисъ Салтыковъ , зимою выступивъ противъ нихъ изъ Свіяжска съ отрядомъ иѣхоты и конницы , тонулъ въ глубокихъ снѣгахъ : непріятель катясь на лыжахъ , окружилъ его со всѣхъ сторонъ ;

въ долговременной, безпорядочной битвѣ Россіане падали отъ усталости и потеряли до пяти сотъ человѣкъ. Самъ Воевода былъ взятъ въ плѣнъ и зарѣзанъ варварами; не многіе возвратились въ Свіяжскъ, и бунтовщики, гордяся побѣдами, думали, что господство Россіянъ уже кончилось въ странѣ ихъ.

Іоаннъ вспоминая тогда мудрый совѣтъ опытныхъ Вельможъ не оставлять Казани до совершеннаго покоренія всѣхъ ея дикихъ народовъ ⁽³⁷¹⁾. Уныніе при Дворѣ было столь велико, что нѣкоторые Члены Царской Думы предлагали навсегда покинуть сію бѣдственную для насъ землю и вывести войско оттуда ⁽³⁷²⁾. Но Государь изъяснилъ справедливое презрѣніе къ ихъ малодушію; хотѣлъ исправить свою ошибку, и вдругъ занемогъ сильною горячкою, такъ, что Дворъ, Москва, Россія въ одно время свѣдали о болѣзни его и безнадёжности къ выздоровленію. Всѣ ужаснулись, отъ Вельможи до земледѣльца; мысленно вскакивали вины своей предъ Богомъ, и говорили: «грѣхи наши должны быть безмѣрны, когда Небо отнимаетъ у Россіи такого Самодержца» ⁽³⁷³⁾! Народъ толпился въ Кремль; смотрѣли другъ другу въ глаза и боялись спрашивать; вездѣ блѣдныя, слезами орошенныя лица — а во дворцѣ отчаяніе, смятеніе неописанное, тайный шо-

Бо-
лѣзнь
Царя.

Марта
41.

потъ между Боярами, которые думали, что въ семъ бѣдственномъ случаѣ имъ должно не стенать и не плакать, но великодушно устроить судьбу Государства. Представилось зрѣлище разительное. Іоаннъ былъ въ памяти. Дьякъ Царскій, Михайловъ, приступивъ къ одру, съ твердостью сказалъ болящему, что ему время совершить духовную. Не смотря на цвѣтущую юность, въ полнотѣ жизни и здравіи, Іоаннъ часто говаривалъ о томъ съ людьми ближними ⁽³⁷⁴⁾: не утратился, и спокойно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Дмитрія, своимъ преемникомъ, единственнымъ Государемъ Россіи. Бумагу написали; хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ, и собрали ихъ въ Царской столовой комнатѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежъ: одни требовали, другіе не давали присяги, и въ числѣ послѣднихъ Князь Владиміръ Андреевичъ, который съ гнѣвомъ сказалъ Вельможѣ Воротынскому, укоряющему его въ ослушаніи: «смѣешь ли бравиться со мною?» *Смѣю и драться*, отвѣтствовалъ Воротынскій, *по долгу усерднаго слуги моихъ и твоихъ Государей, Іоанна и Дмитрія; не я, но они повѣлываютъ тебѣ исполнить обязанность вѣрнаго Россіанина*. Іоаннъ позвалъ ослушныхъ Бояръ и спросилъ у нихъ: «Кого же «думаете избрать въ Цари, отказываясь цѣ-

«словать крестъ на имя моего сына? Развѣ забыли вы данную вамъ клятву служить единственно «миѣ и дѣтямъ моимъ? . . . Не имѣю силъ говорить много,» примолвилъ онъ слабымъ голосомъ: «Димитрій и въ пеленахъ есть для васъ «Самодержецъ законный; но если не имѣете совѣсти, то будете отвѣтствовать Богу.» На сіе Бояринъ Князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій сказалъ ему, что они не цѣловали креста, ибо не видали Государя предъ собою; а Федоръ Адашевъ, отецъ любимаго Іоаннова, саномъ Околыничій, изъяснился откровеннѣе такими словами: «Тебѣ, Государю, и сыну твоему мы усердствуемъ «повиноваться, но не Захарьинымъ—Юрьевымъ, «которые безъ сомнѣнія будутъ властвовать въ «Россіи именемъ младенца безсловеснаго. Вотъ «что страшитъ насъ! А мы, до твоего возраста, «уже испили всю чашу бѣдствій отъ Боярскаго «правленія.» Іоаниъ безмолвствовалъ въ изнеможеніи. Самодержецъ чувствовалъ себя простымъ, слабымъ смертнымъ у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не берегли: забывали священныи долгъ покоить умирающаго; шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно—лежащаго Іоанна — и разошлись.

Чего же хотѣли сіи дерзкіе сановники, можетъ быть дѣйствительно одушевленные любовію къ общему благу, дѣйствительно устрешенные мыслию о гибельныхъ для отечества смутахъ Боярскихъ, которыя снова могли водвориться въ

Правительствующей Думѣ, къ ужасу Россіи, въ малолѣтство Дмитрія? Они хотѣли возложить вѣнецъ на главу брата Іоаннова — не Юрія: ибо сей несчастный Князь, обиженный Природою, не имѣлъ ни разсудка, ни памяти ⁽³⁷⁵⁾ — но Владимира Андреевича, одареннаго многими блестящими свойствами: умомъ любопытнымъ, острымъ, дѣятельнымъ, мужествомъ и твердостью. Предполагая самое чистое, благороднѣйшее побужденіе въ сердцахъ Бояръ, Іѣтоисецъ справедливо осуждаетъ ихъ замыселъ самовольно испровергнуть наследственный уставъ Государства, со времени Дмитрія Донскаго утверждаемый торжественною присягою, основанный на общемъ благѣ, плодъ долговременныхъ, старыхъ опытовъ и причину новаго могущества Россіи. Въ человѣческіе законы имѣютъ свои опасности, неудобства, иногда вредныя слѣдствія: но бываютъ душею порядка, священны для благоразумныхъ, нравственныхъ людей, и служатъ оплотомъ, твердынею Державы. Предвидѣніе ослушныхъ Бояръ могло и не исполниться: но если бы малолѣтство Царя и произвело временныя бѣдствія для Россіи, то лучше было снести оныя, нежели нарушеніемъ главнаго устава государственнаго ввергнуть отечество въ бездну всегдашнѣго мятѣжа неизвѣстностію наследственнаго права, столь важнаго въ Монархіяхъ.

Къ счастью, другіе Бояре остались вѣрными совѣсти и закону. Въ тотъ же вечеръ Князья

Иванъ Осодоровичъ Мстиславскій, Владиміръ Ивановичъ Воротыискій, Дмитрій Палецкій, Иванъ Васильевичъ Щереметевъ, Михайло Яковлевичъ Морозовъ, Захарьины-Юрьевы, Дьякъ Михайловъ присягнули Царевичу; также и юный другъ Государевъ, Алексѣй Адашевъ ⁽³⁷⁶⁾. Между тѣмъ донесли Иоанну, что Князь Петръ Шенятевъ, Иванъ Пронскій, Симеонъ Ростовскій, Дмитрій Нѣмый-Оболенскій во дворцѣ и на площади славятъ Князя Владиміра Андреевича, говоря: «лучше служить старому, нежели малому и «раболѣпствовать Захарьинымъ» ⁽³⁷⁷⁾. Истощая послѣднія силы свои, Государь хотѣлъ видѣть Князя Владиміра и такъ называемою *цѣловальною записью* обязать его въ вѣрности: сей Князь торжественно отрекся отъ присяги. Съ удивительною кротостію Иоаннъ сказалъ ему: «Вижу «твое намѣреніе: бойся Всевышняго!» а Боярамъ, давшимъ клятву: «Я слабѣю; оставьте меня и дѣйствуйте по долгу чести и совѣсти.» Они съ новою ревностію начали убѣждать всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ исполнить волю Государеву. Имъ отвѣтствовали: «Знаемъ, чего вы «желаете: быть господами; но мы не смѣлаемъ «по вашему.» Называли другъ друга измѣнниками, властолюбцами; гнѣвъ, злоба кипѣли въ сердцахъ, и каждое слово съ обѣихъ сторонъ было угрозою.

Въ часы сего ужаснаго смятенія Князь Владиміръ Андреевичъ и мать его, Евфросинія, собирали у себя въ домѣ Дѣтей Боярскихъ и разда-

вали имъ деньги. Народъ изъявлялъ негодованіе. Благоразумные Вельможи говорили Князю Владиміру, что онъ безразсудно ругается надъ общею скорбію, какъ бы празднуя болѣзнь Царя; что не время жаловать людей, когда отечество въ слезахъ и въ страхѣ. Князь и мать его отвѣчали словами колкими, съ досадою; а Бояре, окружающіе Государя, уже не хотѣли пускать къ нему сего, явно злопамѣреннаго брата. Тутъ выступилъ на позорище чрезвычайный мужъ Сильвестръ, доселѣ главный совѣтникъ Іоанновъ, ко благу Россіи, но къ тайному недовольствію многихъ, которые видѣли, что простой Іерей управляетъ и Церковію и Думою: ибо по словамъ Лѣтописца) ему недоставало только сѣдалища Царскаго и Святительскаго: онъ указывалъ и Вельможамъ и Митрополиту, и судіямъ и Воеводамъ ⁽³⁷⁸⁾; мыслить, а Царь дѣлалъ. Сія власть, не будучи беззаконіемъ и происходя единственно отъ справедливой довѣренности Государевой къ мудрому совѣтнику, могла однакъ пзмѣнить чистоту его первыхъ намѣреній и побужденій; могла родить въ немъ любовь къ господству и желаніе утвердить оное навсегда: искушеніе опасное для добродѣтели! Всѣми уважаемый, не всѣми любимый, Сильвестръ терялъ съ Іоанномъ политическое бытіе свое, и соглашая личное властолюбіе съ пользою государственною, *можетъ быть*, тайно доброхотствовалъ сторонѣ Князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою. Но крайней мѣрѣ,

видя остервененіе ближнихъ Іоанновыхъ противъ сего Князя, онъ вступился за него и говорилъ съ жаромъ: «кто дерзаетъ удалить брата «отъ брата и злословить невиннаго, желающаго «слить слезы надъ болящимъ?» Захарьины и другіе отвѣтствовали, что они исполняютъ присягу, служатъ Іоанну, Димитрію, и не терпятъ измѣнниковъ. Сильвестръ оскорбился и навлекъ на себя подозрѣніе.

Въ слѣдующій день Государь вторично созвалъ Вельможъ и сказалъ имъ: «Въ послѣдній разъ «требую отъ васъ присяги. Цѣлуйте крестъ предъ «моими ближними Боярами, Князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ: я не въ силахъ быть «того свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву «умереть за меня и за сына моего, вспомните «оую, когда меня не будетъ; не допустите вѣрломныхъ извести Царевича: спасите его; «бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ «укажетъ вамъ путь! . . . А вы, Захарьины, чего «ужасаетесь? Поздно падите вамъ мятежныхъ «Бояръ: они не пощадятъ васъ; вы будете *первыми мертвецами*. И такъ явите мужество; «умрите великодушно за моего сына и за мать «его; не дайте жены моеѣ на поруганіе измѣнникамъ!» Сіи слова произвели сильное дѣйствіе въ сердца Бояръ; они содрогнулись, и безмолвствуя вышли въ переднюю комнату, гдѣ Дьякъ Иванъ Михайловъ держалъ крестъ, а Князь Владиміръ Воротынскій стоялъ подлѣ него. Всѣ присягали въ тишинѣ и съ видомъ умиленія, моля

Всевышняго, да спасеть Іоанна, или да будетъ сынъ его подобенъ ему для счастія Россіи! Одинъ Князь Иванъ Пронскій-Турунтай, взглянувъ на Воронтынскаго, сказалъ ему: «отецъ твой и ты самъ были первымъ измѣнникомъ «по кончинѣ Великаго Князя Василія; а теперь «приводишь насъ къ святому кресту!» Воронтынскій отвѣчалъ ему спокойно: «да, я измѣнникъ, «а требую отъ тебя клятвы быть вѣрнымъ Госу- «дарю нашему и сыну его; ты праведенъ, а не «хочешь дать ее!» Турунтай замѣшался и присягнулъ.

Но сей священныи обрядъ не всѣхъ утвердилъ въ вѣрности. Князь Дмитрій Палецкій, свать Государевъ, тестъ Юрія, тогда же послалъ зятя своего, Василья Бороздина, къ Князю Владиміру Андреевичу и къ матери его, сказать имъ, что если они дадутъ Юрію Удѣлъ, назначенный ему въ духовномъ завѣщаніи Великаго Князя Василія, то онъ (Палецкій) готовъ, вмѣстѣ съ другими, помогать имъ и возвести ихъ на престолъ⁽³⁷⁹⁾! Еще двое изъ Вельможъ оставались въ подозрѣніи: Князь Дмитрій Курлятевъ, другъ Алексѣя Адашева, и Казначей Никита Фуниковъ; они не были во дворцѣ за болѣзнію, но, по увѣренію доносителей, имѣли тайное сношеніе съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Курлятевъ на третій день, когда уже все затихло, велѣлъ вести себя во дворецъ и присягнулъ Дмитрію: Фуниковъ также, во послѣдній. Самъ Князь Владиміръ Андреевичъ обязался клятвенною грамотою не ду-

мать о Царствѣ и въ случаѣ Іоанновой кончины повиноваться Димитрію какъ своему законному Государю (³⁸⁰); а мать Владимірова долго не хотѣла приложить Княжеской печати къ сей гра-мотѣ; наконецъ исполнила рѣшительное требо-ваніе Бояръ, сказавъ: «что значить присяга не-вольная?»

Сии два дни смутенія и тревоги довели сла-бость болящаго до крайней степени; онъ казал-ся въ усыпленіи, которое могло быть предве-ріемъ смерти. Но дѣйствія Природы неизъясни-мы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда гу-битъ, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Іоаннова? Жизнь ми-ла въ юности: его жизнь украшалась еще славою и всѣми лестными надеждами вѣщесной доб-родѣтели. Въ кнѣзѣнн силъ и чувствительности касаться гроба, падать съ престола въ могилу, видѣть страшное измѣненіе въ лицахъ: въ без-молвныхъ дотогѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, строптивость; Госу-дарю самовластному уже зависѣть отъ тѣхъ, ко-ихъ судьба зависѣла прежде отъ его слова; сми-ренно молить ихъ, да спасутъ, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства! Іоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минутъ; огонь души усплялъ дѣя-тельность Природы, и болящій выздоровѣлъ, къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкоторыхъ. Хотя Князь Владиміръ Андреевичъ и единомыш-ленники его исполнили наконецъ волю Іоаннову и присягнули Димитрію; но могъ ли Самодер-

жецъ забыть мѣтежъ ихъ и муку души своей, ими растерзанной въ минуты его боренія съ ужасами смерти? . . .

Что жъ сдѣлалъ Іоаннъ ⁽³⁸¹⁾? всталъ съ одра исполненный милости ко всѣмъ Боярамъ, благоволенія и довѣренности къ прежнимъ друзьямъ и совѣтникамъ; далъ санъ Боярскій отцу Адашева, который смѣлѣе другихъ опровергалъ Царское завѣщаніе ⁽³⁸²⁾; честилъ, ласкалъ Князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ помнить, что случилось въ болѣзнь его, и казался только признательнымъ къ Богу за свое чудесное исцѣленіе!

Такова была паружность; но въ сердцѣ осталась рана опасная. Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и юный Адашевъ тайно держалъ сторону Князя Владиміра ⁽³⁸³⁾. Не сомнѣваясь въ ихъ усердіи ко благу Россіи, онъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему; уважая того и другаго, простылъ къ нимъ въ любви; обязанный имъ главными успѣхами своего царствованія, страшился быть неблагодарнымъ, и соблюдалъ единственно пристойность; шесть лѣтъ усердно служивъ добродѣтели и вкусивъ всю ея сладость, не хотѣлъ измѣнить ей, не мстилъ никому явно, но съ усиліемъ, которое могло ослабѣть въ продолженіе времени. Всего хуже было то, что супруга Іоаннова, до того согласно съ Адашевымъ и Сильвестромъ питавъ въ немъ любовь къ святой нравственности, отдѣлилась отъ нихъ тайною непріязнію ⁽³⁸⁴⁾,

думая, что они имѣли намѣреніе пожертвовать ею, сыномъ ея и братьями выгодамъ своего особеннаго честолюбія. Анастасія способствовала, какъ вѣроятно, остудѣ Іоаннова сердца къ друзьямъ. Съ сего времени онъ непріятнымъ образомъ почувствовалъ свою отъ нихъ зависимость ⁽³⁸⁵⁾, и находилъ иногда удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать по-своему: въ чемъ, какъ пишутъ, еще болѣе утвердило Царя слѣдующее происшествіе.

Исполняя обѣтъ, данный имъ въ болѣзни, Іоаннъ объявилъ намѣреніе ѣхать въ монастырь Св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ Царицею и сыномъ. Сіе отдаленное путешествие казалось нѣкоторымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ неблагоприятнымъ: представляли ему, что онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Дмитрія; что важныя дѣла, въ особенности бунты Казанскіе, требуютъ его присутствія въ столицѣ. Государь не слушалъ сихъ представленій и поѣхалъ сперва въ Обитель Св. Сергія. Тамъ, въ старости, тишинѣ и молитвѣ жилъ славный Максимъ Грекъ, сосланный въ Тверь Великимъ Княземъ Василіемъ ⁽³⁸⁶⁾, но освобожденный Іоанномъ какъ невинный страдалецъ. Царь посетилъ келію сего добродѣтельнаго мужа, который, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить объ его пу-

Путешествіе
Іоанново въ
Кирилловъ
монастырь.

май.

тешествіи. «Государь!» сказалъ Максимъ, вѣроятно по внушенію Іоанновыхъ совѣтниковъ: «пристойно ли тебѣ скитаться по «дальнимъ монастырямъ съ юною супругою «и съ младенцемъ? Обѣты неблагоразум- «ные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не дол- «жно искать только въ пустыняхъ: весь «міръ исполненъ Его. Если желаешь изъ- «явить ревностную признательность къ Не- «бесной благодати, то благотвори на престо- «лѣ. Завоеваніе Казанскаго Царства, счаст- «ливое для Россіи, было гибелію для мно- «гихъ Христіанъ; вдовы, сироты, матери «избѣспныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ сво- «ею милостію. Вотъ дѣло Царское» (387)! Іоаннъ не хотѣлъ отмѣнить своего намѣ- ренія. Тогда Максимъ, какъ увѣряютъ, ве- лѣлъ сказать ему чрезъ Алексѣя Адашева и Князя Курбскаго, что Царевичъ Дмитрій будетъ жертвою его упрямства. Іоаннъ не испугался пророчества: поѣхалъ въ Дми- тровъ, въ Пѣсношскій Николаевскій мона- стырь, оттуда на судахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ Обитель Св. Кирилла, и возвратился чрезъ Ярославль и Ростовъ въ Москву безъ сына: предска- заніе Максимово сбылося: Дмитрій скон- чался въ дорогѣ (388). — Но важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго *Кирилловскаго пѣзда* было Іоанново свиданіе въ монастырѣ Пѣсношскомъ, на берегу

Іоаннъ.
Смерть
Царе-
вича
Дмит-
рія.

Важное
бесѣда

Яхромы, съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостію Великаго Князя Василія, но въ Боярское правленіе лишился Епархіи за свое лукавство и жестокосердіе ⁽³⁸⁹⁾. Мститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ Болрамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править Государствомъ. Вассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо: «Если хочешь быть истиннымъ Самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудре себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться — повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на Царствѣ и грозою Вельможъ. Совѣтникъ мудрейшій Государя неминуемо овладѣетъ имъ.» Сія ядовитая слова проникли во глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостию сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!* . . . «Нѣтъ, Государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ нужду

Іоанно-
ва съ
быв-
шимъ
Епис-
копомъ
Вассіа-
номъ.

въ пособіи другихъ умовъ, и тѣмъ превосходи́ше въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣ совѣтники, имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь *умныхъ*, падеть въ руки *хитрыхъ*, которые въ угодность ему притворятся даже глупцами; не плѣняя въ немъ разума, плѣняютъ страсть, и поведутъ его къ своей цѣли. Цари должны опасаться не мудрыхъ, а коварныхъ или безсмысленныхъ совѣтниковъ.» Съ такими же подобными разсужденіями описываетъ Князь Курбскій злою бесѣду старца Вассіана, которая, по его увѣренію, растлила душу юнаго Монарха.

Рожденіе Царевича Іоанна.

Но еще долгое время онъ не перемѣнялся *явно*: читалъ мужей добролюбивыхъ, съ уваженіемъ слушалъ наставленія Сильвестровы, ласкалъ Адашева, и далъ ему санъ Окольниковчаго ⁽³⁹⁰⁾, употребляя его, вмѣстѣ съ Дьякомъ Михайловымъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней Политики. Чрезъ девять мѣсяцевъ утѣшеннѣй рожденіемъ втораго сына, Іоанна ⁽³⁹¹⁾, Государь въ новомъ, тогда написанномъ завѣщаніи показалъ величайшую довѣренность къ брату, Князю Владиміру Андреевичу: объявилъ его, въ случаѣ своей смерти, не только опекуномъ юнаго Царя, не только Государственнымъ Правителемъ, но и послѣдникомъ Трона, если Царевичъ Іоаннъ скончается въ малолѣтствѣ; а Князь Владиміръ

далъ клятву быть вѣрнымъ совѣтя и долгу, не щадить ни самой матери, Княгини Евфросиніи, если бы она замыслила какое зло противъ Анастасіи или сына ея; не знать ни мести, ни пристрастія въ дѣлахъ государственныхъ, не вершить оныхъ безъ вѣдома Царицы, Митрополита, Думныхъ Совѣтниковъ, и не держать у себя въ Московскомъ домѣ болѣе ста воиновъ ⁽³⁹²⁾. — Въ самыхъ справедливыхъ наказаніяхъ Государь, какъ и прежде, слѣдовалъ движеніямъ милосердія; на примѣръ: Князь Симеонъ Ростовскій, знатный Вельможа, оказавъ себя въ болѣзнь Государя противникомъ его воли, не могъ быть спокоенъ духомъ; не вѣрнулъ наружной тихости Иоанновой, мучился страхомъ, вздумалъ бѣжать въ Литву съ братьями и племянниками; сносился съ Королемъ Августомъ, съ Литовскими Думными Панами, открывалъ путь государственнымъ тайны, давалъ вредныя для насъ совѣты, чернилъ Царя и Россію. Онъ послалъ къ Королю своего ближняго, Князя Никиту Лобанова-Ростовскаго: его остановили въ Торонцѣ, допросили, узнали измѣну; и Князь Симеонъ, взятый подъ стражу, самъ во всемъ признался, извиняясь скудостію и малоуміемъ. Бояре единогласно осудили преступника на смертную казнь; но Государь, виавъ моленію Духовенства, смягчилъ рѣшеніе суда: Князя

Б ѣ г-
с т в о
Князя
Ростов-
скаго.

Ересь.

Симеона *выставили на позоръ* и заточили на Бѣлоозеро ⁽³⁹³⁾. — Въ дѣлѣ инаго рода оказалось также милосердіе Іоанново. До-несли Государю, что возникаетъ опасная ересь въ Москвѣ; что иѣкто Матвѣй Башкинъ проповѣдуетъ ученіе совсѣмъ не-Христіанское, отвергаетъ таинства нашей Вѣры, Божественность Христа, дѣянія Соборовъ и святость Угодниковъ Божіихъ. Его взяли въ допросъ: онъ заперся, называя себя истиннымъ Христіаниномъ; но посаженный въ темницу, началъ тосковать, открылъ ересь свою ревностнымъ Инокамъ Іосифовскаго монастыря, Герасиму и Филоою; самъ описалъ ее, наименовалъ единомышленниковъ, Ивана и Григорья Борисовыхъ, Монаха Бѣлобаева и другихъ; сказалъ, что развратителями его были Ка-толики, Аптекарь Матвѣй Липвинъ и Андрей Хотѣевъ; что какіе-то Заволжскіе Старцы въ искренной бесѣдѣ съ нимъ объявили ему такое же мнѣніе о Христѣ и Святыхъ; что будто бы Рязанскій Епископъ Кассіанъ благопріятствовалъ ихъ заблужденію, и проч. ⁽³⁹¹⁾. Царь и Митрополитъ, Соборомъ уличивъ еретиковъ, не хотѣли употребить жестокой казни: осудили ихъ единственно на заточеніе, да не сѣютъ соблазна между людьми; а Епископа Кассіана, разбитаго параличемъ, отставили.

Доказавъ, что болѣзнь и горестныя ея слѣдствія не ожесточили его сердца — что онъ умѣетъ быть выше обыкновенныхъ страстей человѣческихъ и забывать личныя, самыя чувствительныя оскорбленія — Иоаниъ съ прежнею ревностію занялся дѣлами государственными, изъ коихъ главнымъ было тогда усмиреніе завоеваннаго имъ Царства. Онъ послалъ Данила Адашева, брата Алексеѣва, съ Дѣтьми Боярскими и съ Вятчанами на Каму ⁽³⁹⁵⁾; а знаменитыхъ доблестію Воеводъ, Князя Симеона Микулинскаго, Ивана Шереметева и Князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Казань со многими полками. Они выступили зимою, въ самыя жестокіе морозы; воевали цѣлый мѣсяцъ въ окрестностяхъ Камы и Мещи; разорили тамъ новую крѣпость, сдѣланную мятешниками; ходили за Ашитъ, Уржумъ, до самыхъ Вятскихъ и Башкирскихъ предѣловъ; сражались ежедневно, въ дикихъ лѣсахъ, въ сибжныхъ пустыняхъ; убили 10,000 непріятелей и двухъ злѣйшихъ враговъ Россіи, Князя Янчуру Измаильянина и богатыря Черемисскаго Алеку; взяли въ плѣнъ 6000 Татаръ, а женъ и дѣтей 15,000. Князя Иванъ Мстиславскій и Михайло Васильевичъ Галискій воевали Луговую Черемису, захватили 1600 именитыхъ людей, Князей, Мурзъ, чиповниковъ Татарскихъ, и всѣхъ умертвили ⁽³⁹⁶⁾. Вое-

Г. 4533-
4557.

Усми-
реніе
мяте-
жей въ
Казань
и о ней
землѣ.

воды и сановники, дѣйствуя ревностно, неутомимо, получили отъ Государя золотыя медали, лестную награду сего времени: ими витязи украшали грудь свою вмѣсто пынѣшнихъ крестовъ Орденскихъ ⁽³⁹⁷⁾. — Еще бунтъ не угасалъ; еще бѣглецы Казацкіе укрывались въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ, вездѣ волпуя народъ; грабили, убивали нашихъ купцевъ и рыболововъ на Волгѣ; строили крѣпости; хотѣли возстановить свое Царство. Одинъ изъ Луговыхъ Сотниковъ, Мамичъ Бердей, призвавъ какого-то Ногайскаго Князя, далъ ему имя Царя, но самъ умертвилъ его какъ неспособнаго и малодушнаго: отрубивъ ему голову, взоткнулъ ее на высокое дерево и сказалъ: «Мы взяли тебя на Царство для войны и побѣды; а ты съ своею дружиною умѣлъ только объѣдать насъ! Теперь да царствуетъ голова «твоя на высокомъ престолѣ» ⁽³⁹⁸⁾! Сего опаснаго мятежника Горныя жители заманили въ сѣти: дружелюбно звали къ себѣ на пиръ, схватили и отослали въ Москву: за что Государь облегчилъ ихъ въ налогахъ. Нѣсколько разъ земля Арская присягала и снова пзмѣняла: Луговая же долѣе всѣхъ упорствовала въ мятежѣ. Россіяне пять лѣтъ не опускали меча: жгли и рѣзали. Безъ пощады губя вѣроломныхъ, Іоаннъ награждалъ вѣрныхъ: многіе Казапцы добровольно крестились; другіе, не оставляя Закона отцевъ своихъ, вмѣстѣ съ первыми служили Россіи. Имъ давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконецъ усилія бунтовщиковъ ослабли;

вожди ихъ погубли всѣ безъ исключенія, крѣпости были разрушены, другія (Чебоксары, Лапшевъ) вновь построены нами и заняты Стрѣльцами. Вотяки, Черемисы, самые отдаленные Башкирцы приносили дань, требуя милосердія. Весною въ 1557 году Іоаннъ въ сію несчастную землю, наполненную инопомъ и могилами, послалъ Стряичаго, Семена Ярцова, съ объявленіемъ, что ужасы ратные миновались, и что народы ея могутъ благоденствовать въ тишинѣ какъ вѣрные подданные Бѣлаго Царя. Онъ милостиво принялъ въ Москвѣ ихъ Старѣйшинъ и далъ имъ жалованныя грамоты.

Съ того времени Казань сдѣлалась мѣрною собственностію Россіи, сохраняя имя Царства въ титулѣ нашихъ Монарховъ. Іоаннъ въ 1553 году Соборомъ Духовенства установилъ для ея новыхъ Христіанъ особенную Епархію; далъ ей Архіепископа, уступающаго въ старѣйшинствѣ одному Новгородскому Владыкѣ; подчинилъ его духовному вѣдомству Свіяжскъ, Васильгородъ и Вятку; опредѣлилъ въ жалованье на церковныя расходы десятину изъ доходовъ Казанскихъ ⁽³⁹⁹⁾. Первымъ Святителемъ былъ тамъ Гурій, Игуменъ Селижарова монастыря. Съ какою ревностію сей добродѣтельный мужъ, причисленный нашею Церковію къ лику Угодниковъ Божі-

Учреж-
деніе
Епар-
хіи Ка-
зан-
ской.

ихъ, насаждалъ въ своей паствѣ Вѣру Спасителя, средствами истинно Христіанскими, ученіемъ любви и кротости: съ такимъ усердіемъ Намѣстникъ Государевъ, Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, образовалъ сей новый край въ гражданскомъ порядкѣ, изглаждая слѣды опустошеній, водворяя спокойствіе, оживляя торговлю и земледѣліе. Села Царскія и Княжескія были отданы Архіепископу, монастырямъ и Дѣтямъ Боярскимъ ⁽⁴⁰⁰⁾.

Покореніе
Царства
Астраханскаго.

Совершилось и другое, менѣе трудное, но также славное завоеваніе. Издревле, еще до начала Державы Россійской, при устьѣ Волги существовалъ городъ Козарскій, знаменитый торговлею, Атель или Балангіаръ ⁽⁴⁰¹⁾; въ XIII вѣкѣ опъ принадлежалъ Алавамъ, именуемый Сумеркентомъ ⁽⁴⁰²⁾, а въ нашихъ лѣтописяхъ сдѣлался пзвѣстенъ подъ именемъ *Асторокани*, будучи владѣніемъ Золотой Орды, и со времени ея паденія столицей особенныхъ Хановъ, единоплеменныхъ съ Ногайскими Князьями. Тѣснимые Черкесами, Крымцами, сіи Ханы слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и послѣдній изъ нихъ, Ямгурчей, хотѣлъ даже, какъ мы видѣли ⁽⁴⁰³⁾, быть данникомъ Іоанновымъ, но, обольщенный покровительствомъ Султана, обманулъ Государя: присталъ къ Девлетъ-Гирею и къ Юсуфу, Ногайскому Князю, отцу Сююнбекину, ко-

торый возненавидѣлъ Россію за плѣнъ его дочери и внука, сверженнаго нами съ престола Казанскаго. Посла Московскаго обезчестили въ Астрахани и держали въ неволѣ ⁽⁴⁰⁴⁾: Государь воспользовался симъ случаемъ, чтобы, по мнѣнію тогдашнихъ *книжниковъ*, возвратить Россію ея древнее достояніе, гдѣ будто бы княжилъ нѣкогда сынъ Св. Владимира, Мстиславъ: пбо они считали *Астрахань* древнимъ *Тматороканемъ*, основывался на сходствѣ имени ⁽⁴⁰⁵⁾. Мурзы Ногайскіе, Исмаилъ и другіе, непріатели Юсуфовы, утверждали Іоанна въ семъ намѣреніи: молили его, чтобы онъ далъ Астрахань изгнаннику Дербышу, ихъ родственнику, бывшему тамъ Царемъ прежде Ямгурчей, и хотѣли помогать намъ всѣми силами ⁽⁴⁰⁶⁾. Государь, призвавъ Дербыша изъ Ногайскихъ Улусовъ, весною въ 1554 году послалъ съ нимъ на судахъ войско, не многочисленное, но отборное: ово состояло изъ Царскихъ Дворянъ, Жильцовъ, лучшихъ Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ, Козаковъ, Вятчанъ. Предводителями были Князь Юрій Ивановичъ Пронскій-Шемякинъ и Постельничій Игнатій Вешняковъ, мужъ отлично храбрый ⁽⁴⁰⁷⁾. 29 Іюня, достигнувъ Переволоки, Шемякинъ отрядилъ впередъ Князя Александра Вяземскаго, который близъ Чернаго острова встрѣтилъ и побѣлъ нѣсколько сотъ Астраханцевъ, высланныхъ развѣдать о нашей силѣ. Узнали отъ плѣнниковъ, что Ямгурчей стоитъ пять верстъ ниже города, а Татары засѣли на островахъ, въ своихъ Улусахъ. Россіяне

плыли мимо столицы Батыевой, Сарая, гдѣ 200 лѣтъ Государи наши унижались предъ Ханами Золотой Орды; но тамъ были уже однѣ развалины! Видѣть, во время славы, памятники минувшаго стыда легче, нежели во время униженія видѣть памятники минувшей славы!... Въ сей нѣкогда ужасной странѣ, полной мечей и копій, обитала тогда безоружная, чирная робость: все бѣжало — и граждане и Царь. Шемякинъ 2 Юля вступилъ въ безлюдную Астрахань; а Князь Вяземскій нашелъ въ Ямгурчеевомъ станѣ не мало кинутыхъ пушекъ и пищалей. Гнались за бѣгущими во всѣ стороны, до Бѣлаго озера и Тюмени: однихъ убивали, другихъ вели въ городъ, чтобы дать подданныхъ Дербышу, объявленному Царемъ въ пустынной столицѣ. Ямгурчей съ двадцатью воинами ускакалъ въ Азовъ. Настигли только женъ и дочерей его (¹⁰⁸); также многихъ знатныхъ чиповниковъ, которые всѣ хотѣли служить Дербышу и зависѣть отъ Россіи, требуя единственно жизни и свободы личной. Ихъ представили новому Царю: онъ велѣлъ имъ жить въ городѣ, распустивъ народъ по Улусамъ. Князей и Мурзъ собралось пять сотъ, а простыхъ людей десять тысячъ. Они вмѣстѣ съ Дербышемъ клялися въ томъ, чтобы повиноваться Іоанну какъ верховному своему Властителю, присылать ему 40 тысячъ алтынъ и 3 тысячи рыбъ, какъ ежегодную дань, а въ случаѣ Дербышевой смерти нигдѣ не искать себѣ Царя, но ждать, кого Іоаннъ или послѣдники его пожалуютъ имъ въ Правите-

ли. Въ клятвенной грамотѣ, скрѣпленной печатями, сказано было, что Россіиане могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ Астраханцами, *безданно и безъявочно*.—Учредивъ порядокъ въ землѣ, оставивъ у Дербыша Козаковъ (съ Дворяниномъ Тургеневымъ) для его безопасности и для прпсмотра за нимъ, Князь Шемякинъ и Вешняковъ возвратились въ Москву съ пятью взятыми въ плѣнъ Царицами и съ великимъ числомъ освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ невольниками въ Астраханскихъ Улусахъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ успѣхѣ Государь получилъ 29 Августа, въ день своего рожденія, празднуя его въ селѣ Коломенскомъ съ Митрополитомъ и со всѣмъ Дворомъ ⁽⁴⁰⁹⁾: изъяснилъ живѣйшую радость; установилъ церковное молебствіе; милостиво наградилъ Воеводъ; встрѣтилъ плѣнныхъ Царицъ съ великою честію и въ удовольствіе Дербышу отпустилъ назадъ въ Астрахань, кромѣ младшей изъ нихъ, которая на пути родила сына и вмѣстѣ съ нимъ крестилась въ Москвѣ: сына называли *Царевичемъ Петроу*, а мать Іуліанією, и Государь женилъ на ней своего имениитаго Дворянина, Захарію Плещеева ⁽⁴¹⁰⁾.—Не долго Астрахань была еще особеннымъ Царствомъ: скоро вѣроломство Дербыша доказало необходимость учредить въ ней Россійское правительство: ибо нѣтъ надежной среды между независимостію и совершеннымъ подданствомъ Державы. Мужествомъ нашихъ Козаковъ отразивъ изгнанника Ямгурчя, хотѣвшаго завоевать Астрахань

съ помощію Крымцевъ и сыновей Ногайскаго Князя Юсуфа, Дербышъ замыслилъ измѣну: не смотря на то, что Государь снисходительно уступилъ его народу всю дань перваго года, онъ тайно сносился съ Ханомъ Девлетъ-Гпреемъ, взявъ къ себѣ Царевича Крымскаго Казбулата въ должность Калги ⁽⁴¹¹⁾. Голова Стрѣлецкій, Иванъ Черемисиновъ, съ новою воинскою дружиною были посланы обличить и наказать измѣнника. Дербышъ сваялъ съ собою личину, вывелъ всѣхъ жителей изъ города, соединился съ толпами Ногайскими, Крымскими, и дерзко началъ войну, ободренный малочисленностію Россіянъ. Но у насъ былъ искренній, ревностный другъ: Князь Ногайскій Пеманъ, своимъ ходатайствомъ доставивъ престолъ тому неблагодарному, помогъ Черемисинову — и Дербышъ, разбитый на голову (въ 1557 году), по слѣдамъ Ямгурчей бѣжалъ въ Азовъ ⁽⁴¹²⁾. Тогда всѣ жители, удостовѣренные въ безопасности, возвратились въ городъ и въ окрестные Улусы, дали присягу Россіи, и не думали уже измѣнять, довольные своимъ жребіемъ подъ властію великой Державы, которой сила могла быть имъ защитою отъ Тавриды и Ногаевъ. Черемисиновъ утвердилъ за ними прежнюю собственность: острова, пашни; обложилъ всѣхъ данію легкою, наблюдалъ справедливость, пріобрѣлъ общую любовь и довѣренность; однимъ словомъ, устроилъ все наилучшимъ образомъ для пользы жителей и Россіи.

Съ того времени Государь въ подписи своихъ

грамотъ началъ означать лѣта Казанскаго и Астраханскаго завоеваній (¹¹³), конхъ эпоха есть безъ сомнѣнiя самая блестящая въ нашей Истории среднихъ вѣковъ. Громкое имя покорителя Царствъ дало Іоанну, въ глазахъ Россiянъ-современниковъ, безпримѣрное величiе и возвысило ихъ государственное достоинство, пылая честолюбiе, питая гордость народную, удивительную для иноземцевъ, которые не понимали ея причины, ибо видѣли только гражданскiе недостатки наши въ сравненiи съ другими Европейскими народами, и не сравнивали Россiи Василiя Темнаго съ Россiею Іоанна IV: первый имѣлъ только 1500 воиновъ для ея защиты (¹¹⁴), а второй взялъ чуждое Царство отрядомъ легкаго войска, не трогая своихъ главныхъ полковъ. Между сими происшествiями минуло едва столѣтiе, и народъ могъ естественно возгордиться столь быстрыми шагами къ величiю. Не только иноземцы, но и мы сами не оцѣнимъ справедливо государственныхъ успѣховъ древней Россiи, если не выйдемъ въ обстоятельства тѣхъ временъ, не поставимъ себя на мѣстѣ предковъ и не будемъ смотрѣть ихъ глазами на вещи и дѣянія, безъ обманчиваго соображенiя съ повѣйшими временами, когда все измѣнилось, умножились средства, прозябли сѣмена и пасажденiя. Великiя усилiя рождаютъ великое: а въ творенiяхъ государственныхъ начало едва ли не труднѣе совершенiя.

Кромѣ славы и блеска, Россiя, примкнувъ свои владѣнiя къ морю Каспiйскому, открывала для

себя новыя источники богатства и силы; ея торговля и политическое вліяніе распространилась. Звукъ оружія изгналъ чужеземныхъ купцевъ изъ Астрахани: спокойствіе и тишина возвратили ихъ. Они приѣхали изъ Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика, со всякими товарами, весьма охотно платя въ Государеву казну установленную пошлину. Цари Хивинскій и Бухарскій прислали своихъ знатныхъ людей въ Москву съ дарами, желая благоволенія Іоаннова и свободной торговли въ Россіи ⁽⁴¹⁵⁾. Земля Шавкальская, Тюменская, Грузинская хотѣли быть въ нашемъ подданствѣ. Князья Черкесскіе, присягнувъ Государю въ вѣрности, требовали, чтобы онъ помогъ имъ воевать Султанскія владѣнія и Тавриду ⁽⁴¹⁶⁾. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что Султанъ въ мирѣ съ Россіею, но что мы всѣми силами будемъ оборонять ихъ отъ Хана Дивлетъ-Гирея. Вѣра Спасителя, насажденная между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ въ самыя древнія времена Имперіи Византійской, еще не совсѣмъ угасла въ сихъ странахъ; оставались ея темныя преданія и нѣкоторые обряды ⁽⁴¹⁷⁾: извѣстность и могущество Россіи оживили тамъ память Христіанства и любовь къ оному. Князья крестили дѣтей своихъ въ Москвѣ, отдавали ихъ на воспитаніе Царю, — нѣкоторые

Посоль-
ствъ
Хивин-
ское,
Бухар-
ское,
Шав-
кальское,
Тюмен-
ское,
Грузин-
ское.

По-
дданство
Черкес-
совъ.

сами крестились. Сынъ Князя Сябока, Кудадекъ—Александръ, и Темрюковъ, Салтанукъ—Михаилъ, учились грамотѣ во дворцѣ Кремлевскомъ вмѣстѣ съ Сююнбекинымъ сыномъ. — Признательный къ усердію союзныхъ съ нами Ногаевъ, Государь Дружба съ Ногаиди. позволялъ имъ кочевать въ зимнее время близъ самой Астрахани: они мирно и спокойно въ ней торговали. Князь Исмаилъ, убивъ своего брата, Юсуфа, писалъ къ Іоанну изъ городка Сарайчика ⁽⁴¹⁸⁾: «Врага твоего уже нѣтъ на свѣтѣ; племянники и слѣдѣи мои единодушно дали мнѣ поводы *«узды своихъ: я властвую падо всѣми Улусами.»* Онъ совѣтовалъ Россіянамъ основать крѣпость на Переволокѣ, а другую на Иргизѣ (въ нынѣшней Саратовской Губерніи), гдѣ скитались нѣкоторые бѣглые Ногайскіе Муразы, не хотѣвшіе ему повиноваться и быть намъ друзьями. Утверждая пріязнь дарами и ласками, Государь однакожь не позволялъ Исмаилу въ шертныхъ грамотахъ называться ни *отцемъ* его, ни *братомъ*, считая то унизительнымъ для Россійскаго Монарха ⁽⁴¹⁹⁾.

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ проникъ и въ отдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственно среднюю часть нынѣшней Тобольской Губерніи, было давно извѣстно въ Москвѣ отъ нашихъ Югорскихъ и Пермскихъ данниковъ. Тамъ го-

Дань
Сибир-
ская.

снодествовали Князья Могольскіе, потомки Батыева брата Сибана или Шибана ⁽⁴²⁰⁾. Вѣроятно, что они и прежде имѣли сношенія съ Россією, и даже признавали себя въ нѣкоторой зависимости отъ сильнаго ся Царя: Іоаннъ уже въ 1554 году именовался въ грамотахъ Властителемъ Сибири ⁽⁴²¹⁾; но лѣтописи молчатъ о томъ до 1555 года: въ сіе время Князь Сибирскій, Едигеръ, прислалъ двухъ чиновниковъ въ Москву поздравить Государя со взятіемъ Казани и Астрахани ⁽⁴²²⁾. Дѣло шло не объ одной учтивости: Едигеръ вызвался платить дань Россіи, съ условіемъ, чтобы мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли. Государь увѣрилъ Пословъ въ своей милости, взялъ съ нихъ клятву въ вѣрности и далъ имъ *жалованную грамоту*. Они сказали, что въ Сибири 30,700 жителей: Едигеръ хотѣлъ съ cadaго человека давать намъ ежегодно по соболю и бѣлку. Сынъ Боярскій, Дмитрій Куровъ, поѣхалъ въ Сибирь, чтобы обязать присягою Князя и народъ; возвратился въ концѣ 1556 года съ новымъ Посломъ Едигеровымъ, и, вмѣсто обѣщанныхъ *тридцати тысячъ*, привезъ только 700 соболей. Едигеръ писалъ, что земля его, разоренная Шибанскимъ Царевичемъ, не можетъ дать болѣе; но Куровъ говорилъ противное, и Царь велѣлъ заключить Посла Сибирскаго. Накопецъ, въ

1558 году, Едигеръ доставилъ въ Москву дань полную, съ увѣреніемъ, что будетъ впредь исправнымъ плательщикомъ ⁽⁴²³⁾.— Такимъ образомъ Россія открыла себѣ путь къ неизмѣримымъ пріобрѣтеніямъ на Сѣверѣ Азіи, неизвѣстномъ дотолѣ ни Историкамъ, ни Географамъ образованной Европы.

Сіе достопамятное время Іоаннова царствованія прославилось еще тѣснымъ союзомъ Россіи съ одною изъ знаменитѣйшихъ Державъ Европейскихъ, которая была внѣ ея политическаго горизонта, едва знала объ ней по слуху, и вдругъ, нечаянно, нашла доступъ къ самымъ отдаленнымъ, всѣхъ менѣе извѣстнымъ странамъ Государства Іоаннова, чтобы съ великою выгодною для себя дать намъ новыя средства обогащенія, новыя способы гражданскаго образованія. Еще Англія не была тогда первостепенною морскою Державою, но уже стремилась къ сей цѣли, соревнуя Испаніи, Португаліи, Венеціи и Генуѣ; хотѣла проложить путь въ Китай, въ Индію Ледовитымъ моремъ, и весною въ 1553 году, въ царствованіе юнаго Эдуарда VI, послала три корабля въ Океанъ Сѣверный. Начальниками ихъ были Гугъ Виллоби и Капитанъ Ченселеръ. Разлученные бурей, сіи корабли уже не могли соединиться; два изъ нихъ погибли у береговъ Россійской

Привы-
тіе Ан-
глій-
скихъ
кораб-
лей въ
Рос-
сію.

Лапландіи, въ пристани Арцивъ, гдѣ Гугъ Виллоби замерзъ со всѣми людьми своими: зимою, въ 1554 году, рыбаки Лапландскіе нашли сего мертваго, сидящаго въ шалашѣ за своимъ Журналомъ ⁽⁴²⁴⁾. Но Капитанъ Ченселеръ благополучно доплылъ до Бѣлаго моря; 24 Августа, 1553 года, вошелъ въ Двинскій заливъ и присталъ къ берегу, гдѣ былъ тогда монастырь Св. Николая, и гдѣ послѣ основанъ городъ Архангельскъ. Англичане увидѣли людей, изумленныхъ явленіемъ большаго корабля; свѣдали отъ нихъ, что сей берегъ есть Россійскій; сказали, что имѣютъ отъ Короля Англійскаго письмо къ Царю и желаютъ завести съ нами торговлю ⁽⁴²⁵⁾. Давъ имъ съѣстные припасы, начальники Двинской земли немедленно отравили гонца къ Іоанну, который тотчасъ помялъ важность сего случая, благопріятнаго для успѣховъ нашей торговли, — велѣлъ Ченселеру быть въ Москву и доставилъ ему всѣ возможныя удобства въ пути. Представленные Государю, Англичане съ удивленіемъ видѣли, по ихъ словамъ, *безпримѣрное* велелѣніе его Двора: ряды красивыхъ чиновниковъ, кругъ сановитыхъ Бояръ въ златыхъ одеждахъ, блестящій тронъ, и на немъ юнаго Самодѣржца въ блистательной коронѣ, окруженнаго величіемъ и безмолвіемъ ⁽⁴²⁶⁾. Ченселеръ подалъ слѣдующую грамоту Эдуардову, писанную на разныхъ языкахъ *ко всѣмъ Сѣвернымъ и Восточнымъ* Государямъ:

«Эдуардъ VI вамъ, Цари, Князья, Властители,

«судии земли, во всѣхъ странахъ подъ солн-
 «цемъ, желаетъ мира, спокойствія, чести, вамъ
 «и странамъ вашимъ! Господь всемогущій даро-
 «валъ человѣку сердце дружелюбное, да благо-
 «творитъ ближнимъ и въ особенности странни-
 «камъ, которые, прїѣзжая къ намъ изъ мѣстъ
 «отдаленныхъ, ясно доказываютъ тѣмъ превос-
 «ходную любовь свою къ братскому обществу.
 «Такъ думали отцы наши, всегда гостепріимные,
 «всегда ласковые къ иноземцамъ, требующимъ
 «покровительства. Всѣ люди имѣютъ право на
 «гостепріимство, но еще болѣе кунцы, презирая
 «опасности и труды, оставляя за собою моря и
 «пустыни, для того, чтобы благословенными
 «плодами земли своей обогатить страны дальнія
 «и взаимно обогатиться ихъ произведеніями:
 «ибо Господь вселенныя разсѣялъ дары Его бла-
 «гости, чтобы народы имѣли нужду другъ въ
 «другъ, и чтобы взаимными услугами утвржда-
 «лась пріязнь между людьми. Съ симъ намѣре-
 «ніемъ нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ
 «предпріяли дальнее путешествіе моремъ, и тре-
 «бовали отъ насъ согласія. Исполняя ихъ жела-
 «ніе, мы позволили мужу достойному, Гугу Бил-
 «лоби, и товарищамъ его, нашимъ вѣрнымъ
 «слугамъ, ѣхать въ страны, донынѣ неизвѣст-
 «ныя, и мѣняться съ ними избыткомъ: брать,
 «чего не имѣемъ, и давать, чѣмъ изобилуемъ,
 «для обоюдной пользы и дружества. И такъ мо-
 «лимъ васъ, Цари, Князья, Властители, чтобы
 «вы свободно пропустили сихъ людей чрезъ

«своей земли : ибо они не коснутся ничего безъ
«вашего дозволенія. Не забудьте челоуѣчества.
«Великодушно помогите имъ въ нуждѣ, и пріи-
«мите отъ нихъ, чѣмъ могутъ вознаградить
«васъ. Поступите съ ними, какъ хотите, чтобы
«мы поступили съ вашими слугами, если они
«когда-нибудь къ намъ заѣдутъ. А мы клянемся
«Богомъ, Господомъ всего сущаго на небесахъ,
«на землѣ и въ морѣ, клянемся жизнью и бла-
«гому нашего Царства, что всякаго изъ вашихъ
«сподданныхъ встрѣтимъ какъ единоплеменника
«и друга, изъ благодарности за любовь, которую
«окажете нашимъ. За сего молимъ Бога Все-
«держителя, да сподобитъ васъ земнаго долго-
«лѣтія и мира вѣчнаго. Даво въ Лондонѣ, нашей
«столицѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 5517,
«Царствованія нашего въ 7» (427).

Англичане, принятыя милостиво, обѣдали у
Государя въ Золотой Палатѣ, и съ новымъ
изумленіемъ видѣли пышность Царскую. Гости,
числомъ болѣе ста, ѣли и пили изъ золотыхъ
сосудовъ; одежда ста-пятидесяти слугъ также
сіяла золотомъ (428). — Послѣ сего Ченселеръ
имѣлъ переговоры съ Боярами, и былъ весьма
доволенъ оными. Его немедленно отпустили на-
задъ (въ Февралѣ 1554 года) съ отвѣтомъ Иоан-
новымъ. Царь писалъ къ Эдуарду, что онъ,
искренно желая быть съ нимъ въ дружбѣ, со-
гласно съ ученіемъ Вѣры Христіанской, съ пра-
вилами истинной науки государственной и съ
лучшимъ его разумѣніемъ, готовъ сдѣлать все

ему угодное ; что , принявъ ласково Ченселера, также же приметъ и Гуга Виллоби, если сей послѣдній будетъ у насъ; что дружба, защита, свобода и безопасность ожидаютъ Англійскихъ Пословъ и купцевъ въ Россіи ⁽⁴²⁹⁾. — Эдуарда не стало : Марія царствовала въ Англіи, и Ченселерь, вручивъ ей Іоаннову грамоту съ Шѣмцкимъ переводомъ, произвелъ своими вѣстями живѣйшую радость въ Лондонѣ. Всѣ говорили о Россіи какъ о *вновь открытой* землѣ; хотѣли знать ея любопытную Исторію, Географію, и немедленно составилось общество купцевъ для торговли съ нею. Въ 1555 году Ченселерь вторично отправился къ намъ на двухъ корабляхъ съ повѣренными сего общества, Греемъ и Киллингвортомъ ⁽⁴³⁰⁾, чтобы заключить торжественный договоръ съ Царемъ, коему Марія и супругъ ея, Филиппъ, письменно изъявили благодарность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Іоаннъ съ новою милостію принялъ Ченселера и его товарищей въ Москвѣ; обѣдая съ ними, обыкновенно сажалъ ихъ передъ собою; говорилъ ласково, и называлъ Королеву Марію любезнѣйшею сестрою. Учредилъ особенный Совѣтъ для разсмотрѣнія правъ и вольностей, коихъ требовали Англичане : въ немъ присутствовали и купцы Московскіе. Положили, что главная мѣна товаровъ будетъ въ Колмогорахъ, осенью и зимою; что цѣны остаются произвольными, но что всякіе обманы въ куплѣ судятся какъ уголовное преступленіе. Іоаннъ далъ наконецъ торговую

жалованную грамоту Англичанамъ, уставивъ въ ней, что они могутъ свободно купечествовать во всѣхъ городахъ Россіи, безъ всякаго стѣсненія, и не платя никакой пошлины — вездѣ жить, имѣть дома, лавки — нанимать слугъ, работниковъ и брать съ нихъ присягу въ вѣрности; что за всякую вину отвѣтствуетъ только виновный, а не общество; что Государь, какъ законный судія, имѣетъ право отнять у преступника честь и жизнь, но не касается имѣнія; что они изберутъ Старѣйшину для разбора ссоръ и тяжбъ между ими; что Намѣстники Государевы обязаны дѣятельно помогать ему въ случаѣ нужды для усмиренія ослушныхъ и давать орудія казни; что нельзя взять Англичанина подъ стражу, если Старѣйшина объявитъ себя его порукою; что Правительство немедленно удовлетворяетъ ихъ жалобамъ на Россіянъ и строго казнить обидчиковъ ⁽⁴³¹⁾. — Главными изъ товаровъ, привезенныхъ Англичанами въ Россію, были сукна и сахаръ. Купцы наши предлагали имъ 12 рублей (или гинеи) за половинку сукна и 4 алтына (или шиллинга) за фунтъ сахару; но сія цѣна казалась для нихъ низкою ⁽⁴³²⁾.

Съ того времени пристань Св. Николая — гдѣ, кромѣ бѣднаго, уединеннаго монастыря, было пять или шесть домиковъ — оживилась и сдѣлалась важнымъ торговымъ мѣстомъ. Англичане построили тамъ особенный, красивый домъ, а въ Колмогорахъ нѣсколько обширныхъ дворовъ для складки товаровъ. Имъ дали землю, огоро-

ды, луга. — Между тѣмъ, надѣясь открыть путь чрезъ Ледовитое море въ Китай, Капитанъ ихъ, Стефанъ Борро, отъ устья Двины доходилъ до Новой Земли и Вайгача, во утрашенный бурями и ледяными громадами, въ исходѣ Августа мѣсяца возвратился въ Колмогоры.

Въ 1556 году Ченселеръ отплылъ въ Англію съ четырьмя, богато нагруженными кораблями и съ Посланникомъ Государевымъ, Іосифомъ Пенѣю Вологжанин^{омъ} (433). Счастіе, доголѣ всегда благопріятное сему искусному мореплавателю, измѣнило ему : буря разсѣяла его корабли; только одинъ изъ нихъ вошелъ въ пристань Лондонскую. Самъ Ченселеръ утонулъ близъ Шотландскихъ береговъ; спасли только Посланника Іоаннова, который, лишась всего, былъ осыпанъ въ Лондонѣ дарами и ласками. Знатные сановники государственные и сто-сорокъ купцевъ со множествомъ слугъ, въ на прекрасныхъ лошадяхъ, въ богатой одеждѣ, выѣхали къ нему на встрѣчу. Онъ сѣлъ на коня, великолѣпно украшеннаго, и окруженный Старѣйшими кунечества, въѣхалъ въ городъ. Любопытные жители Лондонскіе тѣнились въ улицахъ, привѣтствуя Посланника громкими восклицаніями. Ему отвели одинъ изъ лучшихъ домовъ, гдѣ богатство уборовъ отвѣчало роскоши еже-

Посолъ
въ Ан-
глію.

дневнаго угощенія ; угадывали, предупреждали всякое желаніе гостя ; то звали его на пирѣ, то водили обозрѣвать всѣ достопамятности Лондона , дворцы , храмъ Св. Павла , Вестминстеръ , крѣпость , ратушу. Принятый Маріею съ отмѣннымъ благоволеніемъ, Пепѣя въ торжественный день Ордена Подвязки сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ близъ Королевы. Нигдѣ не оказывалось такой чести Русскому имени. Сей незнатный , но достойный представитель Іоаннова лица умѣлъ заслужить весьма лестный отзывъ Англійскихъ Министровъ : они донесли Королевѣ, что его умъ въ дѣлахъ равняется съ его благородною важностію въ поступкахъ ⁽⁴³⁴⁾. Вмѣстѣ съ грамотою Царскою вручивъ Маріи и Филиппу нѣсколько соболей, Пепѣя сказалъ, что богатѣйшіе дары Іоанновы во время Ченселерова кораблекрушенія были расхищены Шотландцами. Королева послала къ Царю самыя лучшія произведенія Англійскихъ суконныхъ фабрикъ, блестящій доспѣхъ, льва и львицу ⁽⁴³⁵⁾; а Старѣйшины Россійскаго торговаго общества, въ послѣдній разъ великолѣпно угостивъ Пепѣю въ залѣ Лондонскихъ суконниковъ, объявили, что не Дворъ, не Казна , но ихъ общество взяло на себя всѣ издержки, коихъ требовало его пребываніе въ Англіи, и что они сдѣлали то съ живѣйшимъ удовольствіемъ, въ знакъ своей добросердечной , ревностной , *нѣжной* дружбы къ нему и къ Россіи ⁽⁴³⁶⁾. Опъ получилъ отъ нихъ въ даръ золотую цѣпь во сто фунтовъ

Стерлиговъ и пять драгоцѣнныхъ сосудовъ; возвратился на Англійскомъ кораблѣ въ Сентябрѣ 1557 года и привезъ въ Москву ремесленниковъ, рудоконовъ и Медиковъ, въ числѣ коихъ былъ искусный Докторъ Стендипъ. Такъ Россія пользовалась всякимъ случаемъ заимствовать отъ иноплеменъ пужибѣйшее для ея гражданскаго образованія.

Съ удовольствіемъ читая ласковыя письма Маріи и Филиппа, которые именовали его въ оныхъ *великимъ Императоромъ*; слыша отъ Непіи, сколько чести и пріязни оказали ему въ Лондонѣ и Дворъ и народъ, Іоаннъ обходился съ Англичанами какъ съ любезнѣйшими гостями Россіи; велѣлъ отвести имъ дома во всѣхъ торговыхъ городахъ, въ Вологдѣ, въ Москвѣ, и лично привѣтствовалъ ихъ столь мѣлостиво, что они не могли безъ чувства живѣйшей благодарности писать о томъ къ своимъ Лондонскимъ знакомцамъ. Главный начальникъ Англійскихъ кораблей, прибывшихъ въ 1557 году къ устью Двины, Антоній Дженкинсонъ, ѣздивъ изъ Москвы въ Астрахань, чтобы завести торговлю съ Персіею: изъявляя совершенную довѣренность къ видамъ Лондонскаго купечества, Государь обѣщалъ доставить оному все способы для сего дальняго переноса товаровъ. — Однимъ словомъ, связь наша съ Британіею, основываясь на взаимныхъ выгодахъ безъ всякаго опаснаго совмѣстничества въ Политикѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, слу-

жила доказательствомъ мудрости Царя и придала новый блескъ его царствованію.— Открытіемъ Англичанъ немедленно воспользовались и другіе купцы Европейскіе: изъ Голландіи, изъ Брабанта начали приходить корабли къ сѣвернымъ берегамъ Россіи и торговать съ нею въ Корельскомъ устьѣ: что продолжалось отъ 1555 до 1557 года (⁴³⁷).

Сии достопамятныя провешествія были единственнымъ предметомъ Іоанновой дѣятельности. Усмиряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персіи, а торговлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россія воевала и съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и съ Швеціею, и съ Ливоніею, неусыпно наблюдая Литву.

Для
Крым-
скія.

Совершенное паденіе Казанскаго Царства приводило въ ужасъ Тавриду: Девлетъ-Гирей, кипя злобою, хотѣлъ бы поглотить Россію; но чувствовалъ нашу силу, ждалъ времени, манилъ Іоанна мирными обѣщаніями и грозилъ нападеніемъ. Въ 1553 году Царь стоялъ съ полками въ Коломнѣ, ожидая Хана (⁴³⁸); но Ханъ прислалъ въ Москву грамоту шертную: соглашаясь быть намъ другомъ, онъ требовалъ богатыхъ даровъ, и называлъ Іоанна только Великимъ Княземъ. Государь писалъ ему въ отвѣтъ, что мы не покупаемъ дружбы, и скромно извѣстилъ его о взятіи Астрахани.

Тогда нѣкоторые изъ Думныхъ Совѣтниковъ предлагали Государю довершить великое дѣло славы, безопасности, благодѣствія нашего завоеваніемъ послѣдняго Царства Батыева ⁽⁴³⁹⁾; и если бы онъ исполнилъ ихъ совѣтъ, то предупредилъ бы двумя вѣками знаменитое дѣло Екатерины Второй: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ бы противиться успіямъ Россіи, которая уже стояла пятою на двухъ, лежащихъ предъ нею Царствахъ, и смотрѣла на третіе какъ на легкую добычу: двѣсти тысячъ побѣдителей ⁽⁴⁴⁰⁾ готовы были ударить на гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Есть время для завоеваній: оно проходить, и долго не возвращается. Но сія мысль казалась еще дерзкою: путь къ Крыму еще ни былъ знакомъ войску; степи, даль, трудность продовольствія устрашали. Сверхъ того Іоаннъ опасался раздражить Султана, верховнаго Властителя Тавриды, съ коимъ мы находились въ дружественныхъ сношеніяхъ: возбуждая противъ насъ Князей Ногайскихъ ⁽⁴⁴¹⁾, онъ тайно свою неприязнь и въ знакъ уваженія Письмо
Султану
Ново. писалъ золотыми буквами къ Іоанну, именовавъ его Царемъ счастливымъ и Правителемъ мудрымъ; напомнилъ ему о старой любви, и присылалъ въ Москву купцовъ за товарами ⁽⁴⁴²⁾. Еще и другая мысль скло-

няла Государя щадить Тавриду : онъ надѣялся, подобно своему дѣду, употреблять ея Хановъ въ орудіе нашей Политики, чтобы вредить или угрожать Литвѣ. Уже опыты доказывали надежность сего орудія ; но мы хотѣли новыхъ опытовъ , чтобы удостовѣриться въ необходимости истребленія варваровъ , и оставили въ ихъ рукѣ огонь и мечъ на Россію !

Видя ложь, обманы Девлетъ-Гирея , и свѣдавъ , что онъ идетъ воевать землю Пятигорскихъ Черкесовъ , нашихъ друзей, Государь (въ Іюнѣ 1555 года) послалъ Воеводу Ивана Шереметева изъ Бѣлева Муравскою дорогою съ тринадцатю тысячами Дѣтей Боярскихъ , Стрѣльцовъ и Козаковъ въ Мамаевы Луга , къ Перекопи , чтобы отогнать стада Хаяскія ⁽⁴⁴³⁾. Но Девлетъ-Гирей отъ Изюмскаго Кургана своротилъ влѣво , и вдругъ устремился къ предѣламъ Россіи , имѣя тысячъ шестьдесятъ войска. Шереметевъ , находясь близъ Святыхъ Горъ и Допца , открылъ сіе движеніе непріятеля , увѣдомилъ Государя и пошелъ въ слѣдъ за Ханомъ , къ Тулѣ. Самъ Іоаннъ немедленно выступилъ изъ Москвы съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ , Царемъ Казацкимъ Симеономъ , со всѣми Воеводами и Дѣтьми Боярскими ; уже не хотѣлъ , какъ бывало въ старину , ждать Крымцевъ на Окѣ , но спѣшилъ встрѣ-

Виде-
н і е
Крым-
цевъ.

титъ ихъ далѣе въ полѣ. Девлетъ-Гирей былъ между двумя войсками и не зналъ того. Нескромность Дьяковъ Государевыхъ спасла его отъ гибели: они писали изъ Москвы къ Намѣстникамъ Украинскимъ, что Ханъ въ сѣтяхъ; что спереди Царь, сзади Шереметевъ въ одно время ствснутъ, истребятъ непріятеля. Намѣстники разгласили счастливую вѣсть, которая дошла и до Хана, чрезъ жителей, захваченныхъ Крымцами (⁴⁴⁴). Въ ужасѣ онъ рѣшился бѣжать. Между тѣмъ мужественный, дѣятельный Шереметевъ взялъ обозъ Девлетъ-Гиреевъ, 60,000 коней, 200 аргамаковъ, 180 вельблюдовъ; отиравилъ сію добычу во Мценскъ, въ Рязань; остался только съ семью тысячами воиновъ; во 150 верстахъ отъ Тулы, на Судбищахъ, встрѣтилъ всю непріятельскую силу и не уклонился отъ битвы: сломилъ передовой полкъ, отпалъ знамя Ширинскихъ Князей и ночевалъ на мѣстѣ сраженія. Къ Хану привели двухъ плѣнниковъ (⁴⁴⁵): ихъ пытали; одинъ молчалъ, а другой не вынесъ мукъ и сказалъ ему о маломъ числѣ Россіянъ. Опасаясь нашего главнаго войска, но стыдясь уступить побѣду горсти отважныхъ витязей, Девлетъ-Гирей утромъ возобновилъ нападеніе всѣми полками. Бились часовъ восемь, и Россіи не нѣсколько разъ видѣли тылъ непріятеля; одни Янычары Султановы стояли крѣико, берегли Хана и снаряды огнестрѣльный. Къ несчастію, Герой Шереметевъ былъ раненъ: другіе Воеводы не имѣли его духа; успія наши осла-

бѣли, а періятель удвоилъ свои. Россіи не смѣшались; искали спасенія въ бѣгствѣ. Тутъ мужественные чиновники, Алексѣй Басмановъ и Стефанъ Сидоровъ, ударили въ бубны, затрубили въ трубы, остановили бѣгущихъ, и засѣли съ двумя тысячами въ буеракъ: Ханъ трижды приступалъ, не могъ одолѣть ихъ, и боясь терять время, на закатѣ солнца ушелъ въ степи.

Государь приближался къ Тулѣ, когда донесли ему, что Шереметевъ разбитъ, и что Ханъ будто бы идетъ къ Москвѣ съ несмѣтною силою. Люди боязливые совѣтовали Царю идти назадъ за Оку, а смѣлые впередъ: онъ послушался смѣлыхъ и вступилъ въ Тулу, куда прибыли Шереметевъ, Басмановъ, Сидоровъ съ остаткомъ своихъ воиновъ. Узнавъ, что Ханъ спѣшитъ къ предѣламъ Тавриды, и что нельзя догнать его, Іоаннъ возвратился въ Москву. Онъ милостиво награждалъ всѣхъ усердныхъ подвижниковъ Шереметева, не побѣдителей, но ознаменованныхъ славою отчаянной битвы. Многие изъ нихъ умерли отъ ранъ, и въ томъ числѣ храбрый Восвода Сидоровъ, уязвленный пулею и конемъ: отслуживъ Царю, онъ скинулъ съ себя обогранный кровію доспѣхъ и скончался въ маѣтѣи Схиямика (446).

Война
Швед-
ская.

Въ сіе время Іоаннъ долженъ былъ обратить вниманіе на Швецію. Густавъ

База, съ безпокойствомъ видя возрастающее могущество Россіи, старался тайно вредить ей: спосился съ Королемъ Польскимъ, съ Ливонією, съ Герцогомъ Прусскимъ, съ Давією, чтобъ общимъ усиліемъ Сѣверныхъ Держакъ противиться опасному Іоаннову властолюбію; и встревоженный нашею выгодною торговлею съ Англичанами, убѣждалъ Королеву Марію запретить оную, какъ несогласную съ благосостояніемъ Швеціи и дающую новыя средства избытка, новую силу естественнымъ врагамъ ея ⁽⁴⁴⁷⁾. Не смотря на то, ни Густавъ, ни Царь не хотѣлъ кровопролитія: первый чувствовалъ слабость свою, а послѣдній не имѣлъ никакихъ видовъ на завоеванія въ Швецію. Но споры о неясныхъ границахъ произвели войну. Ссылаясь на старый договоръ Короля Магнуса съ Новгородцами ⁽⁴⁴⁸⁾, Россіяне считали рѣку Саю и Сестру предѣломъ обѣихъ Державъ: Шведы выходили за сей рубежъ; ловили рыбу, косили сѣно, пахали землю въ нашихъ владѣніяхъ; именовали Сестру совсѣмъ иную рѣку, и не слушали никакихъ возраженій ⁽⁴⁴⁹⁾. Россіяне жгли ихъ нивы, а Шведы жгли наши села, умертвивъ нѣсколько Боярскихъ Дѣтей и посадивъ одного изъ нихъ на колъ; отняли у насъ также нѣсколько поговъ въ Лапландіи и хотѣли разорить тамъ уединенный монастырь Св. Николая на Печенгѣ, противъ *Варсава* ⁽⁴⁵⁰⁾. Новгородскій Намѣстникъ, Князь Димитрій Палецкій, отправилъ къ Королю Густаву сановника Никиту Кузмина: его

задержали въ Стокгольмѣ какъ лазутчика по ложному донесенію Выборгскаго начальника ⁽⁴⁵¹⁾, и Густавъ не далъ отвѣта Князю Палецкому, желая объясниться письменно съ самимъ Царемъ. Жители Новгородской области вооруженною рукою заняли нѣкоторые спорныя мѣста: Шведы побили ихъ на голову. Еще съ обѣихъ сторонъ предлагали дружески изслѣдовать взаимныя неудовольствія; назначили время и мѣсто для съѣзда повѣренныхъ: Шведскіе не явились. Государь велѣлъ Князю Ногтеву и Воеводамъ Новгородскимъ защитить границу; а Густавъ, опасаясь нападенія, самъ пребылъ въ Финляндію единственно для обороны. Но Адмиралъ его, Іоаннъ Багге, пылая ревностію отличить себя подвигомъ славы, убѣждалъ Короля предупредить насъ; отвѣтствовалъ ему за успѣхъ; донесъ, что слухъ носится о внезапной кончинѣ Царя; что Россія въ смятеніи; что онъ надѣется собрать двадцать тысячъ воиновъ и проникнуть съ ними въ средину ея владѣній ⁽⁴⁵²⁾. Старецъ Густавъ, имъ обольщенный, согласился дѣйствовать наступательно; а Багге немедленно осадилъ Нотебургъ, или Орѣшекъ, съ конницею, нѣхотою со многими вооруженными судами: громилъ стѣны изъ пушекъ и жегъ наши селенія. Россіяне взяли мѣры: крѣпость оборонялась сильно; съ одной стороны Князь Ногтевъ, съ другой Дворецкій Симеонъ Шереметевъ тѣснили непріятеля, разбивали его отряды, хватали кормовщиковъ, брали суда. Настаза осень, и Багге,

потерявъ не мало людей въ теченіе мѣсяца, возвратился въ Финляндію, хвалясь единственно тѣмъ, что Россіяне не могли преградить ему пути, и что онъ вездѣ мужественно отражалъ ихъ.

Зимою собралось многочисленное войско въ Новѣгородѣ; а Царь оказывалъ еще миролюбіе: Воеводы Московскіе писали къ Королю, что онъ, безсовѣстно нарушивъ перемиріе, будетъ виновникомъ ужаснаго кровопролитія, если въ теченіе двухъ недѣль самъ не выѣдетъ къ нимъ на границу или не пришлетъ Вельможъ для разсмотрѣнія обоюдныхъ неудовольствій и для казни обидчиковъ. Въето Густава отвѣтствовали Выборгскіе чиновники, что Адмиралъ Багге началъ войну безъ Королевскаго повелѣнія; что Шведы, доказавъ Россіянамъ свое мужество, готовы возобновить старую дружбу съ ними. Но сей отвѣтъ казался неудовлетворительнымъ: Воеводы, Князья Петръ Щепятевъ и Дмитрій Палецкій, съ Астраханскимъ Царевичемъ Кайбулою вступили въ Финляндію: взяли въ оставленномъ Шведами городкѣ Кивенѣ семь пушекъ, сожгли его, и за пять верстъ отъ Выборга встрѣтили непріятеля, который, смявъ ихъ передовые отряды, расположился на горѣ. Мѣсто давало ему выгоду: Іоанновы искусные Воеводы обошли его, напали съ тылу, — рѣшили побѣду и плѣнили знатнѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ ⁽⁴³³⁾, Шведы заключились въ Выборгѣ: три дни стрѣлявъ по городу, Россіяне не могли сбить крѣпкихъ стѣнъ; опустошили берега Воксы, разори-

ав Нейшлотъ, и вывели множество плѣнниковъ. Лѣтописецъ говоритъ, что они продавали человека за гривну, а дѣвку за пять алтынъ. — Иоаннъ былъ доволенъ Воеводами; послалъ въ даръ Ногайскому Князю Исмаилу нѣсколько Шведскихъ доспѣховъ и писалъ къ нему: «Вотъ «новые трофеи Россіи! Король *Пѣмецкій сгру-*
«билъ намъ: мы побили его людей, взяли города,
«истребили селенія (451). Такъ казимъ враговъ:
«будь намъ другомъ!»

Густавъ, отъ самой юности примѣръ благоразумія между Вѣщеносцами, ибо умѣлъ быть Героемъ безъ воинскаго славолубія, и великодушно избавивъ отечество отъ ноземнаго тирана, хотѣлъ всегда мира, тишины, благоденствія — Густавъ на старости могъ винить себя въ ошибкѣ легкомыслія: видѣлъ, что Швеція безъ союзниковъ не въ силахъ бороться съ Россією, и прислалъ сановника Канута въ Москву. Онъ писалъ къ Иоанну учтиво, дружелюбно, требуя мира, обвиняя бывшаго Новгородскаго Намѣстника, Князя Палецкаго (тогда смѣненнаго), и доказывая, что не Шведы, а Россіяне начали войну (455). Канутъ представилъ дары Густавовы: десять *Шведскихъ лисицъ*, и хотя былъ Посланникомъ недруга, однакожь имѣлъ честь обѣдать съ Государемъ, ибо сей недругъ уже просилъ мира (456). Отвѣтствуя Густаву, Царь не соглашался съ нимъ въ причинахъ войны, но соглашался въ желаніи прекратить ее. «Твои люди» — писалъ онъ — «дѣлали ужасныя невестовства въ

«Корельской землѣ нашей: не только жгли,
«убивали, но и ругались надъ церквами,
«снямали кресты, колокола, иконы. Жите-
«ли Повогородскіе требовали отъ меня *боль-*
«*шихъ полковъ*, Московскихъ, Татарскихъ,
«Черемисскихъ и другихъ; Воеводы мои
«пылали петерѣвнѣмъ идти къ Абову, къ
«Стокгольму: мы удержали ихъ, ибо не лю-
«бимъ кровопролитія. Все зло произошло
«отъ того, что ты по своей гордости не хо-
«тѣлъ споспѣть съ Повогородскими На-
«мѣстниками, знаменитыми Боярами Вели-
«каго Царства. Если не знаешь, каковъ
«Новгородъ, то спроси у своихъ купцевъ:
«они скажутъ тебѣ, что его пригороды бо-
«лѣе твоего Стокгольма ⁽⁴⁵⁷⁾. Оставь над-
«менность, и будемъ друзьями.» Густавъ
оставилъ ее: Послы его, Совѣтникъ Госу-
дарственный Стенъ Эриксоуъ, Архіепи-
скопъ Упсальскій Лаврентій, Епископъ
Абовскій Михаилъ Агриккола, и Королев-
скій Печатникъ Олофъ Ларсонъ въ Февралѣ
1557 года пріѣхали въ Москву на 150 подво- г. 1557.
дахъ, жили на Дворѣ Литовскомъ какъ бы
въ заключеніи, не могли никого видѣть
кромѣ Царскихъ чиновниковъ, поднесли
Іоанну серебряный кубокъ съ часами ⁽⁴⁵⁸⁾,
обѣдали у него въ Грановитой Палатѣ и
должны были принять всѣ условія, имъ
объявленные. О рубежѣ не спорили: воз-
обновили старый; но Послы долго требо-

вали, чтобы мы освободили безденежно всѣхъ плѣнниковъ Шведскихъ, и чтобы Король имѣлъ дѣло единственно съ Царемъ. Бояре отвѣчали :

1) «Вы, какъ виновные, обязаны безъ выкупа «отпустить Россіянъ, купцевъ и другихъ, вами «захваченныхъ; а мы, какъ правые, дозволяемъ «вамъ выкупить Шведскихъ плѣнниковъ, у кого «ихъ найдете, если они не приняли нашей Вѣры.

«2) Не безчестіе, а честь Королю имѣть дѣло съ «Новгородскими Намѣстниками. Знаете ли, кто «они? Дѣти или внучата Государей Литовскихъ, «Казанскихъ или Россійскихъ ⁽¹⁵⁹⁾. Пыльшій «Намѣстникъ, Князь Глинскій, есть племянникъ «Михаила Львовича Глинскаго, столь знаменита- «го и славнаго въ земляхъ Нѣмецкихъ. Скажемъ «вамъ также не въ укоръ, но единственно въ раз- «судъ: кто Государь вашъ? Вѣщепосецъ, прав- «да; но давно ли еще торговалъ волами? И въ «самомъ великомъ Монархѣ смиреніе лучше над- «менности.» Послы уступили: за то Бояре, же- «лая изъяснить происхожденіе, согласились не име- «новать Короля въ договорѣ клятвопреступни- «комъ! Написали въ Москвѣ перемирную грамоту на сорокъ лѣтъ и велѣли Новгородскимъ На- «мѣстникамъ скрѣпить ее своими печатями ⁽¹⁶⁰⁾. Между тѣмъ Посламъ оказывалась честь, ка- «кой ни отецъ, ни дѣдъ Иоанновъ никогда не «оказывалъ Шведскимъ: ихъ встрѣчали и прово- «жали во дворцѣ знатные саповники ⁽¹⁶¹⁾; угощали на золотъ, пышно и великолѣпно. Въмѣсто дара Государь прислалъ къ нимъ двадцать освобож-

денныхъ Финляндскихъ плѣнниковъ (462). Историкъ Швеціи рассказываетъ, что Іоаннъ желалъ слышать богословское прѣвіе Архіепископа Упсальскаго съ нашимъ Митрополитомъ: выбралъ для того Греческій языкъ; но переводчикъ, не разумѣя смысла важнѣйшихъ словъ, толковалъ оныя столь нелѣпо, что Государь велѣлъ прекратить сей разговоръ, въ знакъ благоволенія надѣвъ золотую цѣпь на грудь Архіепископа (463).

Въ сей кратковременной Шведской войнѣ Король Августъ и Магистръ Ливонскій естественно доброжелательствовали Густаву; обѣщались и помогать ему, но оставались спокойными зрителями. Первый только ходатайствовалъ за него въ Москвѣ, убѣждая Іоанна не тѣснить Швеціи, которая могла бы вмѣстѣ съ Польшею дѣйствовать противъ невѣрныхъ (464). «Я не тѣспю никого,» писалъ Государь въ отвѣтъ Августу: «имѣю Царство обширное, которое съ времени Рюрика до моего непрестанно увеличивается; завоеванія не льстятъ меня, но стою за честь.» Возобновивъ перемиріе съ Литвою до 1562 года (465), Іоаннъ соглашался заключить и вѣчный миръ съ нею, если Августъ признастъ его Царемъ; но Король упрямился, отвѣтствуя, что не любитъ новостей; что сей титулъ принадлежитъ одному Нѣмецкому Импера-

Сноше-
нія съ
Лит-
вою.

тору и Султану. Бояре наши явили его Посланъ грамоты Папы Климента, Императора Максимиліана, Султановы, Государей Испанскаго, Шведскаго, Датскаго, которые именовали еще дѣда, отца Іоаннова Царемъ; явили и новѣйшую грамоту Королевы Англіійской: ничто не убѣдило Августа. Казалось, что онъ страшился титула болѣе, нежели силы Государя Россійскаго. Іоаничъ торжественно увѣдомилъ его о завоеваніи Астрахани: Король изъявилъ ему благодарность, и писалъ, что радуется его побѣдамъ надъ невѣрными! Такое увѣреніе было одною учтивостію; но разбой Хана Девлетъ-Гирея, не щадившаго и Литвы, могли бы склонить сіи два Государства къ искреннему союзу, если бы не встрѣтились новыя, важныя противности въ ихъ выгодахъ.

Послѣднее впаденіе въ наши предѣлы дорого стоило Хану, который лишился не только обоза, но и зпатной части войска въ битвѣ съ Шереметевымъ ⁽⁴⁰⁶⁾. Не смотря на то, онъ хвалился побѣдою и снова ополчался. Козаки подъ начальствомъ Дьяка Ржевскаго стерегли его между Днѣпромъ и Дономъ ⁽⁴⁶⁷⁾: они извѣстили Государя (въ Маѣ 1556), что Ханъ расположился станомъ у Конскихъ Водъ и мѣтитъ на Тулу или Козельскъ. Въ нѣсколько дней собралось войско: Царь осмотрѣлъ

его въ Серпуховѣ и хотѣлъ встрѣтить не-
пріятеля за Тулою ⁽⁴⁶⁸⁾; но узнавъ, что вся
опасность миновалась. Смѣлый Дьякъ Ржев-
скій, приманивъ къ себѣ триста Мало-
россійскихъ Литовскихъ Козаковъ съ Ата-
манами Млынскимъ и Есковичемъ, уда-
рилъ на Исламъ-Кирмень, на Очаковъ;
шесть дней бился съ Ханскимъ Калгою ⁽⁴⁶⁹⁾,
умертвилъ множество Крымцевъ и Тур-
ковъ, отогналъ ихъ табуны, вышелъ съ
добычею и принудилъ Девлетъ-Гирея спѣ-
шить назадъ для защиты Крыма, гдѣ,
сверхъ того, свирѣпствовали смертонос-
ныя болѣзни. Въ сіе же время, къ удоволь-
ствію Государя, предложилъ ему свои
услуги одинъ изъ знатнѣйшихъ Князей
Литовскихъ, потомковъ Св. Владимира:
Дмитрій Вишневецкій, мужъ ума пылкаго,
отважный, искусный въ ратномъ дѣлѣ.
Бывъ любимымъ вождемъ Днѣпровскихъ
Козаковъ и начальникомъ Канева, онъ ску-
чалъ мирною системою Августа; хотѣлъ
подниговъ, опасностей, и прельщенный
славою нашихъ завоеваній, воскипѣлъ рев-
ностію мужествовать подъ знаменами свое-
го древняго отечества, коему Провидѣніе
явно указывало путь къ необыкновенному
величію. Вишневецкій стыдился предстать
Іоанну въ видѣ бѣглеца: вышелъ изъ
Литвы со многими усердными Козаками,
занялъ островъ Хортицу близъ Днѣпров-

Напа-
девіе
Дьяка
Ржев-
ского
на По-
лаву-
Кир-
менъ.

Князь
Вишне-
вецкій
всту-
паетъ
въ слу-
жбу къ
Царю,
и бе-
ретъ
Хорти-
цу.

Завое-
ваніе
Темрю-
ка и Та-
мана.

Морз-
ва Но-
гай-
скихъ
Крым-
скихъ
Улу-
совъ.

скаго устья, противъ Конскихъ Водъ ⁽⁴⁷⁰⁾; сдѣлалъ крѣпость, и писалъ къ Государю, что не требуетъ у него войска: требуетъ единственно чести именоваться Россіяниномъ, и запретъ Хана въ Тавридѣ, какъ въ вертепѣ. Обнадеженный Іоанномъ въ милости, сей удалецъ сжегъ Исламъ-Кирмень, вывезъ оттуда пушки въ свою Хортицкую крѣпость, и славно отразилъ всѣ нападенія Хана, который 24 дни безъ успѣха приступалъ къ его острову. Съ другой стороны Черкесскіе Князья именемъ Россіи овладѣли двумя городками Азовскими, Темрюкомъ и Таманомъ, гдѣ было наше древнее Тматороканское Княженіе ⁽⁴⁷¹⁾. Девлетъ-Гирей трепеталъ; думалъ, что Ржевскій, Вишневецкій и Князья Черкесскіе составляютъ только передовой отрядъ вашего главнаго войска; ждалъ самого Іоанна, просилъ у него мира, и въ отчаяніи писалъ къ Султану, что все погибло, если онъ не спасетъ Крыма. Никогда — говорятъ современный Историкъ ⁽⁴⁷²⁾ — не бывало для Россіи удобнѣйшаго случая истребить остатки Моголовъ, явно караемыхъ тогда гнѣвомъ Божіимъ. Улусы Ногайскіе, прежде многочисленные, богатые, опустѣли въ жестокую зиму 1557 года; скотъ и люди гибли въ степяхъ отъ неспосаго холода. Нѣкоторые Мурзы искали убѣжища въ Тавридѣ, и нашли въ ней язву

съ голодомъ, произведеннымъ чрезвычай-
ною засухою. Едва ли 10,000 исправныхъ
конныхъ воиновъ оставалось у Хана; еще
менѣе въ Ногаяхъ. Къ сему бѣдствію
присоединилось междоусобіе. Въ Ногай-
ской Ордѣ Улусы возставали на Улусы.
Въ Тавридѣ Вельможи хотѣли убить Дев-
летъ-Гирея, чтобы объявить Царемъ Тох-
тамыша, жившаго у нихъ Астраханскаго
Царевича, брата Шигъ-Алесева. Заговоръ
открылся: Тохтамышъ бѣжалъ въ Россію,
и могъ основательно извѣстить Государя о
слабости Крыма (473).

Но мы — по мнѣнію Историка, знамени-
таго Курбскаго — не слѣдовали указанію
перста Божія, и дали оправиться невѣр-
нымъ. Вишневецкій не удержался на Хор-
тицѣ, когда явились многочисленныя дру-
жины Турецкія и Волошскія. прислапныя
къ Девлетъ-Гирею Султаномъ: истощивъ
силы и запасы, оставилъ свою крѣпость,
удалился къ предѣламъ Литовскимъ, и за-
нявъ Черкасы, Каневъ, гдѣ жителя любилъ
его, написалъ къ Ивану, что, будучи сно-
ва готовъ идти на Хана, можетъ оказать
Россіи еще важнѣйшую услугу покореніемъ
ся скипетру всѣхъ южныхъ областей Днѣ-
провскихъ. Предложеніе было лестно; но
Государь не хотѣлъ нарушить утвержден-
наго съ Литвою перемпрія: велѣлъ возвра-
тить Черкасы и Каневъ Августу, призывалъ

Усердію
Вишне-
вецка-
го.

Винишневцаго въ Москву и далъ ему въ по-
мѣстѣ городъ Бѣлевъ со многими богаты-
ми волостями, чтобы имѣть въ немъ стра-
жилице какъ для Хана, такъ и для Короля
Польскаго (174). — Между тѣмъ Девлетъ-
Гирей отдохнулъ. Хотя опъ все еще изъъяв-
лялъ желаніе быть въ мирѣ съ Россією;
г. 4558. хотя съ честію отпустилъ нашего Посла
Загряжскаго, державъ его у себя пять лѣтъ
какъ плѣнника; доставилъ и союзную гра-
моту Іоанну, обязываясь, въ знакъ ис-
кренней къ намъ дружбы, воевать Литву:
однакожь предлагалъ условія гордыя и тре-
бовалъ дани, какую присылалъ къ нему Си-
гизмундъ и Августъ (175). «Для тебя» — го-
ворилъ Девлетъ-Гирей — «разрываю со-
юзъ съ Литвою: слѣдственно ты долженъ
«вознаградить меня.» Сыновья его дѣйстви-
тельно грабили тогда въ Вольшин и въ По-
долія, къ изумленію Августа, считавшаго
себя ихъ другомъ. Они искали легкой до-
бычи и находили ее въ сихъ плодородныхъ
областяхъ, гдѣ Королевскіе Паны гордо
хвалились мужествомъ на пирахъ и мало-
душно бѣгали отъ разбойниковъ, не умѣя
оберегать земли (176). Узнавъ о томъ, Го-
сударь созвалъ Бояръ: всѣ думали, что
требованіе вѣроломнаго Девлетъ-Гирея не
достойно вниманія; что надобно воспользо-
ваться симъ случаемъ и предложить Авгу-
сту союзъ противъ Хана. Снова послали

Князя Вишневецкаго на Диѣпръ; дали ему 5000 Жвльцовъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Козаковъ; велѣли имъ соединиться съ Князьями Черкесскими и вмѣстѣ воевать Тавриду (¹⁷⁷⁷); а къ Королю написалъ Іоаннъ, что онъ беретъ живѣйшее участіе въ бѣдствіи, претерпѣнномъ Литвою отъ гибельнаго набѣга Крымцевъ; что время имъ обоимъ вразумиться въ истинную пользу ихъ Державъ и общими силами сокрушить злодѣевъ, живущихъ обманами и грабежемъ; что Россія готова помогать ему въ томъ усердно всѣми давными ей отъ Бога средствами. Сіе предложеніе столь радостно удивило Короля, Вельможъ, народъ, связанный съ нами узами единокровія и Вѣры, что Посланника Московскаго носили на рукахъ въ Литвѣ, какъ вѣстника тишины и благоденствія для ея гражданъ, которые всегда ужасались войны съ Россіею. Честили его при Дворѣ, въ знатныхъ домахъ; славили умъ, великодушіе Іоанна. Августъ въ знакъ искренней любви освободилъ нѣсколько старыхъ плѣнниковъ Московскихъ и прислалъ своего Конюшаго Вилепскаго, Яна Волчкова, изъявить живѣйшую благодарность Государю, обѣщаясь немедленно выслать и знатнѣйшихъ Вельможъ въ Москву для заключенія мира вѣчнаго и союза. Съ обѣихъ сторонъ говорили съ жаромъ о Христіанскомъ братствѣ; воспоминали

Пред-
ложеніе
союза
Литвѣ.

судьбу Греціи, жертвы бывшаго между Европейскими Державами несогласія; хотѣли вмѣстѣ унять Хаана и противиться Туркамъ (478). — Сіе обоюдное доброе расположение исчезло какъ мечта: дѣла снова запутались, и древняя взаимная ненависть, между нами и Литвою, воспрянула.

Дѣла
Ливон-
скія.

Випною тому была Ливонія. Съ 1503 года мы не имѣли съ нею ни войны, ни твердаго мира; возобновляли только перемиріе и довольствовались единственно купеческими связями. Съ ревностію предпріявъ возвеличить Россію не только побѣдами, но и внутреннимъ гражданскимъ образованіемъ, дающимъ новыя силы Государству, Іоаннъ съ досадою видѣлъ недоброжелательство Ливонскаго Ордена, который заграждалъ путь въ Москву не только людямъ искуснымъ въ художествахъ и вѣратному дѣлу, но вообще и всѣмъ иноземцамъ. «Уже Россія такъ опасна» — писали чиновники Орденскіе къ Императору — «что всѣ Христіанскіе сосѣдственные Государяи уклоняють главу предъ ея Вѣнцесносцемъ, юнымъ, дѣятельнымъ, властолюбивымъ, и молятъ его о мирѣ (479). «Благоразумно ли будетъ умножать силы «природнаго врага нашего сообщеніемъ «ему искусствъ и снарядовъ воинскихъ? «Если отроемъ свободный путь въ Москву «для ремесленниковъ и художниковъ, то

«погъ смѣ именемъ устремится туда мно-
 «жество людей, принадлежащихъ къ злымъ
 «Сектамъ Анабаптистовъ, Сакраментистовъ
 «и другихъ, гонимыхъ въ Нѣмецкой зем-
 «лѣ: они будутъ самыми ревностными слу-
 «гами Царя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ
 «замышляетъ овладѣть Ливонією и Балтій-
 «скимъ моремъ, дабы тѣмъ удобнѣе поко- и а ж-
 «рять всѣ окрестныя земли: Литву, Польшу, Пруссію, Швецію.» По крайней мѣрѣ ный за-
 Іоаннъ не хотѣлъ терпѣть, чтобы Ливонцы прои-
 препятствовали ему въ исполненіи благо- сылае-
 дѣтельныхъ для Россіи намѣреній, в гото- мый Іо-
 вилъ мести. Въ 1554 году Послы Магистра анну.
 Генрика Фонъ-Галена, Архіепископа Риж-
 ского и Епископа Дерптскаго молили его
 возобновить перемиріе еще на 15 лѣтъ.
 Онъ соглашался, съ условіемъ, чтобы
 область Юрьевская или Дерптская платила
 ему ежегодно ископя-установленную дань.
 Немцы изъявили удивленіе: имъ показали
 Штеттенбергову договорную грамоту, пи-
 санную въ 1503 году, гдѣ именно упомина-
 лось о сей дани, забытой въ теченіе пяти-
 десяти лѣтъ ⁽¹⁸⁰⁾. Ихъ возраженій не слу-
 шали. Именемъ Государевымъ Адашевъ
 сказалъ: «или такъ, или нѣтъ вамъ пере-
 «мирія!» Они уступили, и Дерптъ обязался
 грамотою, за ручательствомъ Магистра,
 не только впредъ давать намъ ежегодно по
 Нѣмецкой маркѣ съ cadaго человѣка въ

его области , по и за минувшія 50 лѣтъ предста-
вить въ три года всю недоимку. Магистръ
клялся не быть въ союзѣ съ Королемъ Поль-
скимъ и возстановить наши древнія церкви,
вмѣстѣ съ Католическими опустошенныя Фа-
натиками новаго Лютеранскаго Исповѣданія въ
Дерптѣ , Ревелѣ и Ригѣ: за что еще отецъ Иоан-
новъ грозилъ местію Ливонцамъ, сказавъ: «я не
«Папа и не Императоръ, которые не умѣютъ
«защитить своихъ храмовъ» ⁽⁴⁸¹⁾. Торговлю
объявили свободною , по волѣ Иоанна , которому
жаловалась Ганза , что Правительство Рижское,
Ревельское , Дерптское запрещаетъ ей купцамъ
ввозить къ намъ металлы , оружіе , доспѣхи , и
хочетъ , чтобы Нѣмцы покупали наше сало и
воскъ въ Ливоніи ⁽⁴⁸²⁾. Только въ одномъ
устоялъ Магистръ: онъ не далъ слова пропу-
скать иноземцевъ въ Россію: обстоятельство
важное , которое дѣлало миръ весьма непа-
дежнымъ.

Съ сею грамотою , написанною въ Москвѣ и
скрѣпленною печатами Ливонскихъ Пословъ,
отправился въ Дерптъ Иоанновъ чиновникъ , Ке-
ларь Терпигоревъ , чтобы , согласно съ обы-
чаемъ , Епископъ и Старѣйшины утвердили
оную своею клятвою и печатами. Но Епископъ,
Бургомистръ и Совѣтники ихъ ужаснулись быть
данниками Россіи; угощая Терпигорева , тайно
разсуждали между собою; винили Пословъ Ли-
вонскихъ въ легкомысліи, въ преступленіи дан-
ной имъ власти, и не знали, что дѣлать. Минуло

нѣсколько дней: чиновникъ Московскій требовалъ присяги, не хотѣлъ ждать и грозился уѣхать. Тогда Епископскій Канцлеръ, тонкій Политикъ, предложилъ Совѣту обмануть Іоанна. «Царь силенъ оружіемъ, а не хитръ умомъ,» сказалъ опъ: «чтобы не раздражить его, утвердимъ «договоръ, но объявимъ, что не можемъ вступить ни въ какое обязательство безъ согласія «Императора Римскаго, нашего законнаго покровителя; отнесемъ къ нему, будемъ ждать, «медлить — а тамъ, что Богъ дастъ» ⁽⁴⁸³⁾! Сіе мнѣніе одержало верхъ: присягнули и возвратили грамоту Послу Іоаннову, съ оговоркою, что она не имѣетъ полной силы безъ утвержденія Императорскаго. «Царю моему нѣтъ дѣла «до Императора!» сказалъ Посолъ: «дайте мнѣ «только бумагу; дадите и серебро.» Велѣвъ Дьяку завернуть грамоту въ шелковую ткань, онъ примолвилъ съ усмѣшкою: «береги: это важная «вещь ⁽⁴⁸⁴⁾!» — Терпигоревъ донесъ Государю, что обрядъ исполненъ, но что Нѣмцы замышляютъ обманъ.

Іоаннъ молчалъ; но съ сего времени уже писался въ грамотахъ *Государемъ Ливонскія земли* ⁽⁴⁸⁵⁾. Въ Февралѣ 1557 года снова явились въ Москвѣ Послы Магистровы и Дерптскаго Епископа. Узнавъ, что они пріѣхали не съ деньгами, а съ пустыми словами, и желаютъ доказывать Боярамъ несправедливость нашего требованія, Царь велѣлъ имъ ѣхать назадъ, съ отвѣтомъ: «Вы свободно и клятвенно обязались

«платить намъ дань; дѣло рѣшено. Если не хотите исполнить обѣта, то мы найдемъ способъ взять свое» ⁽¹⁸⁶⁾. Онъ запретилъ купцамъ Повогогородскимъ и Исковскимъ ѣздить въ Ливонію, объявивъ, что Нѣмцы могутъ торговать у насъ спокойно; послалъ Околыничаго, Князя Шастунова, заложить городъ съ пристанью въ самомъ устьѣ Наровы ⁽¹⁸⁷⁾, желая имѣть моремъ вѣрное, безопасное сообщеніе съ Германіею, и началъ готовиться къ войнѣ, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, обѣщала намъ дешевые успѣхи и легкое завоеваніе. Ливонія и въ лучшее, славнѣйшее для Ордена время, при самомъ великомъ мужѣ Плеттенбергѣ видѣла невозможность счастливо воевать съ Россіею: Орденъ, лишенный опоры Нѣмецкаго, сдѣлался еще слабѣе, и пятидесятилѣтній миръ, обогативъ землю, умноживъ пріятности жизни, роскошь, иѣгу, совершенно отучилъ Рыцарей отъ суровой воинской дѣятельности: они въ великолѣпныхъ замкахъ своихъ жили единственно для чувственныхъ наслажденій и низкихъ страстей (какъ увѣряютъ современные Лѣтописцы): пили, веселились, забывая древнее происхожденіе ихъ братства,чину и цѣль онаго; гнушались не пороками, а скудостью; безстыдно нарушая святыя уставы нравственности, стыдились только уступать другъ другу въ

Состоя-
влю Ливонію.

пышности, не имѣть драгоценныхъ одеждъ, множества слугъ, богато убранныхъ коней и прекрасныхъ любовницъ. Тушедство, пиры, охота были главнымъ дѣломъ знатныхъ людей въ семь, по выраженію Историки, *земномъ раю* (¹⁸⁸); а какъ жили Орденскіе, Духовные сановники, такъ и Дворяне свѣтскіе, и купцы, и мѣщане въ своемъ избыткѣ; они земледѣльцы трудились въ потѣ лица, обременяемые налогами алчнаго корыстолюбія, но отличались не лучшими нравами, а грубѣйшими пороками въ безсмыслии невѣжества и въ губительной заразѣ пьянства. Многосложное, раздѣленное Правительство было слабо до крайности: пять Епископовъ, Магистръ, Орденскій Маршалъ, восемь Коммандоровъ и восемь *Фохтовъ* владѣли землею; каждый имѣлъ свои города, волости, уставы и права; каждый думалъ о частныхъ выгодахъ, мало заботясь о пользѣ общей. Введеніе Лютеранскаго Исповѣданія, принятаго городами, свѣтскимъ Дворянствомъ, даже многими Рыцарями, еще болѣе замѣшало Ливонію: волнуемый усердіемъ къ новой Вѣрѣ, народъ мятежничалъ, опустошалъ Латинскія церкви, монастыри (¹⁸⁹); Властители, отчасти за Вѣру, отчасти за корысть, возставали другъ на друга. Такъ преемникъ Магистра Фонъ Галена, Фирстенбергъ, свергнулъ и заключилъ Архіепископа Рижскаго, Маркграфа Вильгельма (послѣ освобожденнаго угрозами Короля Августа.) Для храненія самой внутренней тишины начиная воевать въ

Германія, миролюбивый Орденъ не думалъ о способахъ противиться сильному врагу внѣшнему; не имѣя собственной рати, не имѣлъ и денегъ: Магистры, сановники богатѣли, а казна скудѣла, изводимая для ихъ удовольствій и вышности; они считали достойнѣе Орденское своимъ, а свое не Орденскимъ. Однимъ словомъ, избытокъ земли, слабость Правленія и пѣга гражданъ манили завоевателя.

Новое
могуще-
ство
Россіи.
Лучшее
образо-
ваніе
войска.

Россія же была могущественнѣе прежняго. Кромѣ славы громкихъ завоеваній, мы пріобрѣли новыя вещественныя силы: усмиреныя народы Казанскіе давали намъ ратниковъ; Князья Черкесскіе пріѣзжали служить Царю со многолюдными конными дружинами. Но всего важнѣе было тогда новое, лучшее образованіе нашего войска, почти удвоившее силу онаго. Сіе знаменитое дѣло Іоаннова царствованія совершилось въ 1556 году, когда еще лилася кровь на берегахъ Волги, когда мы воевали съ Швеціею и ждали впаденія Крымцевъ: учрежденіе равно достопамятное въ воинскомъ и гражданскомъ законодательствѣ Россіи. Отъ времени Іоанна III чиновники Великокняжескіе и Дѣти Болрскіе награждались землями, но не всѣ: другимъ давали судное право въ городахъ и волостяхъ, чтобы они, въ званіи Намѣстниковъ, жили

судными оброками и пошлинами, храня устройство, справедливость и безопасность общую. Многие честно исполняли свой долгъ; многие думали единственно о корысти: тѣснили и грабили жителей. Непрестанныя жалобы доходили до Государя: смѣняя чиновниковъ, ихъ судили, и слѣдствіемъ было то, что самые невинные разорялись отъ тяжбъ и ябеды ⁽⁴⁹⁰⁾. Чтобы искоренить зло, Іоаннъ *отмѣнилъ судные платежи*, указавъ бездужежно рѣшить тяжбы избираемымъ Старостамъ и Сотскимъ, а вмѣсто сей пошлины наложилъ общую дань на города и волости, на промыслы и земли, собираемую въ казну Царскими Дьяками; чиновниковъ же и Боярскихъ Дѣтей всѣхъ безъ исключенія уравниалъ или денежнымъ жалованьемъ или помѣстьями, сообразно съ ихъ достоинствомъ и заслугами; отнялъ у нѣкоторыхъ лишнюю землю и далъ немущимъ, установивъ службу не только съ помѣстievъ, но и съ вотчинъ Боярскихъ, такъ что владѣлецъ ста четвертей *угодіей* земли долженъ былъ идти въ походъ на конѣ и въ доспѣхѣ, или вмѣсто себя выслать человека, или внести уложенную за то цѣну въ казну. Желая пріохотить людей къ службѣ, Іоаннъ назначилъ *всѣмъ* денежное жалованье во время похода и двойное Боярскимъ Дѣтямъ, которые выставляли лишнихъ ратниковъ сверхъ опредѣленнаго закономъ числа. Такимъ образомъ, измѣривъ земли, узнали нашу силу воинскую; доставивъ ратнымъ людямъ способъ жить безъ нужды въ

мирное время и содержать себя въ походахъ, могли требовать отъ нихъ лучшей исправности и строже наказывать лѣнивыхъ, избѣгавшихъ службы. Съ сего времени, какъ говорятъ Лѣтописцы, число воиновъ нашихъ несравненно умножилось ⁽⁴⁹¹⁾. Имѣвъ подъ Казанью 150,000, Іоаннъ чрезъ нѣсколько лѣтъ могъ выводить въ поле уже *до трехъ сотъ тысячъ* ⁽⁴⁹²⁾ всадниковъ и пѣшихъ. Послѣдніе, именуемые *Стрѣльцами* и вооруженные пищалями, избирались изъ вольныхъ сельскихъ людей, составляли *безсмысленную рать*, жили обыкновенно въ городахъ, и были преимущественно употребляемы для осады крѣпостей: учрежденіе приписываемое Іоанну, по крайней мѣрѣ имъ усовершенное ⁽⁴⁹³⁾. Хотя оно еще не могло вдругъ измѣнить нашего древняго, Азіатскаго образа войны, но уже сближало его съ Европейскимъ; давало болѣе твердости, болѣе устройства ополченіямъ. — Прибавимъ къ сему неутомимость Россіянъ, ихъ физическую окрѣпость въ трудахъ, навыкъ спосить недостатокъ, холодъ въ зимнихъ походахъ, — вообще опытность ратную; прибавимъ наконецъ необъятную правительственную силу Государства Самодержавнаго, движимаго единою мыслию, единымъ словомъ Вѣщепосца юнаго, бодрого, который, по сказанію нашихъ и чужеземныхъ современниковъ, *жилъ только для подвиговъ войны и Вѣры* ⁽⁴⁹⁴⁾. Чего могли ожидать Ливонцы, имѣя дѣло съ такимъ непріателемъ? погибели.

Всякое бореіе слабаго съ сильнымъ, возбуж-

дая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго : но и Россійскіе и Ливонскіе Историки ⁽⁴⁹⁵⁾ винятъ Орденъ въ томъ, что онъ своимъ явнымъ недоброжелательствомъ, коварствомъ, обманами раздражилъ Іоанна, дѣйствуя по извинительному чувству нелюбви къ сосѣду опасному, но дѣйствуя неблагоразумно. Истинная Политика вслѣдствіе быть другомъ, ежели имѣть силу быть врагомъ ; прямодушіе можетъ иногда усовершенствовать и властолюбца, отнимая у него предлогъ законной мести : ибо не легко наглымъ образомъ топтать уставы правдивости, и самая коварная или дерзкая Политика должна закрываться ея личиною. Іоаннъ, начавъ войну Ливонскую, могъ тайно дѣйствовать по властолюбію, раждаемому или питаемому блестящими усиѣхами ; однакожъ могъ искренно увѣрять себя в другихъ въ своей справедливости, обязанный сею выгодною худому расчету Ливонскихъ Властителей, которые, зная физическую силу Россіянъ, надѣялись ихъ проводить хитростію, Посольствами, учтивыми словами, льстивыми обѣщаніями, и навлекли на себя ужасное двадцати-пятилѣтнее бѣдствіе, въ коемъ, среди развалинъ и могилъ, палъ ветхій Орденъ какъ утлое дерево.

Свѣдавъ о нашемъ вооруженіи, Магистръ Фирстенбергъ и Дерпскій Епископъ требовали отъ Царя *опасной грамоты* для проѣзда въ Москву ихъ новыхъ Пословъ. Іоаннъ далъ гра-

моту; но гонцы Нѣмецкіе видѣли у насъ вездѣ страшныя приготовленія къ войнѣ : обозы съ ратными запасами шли къ предѣламъ Ливоніи; вездѣ наводили мосты, учреждали стаи, ямы, гостиницы по дорогѣ ⁽⁴⁹⁶⁾ — и въ исходѣ осени 1557 года уже сорокъ тысячъ воиновъ стояло на границѣ подъ начальствомъ Шягъ-Алея, Бояръ Глипскаго, Данила Романовича, Ивана Переметева, Князей Серебряныхъ, Андрея Курбскаго и другихъ знатныхъ сановниковъ ⁽⁴⁹⁷⁾. Кромѣ Россіянъ, въ семь войскъ были Татары, Черемисы, Мордва, Пятигорскіе Черкесы. Ждали только слова Государева, а Государь ждалъ Пословъ Ливонскихъ : они пріѣхали съ богатыми дарами и съ краснорѣчіемъ ⁽⁴⁹⁸⁾ : Іоаннъ не хотѣлъ ни того, ни другаго. Алексѣй Адашевъ и Дьякъ Иванъ Михайловъ, указывая имъ на договорную хартію, требовали дани. Согласились наконецъ, чтобы Дерптъ, вмѣсто поголовной, ежегодно присылалъ намъ тысячу Венгерскихъ золотыхъ, а Ливонія заплатила 45,000 ефимковъ за воинскія издержки. Написали договоръ ; оставалось исполнять его : но Послы объявили, что съ ними нѣтъ денегъ. Тогда Государь, какъ пишутъ, пригласилъ ихъ обѣдать во дворцѣ и велѣлъ имъ подать только *пустыя* блюда ⁽⁴⁹⁹⁾ : они встали изъ-за стола голодные и поѣхали назадъ ни съ чѣмъ; а за

ними войско наше, среди холодной, снѣж-
ной зимы, 22 Генваря, съ огнемъ и мечемъ
вступило въ Ливонію. Не смотря на то, что угрозы
Іоанновы были ясны и приговленія къ войнѣ давно
извѣстны, Ливонскіе Властители пзумялись, пируя
въ сіе время на пышной свадьбѣ какого-то знат-
наго Ревельскаго чиновника ⁽⁵⁰⁰⁾. Россіяне
дѣлали, что хотѣли въ землѣ, оставляя
Нѣмцевъ сидѣть покойно въ городахъ
укрѣпленныхъ. Князья Барбашницъ, Рѣп-
нинъ, Данило Федоровичъ Адашевъ гро-
мили Южную Ливонію на пространствѣ
двухъ сотъ верстъ; выжгли посады Ней-
гауза, Киремпе, Маріенбурга, Курслава,
Ульцена ⁽⁵⁰¹⁾, и соединились подъ Дерп-
томъ съ главными Воеводами, которые
взяли Алтентурнъ и также на пути своемъ
все обратили въ пепелъ. Нѣмцы осмѣли-
лись сдѣлать вылазку изъ Дерпта, конные
и пѣшіе, въ числѣ пяти сотъ: ихъ побили
на голову ⁽⁵⁰²⁾. Простоявъ три дни въ виду
сей важной крѣпости, Воеводы пошли къ
Финскому Заливу, — другіе къ рѣкѣ Ла-
е; еще разбили Нѣмцевъ близъ Везенберга;
сожгли предмѣстіе Фалькенау, Конготы,
Ланса, Пиркеля ⁽⁵⁰³⁾; были только въ пяти-
десяти верстахъ отъ Риги, въ тридцати отъ
Ревеля, и въ концѣ Февраля возвратились
къ Иванюгороду съ толпами плѣнниковъ,
съ обозами богатой добычи, умертвивъ мно-

Г. 1538.
Начало
войны
Ливон-
ской.

жество людей. Нѣмецкіе Историки говорятъ съ ужасомъ о свирѣпости Россіянъ, жалуясь въ особенности на шайки такъ называемыхъ *охотниковъ*, Новгородскихъ и Псковскихъ, которые, видя Ливонію беззащитною, вездѣ опустошали ея селенія, жестокостію превосходя самыхъ Татаръ и Черкесовъ, бывшихъ въ семъ войскѣ ⁽⁵⁰⁴⁾. Россіяне, посланные не для завоеванія, а единственно для разоренія земли, думали, что они исполняютъ долгъ свой, дѣлая ей какъ можно болѣе зла; и главный Полководецъ, Князь Михайло Глинскій, столько любилъ корысть, что грабилъ даже въ области Псковской, надѣясь на родственную милость Государеву, но ошибся: изъяснивъ благоволеніе всѣмъ другимъ Воеводамъ, Іоаннъ въ справедливомъ гнѣвѣ велѣлъ доправить съ него все, незаконно взятое имъ въ походѣ ⁽⁵⁰⁵⁾.

Совершивъ казнь, Воеводы Московскіе написали къ Магистру, что Нѣмцы должны единственно винить самихъ себя, дерзнувъ играть святостію договоровъ; что если они хотятъ *исправиться*, то могутъ еще умиловить Іоанна смиреніемъ; что Царь Шигъ-Алей и Бояре готовы за нихъ ходатайствовать, изъ жалости къ бѣдной землѣ, дымящейся кровію. Ливонія дѣйствительно была въ жалостномъ состояніи: несчастные земледѣльцы, избѣжавшіе меча и плѣна, не могли помѣститься въ городахъ, умирали отъ изнуренія силъ и холода среди лѣсовъ, на кладбищахъ; вездѣ вопль народный требовалъ

защиты или мира отъ Правителей , которые , на Сеймѣ въ Вепденѣ долго разсуждавъ о лучшихъ мѣрахъ для ихъ спасенія , то гордо хваляся славою , мужествомъ предковъ , то съ ужасомъ воображая могущество Царя , рѣшились вновь отправить Посольство въ Москву. Шигъ-Алей — коего одни изъ Ливонскихъ Историковъ именуютъ свирѣлымъ кровопійцею , а другіе весьма умнымъ , скромнымъ человекомъ ⁽⁵⁰⁶⁾ — взялся склонять Іоанна къ миру, дѣйствуя конечно по данному ему отъ Государя наказу. Но Судьба хотѣла, чтобы Орденъ былъ жертвою неразумія своихъ чиновниковъ , и чтобы сильный Іоаннъ, терзая слабую Ливонію, казался правымъ.

Ожидая Магистровыхъ Пословъ, Государь велѣлъ прекратить все воинскія дѣйствія до 24 Апрѣля ⁽⁵⁰⁷⁾. Насталъ Великій постъ : благочестивые Россіане спокойно говѣли и молились въ Иванъгородѣ , отдѣляемомъ рѣкою отъ Нарвы, гдѣ Нѣмцы, новыя Лютеране, презирая уставы древней Вѣры, не считали за грѣхъ пировать въ сіе время, и вдругъ, разгоряченные виномъ ⁽⁵⁰⁸⁾, начали стрѣлять въ Иванъгородъ. Тамошніе Воеводы, Князь Куракинъ и Бутурлинъ, извѣстивъ о томъ Государя, который велѣлъ имъ обороняться , и послалъ Князя Темкина , стоявшаго въ Изборскѣ, воевать ближайшіе предѣлы Ливоніи, чтобы наказать Нѣмцевъ за ихъ вѣроломство. Темкинъ выжегъ села въ окрестностяхъ Валка ; разбилъ отрядъ непріятельскій, взялъ четыре пушки, и возвратился. Еще глав-

ная рать Московская не трогалась; но изъ Нарвы безпрестанно летали ядра въ Иваньгородъ и били жителей; а Нѣмцы Нарвскіе, какъ бы въ насмѣшку, приказывали къ Іоанновымъ Воеводамъ : «не мы, но Фохтъ Орденскій стрѣляетъ; «не можемъ унять его» (509). Тогда Воеводы сами открыли сильную пальбу : ядра *огненные* и каменные осыпали Нарву въ теченіе недѣли; люди гибли; дома пылали, разрушались — и Нѣмцы, въ ужасѣ забывъ гордость, требовали пощады. Бургомистры, Ратманы выѣхали къ Воеводамъ; объявили, что ни въ чемъ не противятся Іоанновой волѣ; умолили ихъ прекратить стрѣльбу; дали заложниковъ и послали въ Москву Депутатовъ, Іоакима Крумгаузена и Арита Фонъ-Дедена. Когда сіи Депутаты явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, Околицкій Адашевъ и Дьякъ Михайловъ вышли къ нимъ отъ Государя и спросили, чего хотятъ они? *Быть, какъ мы были*, отвѣтствовалъ умный Крумгаузенъ : *не перемѣнять нашихъ законовъ; остаться городомъ Ливонскимъ; удовлетворить всѣмъ инымъ требованіямъ Царя милостиваго*. «Нѣтъ!» сказалъ Адашевъ : «мы не смѣемъ донести ему о такихъ условіяхъ. Вы дерзко нарушили перемиріе, «стрѣляли въ Россіянъ, и видя гибель надъ собою, объявили, что готовы исполнить волю «Царя; а Царю угодно, чтобы вы немедленно «прислали въ Москву своего Орденскаго Властителя (Фохта Шнелленберга) и сдали намъ городъ : за что Іоаннъ милостиво обѣщаетъ не

«выводить васъ изъ домовъ ; не касаться ни лицъ , ни собственности , ни древнихъ вашихъ обычаевъ ; блюсти общее благоденствіе и свободу торговли; однимъ словомъ , владѣть Нарвою , какъ владѣли ею сановники Орденскіе. Такъ , и не иначе!» Депутаты , заплакавъ , присягнули Россіи за себя и за всѣхъ согражданъ ; были представлены Государю и получили отъ него жалованную грамоту. Велѣвъ увѣдомить о томъ Нарвское Правительство , Іоаннъ написалъ къ Воеводамъ , чтобы они берегли сей городъ , какъ Россійскій , отъ Магистра.

Но все перемѣнилось въ Нарвѣ : ся легкомысленные граждане , узнавъ , что Магистръ шлетъ къ нимъ 1000 воиновъ съ Коммандоромъ Ревельскимъ , ободрившись , забыли страхъ и послали сказать нашему главному Воеводѣ , что Депутаты ихъ не имѣли власти предать отечество Царю Московскому ⁽⁵¹⁰⁾ ; а Коммандоръ , думая воспользоваться печалиностію , хотѣлъ схватить Россійскую стражу за Рѣкою Нарвою : ударилъ — и бѣжалъ отъ первыхъ выстрѣловъ ⁽⁵¹¹⁾. Вѣсть о новомъ вѣроломствѣ Иѣмцевъ дошла до Москвы почти въ одно время съ другою , радостною , совершенно неожиданною : съ вѣстію , что Нарва уже взята Россіянами!

Сіе происшествіе ославилось чудомъ. Ваятіе Нарвы.
Разсказываютъ , что пьяные Нарвскіе Иѣм-

цы, увидѣвъ икону Богоматери въ одномъ домѣ, гдѣ живали купцы Псковскіе, бросили ее въ огонь, отъ коего вдругъ сдѣлался пожаръ (11 Мая) съ ужасною бурею. Россіяне изъ-за рѣки увидѣли общее смятеніе въ городѣ, и не слушаясь Воеводъ своихъ, устремились туда: кто плылъ въ лодкѣ, кто на бревнѣ или доскѣ (³¹²); выскочили на берегъ и дружно приступили къ Нарвѣ. Воеводы уже не могли быть праздными зрителями, и сами повели къ нимъ остальное войско. Въ нѣсколько минутъ все рѣшилось: Головы Стрѣлецкіе съ Болриномъ Алексѣемъ Басмановымъ и Даниломъ Адашевымъ (Окольничимъ, мужественнымъ братомъ любимца Государева) вломились въ Русскія ворота, а Иванъ Бутурлинъ въ Колыванскія; въ огнѣ и въ дыму рѣзали уstraшенныхъ Нѣмцевъ, вогнали ихъ въ крѣпкій замокъ, называемый Вышегородомъ, и не дали имъ тамъ опомниться: грома его изъ всѣхъ пушекъ, своихъ и взятыхъ въ Нарвѣ, разбивали стѣны, готовили лѣстницы. Между тѣмъ два Коммандора, Феллискій и Ревельскій, Кетлеръ и Зегегафенъ, съ сильною дружиною, пѣхотою, конницею и съ огнестрѣльнымъ снарядамъ стояли въ трехъ миляхъ отъ города, видѣли пожаръ, слышали пальбу, и не двигались съ мѣста, разсуждая, что крѣпость, имѣющая каменные стѣны и желѣзные ворота, должна безъ ихъ помощи отразить непріятеля. Но къ вечеру замокъ сдался, съ условіемъ, чтобы побѣдители выпустили Фохта Шнелленберга, Нѣ-

мѣцкихъ воиновъ и жителей, которые захотятъ удалиться. Вышли знатнѣйшіе только съ женами и дѣтьми, оставивъ намъ въ добычу все свое имѣніе; другіе отпустили семейства, а сами, вмѣстѣ съ народомъ, присягнули Царю въ вѣрности. Россіяне взяли 230 пушекъ и великое богатство; но, гася пожаръ, усердно и безкорыстно спасали достойніе тѣхъ жителей, которые сдѣлались нашими подданными. — Сіе важное завоеваніе, давъ Россіи знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Іоанна, что онъ съ великою пышностію торжествовалъ его въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ; награждалъ Воеводъ и воиновъ; милостиво подтверждалъ жалованную грамоту, данную Крумгаузену и Фонъ-Дедену, не смотря на перемѣну обстоятельствъ; освобождалъ всѣхъ Нарвскихъ пѣшихъ; указалъ отдать собственность всякому, кто изъ вышедшихъ жителей Нарвы захочетъ возвратиться. Архіепископъ Новгородскій долженъ былъ немедленно отпратить туда Архимандрита Юрьевского и Софійскаго Протоіерея, чтобы освятить мѣсто во имя Спасителя, крестнымъ ходомъ и молебнами очистить отъ *Въры Латинской и Лютеровой*, соорудить церковь въ замкѣ, другую въ городѣ, и поставить въ ней ту икону Богоматери, отъ коей загорѣлась Нарва, и которую наши цѣлуемъ въ пепелъ ⁽⁵¹³⁾.

Въ сіе время пріѣхали наконецъ Послы Ливонскіе въ Москву, братъ Магистра Фирстенберга, Теодоръ, и другіе чиновники ⁽⁵¹⁴⁾, не съ

данію , но съ моленіемъ , чтобы Государь уступилъ ее землѣ разоренной. «Вся страна Дерптская» — говорили они Боярамъ — «стенаетъ въ бѣдствіи, и долго не увидитъ дней счастливыхъ. Съ кого требовать дани? вы уже взяли ее своимъ оружіемъ , — взяли въ десять разъ болѣе. Впредь можемъ исправиться, и тогда заплатимъ по договору.» Государь отвѣтствовалъ чрезъ Адашева : «Послѣ всего , что случилось , могу ли еще слушать васъ? Кто вѣрить вѣроломнымъ? Миѣ остается только искать управы мечемъ. Я завоевалъ Нарву и буду полагаться своимъ счастіемъ. Однакожь , не любя кровопролитія, еще предлагаю средство унять его: пусть Магистръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерптскій лично ударятъ миѣ челомъ, заплатятъ дань со всей Ливоніи , и впредь повинуются миѣ какъ Цари Казанскіе, Астраханскіе и другіе знаменитые Владѣтели : или я силою возьму Ливонію» ⁽⁵¹⁵⁾. Послы ужаснулись, и сказавъ : «видимъ, что намъ здѣсь не будетъ дѣла,» просили отпуска, который и дали имъ немедленно. Хотя Магистръ и Епископъ Дерптскій, пораженные судьбою Нарвы, уже готовы были заплатить намъ 60,000 ефимковъ ; хотя, не безъ успѣха, собрали и деньги ⁽⁵¹⁶⁾ : но время прошло: Государь требовалъ уже не дани Юрьевской, а подданства всей земли. Началась иная война, и Россіяне, снова вступивъ въ Ливонію, не довольствовались ея разореніемъ : они хотѣли городовъ и постоянного владычества надъ нею.

25 Мая Князь Осдоръ Троекуровъ и Да-
нило Адашевъ осадили Нейшлось, а 6 Юня
взяли на договоръ. Тамонній Фохтъ вы-
шелъ изъ крѣпости съ немногими людьми
и съ пустыми руками, отдавъ все оружіе и
достояніе побѣдителямъ. Жители города и
всего Уѣзда (въ длину на 60, а въ ширину
на 40 и 50 верстъ) Латыши и самые Нѣмцы
признали себя подданными Россіи, такъ,
что берега озера Чудскаго и рѣка Нарова,
отъ ея верховья до моря, заключились въ
нашихъ владѣніяхъ. Государь, пославъ къ
Воеводамъ золотыя медали, велѣлъ испра-
вить тамъ укрѣпленія и соорудить церковь
во имя Св. Іларіона: ибо въ день его па-
мяти сдался Нейшлось. Жители Уѣзда и
городка Адежскаго добровольно присягну-
ли Іоанну, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сосѣд-
ственными Везенбергскими волостями, и
выдали Россіянамъ все казенное имѣніе,
пушки, запасы ⁽⁵¹⁷⁾.

Завое-
ваніе
Ней-
шлось.
Адежа,
Нейга-
уза.

Главная сила, подъ начальствомъ мно-
гихъ знатныхъ Воеводъ, Князей Петра
Шуйскаго, Василя Серебрянаго, Андрея
Курбскаго, шла къ Дериту ⁽⁵¹⁸⁾. Прежде на-
длежало взять Нейгаузъ, городъ весьма
крѣпкій, гдѣ не было ни двухъ сотъ вои-
новъ, но былъ Витязь Орденскій, Уксиль
Фонъ-Паденормъ, который, вооруживъ и
гражданъ и земледѣльцевъ, около мѣсяца
мужественно противился многочисленному

30 Ию-
ня.

Велико-
душіо
Дерпт-
скаго
Бурго-
мистра.

войску. Съ сѣмъ Героемъ Нѣмцы, по вы-
раженію нашего Лѣтописца, сидѣли на
смерть: бились отчаянно, неустоимо, и
заслужили удивленіе Московскихъ Полко-
водцевъ. Сбивъ стѣны, башни, Россіяне
вошли въ городъ: Уксиль отступилъ въ
замокъ съ горстію людей и хотѣлъ умереть
въ послѣдней его развалинѣ; но сподвиж-
ники объявили ему, что не имѣютъ болѣе
силъ — и Воеводы, изъ уваженія къ храб-
рости, дозволили имъ выйти съ честію⁽⁵¹⁹⁾.
Сей примѣръ доказывалъ, что Ливонія,
ограждаемая многими крѣпостями и бога-
тая снарядамъ огнестрѣльнымъ, могла бы
весьма затруднить уснѣхи Іоаннова оружія,
если бы другіе защитники ея, хотя и мало-
численные, имѣли духъ Уксилевъ, а граж-
дане добродѣтель Тилеву, одного изъ Бур-
гомистровъ Дерптскихъ, который, въ тог-
дашнемъ собраніи Земскихъ Чиновъ сильно
и трогательно изобразивъ бѣдствіе отече-
ства, сказалъ: «Пастало время жертвъ или
«погибелъ: лишимся всего, да спасемъ
«честь и свободу нашу; припесемъ въ казну
«свое золото и серебро; не оставимъ у себя
«ничего драгоцѣннаго, ни сосуда, ни укра-
«шенія; дадимъ Правительству способъ на-
«нять войско, купить дружбу и защиту Дер-
«жавъ сосѣдственныхъ!» Но убѣжденія и
слезы великодушнаго мужа не произвели ни-
какого дѣйствія: его слушали и молчали⁽⁵²⁰⁾!

Во время осады Нейгауза Магистръ Фирстенбергъ, Коммандоры и самъ Епископъ Дерптскій съ 8000 воиновъ ⁽⁵²¹⁾ неподвижно стояли въ тридцати верстахъ оттуда, за Двиною и вязкими болотами, въ мѣстѣ неприступномъ, и не сдѣлали ничего для спасенія крѣпости; узнавъ же, что она сда-
 лася, зажгли стапъ свой и городокъ Киремне, гдѣ находилось множество всякихъ припасовъ; снѣжили удалиться, бѣжали день и ночь, Магистръ къ Валку, а Епи-
 скопъ къ Дерпту, гонимые нашими Воево-
 дами, которое за 30 верстъ отъ Дерпта на-
 стигли и разбили Епископа, взяли его чи-
 новниковъ въ плѣнъ, весь обозъ и снаря-
 ды. Магистръ, избравъ крѣпкое мѣсто
 близъ Валка, остановился: Воеводы велѣли
 передовой дружинѣ вступить съ нимъ въ
 битву, а сами начали обходить его и при-
 пудили бѣжать далѣе къ Вендену, такъ ско-
 ро и въ такой жаръ, что люди и лошади из-
 дыхали отъ усталости. Россіи не истребили
 весь задній отрядъ Фирстенберговъ, едва
 не схвативъ знаменитѣйшаго изъ Комман-
 доровъ, Готгарда Кетлера, подъ коимъ въ
 семь дѣлъ упала лошадь. Обозъ Магистровъ
 былъ нашею добычею, и Воеводы, извѣ-
 стивъ Государя, что непріятеля уже нѣтъ
 въ полѣ, обратился къ Дерпту ⁽⁵²²⁾.

Бѣгство
М. и Г. и.
сра.

Въ сихъ для Ордена ужасныхъ обстоя-
 тельствахъ старецъ Фирстенбергъ сложилъ

Новый
Глава
Ордена.

съ себя достоинство Магистра, и юный Кетлеръ, повинаясь Чинамъ, принялъ его со слезами (⁵²³). Славясь отличнымъ умомъ и твердостію характера, онъ вселялъ надежду въ другихъ, но самъ имѣлъ весьма слабую, и только изъ великодушія согласился быть — послѣднимъ Магистромъ издыхающаго Ордена! Чтобы употребить всѣ возможные средства спасенія, Кетлеръ ревностно старался воспламенить хладныя сердца любовью къ отечеству, заклиналъ сановниковъ дѣйствовать единодушно, не жалѣть ни достоинства, ни жизни для блага общаго; собиралъ деньги и людей; требовалъ защиты отъ Императора, Короля Датскаго, Шведскаго, Польскаго; писалъ и къ Царю, моля его о мирѣ: но не видалъ желаемаго успѣха. Раздоръ, взаимныя подозрѣнія Ливонскихъ Властителей мѣшали всѣмъ добрымъ намѣреніямъ Магистра. Хотѣли спасенія, но безъ жертвъ, торжественно доказывая, что богатые люди не обязаны разоряться для онаго (⁵²⁴) — и Кетлеръ могъ единственно займомъ наполнить пустую казну Ордена для необходимыхъ, воинскихъ издержекъ. Помощи вѣншей не было. Императоръ Карлъ V, обнимавшій взоромъ всю Европу, уже оставилъ тогда короны и престолы; какъ второй Діоклетіанъ удаленъ отъ міра, столь долго волнуемаго его властолюбіемъ, и хотѣлъ въ пустынѣ удивить

людей особеннымъ родомъ славы, рѣдкой, но не менѣе суетвой: славы казаться выше земнаго величія. Новый Императоръ Фердинандъ ссорился съ Папою, мирилъ Германію, опасался Турковъ, и только жалѣлъ о бѣдной Ливоніи; другіе Государи довольствовались общаніемъ склонить Іоанна къ миролюбію; а Царь отвѣтствовалъ Кетлеру: «жду тебя въ Москвѣ, и смотря по твоему челобитію, изъявлю милость» (525). Сія милость казалась Магистру послѣднимъ изъ возможныхъ бѣдствій для Державнаго Ливонскаго Рыцарства: онъ лучше хотѣлъ погибнуть съ честію, нежели съ униженіемъ безполезнымъ.

Воеводы Іоанновы не теряли времени: взявъ Кпренне, Курславъ и крѣпкій замокъ Вербекъ на Эмбахѣ (526), всѣми силами приступили къ Дерпту, славному богатствомъ жителей и многими общественными, благодѣтельными заведеніями. Кромѣ вооруженныхъ гражданъ, готовыхъ стоять за честь и вольность, двѣ тысячи наемныхъ Нѣмцевъ (527) были защитниками сего важнаго, искусно укрѣпленнаго мѣста, подъ главнымъ начальствомъ Епископа, Германа Вейланда, который хвалился болѣе воинскою доблестію, нежели смиренною набожностію Христіанскаго Пастыря. Шесть дней продолжались битвы жестокія и достойныя мужей Рыцарскихъ, какъ пишетъ Воевода

Взятіе
Дерпту
и мно-
гихъ
дру-
гихъ
горо-
довъ.

Курбскій, очевидецъ и правдивый судія дѣлъ ратныхъ. Но превосходная сила одолѣвала: вылазки дорого стоили осажденнымъ, и Россіяне, пользуясь густымъ туманомъ, заперли городъ со всѣхъ сторонъ турами, вели подкопы, ставили бѣишцы, разрушали стѣны палубою, предлагая жителямъ самыя выгодныя условія, если они сдадутся. Епископъ не хотѣлъ сперва слышать о переговорахъ: но Магистратъ допелъ ему, что городъ не въ силахъ обороняться долго; что многіе изъ воиновъ и гражданъ пали въ вылазкахъ, или болѣны, или отъ усталости едва дѣйствуютъ оружіемъ; что пушки непріятельскія, вредя стѣнамъ, бьютъ людей и въ улицахъ. Послали тайныхъ вѣстниковъ къ Магистру: они возвратились благополучно. Магистръ писалъ, что Орденъ принимаетъ воиновъ и молится о спасеніи Дерпта!

Главный Воевода Іоанновъ, Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, былъ, по сказанію современнаго Ливонскаго Историка (¹⁶²⁸), мужъ добродушный, честный, благородный душею. Совершивъ подкопы и прикативъ туры къ самымъ стѣнамъ, онъ велѣлъ объявить съ барабаннымъ боемъ, что даетъ жителямъ два дни на размышленіе, а въ третій возьметъ Дерптъ приступомъ; что Іоаннъ торжественно обѣщаетъ имъ милость, свободу Вѣры, цѣлость ихъ древнихъ правъ и законовъ; что всякой можетъ безопасно выѣхать изъ города и безопасно возвратиться. Тогда Магистратъ и граждане единодушно сказали Епи-

скому: «Мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у насъ *блюдо на столъ и ложка въ рукахъ*, если упорство наше будетъ достохвальнымъ мужествомъ, а не безсмысленною дерзостью; но благоразумно ли отвергать великодушныя предложенія Царя, когда въ самомъ дѣлѣ не имѣемъ силъ ему противиться?» Тоже говорили и воины Пѣмецкіе, требуя отпуска и свидѣтельства въ оказанной ими вѣрности; тоже и Свѣщенники Римской Вѣры, онаясь упрямствомъ раздражить непріятеля. Епископъ согласился. Написали слѣдующія условія: «1) Государь даетъ Епископу монастырь Фалькенау съ принадлежащими къ оному волостями, домъ и садъ въ Дерптѣ; 2) подъ его вѣдомствомъ будутъ Духовенство и церкви Латвійскія съ ихъ достояніемъ; 3) Дворяне, желающіе быть подданными Россіи, спокойно владѣютъ своими замками и землями; 4) Пѣмецкіе ратники выдуть изъ города съ оружіемъ и съ пожитками; 5) въ теченіе двѣнадцати дней всякой Дерптскій житель волею ѣхать, куда хочетъ; 6) Исполненіе Лугебургское остается главнымъ и безъ всякихъ перемѣнъ; 7) Магистратъ Пѣмекій всемъ управляетъ, какъ было, не лишаясь ни правъ, ни доходовъ своихъ; 8) купцы свободно и безъ пошлинъ торгуютъ съ Германією и съ Россією; 9) не выводить никого изъ Дерптской въ Московскія области; 10) кто захочетъ переселиться въ другую землю, можетъ взять или продать имѣніе; 11) граждане свободны отъ

«ратнаго постоя; 12) все преступленія, самыя «государственныя, даже оскорбленіе Царскаго «Величества, судятся чиновниками Магистрата; «13) новые граждане присягаютъ Царю и Магистрату» (529). Благоразумный Шуйскій, уполномоченный Иоанномъ, не отвергнулъ ни одной статьи, руководствуясь не только человеколюбіемъ, но и Политикою: надлежало милостію, снисхожденіемъ, духомъ умѣренности ослабить ненависть Ливонцевъ къ Россіи, и тѣмъ облегчить для насъ завоеваніе земли ихъ.

Когда уже все условія были одобрены побѣдителемъ, и когда надлежало только скрѣпить оныя печатями, старецъ Антонъ Тиле, добродѣтельный Бургомистръ Дерптскій, еще выступилъ изъ безмолвнаго круга унылыхъ сановниковъ. «Свѣтлѣйшій Князь и Государь!» сказалъ онъ Епископу: «если кто-нибудь думаетъ, что Дерптъ «можно спасти оружіемъ и битвою, да явится! «Иду съ нимъ, и мы вмѣстѣ положимъ свои голы за отечество» (530)! Сія рѣчь, видъ, голосъ старца произвели сильное впечатлѣніе. Епископъ отвѣтствовалъ: «Мужъ достойный! никто изъ «насъ не заслуживаетъ имени малодушнаго: уступаемъ необходимости,» — 18 Іюля Дерптъ сдался. Желая сдѣлать все возможное въ пользу несчастныхъ, Князь Шуйскій поставилъ стражу у воротъ и не велѣлъ пускать Россіянъ въ городъ, чтобы жители спокойно укладывались и выѣзжали; оберегалъ ихъ въ пути; давалъ имъ проводниковъ до мѣстъ безопасныхъ. Епископа от-

пустили въ Фалькенау съ двумя стами отборныхъ Московскихъ всадниковъ.

Когда все затихло въ городѣ, Депутаты Магистрата вручили Шуйскому ключи отъ крѣпости. Онъ сѣлъ на коня и торжественно вступилъ въ городъ. Впереди ѣхалъ младшій Воевода, держа въ рукѣ знамя мира ⁽⁵³¹⁾; за нимъ Шуйскій, окруженный Депутатами и Канониками. На улицахъ въ два ряда стояли Государевы Дѣти Болрскіе. Уже народъ не страшился побѣдителей и съ любопытствомъ смотрѣлъ на ихъ мирное, стройное шествіе; самыя жены не прятались. Магистратъ поднесъ Шуйскому золотую чашу ⁽⁵³²⁾. Сей умный Князь, изъявивъ благодарность, сказалъ, что «его жилище и слухъ будутъ отверсты для всякаго; что онъ пришелъ казнить злодѣевъ и благотворить добрымъ» — ласково звалъ къ себѣ обѣдать Дерптскихъ чиповниковъ и Старѣйшинъ, далъ имъ въ замкѣ великолѣпный пиръ, и своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ заслужилъ любовь общую. — Россіяне взяли въ Дерптѣ 552 пушки, также не мало богатства казеннаго и частнаго, оставленнаго тѣми жителями, которые выѣхали въ Ригу, въ Ревель, въ Фелпъ ⁽⁵³³⁾. Государь утвердилъ договоръ заключенный Воеводами; но велѣлъ Епископу Герману и знатнѣйшимъ Дерптскимъ сановникамъ быть въ Москву. Сей бывшій Державный Епископъ, проклинаемый въ отечествѣ за мнимую измѣну, уже не выѣхалъ изъ Россіи и кончилъ дни свои въ горести, слыша, что друзей и слугъ

его, обвиняемыхъ въ тайномъ согласіи съ непріятелемъ, пытаются, казнятъ въ Ливоніи: чѣмъ Орденскіе Властители хотѣли закрыть свою слабость, увѣряя народъ, что одна измѣна причиною нашихъ выгодъ.

Но сія жестокость не затруднила успѣховъ для могущества, соединеннаго съ благоразуміемъ. Примѣръ Дерпта доказывалъ, что Іоаннъ умѣетъ щадить побѣжденныхъ: Шуйскій писалъ оттуда ко всѣмъ градоначальникамъ Ливонскимъ, требовалъ подданства, обѣщалъ, грозилъ ⁽⁵³⁴⁾ — и крѣпости Везенбергъ, Пиркель, Лаисъ, Обернасенъ, Рингенъ или *Тушанъ*, Адель, сдалися нашимъ Воеводамъ, которые вездѣ мѣрно выпускали Орденскихъ Властителей, довольствовались присягою жителей и не касались ихъ собственности; но все предавали огню и мечу въ областяхъ непокорныхъ: въ Феллинской, Ревельской, Вевденской, Шваненбургской; сожгли посадъ Витгенштейна, гдѣ начальствовалъ юный мужественный Рыцарь, Каспаръ фонъ-Ольденбокъ ⁽⁵³⁵⁾; разбили Нѣмцевъ въ полѣ, близъ Вевдена и Шваненбурга; плѣнили двухъ знатныхъ чиновниковъ; взяли всего *двадцать* городовъ ⁽⁵³⁶⁾, и въ каждомъ оставивъ нужные запасы, охранное войско, въ концѣ Сентября пріѣхали къ Государю. Онъ былъ въ Троицкой Лаврѣ: встрѣтилъ ихъ съ милостію и веселіемъ; обнималъ, славилъ за ревностную службу; вмѣстѣ съ ними молился, благодарилъ Бога, и поѣхалъ въ Александровскую слободу, гдѣ изъ соб-

ственныхъ рукъ жаловалъ имъ шубы, кубки, доспѣхи; велѣлъ выбирать любыхъ изъ коней Царскихъ, и сверхъ того далъ богатые помѣстья, а Дѣтямъ Боярскимъ земли и маестности въ завоеванной Ливоніи, чтобы они тѣмъ усердіе берегли нашу (537).

Новые начальники, присланные туда изъ Москвы, Князя Дмитрій Курлятевъ и Михайло Рѣпинъ, были менѣе счастливы: хотя завоевали еще городокъ Кавелехъ, сожгли Верполь и побили Нѣмцевъ въ самомъ предмѣстіи Ревеля (538); но Магистръ и Воевода Архіепископа Рижскаго, Фелькерзамъ, собравъ болѣе десяти тысячъ ратниковъ (539), осадили Рингенъ въ виду нашихъ полковъ и взяли сію крѣпость, не смотря на мужество ея защитника, Головы Стрѣлецкаго, Русина-Игнатьева, который съ двумя или тремястами воиновъ держался въ ней около пяти недѣль, отразилъ два приступа, и не имѣлъ уже наконецъ ни фунта пороку (540). Воеводы Иоанновы оправдывались крѣпостію Нѣмецкаго стана, утомленіемъ своей рати, и хвалялись побѣдою, одержанною ими надъ братомъ Магистровымъ, Иоанномъ Кетлеромъ, коего они плѣнили вмѣстѣ съ двумястами шестидесятью Нѣмцами между Рингеномъ и Дерптомъ; но Магистръ самъ напалъ на нихъ, стоялъ дружину Князя Рѣпина (541), и могъ бы отнять у насъ Дерптъ, гдѣ оставалось

Кет-
леръ
беретъ
Рин-
генъ.

мало ратниковъ, а жители знатнѣйшіе тайно звали его къ себѣ. Къ счастью нашему, утружденные Иѣмцы хотѣли отдохновенія. Число ихъ уменьшилось до шести тысячъ. Зная, что Полководцы Московскіе ждутъ вспоможенія и любятъ воевать зимою, Магистръ въ исходѣ Октября ушелъ назадъ, безчеловѣчно умертвивъ всѣхъ Россіянъ, взятыхъ имъ въ Ригенѣ ⁽⁶⁴²⁾; а мы снова заняли сей городъ.— Въ то же время непріятель отъ Лужи, Резицы и Велка тревожилъ набѣгами Псковскую область: сжегъ предмѣстіе Краснаго, монастырь Св. Николая близъ Себежа и множество селъ ⁽⁵⁴³⁾.

Недовольный Курлятевымъ и Рѣпиннымъ, Государь въ Декабрѣ мѣсяцѣ послалъ въ Ливонію мужественныхъ Воеводъ, Князей Симеона Микулинскаго, Василія и Петра Серебряныхъ, Ивана Шереметева, Михайла Морозова, Царевича Тохтамыша, Князей Черкесскихъ и войско сильное ⁽⁵⁴¹⁾, чтобы идти прямо къ Ригѣ, опустошить землю, истреблять непріятеля въ полѣ. Готовые начать кровопролитіе, они писали къ Магистру, что отъ него зависятъ война и миръ; что Іоаннъ еще можетъ простить, если Иѣмцы изъявятъ покорность. Отвѣта не было. 17 Генваря Россіяне вступили въ Ливонію: отъ городка Краснаго, захвативъ пространство ста верстъ или болѣе, шли на Маріенбургъ, и

близъ Тиренна встрѣтили Нѣмцевъ, коими <sup>К у р-
ландію.</sup> предводительствовалъ Фелькерзамъ. Тутъ былъ одинъ Князь Василій Серебряный съ своею дружиною. Непріятель оказать мужество: знатнѣйшіе витязи Ордеа и чиновники Архіепископа Рижскаго стояли въ рядахъ. Храбрый Фелькерзамъ и четыреста Нѣмцевъ были въ битвѣ. Канцлеръ Архіепископовъ и тридцать лучшихъ Дворянъ находились въ числѣ плѣнниковъ (845); остальные разсѣялись, и Князь Серебряный открылъ безопасный путь войску до самого моря. Зима была жестокая. Не занимаясь осадю большхъ крѣпостей, Вендена, Риги, Воеводы подступали единственно къ маленькимъ городкамъ. Нѣмцы уходили изъ нихъ. Одинъ Шмилтенъ не сдавался: Козаки наши разбили ломами каменную стѣну его и долго рѣзались въ улицахъ съ отчаяннымъ непріятелемъ (846). Россіяне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взять съ собою; истребили такимъ образомъ одиннадцать городовъ; три дни стояли подъ Ригою, сожгли множество кораблей въ устьѣ Двины, опустошили ея берега, приморскую землю, Курляндію до Пруссіи и Литвы; обогатились добычею, и съ несмѣтнымъ числомъ плѣнниковъ вышли, 17 Февраля, къ Опочкѣ, извѣстивъ Іоанна, что рать его цѣла, а Ливонія въ пепелъ!

За Ливонію
хотѣтъ
и Коль-
скій,
Швед-
скій и
Дат-
скій.

Наконецъ явились ходатаи за сію несчастную землю. Мы оставили Короля Августа готоваго къ твердому миру и союзу съ Россією противъ Хана (⁵⁴⁷): для чего въ Мартѣ 1559 года прибыли въ Москву Послы Литовскіе. Начали говорить о мирѣ: Іоаннъ хотѣлъ, чтобы обѣ Державы владѣли безспорно, чѣмъ владѣютъ; но Августъ въ первомъ словѣ требовалъ Смоленска! Сего мало: онъ предписывалъ намъ не воевать Ливоніи, будто бы отдапшой ему Императоромъ и Германскими Чинами! Іоаннъ велѣлъ Посламъ ѣхать назадъ, сказавъ: «Вижу, что Король перемѣнилъ свои мысли: да будетъ, какъ ему угодно! Ливонцы суть древніе данники Россіи, а не ваши: я наказываю ихъ за невѣрность, обманы, *торговья вины* и разореніе церквей.» Послы уѣхали. Государь не согласился заключить и новаго перемирія съ Литвою; обѣщался только не нарушать стараго (до 1562 года), если Король будетъ давать лучшую управу Россіянамъ, обижаемымъ его подданными (⁵⁴⁸). — Однимъ словомъ, ясно было, что война Ливонская произведетъ Литовскую. Августъ думалъ не о томъ, чтобы великодушно спасти ветхій, слабый Орденъ, но чтобы не отдать его богатыхъ владѣній Іоанну, а взять себѣ, если можно. Желаніе весьма естественное въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Ордена, Литвы и

Россіи — весьма согласное съ благоразуміемъ Полятики, которая осудила бы безнечность сего Монарха, если бы онъ не употребилъ всѣхъ способовъ исторгнуть Ливонію изъ рукъ Царя. Надлежало только имѣть рѣшительность и твердость : чего не доставало Августу. Онъ шелъ на войну, и хотѣлъ удалить ее; смѣло воображалъ оную впереди, ужасаясь мысли обнажить мечъ немедленно.

Гораздо болѣе равнодушія, гораздо менѣе ревности оказывалъ другой заступникъ Ордена : старецъ Густавъ Ваза. Тщетно хотѣвъ противиться властолюбію Россіи соединенными силами Державъ Сѣверныхъ — видѣвъ, что Августъ и Магистръ не думали помогать ему въ войнѣ съ Іоанномъ, ограничиваясь единственно пустыми увѣреніями въ доброжелательствѣ — Густавъ писалъ къ Царю : « Не указываю тебѣ въ дѣлахъ твоихъ ; не требую, но только въ «угодность Императору Фердинанду молю тебя, «какъ великодушнаго сосѣда, даровать миръ Ливоніи, изъ жалости къ человѣчеству и для общей пользы Христіанства. Я самъ не могу хвалиться искреннимъ дружествомъ и честностію «Ливонцевъ : знаю ихъ по опыту ! Если хочешь, «то напущу къ нимъ , что они должны пасть «къ ногамъ твоимъ съ раскаяніемъ и смиреніемъ (549). Уймешь ли кровопролитіе , или «нѣтъ , во всякомъ случаѣ буду свято хранить «заключенный договоръ съ Россією и чтить высоко твою дружбу.» Іоаннъ благодарилъ Гу-

става за доброе расположеніе; изъяснялъ причину войны, и сказалъ : «если не имѣешь особеннаго желанія вступаться въ дѣла Ливоніи, то нѣтъ тебѣ нужды писать къ Магистру : я самъ найду способъ образумить его.»

Третьимъ ходатаемъ былъ Король Датскій, Фридерикъ II. Эстонія, какъ извѣстно, принадлежала нѣкогда его предкамъ (⁵⁵⁰). Тѣснимая Іоанномъ, и видя, что Орденъ не можетъ спасти ее, сія земля искала защиты отца Фридерикова, Христіана III : Ревель, вся Гаррія и Вирландія изъявили ему желаніе быть снова у него въ подданствѣ. Но Христіанъ, уже старый и близкій къ концу, отвѣчалъ равнодушно : «Мнѣ трудно править и своими землями : благоразумно ли искать еще новыхъ и за нихъ сражаться?» Однакожь далъ Эстоніи нѣсколько тысячъ гульденовъ, нѣсколько пушекъ, и назначилъ Посольство въ Москву; между тѣмъ умеръ (⁵⁵¹). Имѣя болѣе властолюбія и дѣятельности, сынъ его желалъ возвратить Даніи сію немаловажную область : писалъ къ Магистру, къ Епископу Ревельскому, къ Дворянству Эстонскому; обѣщалъ имъ не только ходатайство, но и войско въ случаѣ нужды; далъ Посламъ своимъ наставленіе и велѣлъ имъ спѣшить въ Москву. Уже болѣе сорока лѣтъ мы не имѣли никакого сношенія съ симъ Королевствомъ : Фридерикъ I и Христіанъ III считали безполезнымъ союзъ Россіи, столь уважаемый Христіаномъ II, другомъ Василія Іоанновича. Самыя торговля

связи прервалися между Копенгагеномъ и Новымъгородомъ. Увѣдомивъ Іоанна, какъ *добраго, любезнаго сосѣда* о своемъ восшествіи на престолъ, изъявивъ ревностное желаніе быть ему другомъ и возстановить торговлю съ нами, уничтоженную *слутными обстоятельствоми минувшихъ временъ*, Фридерикъ убѣдительно просилъ, чтобы онъ не тревожилъ Эстоніи, издревле области Датской, *только на время порученной Магистру*, и чтобы, благосклонно уваживъ безкорыстное его (Фридериково) хохотайство, даровалъ миръ и самому Ордену ⁽⁵⁵²⁾. Адашевъ именемъ Царя сказалъ Посламъ: «Мы со вниманіемъ слушали ваши рѣчи; читали грамоты писанныя Государями Россійскими къ Датскимъ и Датскими къ Россійскимъ; видѣли ихъ любовь взаимную; видѣли, что подданные обѣихъ Державъ свободно и выгодно торговали другъ съ другомъ. Если Король желаетъ возобновить сію счастливую дружбу, то и мы искренно расположены къ оной. Но удивляемся, что онъ находитъ Датскія владѣнія въ той землѣ, которая уже шесть сотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи. Великій Князь Георгій Владиміровичъ, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ тамъ церкви Греческія, обложилъ всю землю данію — и съ того

Іоаннъ
дастъ
пере-
миріе
Ливоніи.

«времени она не бывала достояніемъ иныхъ Го-
 «сударей. Знаю, что ея жители безъ вѣдома Рос-
 «сіи взяли-было къ себѣ двухъ Королевичей
 «Датскихъ; но предки мои казнили ихъ за сію
 «вину огнемъ и мечемъ, а Королевичей выслали;
 «казнили и вторично, свѣдавъ, что Ливонцы
 «тайно признали надъ собою миную власть
 «Римскаго Цесаря. Если Фридерикъ не знаетъ
 «сего, то мы велимъ явить вамъ древніе дого-
 «воры Ордена съ Намѣстниками Новгородскы-
 «ми: читайте и разумѣйте истину сказаннаго на-
 «ми! . . . Было время, когда мы, сиротствуя во
 «младенчествѣ, не могли защитить правъ сво-
 «ихъ: враги ликовали, тѣснили, губили Россію.
 «Тогда и Магистръ и Епископы Ливонскіе не
 «захотѣли платить намъ дани: брали ее съ зем-
 «ледѣльцевъ, съ городовъ, но для себя». . . Опи-
 «савъ вины ихъ, Государь продолжалъ: «И такъ
 «да не вступается Фридерикъ въ Эстонию. Его
 «земля Данія и Норвегія, а другихъ не вѣдаемъ.
 «Когда же хочетъ добра Ливоніи, да совѣтуется
 «ея Магистру и Епископамъ лично явиться въ
 «Москвѣ предъ нами: тогда, изъ особеннаго
 «уваженія къ Королю, дадимъ имъ миръ со-
 «гласный съ честію и пользою Россіи. Назна-
 «чаемъ срокъ: шесть мѣсяцевъ Ливонія можетъ
 «быть спокойна!» Посланъ вручилъ *опасную*
грамоту на имя Властителей Ливонскихъ, въ
 коей было сказано, что Царь *жалуетъ* переми-
 ріе Ордену отъ Мая до Ноября 1559 года, и
 чтобъ Магистръ или самъ ударилъ ему челомъ

въ Москвѣ, или, вмѣсто себя, прислалъ знатнѣйшихъ людей для вѣчнаго мирнаго постановленія ⁽⁵⁵³⁾. Сими отдохновеніемъ Ливонія обязана была въ самомъ дѣлѣ не ходатайству Короля Фридерика, но услугамъ другаго, не искавшаго ея благопріятеля: Хана Девлетъ-Гирея. Іоаннъ долженствовалъ унять Крымцевъ, и чтобы не раздѣлять силъ, далъ на время покой Ордену, въ удостовѣреніи, что Россія всегда можетъ управиться съ симъ слабымъ непріателемъ.

Князь Дмитрій Вишневецкій, въ 1558 году посланный воевать Тавриду ⁽⁵⁵⁴⁾, доходилъ до устья Днѣпра, не встрѣтивъ ни одного Татарина въ полѣ: Девлетъ-Гирей со всѣми Улусами сидѣлъ внутри полуострова, ожидая Россіянъ. Вишневецкій возвратился въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ мужественнаго Дьяка Ржевскаго съ Козаками. Между тѣмъ Ханъ, желая узнать, что дѣлается въ землѣ Казанской, посылалъ къ берегамъ Волги легкіе отряды, истребляемые Горными жителями и Козаками ⁽⁵⁵⁵⁾. Долго не смѣлъ онъ предпріять ничего важнаго, но услышавъ о войнѣ Ливонской, и повѣривъ ложной вѣсти, что всѣ наши силы заняты ею — что Россія беззащитна, и самъ Іоаннъ борется съ непріателемъ страшнымъ на отдаленныхъ берегахъ моря Балтійскаго ⁽⁵⁵⁶⁾ — Девлетъ-

Наше-
статіе
Крым-
цевъ.

Гирей ободрился, приманилъ къ себѣ многихъ Ногаевъ⁽⁵⁵⁷⁾, и собравъ, какъ пишутъ, до ста тысячъ всадниковъ, зимою (въ Декабрѣ 1558 года) велѣлъ сыну своему, Магметъ-Гирею, идти къ Рязани, Улану Магмету къ Тулѣ, Ногаямъ и Князьямъ Ширинскимъ къ Коширѣ. Сіе войско уже достигло рѣки Мечп⁽⁵⁵⁸⁾: тутъ плѣнники сказали Царевичу, что Іоаннъ въ Москвѣ, и что въ Ливоніи только малая часть нашей рати. Онъ изумлся; спросилъ: гдѣ смѣлый Князь Вишневецкій? гдѣ храбрый Иванъ Шереметевъ? и свѣдавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а послѣдній въ Рязани, и что Князь Михайло Воротынский стоитъ въ Тулѣ съ полками сильными, Магметъ-Гирей не дерзнулъ идти далѣе: гоимый однимъ страхомъ, бѣжалъ назадъ и помогъ не только лошадей, но и всадниковъ. Князь Воротынский шелъ за нимъ до Оскола по трунамъ и не могъ его настигнуть; а Донскіе Козаки, пользуясь отсутствіемъ Крымскаго войска, близъ Перекопи разбили Улусы Ногаевъ, ушедшихъ отъ своего Князя, Ислама, къ Девлетъ-Гирею, и взяли 15,000 коней.

Чтобы Ханъ не имѣлъ времени образумиться, Іоаннъ приказалъ Князю Вишневецкому съ пятью тысячами легкихъ воиновъ идти на Донъ, построить суда, плыть къ Азову и съ сей стороны тревожить на-

падешіями Тавриду (⁵⁵⁹). Тогда же извѣстный мужествомъ Окольниковъ Данило Адашевъ выступилъ изъ Москвы къ Днѣпру съ дружиною Дѣтей Боярскихъ, съ Козаками и Стрѣльцами для нанесенія чувствительнѣйшаго удара непріятелю, смотря по обстоятельствамъ. Успѣхи Вишневецкаго были маловажны : онъ истребилъ нѣсколько сотъ Крымцевъ, хотѣвшихъ снова обратиться къ Казани ; но юный, достойный братъ любимца Государева, Данило Адашевъ, искусствомъ и смѣлостію заслужилъ удивленіе современниковъ. Съ осмью тысячами воиновъ (⁵⁶⁰) онъ сѣлъ близъ Кременчуга на ладіи, имъ самимъ построеныя въ сихъ, тогда ненаселенныхъ мѣстахъ, спустился къ устью Днѣпра, взялъ два корабля на морѣ и присталъ къ Тавридѣ (⁵⁶¹). Сдѣлалась неописанная тревога во веѣхъ Улусахъ ; кричали : «Русскіе! Русскіе! и Царь съ ними!» уходили въ горы, прятались въ дебряхъ. Ханъ трепеталъ въ ужасѣ, звалъ воиновъ, видѣлъ только бѣглецовъ — и болѣе двухъ недѣль Адашевъ на свободѣ громилъ западную часть полуострова, жегъ Юрты, хваталъ стада и людей, освобождая Россійскихъ и Литовскихъ невольниковъ. Наполнивъ ладіи добычею, онъ съ торжествомъ возвратился къ Очакову. Въ числѣ плѣнниковъ, взятыхъ на корабляхъ и въ Улусахъ, находи-

Владиславъ
Рос-
сіанъ
изъ Тав-
риды.

лись Турки: Адашевъ послалъ ихъ къ Пашамъ Очаковскимъ, велѣвъ имъ сказать, что Царь воевалъ землю своего злодѣя, Девлетъ-Гирея, а не Султана, коему всегда хочетъ быть другомъ. Паша самъ выѣхалъ къ нему съ дарами, славя его мужество и добрую пріязнь Іоаннову къ Салиману. Между тѣмъ Ханъ опомнился: узналъ о малыхъ силахъ непріятеля, и гнался берегомъ за Адашевымъ, который медленно плылъ вверхъ Днѣпра, стрѣлялъ въ Татаръ, миновалъ пороги и сталъ у Монастырскаго острова, готовый къ битвѣ; но Девлетъ-Гирей, опасаясь новаго стыда, съ малодушною злобою обратился назадъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ подвигѣ младаго витязя, привезенная въ Москву Княземъ Федоромъ Хворостиннымъ, его сподвижникомъ, не только Государю, но и всему народу сдѣлала величайшее удовольствіе. Митрополитъ служилъ благодарственный молебенъ. Читали торжественно донесеніе Адашева; радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ вѣдра сего *темнаго Царства*, гдѣ дотолѣ *сабля Русская еще не обагралась кровію невірныхъ* ⁽⁵⁶²⁾; вспоминали, что тамъ цвѣло пѣкогда Христіанство и Св. Владиміръ узналъ Бога истиннаго; думали, что Іоанну останется пожелать, и Крестъ снова возсіяетъ на берегахъ Салгира. Уже Государь хотѣлъ перемѣнить нашу древнюю, робкую систему войны противъ сихъ неутомимыхъ разбойниковъ и дѣйствовать наступательно ⁽⁵⁶³⁾: пославъ золо-

тыя медали Адашеву и его товарищамъ , велѣлъ имъ быть къ себѣ для совѣта; но война Ливонская опять заняла силыѣе прежняго и спасла Тавриду. Іоаничъ оставилъ только Ногаймъ и Козакамъ тревожить Хапа ⁽⁵⁶³⁾, и писалъ къ нему въ отвѣтъ на его новыя мирныя предложенія : «Видишь, что война съ Россіею уже не есть «чистая прибыль. Мы узнали путь въ твою землю и степями и моремъ. Не говори безальницы «и докажи опытомъ свое искреннее миролюбіе : «тогда будемъ друзьями» ⁽⁵⁶⁵⁾. — Кромѣ Ногаевъ , послушныхъ Князю Псламу, вѣрному союзнику Россіи , и Донскихъ Козаковъ , Царь имѣлъ на Югѣ усердныхъ слугъ въ Князьяхъ Черкесскихъ : они требовали отъ насъ Полководца , чтобы восвать Тавриду, и Церковныхъ Пастырей, чтобы просвѣтитъ всю ихъ землю ученіемъ Евангельскимъ. То и другое желаніе было немедленно исполнено : Государь послалъ къ нимъ бодрого Вишневецкаго и многихъ Священниковъ, которые, въ дебряхъ и на скатахъ горъ Кавказскихъ основавъ церкви, обновилъ тамъ древнее Христіанство ⁽⁵⁶⁶⁾.

Давъ какъ бы изъ милости перемиріе Ордену, Государь не думалъ, чтобы Ливонцы нарушили оное : вывелъ большую часть войска изъ Эстоніи и ждалъ вѣстей отъ Магистра. Но Кетлеръ молчалъ; увѣренный, что надобно или побѣдить Россіянъ или принадлежать Россіянамъ, онъ рѣшился ѣхать не въ Москву, а въ Краковъ , чтобы склонить Августа къ дѣятельному, ревностно-

му участію въ сей войнѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, и даже съ опасностію для самой независимости Ордена : ибо Ливонцы въ крайности хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи, издревле имъ ненавистной. Еще достоинство Орденскаго Магистра не упало въ общемъ мнѣніи : юный Кетлеръ, одаренный пріятною наружностію, умомъ, краснорѣчіемъ, благородными душевными свойствами, предсталъ Августу въ смиренномъ величіи, окруженный многими знатными сановниками; сильно изобразилъ бѣдствіе Ливоніи, опасности самой Польши, страшные замыслы Іоанновы ⁽⁵⁰⁷⁾; доказывалъ необходимость войны для Короля и вѣроятность побѣды, не уменьшая многочисленности Россіянъ, но говоря съ презрѣніемъ о нашемъ искусствѣ ратномъ. Августъ желалъ знать мнѣніе Сейма : Вельможи Польскіе, тронутые краснорѣчіемъ Магистра, хотѣли немедленно обнажить мечъ; а Литовскіе, лучше зная силу Россіи, совѣтовали употребить прежде всѣ иные способы для защиты Ордена : убѣдительное ходатайство, настоятельныя требованія, угрозы, подкрѣпляемыя вооруженіемъ ⁽⁵⁰⁸⁾. Наконецъ подписали договоръ. Магистръ и Рижскій Архіепископъ отдали Королю въ залогъ крѣпости Маріенгаузенъ, Лубавъ, Ашератъ, Дюмнебургъ, Розитенъ, Луценъ,

Сомѣтъ
Ливоніи
съ Авгу-
стомъ.

съ условіемъ заплатить ему семь сотъ тысячъ гульденовъ по окончаніи войны ; а Король обязался стоять всѣми силами за Ливонію , возстановить цѣлость ея владѣній и братски раздѣлить съ Орденомъ будущія завоеванія въ Россіи (⁵⁶⁹).

Съ сею хартією Кетлеръ возвратился въ Ливонію какъ съ трофеемъ : ободрилъ чиновниковъ и гражданъ ; ручался за вѣрность Короля и за успѣхъ ; требовалъ только усердія и великодушія отъ истинныхъ сыновъ отечества. Надежда блеснула въ сердцахъ. Увѣрили себя въ могущество Литвы ; воспоминали славную для нее битву Дибировскую (⁵⁷⁰) ; искали между извѣстными Воеводами Августовыми новыхъ Константиновъ Острожскихъ. «Мы должны указать «имъ путь къ побѣдѣ,» говорилъ Кетлеръ : «кто «требуешь содѣйствія , долженъ дѣйствовать ; «первые обнаживъ мечъ , увлечемъ друзей за «собою въ поле.» Герцогъ Мекленбургскій, Христофъ , Кoadъюторъ Рижскаго Архіепископа, привелъ изъ Германіи новую дружину наемниковъ. Сеймъ Имперскій обѣщалъ Кетлеру сто тысячъ золотыхъ. Герцогъ Прусскій, Ревельскій Магистратъ и нѣкоторые усердные граждане ссудили его знатною суммою денегъ : такъ одинъ Рижскій лавошникъ далъ ему тридцать тысячъ марокъ подъ росписку (⁵⁷¹). Богатѣйшіе выходцы Дерптскіе хотѣли бѣжать въ Германію съ своимъ имѣніемъ : у нихъ взяли серебро и золото въ казну Орденскую. Симъ способомъ Магистръ удвоилъ число воиновъ, и зная, что Рос-

Ма-
гистръ
на ру-
шаетъ
перво-
миріе.

сіякъ мало въ Ливоніи, выступилъ изъ Вендена, за мѣсяць до назначеннаго въ перемирной грамотѣ срока, осенью, въ ужасную грязь; печально явился близъ Дерпта и на голову разбилъ неосторожнаго Воеводу Захарію Плещева, положивъ на мѣстѣ болѣе тысячи Россіянъ ⁽⁵⁷²⁾. Сіе нападеніе справедливо казалось Іоанну новымъ вѣроломствомъ: онъ поручилъ месть своимъ знаменитѣйшимъ Воеводамъ, Князьямъ Ивапу Метиславскому, Петру Шуйскому, Василю Серебряному, которые съ лучшими Дѣтьми Боярскими, Московскими и Новгородскими, сѣвши спасти завоеванную нами часть Ливоніи. Худыя дороги препятствовали скорому походу, и непріятель могъ бы имѣть важные успѣхи въ землѣ, гдѣ всѣ жители были на его сторонѣ, готовые свергнуть иго Россіянъ; но умъ и мужество двухъ нашихъ сановниковъ обратилъ въ ничто побѣду Магистрову.

Кетлеръ немедленно приступилъ къ Дерпту. Тамошній Воевода, Бояринъ Князь Андрей Кавтыревъ—Ростовскій, успѣлъ взять мѣры: заключилъ опасныхъ гражданъ въ ратушѣ ⁽⁵⁷³⁾; встрѣтилъ Нѣмцевъ сильною пальбою и сдѣлалъ удачную вылазку. Магистръ десять дней стоялъ въ верстѣ отъ города, стрѣляя изъ пушекъ безъ всякаго вреда для осажденныхъ. Морозы, вьюги,

худая пища произвели ропотъ въ его ста-
нѣ. Наемные Германскіе воины не любили
трудоу. Кетлеръ долженъ былъ рѣшиться
на долговременную, зимнюю осаду, или на
приступъ: то и другое казалось ему небла-
го разуміемъ. Крѣпкія стѣны охранялись
многими бойницами, спльною дружиною и
Воеводоу искуснымъ; граждане не могли
имѣть сношенія съ осаждающими и спо-
собствовать имъ въ успѣхѣ; а число Рос-
сіянъ въ полѣ ежедневно умножалось: они
заходили въ тылъ къ Иѣмцамъ, показывая
намѣреніе окружить ихъ ⁽⁵⁷⁴⁾. Припущден-
ный удалиться отъ Дерпта, Магистръ хо-
тѣлъ по крайней мѣрѣ взять Лансъ, гдѣ
находилось четыреста воиновъ съ неустра-
шимымъ Головою Стрѣльцкимъ, Ковика-
ровымъ. Иѣмцы поставили туры, разби-
ли стѣну и не могли вломиться въ крѣпость:
Россіяне пзумли ихъ своимъ отчаяннымъ
сопротивленіемъ, такъ что Кетлеръ, два-
дцать приступавъ съ жаромъ, ушелъ назадъ
къ Вендену какъ побѣжденный, и знат-
нымъ урономъ въ людяхъ, а еще болѣе
уныніемъ воиновъ надолго лишилъ себя
способа предпріять что-нибудь важное. Сія
удивительная защита Ланса есть одно изъ
самыхъ блестящихъ дѣяній восточной Исто-
ріи древнихъ и новыхъ временъ, если не
число дѣйствующихъ, а доблесть ихъ опре-
дѣляетъ цѣну подвиговъ. Князь Андрей

Слав-
ная за-
щита
Ланса.

г. 1560. Ростовскій прислалъ самого Кашкарова съ донесеніемъ о бѣгствѣ Пѣмцевъ. Государь изъявилъ живѣйшую благодарность тому и другому за спасеніе ввѣренныхъ имъ городовъ, нашей чести и славы ратной.

Вѣроятно, что Магистръ, съ такимъ усиленіемъ и спѣхомъ возобновивъ кровопролитіе, ждалъ отъ Августа, по уговору съ нимъ, какого нибудь движенія противъ Россіи: Король дѣйствительно готовилъ войско, но только готовилъ, и прислалъ въ Москву Секретаря своего, Володковича, съ грамотою, въ коей рѣшительно требовалъ, чтобы Іоаннъ вывелъ войско изъ Ливоніи и возвратилъ всѣ взятые имъ города: «иначе (писалъ онъ) я долженъ буду оружіемъ защитить мою собственность: ибо Магистръ торжественно назвалъ себя при-
«сяжникомъ Великаго Герцогства Литовскаго. Мнимыя права Россіи на Ливонію
«суть новый вымыселъ: ни отецъ, ни дѣдъ
«твой, ни ты самъ донынѣ не объявлялъ
«ихъ» (575). Володковичъ словесно убѣждалъ Бояръ Московскихъ способствовать миру, открывая имъ за тайну, что Польскіе Вельможи готовы свергнуть Короля, если онъ не вступится за Ливонію. Іоаннъ, велѣвъ показать ему договорную Магистрову грамоту о Дерптской дани, сказалъ: «вотъ наше право!» и, по совѣту Бояръ, отвѣчалъ Августу: «Не только Богу и

Угрозы
Августовымъ.

«всѣмъ Государямъ, но и самому народу
«извѣстно, кому принадлежитъ Ливонія.
«Она, съ вѣдома и согласія нашего, изби-
«рая себѣ Нѣмецкихъ Магистровъ и му-
«жей духовныхъ, всегда платила дань Рос-
«сін. Твои требованія смѣшны и непри-
«стойны. Знаю, что Магистръ ѣздилъ въ
«Литву и незаконно отдалъ тебѣ нѣкото-
«рыя крѣпости: если хочешь мира, то вы-
«веди оттуда всѣхъ своихъ начальниковъ,
«и не вступайся за измѣнниковъ, коихъ
«судьба должна зависѣть отъ нашего мило-
«сердія. Вспомни, что честь обязываетъ
«Государей и дѣлать и говорить правду.
«Искренно хотѣвъ быть въ союзѣ съ то-
«бою противъ невѣрныхъ, не отказываюсь
«и теперь заключить его. *Иду* отъ тебя
«Пословъ и благоразумнѣйшихъ предло-
«женій» (576). Іоаннъ *ждалъ* войны. Оста-
валось только знать, кому начать еѣ?

Тогда же пріѣхалъ въ Москву гонецъ
изъ Вѣны отъ Цесаря Фердинанда, кото-
рый, не имѣвъ дотолѣ сношенія съ Рос-
сією, писалъ къ Іоанну, что желаетъ его
дружбы и проситъ не воевать Ливоніи, Им-
перской области. Письмо было учтиво и
ласково; но Государь сухо отвѣтствовалъ
Фердинанду, что «если онъ, подобно Ма-
ксимиліану и Карлу V, дѣйствительно хо-
четъ дружества Россіи, то долженъ обьяс-
ниться съ нимъ чрезъ Пословъ, людей име-

Гонецъ
отъ Им-
ператора.
ра.

нитыхъ : пбо съ гопцами не разсуждаютъ о дѣлахъ важныхъ» (577) — и не сказалъ болѣе ни слова, хотя Императоръ, какъ законный покровитель Ордена, справедливѣе Литвы и Даніи могъ за него вступиться.

Новое
разоре-
ние Ливоніи.

Между тѣмъ Ливонія пылала. Россіяне въ слѣдъ за бѣгущимъ Кетлеромъ устремились изъ Дерпта съ огнемъ и мечемъ казнить вѣроломство; подступили къ Тарвасту, гдѣ находился старый Магистръ Фирстенбергъ, стоятали его въ сдѣланной пмѣ вылазкѣ, сожгли предместье и побили Нѣмцевъ у Феллина (578); а главные Воеводы Московскіе, Князья Мстиславскій, Шуйскій, Серебряный, разгромили всю землю отъ Псковскаго озера до Рижскаго Залива, въ уѣздахъ Венденскомъ, Вольмарскомъ, гдѣ еще многія мѣста оставались цѣлы до сего поваго и для бѣдныхъ жителей печальнаго владенія. Напрасно искавъ Магистра и битвы въ полѣ, Воеводы пришли къ *Алысту* или *Маріенбургу*. Сей городокъ былъ тогда однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Ливоніи; стоялъ на островѣ среди большаго озера и казался недоступнымъ въ лѣтнее время : зима положила къ нему путь, и Россіяне, подкативъ тяжелый снарядъ огнестрѣльный (коимъ управлялъ Бояринъ Михайло Морозовъ, славный Казанскою осадю) въ нѣсколько часовъ разбили до основанія стѣну. Нѣмцы благоразумно сдались; но Глава ихъ, Коммандоръ Зибургъ, умеръ за то въ Кирх-

Владіе
Маріен-
бургъ.

гольмской темницѣ: ибо Магистръ хотѣлъ, чтобы Орденскіе сановники защищали крѣпости подобно Укскилю и Кошкаррову (579). Воеводы, исправивъ стѣны, оставили въ Маріенбургѣ сильную дружину, возвратились во Псковъ, и получили отъ Государя золотыя медали. — Весною Россіяне опять ходили изъ Дерпта въ Эстонию; выманили Нѣмцевъ изъ Верпеля и засадою истребили всѣхъ до одного человѣка; а такъ называемые *сторонники* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ, и толпами гнали ихъ для продажи въ Россію (580).

Но Іоаннъ, предвидя неминуемую войну Литовскую, хотѣлъ какъ можно скорѣе управиться съ Орденомъ, и еще въ концѣ зимы послалъ новую рать къ Дерпту съ Княземъ Андреемъ Курбскимъ. Желая изъявить ему особенную довѣренность, онъ призвалъ его къ себѣ въ спальню; исчислилъ всѣ знаменитыя дѣла сего храбраго мужа, и сказалъ: «Мы должно или самому ѣхать въ Ливонию или вмѣсто себя послать Воеводу опытнаго, бодрого, смѣлаго съ благоразуміемъ: «избираю тебя, моего *любимаго!* Иди и побѣждай» (581)! Іоаннъ умѣлъ илѣнять своихъ ревностныхъ слугъ: Курбскій въ восторгѣ цѣловалъ руку Державнаго. Юный Государь обѣщалъ неизмѣнную милость, юный Бояринъ усердіе до конца жизни: оба не сдержали слова, къ несчастію своему и Россіи! . . . Помощникомъ Курбскаго былъ славный Данило Адашевъ. Они въ исходѣ Мая выступили изъ Дерпта къ *Бьлому*

Побѣды
Князя
Курб-
скаго.

Калиню или Виттепштейну; взяли крѣпкій замокъ Епископа Ревельскаго, Фегефесеръ (582); опустошили богатѣйшую область Коскильскую, гдѣ находилось множество прекрасныхъ усадебъ Рыцарскихъ, схватили отрядъ Нѣмецкій подъ самымъ Виттепштейномъ, и свѣдавъ отъ плѣнниковъ, что бывшій Магистръ Фирстенбергъ съ девятью полками, конными и пѣхотными, стоитъ въ осьми миляхъ отъ города, за вязкими болотами, рѣшились идти на него съ пятью тысячами легкихъ, отборныхъ воиновъ, пославъ въ Дерптъ обозы съ добычею. Цѣлый день Россіяне вязли въ болотахъ, и если бы Фирстенбергъ ударилъ въ сіе время, то съ меньшимъ челомъ истребилъ бы ихъ совершенно; но онъ ждалъ непріятеля на гладкомъ широкомъ полѣ, въ десяти верстахъ оттуда. Солнце садилось. Россіяне дали отдохнуть конямъ; шли тихо, въ лунную, самую яснѣйшую ночь, какая бываетъ лѣтомъ только въ мѣстахъ приморскихъ; увидѣли Нѣмцевъ готовыхъ къ бою, и сразились въ самую полночь. Около двухъ часовъ продолжалась снѣлая пальба; наши имѣли ту выгоду, что стояли лицомъ къ огнямъ непріятельскимъ и лучше могли цѣлить. Курбскій оставилъ назади запасное войско: оно приспѣло: Россіяне устремились впередъ, сломали, гнали Нѣмцевъ верстъ шесть, до глубокой рѣки, гдѣ мостъ обрушился подъ бѣгущими. Фирстенбергъ

спасся съ немногими: одни утонули, другіе пали отъ меча или сдалися. Курбскій на восходѣ солнца возвратился къ Магистрову стану; взялъ весь его обозъ, и привелъ въ Дерптъ сто семдесятъ чинповныхъ плѣнниковъ. — Сей Воевода въ два мѣсяца одержалъ еще шесть или семь побѣдъ: важнѣйшею была Феллипская. Фирстевбергъ охранялъ сію крѣпость: видя вѣсколько сотъ Татарскихъ всадниковъ передъ стѣнами, онъ выѣхалъ съ дружиною, попался въ засаду, и едва ускакалъ на борзомъ конѣ, оставивъ многихъ Рыцарей на мѣстѣ битвы (583).

Но въ то время, какъ сильная рука Иоаннова давила слабую Ливонію, Небо готовило ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

Тринадцать лѣтъ онъ наслаждался полнымъ счастіемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ вѣжной и добродѣтельной. Анастасія еще родила сына, Феодора, и дочь Евдокію (584); цвѣла юностію и здравіемъ: но въ Іюлѣ 1560 года занемогла тяжелою болѣзнію, умноженною испугомъ (585). Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ; тучи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывезъ большую Анастасію въ село Коломенское; самъ тушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоялъ противъ вѣтра, осыпавъ искрами, и своею пеустрашимостію возбудилъ такое рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ, что Дворяне и Бояре кидались въ пламя, ломали зданія, носили воду, лазили по кровлямъ.

Конецъ
на Ца-
рицы
Анаста-
сію.

Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и стоилъ битвы: многіе люди лишились жизни или остались изувѣченными (⁵⁸⁶). Царицѣ отъ страха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство Медиковъ не имѣло успѣха, и, къ отчаянію супруга, Анастасія 7 Августа, въ пятомъ часу дня, преставилась . . . . . Никогда общая горестъ не изображалась умилительнѣе и сильнѣе. Не Дворъ одианъ, а вся Москва погребала свою *первую*, любезнѣйшую Царицу. Когда несли тѣло въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни Духовенству, ни Вельможамъ, тѣнясь на улицахъ ко гробу. Всѣ плакали, и всѣхъ неутѣшнѣ бѣдныя, пицѣ, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную въ такихъ случаяхъ милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады въ сей день печали (⁵⁸⁷). Іоаннъ шелъ за гробомъ: братья, Князья Юрій, Владиміръ Андреевичъ и юный Царь Казанскій, Александръ, вели его подъ руки. Онъ стесалъ и рвался: одинъ Митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости Христіанина . . . . . Но еще не знали, что Анастасія унесла съ собою въ могилу!

Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруга, но и добродѣтели, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ VIII.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ІОАННЪ IV^ъ ВАСИЛЕВИЧЪ II.

Г. 1333—1338.

Стр.

Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна. Составъ Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинскій и Теленевъ. Присяга Іоанну. Заключение Князя Юрія Іоанновича. Общій страхъ. Цѣльна К. Симеона Бѣльскаго и Лятискаго. Заключение и смерть Мих. Глинскаго. Смерть Князя Юрія. Бѣство, умыселъ и заключение К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла виѣшнія. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. Посланники Турецкіи. Астрахань. Дѣла Ногайскія. Посольство къ Карлу V. Присяга Казавцевъ. Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ. Панаденіе Крымцевъ. Война съ Литвою. Иславъ господствуетъ въ Тавридѣ. Строеніе крѣпостей въ Литвѣ. Шабѣгъ Крымцевъ. Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ. Мятежъ Казани. Шигъ-Алей въ милости. Война съ Казанью. Побѣда надъ Литвою. Крѣпости на Литовской границѣ. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Ислама.

Угрозы Саипъ-Гирея. Строеііе Китая-города и
новыхъ крѣпостей. Перемена въ цѣнѣ монеты.
Общая нелюбовь къ Еленѣ. Кончина Прави-
тельницы . . . . .

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Г. 1538—1547.

Паденіе и смерть К. Телешева. Господство К. Ва-
силья Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣль-
скаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К.
Иванъ Бѣльскій снова заключенъ. Смерть К. Ва-
силья Шуйскаго. Господство его брата. Свер-
женіе Митрополита: избраніе Іоасафа. Харак-
теръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Го-
сударства. Набѣги вѣшнихъ непріятелей. По-
сольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ. Дого-
воръ съ Ганзою. Союзъ съ Астраханью. Посоль-
ства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйскаго.
Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его.
Прощеніе К. Владиміра Андреевича и его ма-
тери. Облегчаютъ судьбу К. Дмитрія Углиц-
каго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Впаде-
ніе Царя Казанскаго. Нашествіе Хана Крым-
скаго. Великодушіе народа и войска. Бѣгство
непріятеля. Смута Бояръ: паденіе К. Ивана
Бѣльскаго. Ссылка Митрополита. Новое господ-
ство К. Ивана Шуйскаго. Посвященіе Макарія.
Перемиріе съ Литвою. Набѣги Крымцевъ, Но-
гаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Астраханью,
съ Молдавіею. Перемена въ Правленіи. Наглость
Шуйскихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ
противъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Шуйскихъ.
Власть Глинскихъ. Жестокость Правленія. До-
брое согласіе съ Литвою. Рать на Казань. Шягъ-

Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ оттуда. Походъ къ устью Свіяги. Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа	48

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Г. 1546—1552.

Царское вѣнчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасія. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемѣна Двора и властей. Кротость Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣстничества. Стоглавъ. Уставныя грамоты. Избраіе Присяжныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтитъ Россію. Воинскія дѣянія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраіе мѣста для новой крѣпости. Впаденіе Погаевъ. Основаніе Свіяжска. Покореніе Горной Стороны. Ужасъ Казанцевъ. Мирныя условія съ ними Сююмбека. Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ. Нелѣпность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алеемъ. Царь оставляетъ Казань. Послѣдняя измѣна Казанцевъ .

91

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1552.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе старца, К. Булгакова. Строеіе новыхъ крѣ-

постей. Начало Донскихъ Козаковъ. Новый Ханъ въ Тавридѣ. Дѣла Астраханскія. Болѣзнь въ Свияжскѣ. Едигеръ Царь въ Казани. Посланіе Митрополита къ Свияжскому войску. Совѣтъ о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Приступъ къ Тулѣ. Бѣгство Хана. Наши трофеи. Ропотъ въ войскѣ. Походъ. Осада. Первая битва. Буря. Ставятъ туры. Сильная вылазка. Дѣйствіе бойницъ. Наѣздникъ Князь Япанча. Утомленіе войска. Раздѣленіе полковъ. Истребленіе Япанчина войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе тайника. Уныніе Казанцевъ. Дѣятельность Іоаннова. Взятіе острога и города Арскаго. Нападенія Луговой Черемисы. Минимы чародѣйства. Построеніе высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопролитное дѣло. Взорваніе тарасъ. Занятіе Арской башни. Последнее предложеніе Казанцамъ. Устроеніе войска для приступа. Взорваніе подкоповъ и приступъ. Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корыстолюбіе многихъ воиновъ. Великодушіе Іоанна и Бояръ. Доблесть К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе креста у воротъ Царскихъ. Выѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россійскихъ пѣшихъ войсковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ станѣ. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное вступленіе въ Казань. Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правительства. Совѣтъ Вельможъ. Возвратный путь Государя въ Москву. Рожденіе Царевича. Встрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Отвѣтъ Митрополитовъ. Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы . . . . .

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1552—1560.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Мятежи въ землѣ Казанской. Болѣзни Царя. Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Бѣгство Князя Ростовскаго. Ересь. Усмиреніе мятежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Покореніе Царства Астраханскаго. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дань Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посолъ въ Англію. Дѣла Крымскія. Письмо Солимапово. Впаденіе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Литвою. Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кирмень. Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю и беретъ Хортицу. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Морь въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Литвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замыселъ, приписываемый Іоанну. Состояніе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушіе Дерптскаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ. Кетлеръ беретъ Риигенъ. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. За Ливонію Хо-

дѣтайствуютъ Короли Польскій, Шведскій, Датскій. Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіянъ въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Магистръ нарушаетъ перемиріе. Славная защита Ланса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе Маріенбурга. Побѣды К. Курбскаго. Кончина Царицы Анастасіи . . 207

W $\frac{11}{66}$
7-8